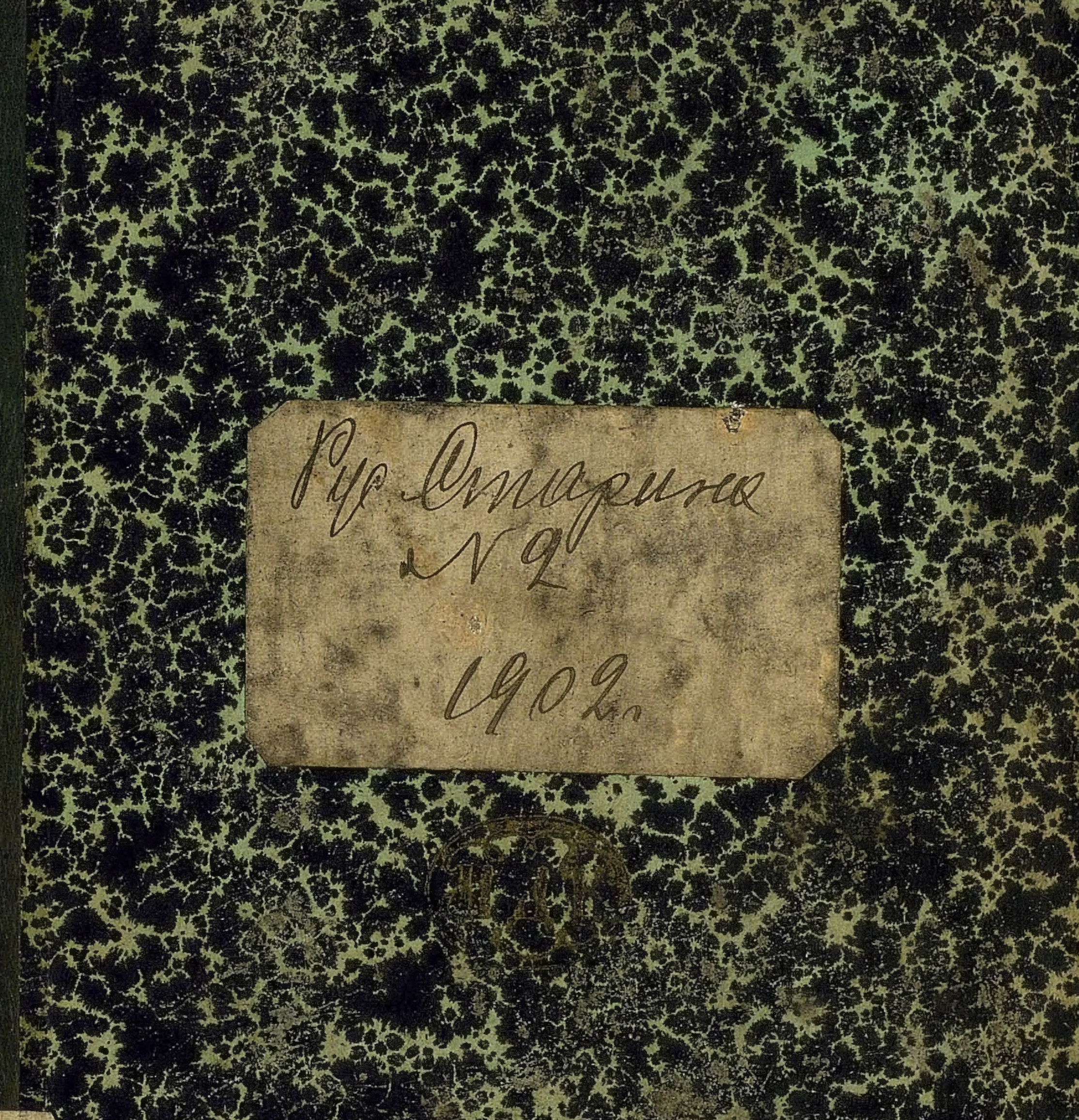
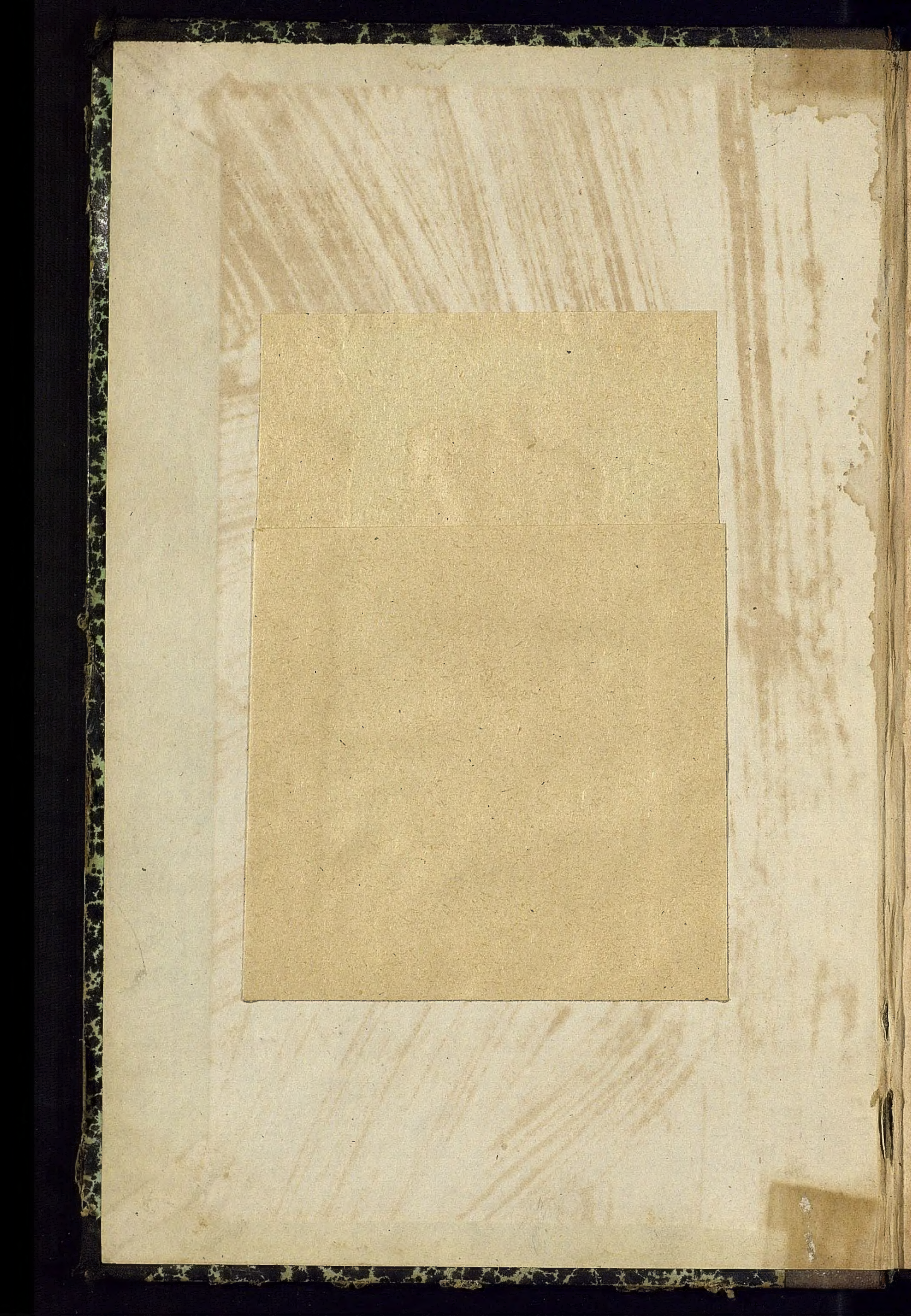
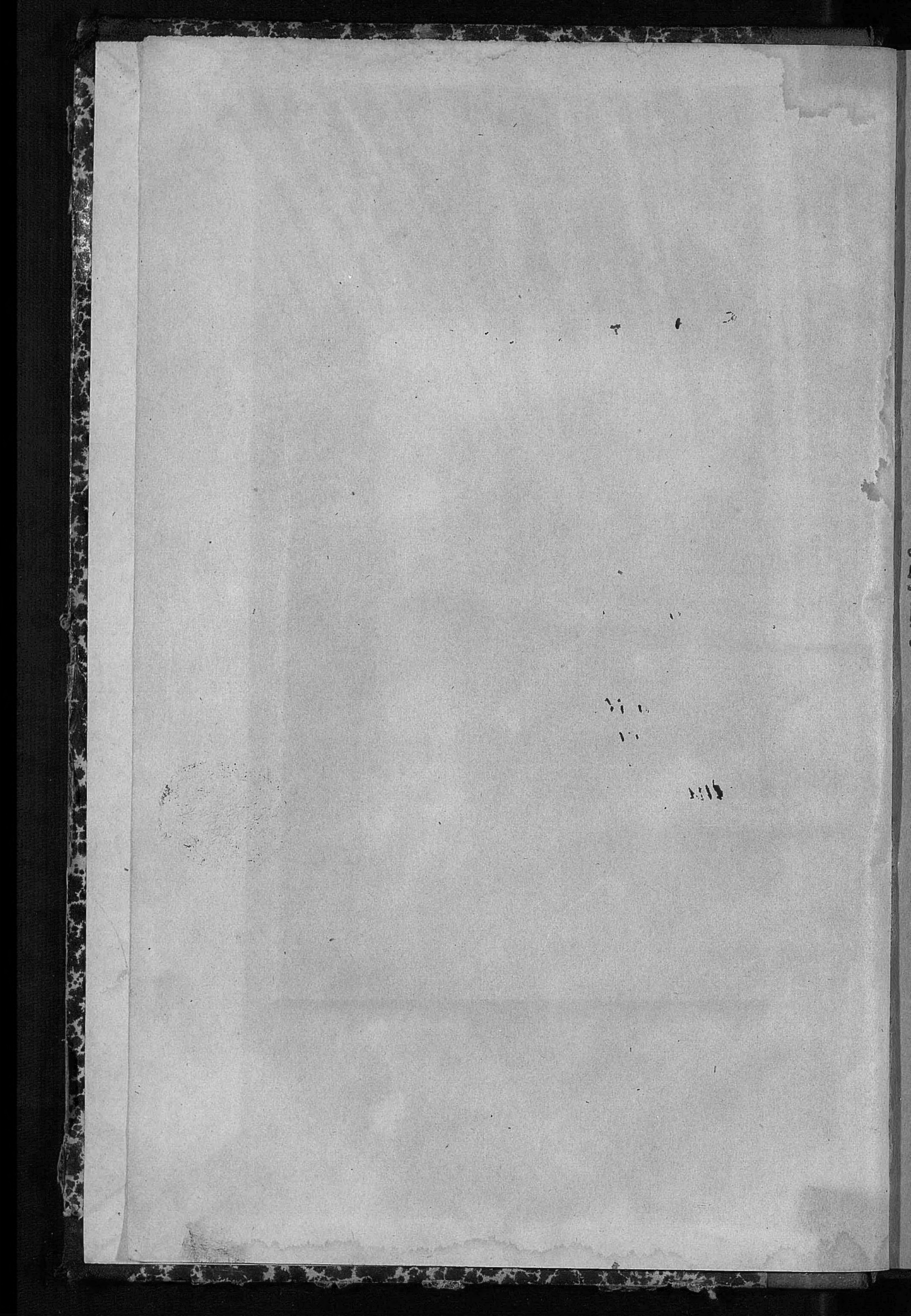

Рус. Опарина
№2
1902г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. ФЕВРАЛЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Николая Васильевича Гоголя. Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1902.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Спб. Изд. А. Ф. Маркса.

В. И. Шенрокъ, составившій себѣ извѣстность трудами, касающимися жизни Гоголя и его твореній, выпустилъ подъ своею редакціею разсматриваемые нами четыре тома писемъ нашего знаменитаго писателя.

Это изданіе, хотя и заключаетъ въ себѣ всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя, но все-таки не можетъ быть названо безусловно полнымъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя письма и понынѣ продолжаютъ оставаться подъ спудомъ; во всякомъ случаѣ собраніе г. Шенрока должно быть признано самымъ полнымъ изъ существующихъ.

Что касается самаго текста писемъ, то г. Шенрокъ отнесся къ своей работѣ съ обычной ему добросовѣстностью и не пожалѣлъ труда для провѣрки писемъ по подлинникамъ, хотя и выполнилъ это не безусловно отчасти потому, что подлинники нѣкоторыхъ писемъ утрачены, отчасти вслѣдствіе продолжительнаго закрытія Румянцовскаго музея и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ: такъ В. И. Шенрокъ выражаетъ въ своемъ предисловіи крайнее сожалѣніе по поводу того, что покойная княгиня А. В. Голицына, въ силу страннаго завѣщанія графини А. Е. Толстой, отказала ему въ провѣркѣ по подлинникамъ писемъ Гоголя къ Толстымъ [1]).

Порядокъ въ изданіи писемъ принятъ строго хронологическій, какъ единственный удовлетворяющій требованіямъ научныхъ изслѣдованій, для которыхъ и предназначается это собраніе. Извѣстно, что въ числѣ писемъ Гоголя встрѣчается значительное количество не имѣющихъ годовой, а иногда и вовсе какой бы то ни было даты; эта сторона работы потребовала упорныхъ усилій, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности въ отношеніи небольшихъ записокъ и короткихъ мало содержательныхъ писемъ, не имѣющихъ въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, г. Шенрокъ даетъ лишь приблизительное опредѣленіе времени, къ которому они должны быть отнесены. При разнорѣчіи текста писемъ, редакторомъ приведены варіанты.

Не давая описанія формата писемъ, указанія цвѣта бумаги и прочихъ мелочей, касающихся внѣшности писемъ, г. Шенрокъ отвергаетъ и якобы Гоголевское «правописаніе», котораго въ сущности и не было, и только въ нѣкоторыхъ, и то немногихъ мѣстахъ, отмѣчаетъ выдающіяся странности.

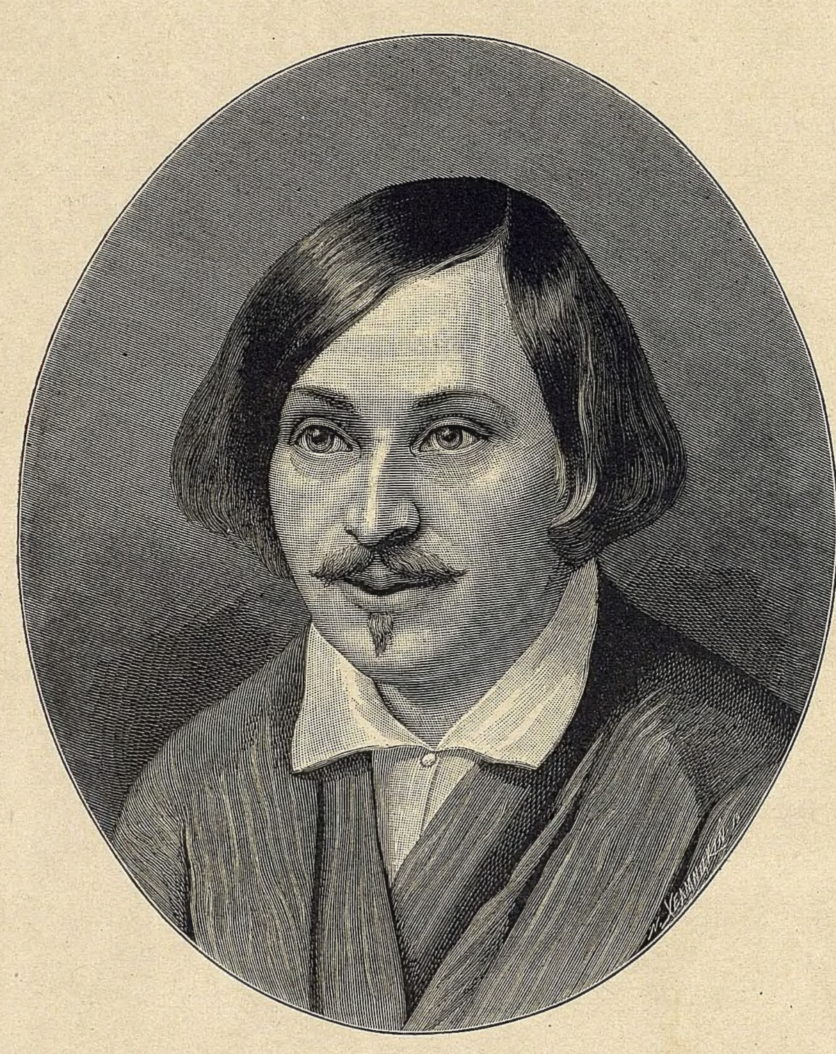
Первый томъ заключаетъ въ себѣ: I. Полтавскія и нѣжинскія письма. Дѣтскія письма Гоголя отъ 1820 г. до марта 1825 г. отличаются, какъ и естественно, крайней элементарностью содержанія: въ нихъ Гоголь проситъ у родителей денегъ, книгъ, полотна для театра; сообщаетъ о своихъ успѣхахъ въ рисованіи; освѣдомляется о томъ, когда родители пріѣдутъ навѣстить его. Послѣ смерти отца, весной 1825 г., характеръ и содержаніе писемъ совершенно измѣняются: замѣтно, что въ душѣ юноши произошелъ переломъ, и онъ начинаетъ быстро созрѣвать. II. Петербургскія письма 1829—36 годовъ. Извѣстно, что въ Петербургъ Гоголь ѣхалъ съ надеждами, въ которыхъ ему пришлось разочароваться. Неудовлетворенный въ самыхъ задушевныхъ и горячихъ мечтахъ, онъ вскорѣ увлекается новымъ юношескимъ порывомъ и, взявъ деньги, присланныя матерью въ Опекунскій совѣтъ, отправляется за границу; здѣсь снова повторяется въ душѣ Гоголя то же, что испыталъ онъ недавно въ Петербургѣ: также пришлось спуститься съ облаковъ на землю; въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа Гоголь интересуется иностранными обычаями, искусствомъ и просто будничнымъ теченіемъ жизни. Но приходится возвратиться въ Петербургъ, терпѣть снова гнетъ безпощадныхъ житейскихъ заботъ, принимать не особенно охотно оказываемую помощь со стороны дяди А. А. Трощинскаго. Наконецъ, должность получена, но самое незначительное жалованье не вознаграждаетъ за трудъ мертвящій и отнимающій много времени. Познакомившись съ Дельвигомъ и ставъ сотрудникомъ его «Литературной Газеты», Гоголь знакомится съ Жуковскимъ, Плетневымъ, Пушкинымъ и изъ душнаго департамента переносится въ свѣтлый міръ мысли и чувства, вступивъ въ дружеское общеніе съ первоклассными представителями литературы. Со вступленіемъ въ литературный кругъ, въ Н. В. совершается знаменательный переломъ, отражающійся въ письмахъ явнымъ подъемомъ духа. Въ письмахъ 1831 года чувствуется тонъ увѣренности въ себѣ,—тонъ человѣка опытнаго и по праву пользующагося разнообразными успѣхами. Не безъ гордости онъ сообщаетъ уѣхавшему на Кавказъ другу своему Данилевскому: «все лѣто прожилъ я въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я». «Вечера на хуторѣ» доставляютъ ему первое упоеніе большаго успѣха.

Хлопоты о занятіи каѳедры (вмѣстѣ съ Максимовичемъ) во вновь открытомъ Кіевскомъ университетѣ Св. Владиміра даютъ главное содержаніе письмамъ 1834 года. Потерявъ надежду на каѳедру въ Кіевѣ и устроившись въ Петербургскомъ университетѣ, Гоголь продолжаетъ нѣкоторое время переписываться съ Максимовичемъ, получившимъ каѳедру въ Кіевѣ, давая ему совѣты и прося протекціи для

[1]) Г-жа Голицына ссылалась въ своемъ отказѣ на то, что она была не совсѣмъ согласна и на первоначальное напечатаніе писемъ въ «Сборникѣ въ память Юрьева» и въ «Русской Старинѣ» и не желала повторить свою «ошибку» еще разъ.

Дозв. ценз. Спб., 9 января 1901 г. Тип. Тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч., д. 39.

Н. Гоголь

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XVII [1]).

Броженіе умовъ въ Западныхъ губерніяхъ.—Характеристика населенія Литвы: шляхта и ея значеніе.—Командированіе М. Л. Магницкаго въ Вильну.—Инструкція, ему данная.—Газета „Литовскій курьеръ".—Отношеніе Виленскаго университета къ печати и цензурѣ.—Состояніе общества.—Поклоненіе Наполеону и его отношенія къ полякамъ.—Предложеніе кн. Чарторыйскаго императору Александру I возстановить Польшу и объявить себя королемъ.—Участіе императора Александра въ созданіи герцогства Варшавскаго.—Записка Нѣмцевича.—Внутреннее устройство герцогства.—Дѣятельность Варшавскаго Общества любителей наукъ.

Дѣятельность князя Чарторыйскаго, Ѳ. Чацкаго, Колонтая и компаніи по воспитанію юношества и покровительство тому императора Александра давало полякамъ поводъ предполагать, что государь пойдетъ и далѣе по пути политическаго ихъ освобожденія.—Надо было воспользоваться этимъ, надо было помочь осуществленію этой великой идеи, и въ концѣ 1803 года въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, стало замѣчаться нѣкоторое броженіе. Въ Вильнѣ появились заграничные эмиссары, разныя подозрительныя личности, распространялись брошюры и листки, авторами которыхъ были поляки,

[1]) См. „Русскую Старину", январь 1902 г.

лованье. Въ прежнее время знатные помѣщики употребляли этихъ людей, для пріобрѣтенія большинства голосовъ на сеймахъ, а нерѣдко и для поддержанія какого-либо возмущенія или предпріятія противъ правительства. Мелкая шляхта всегда была орудіемъ вредныхъ покушеній, на что легко и охотно склонялась, будучи обольщаема деньгами и «видами предоставленными имъ дворянствомъ» [1]). Къ этому надо прибавить, что къ шляхтѣ присоединялись въ значительномъ числѣ разночинцы и крещенные евреи, получившіе шляхетство отъ польскихъ королей. «Наконецъ, бродяги и бѣглые стали безбоязненно принимать званіе шляхтичей и еще болѣе умножили число оныхъ».

Опредѣлить число шляхтичей въ польскихъ губерніяхъ было невозможно [2]); но если принять во вниманіе, что шляхтичи были арендаторами, экономами, слугами въ богатыхъ домахъ польскихъ магнатовъ; что ими были заселены цѣлыя деревни, что многія тысячи жили на земляхъ помѣщиковъ, которымъ платили оброкъ или чиншъ, то число ихъ было весьма значительно. Сословіе это имѣло большое вліяніе на политическое положеніе края. При всякомъ движеніи, клонящемся къ отдѣленію польскихъ провинцій отъ Россіи, шляхта была лучшимъ проводникомъ и становилась во главѣ противниковъ русскаго правительства. Къ содѣйствію ея обращались всѣ коноводы возмущенія и заграничные эмиссары.

Въ 1805 году до Петербурга дошли слухи, что французское правительство, въ намѣреніи возмутить наши польскія провинціи, избрало къ тому своими агентами графа Октавія Потоцкаго, графа Шуазёля-Гуфье и литовскаго помѣщика Володкевича, пріѣхавшаго подъ именемъ генерала Ганри, съ адъютантомъ его Ларошемъ.

Для повѣрки этихъ слуховъ и разслѣдованія дѣла былъ отправленъ по высочайшему повелѣнію въ Вильну коллежскій совѣтникъ М. Л. Магницкій. Ему поручено было арестовать Ганри и Лароша, забрать всѣ бумаги и отправить ихъ самихъ въ Петропавловскую крѣпость. Магницкому предписано было разузнать, дѣйствительно ли графы Потоцкій и Шуазёль-Гуфье состоятъ агентами Наполеона, и если это окажется справедливымъ, то ихъ также арестовать и отправить въ Петербургъ, для содержанія въ крѣпости.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ волынскаго губернатора Комбурлея 20-го февраля 1810 г. № 10.

[2]) Антонъ Марцинкевичъ въ своей запискѣ 16-го апрѣля 1807 года о шляхтѣ говоритъ, что въ одной Могилевской губерніи было 13.515 мужчинъ и 12.054 женщины. (Арх. минис. внутрен. дѣлъ департ. общихъ дѣлъ, дѣло № 95). Въ 1810 году въ Волынской губерніи считалось шляхты до 33 т. душъ.

«Прибывъ въ Вильну,—писалъ графъ Кочубей Магницкому[1]), вы остановитесь въ трактирѣ и по содержанію подорожной вашей вы о себѣ сказать можете, что вы отправляетесь за границу и именно къ арміи генерала Михельсона».

Устроившись такимъ образомъ, Магницкій долженъ былъ обратиться къ губернатору Рикману, передать ему письмо гр. Кочубея и просить содѣйствія въ исполненію порученнаго ему дѣла и получить отъ него свѣдѣнія «о расположеніи умовъ въ губерніи, ему ввѣренной».

При этомъ министръ внутреннихъ дѣлъ обращалъ вниманіе Магницкаго на то, что виленская полиція подозрѣвается въ неблагонадежности и въ случаѣ, если это окажется справедливымъ, то ему поручено было требовать отъ губернатора, чтобы люди подозрительные были удалены немедленно.

Еще до отъѣзда Магницкаго, было получено донесеніе Михельсона, что совѣтникъ Баумъ присланъ отъ австрійскаго правительства въ Вильну, для открытія слѣдовъ «вредныхъ замысловъ» агентовъ Наполеона. Поэтому Магницкому поручено было войти въ сношеніе съ Баумомъ и дѣйствовать съ нимъ заодно.

Прибывъ 12-го ноября въ Вильну, Магницкій не нашелъ тамъ указываемыхъ ему лицъ. О графѣ Октавіѣ Потоцкомъ губернаторъ совсѣмъ ничего не зналъ. Оказалось, что Потоцкій, Шуазёль и братъ его Рауль жили въ своихъ имѣніяхъ въ четырехъ миляхъ отъ Вильны, а Володкевичъ уѣхалъ въ свое имѣніе въ Минской губерніи. Сдѣлавъ распоряженія объ арестованіи Володкевича и доставленіи его въ Вильну со всѣми бумагами, Магницкій и губернаторъ Рикманъ поручили исправнику наблюдать за Шуазёлемъ и доставлять имъ ежедневно свѣдѣнія объ его поведеніи и образѣ жизни.

Въ ожиданіи результатовъ своихъ распоряженій, Магницкій обратилъ вниманіе на положеніе края и его жителей.

«Цензура, университету присвоенная,—доносилъ онъ [2]),—представляетъ, по моему мнѣнію, неудобство. Здѣсь печатается газета, на польскомъ языкѣ издаваемая и называемая «Литовскій курьеръ». Она выходитъ безъ вѣдома полиціи. И въ то время какъ здѣшній почтамтъ имѣетъ предписаніе удерживать газеты чужестранныя, огорчительными для народа извѣстіями наполненныя,—собственная наша газета «Литовскій курьеръ» провозглашаетъ побѣды французовъ, съ невѣроятнымъ увеличеніемъ исчисляетъ потери и бѣдствія нашихъ союзниковъ и однимъ словомъ не прямо, не открыто, но довольно ясно обѣщаетъ

---

[1]) Секретное предписаніе гр. Кочубея Магницкому, 4-го ноября 1805 г. Арх. департ. полиціи, 1-й экспедиціи дѣло № 6.

[2]) Секретное собственноручное донесеніе Магницкаго графу Кочубею, 14-го ноября 1805 г. Тамъ же.

здѣшнему краю скорое приближеніе французовъ. И отъ одного конца губерніи до другаго ничего не слышно, кромѣ сихъ извѣстій. На почтахъ, въ селеніяхъ, въ трактирахъ, вездѣ, гдѣ въ проѣздъ мой ни спрашивалъ я о новостяхъ, меня увѣряли, что Бонапарте находится уже за четыре почты отъ Вильны».

Каждый печаталъ все, что хотѣлъ: ябеды, статьи, направленныя противъ личности или правительства. Если губернаторъ замѣчалъ какую-нибудь вредную книгу, то, чтобы задержать ее, онъ долженъ былъ сноситься съ цензурнымъ комитетомъ и пока получалъ онъ него отвѣтъ, то тысячи экземпляровъ сочиненія успѣвали быть распроданными.

«Монастыри,—писалъ Магницкій,—всегда бывшіе въ Польшѣ гнѣздомъ заговоровъ,—имѣютъ свои типографіи и печатаютъ все съ дозволенія университетской цензуры. Между прочимъ, монастырь такъ называемый Піяристовъ, напечаталъ однажды, по отношенію секретаря дворянскаго собранія, переводъ новоизданнаго тогда положенія о земскихъ повинностяхъ. Губернаторъ принужденъ былъ запретить оный и послать отобрать напечатанные экземпляры; ибо если типографіи присвоятъ себѣ право обнародовать акты правительства, то могутъ, при случаѣ, издать и ложный, или какого-либо рода прокламацію.

«Основываясь на сихъ положительныхъ уваженіяхъ, утвердительно, кажется, заключить можно, что здѣшняя цензура должна быть подчинена губернатору. Не лишая университета правъ его, можно ему оставить всю ученую часть, поруча губернатору всѣ прочія книги и разнаго рода изданія, ибо иначе какимъ образомъ можетъ губернаторъ отвѣтствовать за вредныя разглашенія газетъ, за опасное распространеніе противу общественныхъ мнѣній и проч. Съ другой стороны цензура университета, обыкновенно составленная изъ нѣсколькихъ человѣкъ, совершенно удаленныхъ отъ общества, ни духа правительства, ни приличія не знающихъ, какимъ образомъ можетъ догадываться, въ какомъ смыслѣ хочетъ правительство направлять духъ народный; къ чему намѣрено оно готовить общее мнѣніе? Каждый губернаторъ, по ближайшимъ сношеніямъ его съ центральнымъ правительствомъ, по внушеніямъ, ему дѣлаемымъ отъ министерства, и вообще по обширнѣйшему кругу гражданскаго бытія его, конечно, просвѣщеннѣе всякаго профессора въ семъ отношеніи».

Стараясь собрать свѣдѣнія о краѣ, Магницкій велъ разсѣянную жизнь въ Вильнѣ, заводилъ знакомства и увѣрялъ всѣхъ, что, въ продолжительную бытность его во Франціи, онъ имѣлъ связи съ поляками, тамъ живущими, и пользовался ихъ довѣріемъ. Въ Вильнѣ же онъ поставилъ себѣ правиломъ «все слушать и ничего не говорить» [1]). Та-

[1]) Собственноручная секретная записка Магницкаго, отъ 29-го ноября 1805 г. Арх. департамента полиціи д. 1805 г. № 6.

кимъ путемъ онъ узналъ, что полиціи не было извѣстно кто живетъ въ городѣ, наполненномъ людьми безпаспортными, и что разбойники были пойманы съ паспортами военнаго губернатора. Въ такъ называемыхъ казино или клубахъ пили за здоровье Наполеона, разсказывали разныя непозволительныя мнѣнія о наслѣдіи русскаго престола, и большинство относилось недоброжелательно къ русскому правительству. Но все это, по замѣчанію одного лица, долго жившаго въ Вильнѣ, могло повести лишь къ частнымъ вспышкамъ, но не ко всеобщему возстанію.

«Въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ,—писало это лицо [1],—не можно ожидать всеобщаго возмущенія безъ сильнаго посторонняго пособія.

«Предшествовавшія послѣдней революціи обстоятельства за то ручаются. Гдѣ нѣтъ согласія между двумя семействами; гдѣ каждый хочетъ управлять, а не повиноваться; гдѣ собственность всегда приносилась на жертву исканіямъ и тщеславію, а не на оборону публичныхъ дѣлъ и общаго благосостоянія, тамъ не можетъ быть общей рѣшимости на предпріятіе важное и опасное.

«Трудно привести въ дѣйство заговоръ частный. Много приготовленій, долгое время, движеніе большихъ капиталовъ на сіе потребно.

«Сварливость, непостоянство и нескромность народнаго характера всякому тайному предпріятію вредить будутъ. Полякъ свободенъ и дерзокъ на словахъ, но робокъ въ дѣйствіи. Рѣчи вольныя, разговоры краснорѣчивые и его увлекающіе сильно дѣйствуютъ на его воображеніе и воспламеняютъ оное, но не на долго.

«Есть нѣкоторая часть націи довольная и благомыслящая, но она малочисленна. Правосудіемъ и порядкомъ можно ее умножить.

«Есть большая часть людей недовольныхъ и не благопріятствующихъ правительству.

«Трудно исчислить причины ихъ побужденій, но вѣроятнѣйшими полагать можно: нѣкоторую неопредѣлительность въ понятіи о благѣ общественномъ и старинную привязанность къ власти и своевольству.

«Они до нынѣ сѣтуютъ, что прошли тѣ времена, когда управлялись они сами собою; когда сильному можно было придти, разорить слабаго сосѣда и сжечь домъ его, сказавъ: пришелъ мнѣ позывъ. Праздность и политическая ничтожность внутренно ихъ уничтожаютъ.

«Имъ прегражденъ, по ихъ мнѣнію, путь къ славѣ и отличіямъ; ибо генераловичъ (т. е. сынъ генерала), воеводовичъ, полковниковичъ и пр. не хочетъ начать службы съ сержантскаго чина, остается въ своемъ кругу въ прежнемъ званіи и часто съ прискорбіемъ чувствуетъ ничто-

---

[1]) Выписка изъ замѣчаній одного наблюдателя духа и свойствъ польскаго народа. Тамъ же.

жность онаго, въ сравненіи съ россійскими чиновниками. Ничтожность стараются они облагородствовать богатствомъ и всѣ силы, всѣ способы направляютъ на пріобрѣтеніе онаго.

«Нельзя ручаться, чтобы не было частнаго возстанія. Праздная и развратная толпа молодыхъ людей, кои наводняютъ здѣшнія губерніи, легко увлекается палестринтами (адвокатами), коихъ во всей Польшѣ множество и которые всегда подстрекали недовольныхъ и воспламеняли умы.

«Мѣстное начальство видѣть, предупреждать и уничтожать предпріятія сіи можетъ. Но оно не имѣетъ достаточныхъ способовъ, надлежащихъ свѣдѣній и чрезмѣрно слабо».

Сообщая всѣ эти свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ, Магницкій долженъ былъ сознать, что цѣль командированія его въ Вильну не увѣнчалась успѣхомъ. Посланный арестовать Володкевича не нашелъ его въ имѣніи: онъ уѣхалъ во Францію и поступилъ въ армію Наполеона, а Шуазёль-Гуфье переѣхалъ на жительство въ Вильну, жилъ скромно и тихо. По наблюденіямъ самого Магницкаго, это былъ человѣкъ «весьма тихій, робкій, слабый, довольно, какъ кажется, благомыслящій, управляемый женою и совершенно ничтожный».

Въ общемъ Магницкій вывезъ изъ Вильны впечатлѣніе о всеобщемъ недовольствѣ. «При первомъ взглядѣ,—говоритъ онъ,—пріѣхавшій изъ Россіи въ Польшу поражается великимъ числомъ недовольныхъ». Злоупотребленія, вкравшіяся въ сію губернію, насилія и притѣсненія, отъ слабости управленія происходящія, и наконецъ нѣкоторая надежда на обѣщанія Франціи, поддерживаемая выѣзжающими оттуда поляками, и разные слухи изъ Галиціи и Прусской Польши, въ частыхъ перепискахъ къ нимъ доходящіе волновали поляковъ. Мысль о возстановленіи Польши укрѣпилась успѣхами французовъ. «Вся варшавская переписка наполнена сею надеждою и разными о томъ предположеніями».

Въ Вильнѣ проживало много лицъ, обращавшихъ на себя вниманіе правительства, какъ по прежнимъ своимъ поступкамъ, враждебнымъ Россіи, такъ и по вредному ихъ вліянію на дѣла губерніи [1]). Такія

---

[1]) Таковыми, по мнѣнію Магницкаго, были: префектъ стараго казино Томашевскій, извѣстный злодѣяніями своими, во время революціи, осквернявшій храмы и публично ратовавшій противъ таинствъ религіи. Хорунжій Варвецкій, избранный, по взятіи Костюшки, его преемникомъ; человѣкъ умный, имѣющій большую довѣренность въ народѣ и даже называемый польскимъ богомъ. Генералъ-маіоръ Каховскій, извѣстный дерзостью своею на счетъ всѣхъ дѣйствій правительства и его представителей; адвокатъ всѣхъ недовольныхъ. Уѣздный маршалъ Антоній Ляхницкій, засѣдавшій нѣкогда въ томъ революціонномъ комитетѣ, который приговорилъ къ смерти Коссаковскаго, подписавшій приговоръ и бывшій при его казни, но умѣвшій не только избѣгнуть

лица, дѣйствуя въ одномъ направленіи, обнаруживали свое недоброжелательство къ тогдашнему порядку вещей, при всякомъ случаѣ показывали пренебреженіе къ дѣйствіямъ правительства, осмѣивали его, распускали разные вредные слухи и тѣмъ угождали обществу. Они дѣлали это тѣмъ безнаказаннѣе, что русская власть не знала ничего, что происходило въ городѣ и краѣ. Прокламаціи и разнаго рода листки распространялись открыто и всегда были написаны въ пользу Наполеона, отъ котораго большинство поляковъ ожидало возстановленія своего отечества.

Еще до Аустерлицкаго сраженія, въ Варшавѣ явился тайный агентъ Наполеона, который старался подготовить населеніе въ пользу императора Франціи, заявленіемъ, что въ ближайшемъ будущемъ онъ имѣетъ намѣреніе возстановить Польшу.

Составивъ себѣ оплотъ противъ Австріи, въ лицѣ италіанскихъ королевствъ и республикъ, противъ Германіи—образованіемъ Рейнскаго союза, Наполеонъ думалъ сдѣлать изъ Польши то же самое относительно Россіи. Если, въ дѣйствительности, возстановленіе Польши въ ближайшемъ будущемъ было дѣломъ несбыточнымъ, или по крайней мѣрѣ очень труднымъ, то все-таки имѣть на своей сторонѣ поляковъ и пользоваться ихъ услугами было конечно выгодно.

Употребляя лесть и давая обѣщанія, питавшія желанія поляковъ, Наполеонъ пріобрѣлъ себѣ въ нихъ преданнѣйшихъ слугъ. Надежды поляковъ на Наполеона были искренни, и они толпами спѣшили въ ряды французской арміи, проливали кровь и грудью отстаивали интересы Франціи. Польскіе легіоны участвовали почти во всѣхъ побѣдахъ и завоеваніяхъ Наполеона и отличались своею храбростью.

Съ своей стороны императоръ Франціи поступалъ съ ними совершенно беззастѣнчиво: во время войны онъ пользовался услугами и храбростью поляковъ, а во время мира распоряжался польскими легіонами, какъ своею собственностію. Одну часть ихъ онъ подарилъ королевѣ Этрусской, другую послалъ неаполитанскому королю, а третью переправилъ на островъ Санъ-Доминго. Поляки слѣпо повиновались своему деспоту, не видѣли обмана и самаго грубаго неиспол-

---

наказанія, которому правительство наше подвергало всѣхъ его сообщниковъ, но и сохранить имѣніе, быть всегда дружнымъ со всѣми нашими здѣсь начальниками и сдѣлаться маршаломъ. Онъ чрезвычайно хитеръ, скрытенъ и опасенъ. Въ Польшѣ называютъ его польскимъ Сіесомъ. Соболевъ—человѣкъ публично обезчещенный, выкинутый изъ службы, съ повелѣніемъ никуда и никогда не опредѣлять, разграбившій цѣлую губернію въ бытность свою правителемъ канцеляріи при Кутузовѣ, купившій изъ ничего недавно деревню въ 40.000 червонныхъ; правая рука Бржостовскаго, писавшій всѣ его бумаги и безпрестанно тяжбы и ябеды заводящій.

нѣнія обѣщаній. Въ 1806 году, во время войны Наполеона съ Пруссіею, лишь только французскія войска подошли къ границамъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, какъ поляки поднялись противъ пруссаковъ: они прогоняли прусскихъ чиновниковъ, устраивали временное народное правительство, собирали ополченіе. Познань отправила въ Берлинъ депутацію къ Наполеону, которая привѣтствуя его, какъ освободителя Польши, просила его помощи и покровительства.

По мѣрѣ того какъ французскія войска подвигались въ глубь страны, народонаселеніе встрѣчало ихъ съ восторгомъ, но, несмотря на это, съ каждымъ движеніемъ впередъ Наполеонъ и его войска все болѣе и болѣе разочаровывались въ полякахъ и не находили того, чего ожидали.

«Берлинскіе жители,—говоритъ одинъ изъ участниковъ похода [1]),— устрашали насъ своими разсказами о Польшѣ. По словамъ ихъ, насъ ожидали лишенія, бѣдность и стужа въ странахъ мало образованныхъ, лишенныхъ всѣхъ удобствъ жизни, населенныхъ бѣднымъ народомъ и неопрятными жидами.

«Еще не доходя Познани, чувствуешь уже, что образованность постепенно уменьшается. Непроходимыя дороги, жалкія хижины, увязшія въ грязи; сухощавые поселяне съ дикими лицами, съ длинными усами, одѣтые въ овчинные шубы—вотъ все, что мы встрѣчали».

Позенъ (Познань), черезъ который проходили французы, состоялъ изъ полуразвалившихся лачугъ и мрачныхъ монастырей среднихъ вѣковъ, посреди коихъ, мѣстами, встрѣчались красивые домы, построенные подъ прусскимъ правленіемъ. Лежавшіе на пути города едва заслуживали названія городовъ. «Здѣсь вы видите однѣ хижины, покрытыя соломою, низкіе шалаши, какъ бы случайно соединенные посреди дикой пустыни».

Хотя, по прибытіи 15-го (27-го) ноября 1806 г. въ Познань Наполеонъ и проѣхалъ подъ сооруженными для него тріумфальными воротами, на которыхъ было написано: «освободителю Польши», но онъ не думалъ объ этомъ и вообще былъ не особенно доволенъ поляками. Онъ ожидалъ не того, что оказалась въ дѣйствительности. Онъ разсчитывалъ на открытое и полное возстаніе поляковъ, выписалъ къ себѣ Домбровскаго, какъ начальника всѣхъ его польскихъ войскъ, потребовалъ изъ Парижа Костюшку и, не ожидая его пріѣзда, приказалъ напечатать отъ его имени подложное воззваніе, приглашавшее поляковъ къ возстанію. «Мониторъ» и другіе французскіе журналы порицали и называли преступными дѣйствія трехъ державъ, раздѣлившихъ Польшу, столь необходимую, по ихъ словамъ, для благоденствія всей Европы, о которомъ такъ заботился императоръ Наполеонъ. Къ удивленію послѣд-

---

[1]) Польша въ 1806 и 1831 годахъ, „Русскій Инвалидъ“ 1831 г. №№ 272 и 273.

няго, Костюшко не согласился нарушить слова, даннаго императору Павлу I, не сражаться противъ Россіи, остался въ Парижѣ и объявилъ фальшивымъ воззваніе къ полякамъ, публикованное отъ его имени. «Костюшко сумасшедшій,—писалъ взбѣшенный Наполеонъ своему министру полиціи Фуше,—онъ вовсе не пользуется такимъ значеніемъ между поляками, какъ предполагаетъ».

Эта неудача заставила императора французовъ перемѣнить нѣсколько свое поведеніе: лаская поляковъ, онъ говорилъ депутаціи, что Франція никогда не соглашалась на раздѣлъ Польши, но что для ея возрожденія нужна кровь, кровь и еще кровь; что полякамъ необходимо имѣть 30 или 40 тысячъ своихъ войскъ [1]), и тогда онъ провозгласитъ ихъ независимость въ Варшавѣ.

Но и изъ этого центра польскаго патріотизма были получены не совсѣмъ успокоительныя извѣстія. Маршалъ Даву писалъ Бертье, что хотя общее настроеніе въ Варшавѣ и хорошо, но что лица вліятельныя стараются охладить восторгъ среднихъ классовъ; что ихъ пугаетъ неизвѣстность будущаго и что они не могутъ стать открыто на сторону Франціи, пока Польша не будетъ фактически возстановлена и обезпечена ея независимость. То же самое писалъ Мюратъ самому Наполеону. «Поляки, которые выражаютъ такую осторожность,—отвѣчалъ онъ Мюрату [2]),—и требуютъ обезпеченій для того, чтобы стать на нашу сторону,—эгоисты, которыхъ не воодушевляетъ любовь къ отечеству.

«Я хорошо знаю людей,—прибавлялъ Наполеонъ самонадѣянно и рѣзко. Мое величіе основано не на помощи нѣсколькихъ тысячъ поляковъ. Они должны бы были съ восторгомъ воспользоваться настоящими обстоятельствами, а не мнѣ дѣлать первый шагъ. Пусть они выкажутъ твердую рѣшимость сдѣлаться независимыми, пусть обяжутся поддерживать короля, котораго я имъ дамъ, и тогда я увижу, что надо будетъ дѣлать. Дайте имъ хорошо почувствовать, что я не пришелъ вымаливать престолъ для кого-либо изъ своихъ, у меня нѣтъ недостатка въ престолахъ для моихъ родственниковъ».

Желая образумить и подбодрить поляковъ, Наполеонъ перемѣнилъ тонъ и сталъ ихъ пугать. Бюллетень изъ арміи (№ 36) спрашивалъ: «будетъ ли возстановленъ польскій престолъ? Этотъ великій народъ возникнетъ ли къ новой жизни и независимости? Воскреснетъ ли изъ гроба? Только Богъ, въ рукахъ Котораго судьба вселенной, можетъ рѣшить эту великую политическую задачу». Пока она разрѣшится, Наполеону

---

[1]) Онъ, впрочемъ, не объяснилъ того, какимъ путемъ поляки, бывшіе подъ властью трехъ державъ, могли сформировать такую сильную армію и вооружить ее.

[2]) Вопросъ польскій. А. Н. Поповъ „Русская Старина“ 1893 г. № 3, стр. 678.

все-таки было выгодно и необходимо ласкать поляковъ, чтобы они не перешли на сторону Россіи, и потому въ томъ же бюллетенѣ прибавлялось, что съ возстановленіемъ Польши никогда не было бы событія болѣе достопамятнаго, болѣе достойнаго вниманія. Когда въ бытность императора Франціи въ Познани явилась къ нему депутація изъ Галиціи, то онъ принялъ ее сначала очень сухо, а потомъ такъ польстилъ, что прибывшіе остались въ восторгѣ. Сначала онъ выразилъ удивленіе, что депутаты прибыли къ нему тогда, когда съ Австріею онъ въ мирѣ и добромъ согласіи. Но потомъ среди разговора онъ спросилъ ихъ предводителя дворянства:

— А сколько у васъ на лошадяхъ? Будетъ ли у васъ пѣхота? Запаслись ли вы оружіемъ?

— Государь! у насъ есть руки!—восторженно воскликнулъ спрошенный.

Этотъ отвѣтъ понравился Наполеону, но не увлекъ его. Относясь вообще недовѣрчиво къ польскому энтузіазму и патріотизму, Наполеонъ считалъ все-таки не лишнимъ подогрѣвать то и другое.

— Вижу,—сказалъ онъ депутатамъ,—что не такъ легко погубить цѣлый народъ. Столь постоянная любовь къ отечеству меня приводитъ въ изумленіе. То, что я дѣлаю, дѣлается на половину для васъ, на половину для меня. Но, не будь вашего одушевленія, я не подумалъ бы о васъ. Нужно драться; нужно, чтобы каждый дворянинъ сѣлъ на коня. Отечество ваше требуетъ сабли и крови. Вамъ надо завоевать вновь независимость. Эта война благородная и святая. Погибшій съ оружіемъ въ рукахъ пойдетъ прямо въ рай... Впрочемъ, духовенство ваше станетъ проповѣдывать то же самое. Можетъ быть, ваши несчастія обратятся вамъ во благо. У васъ никогда не было хорошаго правительства. Теперь вы устроитесь мудро и прочно. Это будетъ настоящее воскресеніе мертвыхъ [1]).

Эти слова вызвали всеобщій восторгъ и распространились среди всего польскаго населенія. Закинувъ удочку и среди галиційскихъ поляковъ, Наполеонъ 6-го (18-го) декабря 1806 г. прибылъ въ Варшаву, которая не очаровала его ни своимъ поведеніемъ, ни внѣшностью.

Варшава въ то время представляла смѣсь великолѣпныхъ чертоговъ съ хижинами; площади были немощеныя, предмѣстья тонули въ грязи. Улицы кривыя и узкія, домы, почернѣвшіе отъ времени, съ низкими воротами и толстыми желѣзными рѣшетками въ окнахъ, не могли понравиться жителю Парижа. Не было ни красивыхъ широкихъ улицъ, ни шоссе, ни загородныхъ дачъ, напоминающихъ о близости большаго го-

---

[1]) Изъ воспоминаній барона Баранта «Русскій Арх.» 1890 г. № 10 стр. 223.

рода. Населеніе столицы Польши было также весьма разнообразно. Когда французы вступили въ Варшаву, то дворянство надѣло національный костюмъ и устраивало всевозможныя оваціи императору. Портретъ Наполеона, передъ которымъ преклонялось польское дворянство, какъ передъ идоломъ, красовался на всѣхъ транспарантахъ и иллюминаціяхъ; въ кантатахъ его называли божествомъ (bòstwo polakow) и были вполнѣ увѣрены, что наступилъ часъ возстановленія Польши. Въ этой увѣренности, поляки съ полнымъ радушіемъ доставляли французской арміи обильное продовольствіе и ухаживали за Наполеономъ, не смотря на то, что въ его прокламаціяхъ, которыя отъ его имени составлялъ польскій литераторъ Выбицкій, поляки не находили ничего опредѣленнаго на счетъ судьбы своего отечества. Необходимо замѣтить, что всѣ оваціи исходили исключительно отъ дворянства; шляхтичи же, пользуясь случаемъ, только весело потягивали водку и пили подогрѣтое пиво, а простой народъ оставался безучастнымъ зрителемъ того, что происходило вокругъ его. «Подъ властію дворянъ,—говоритъ участникъ похода [1],—состоитъ, изнуренный жидами, народъ, коего бѣдность и невѣжество превосходятъ всякое понятіе».

Наполеонъ пробылъ въ Варшавѣ всего пять дней, принялъ знаменитостей «одряхлѣвшей Польши» не какъ собраніе политическихъ дѣятелей, а какъ польскихъ пановъ, пришедшихъ поклониться величію давно уже не виданнаго ими двора [2]).

Ни вопросовъ со стороны пришедшихъ, ни отвѣтовъ со стороны ихъ принявшаго, ни просьбъ со стороны поляковъ, ни обнадеживаній со стороны Наполеона не было, и депутаты приходили для того, чтобы только поклониться «великому и непобѣдимому Наполеону».

Единственнымъ послѣдствіемъ пребыванія послѣдняго въ Варшавѣ былъ призывъ поляковъ къ оружію и народному ополченію. Въ изданномъ по этому поводу воззваніи было сказано, чтобы владѣльцы населенныхъ имѣній явились въ армію, каждый въ сопровожденіи вооруженнаго слуги; престарѣлые должны были выслать кого-либо изъ своихъ родственниковъ; вдовы-помѣщицы—нанять и снарядить одного годнаго для военной службы. Шляхта должна была вооружить по одному человѣку съ десяти сельскихъ домовъ, города—доставить солдатъ къ арміи, снабдивъ ихъ жизненными припасами.

Такимъ образомъ Варшавскій округъ выставилъ 5.000 человѣкъ и 1.200 лошадей. Въ самой Варшавѣ вербовщики ходили съ музыкой

---

[1]) Польша въ 1806 и 1831 гг. „Русскій Инвалидъ“ 1831 г. № 272 и 273.

[2]) Нилъ Поповъ „Варшавское герцогство“. „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г., № 1 стр. 13.

по улицамъ, приглашая охотниковъ поступить въ солдаты, и такимъ путемъ набрали до 600 человѣкъ. Они шли въ армію Наполеона съ энтузіазмомъ, съ музыкою, пѣніемъ и вѣрили, что французскій императоръ дастъ имъ самобытность.

«Да какъ было и не вѣрить этому,—говоритъ Нѣмцевичъ[1]),—когда поляки были поддерживаемы прокламаціями, рапортами министра Талейрана Наполеону, посланіями сего послѣдняго къ блюстительному Сенату и новыми картами Европы, на которыхъ было обозначено царство Польское, какъ самостоятельное государство. Являлся только вопросъ, кто будетъ управлять имъ».

Пользуясь происходившими военными дѣйствіями Франціи съ Пруссіею, Варшавское общество любителей наукъ самовольно отложилось отъ подданства королю прусскому и отправило депутацію къ Мюрату, съ просьбой принять Общество подъ покровительство счастливаго и великаго завоевателя. Такой поступокъ показывалъ ясно стремленіе Общества служить видамъ Наполеона и польскимъ патріотамъ. Служеніе это выразилось политическими трудами Общества, поднимавшими народный духъ и патріотическое чувство поляковъ. Въ Варшавѣ появилась рукопись: «Статистическія свѣдѣнія о Польшѣ, нужныя какъ для тѣхъ, которые захотятъ освобождать Польшу, такъ и для тѣхъ, которые будутъ управлять ею». Этотъ послѣдній вопросъ ожидалъ своего рѣшенія, а между тѣмъ Наполеонъ одержалъ побѣду надъ русскими войсками подъ Фридландомъ и въ рукахъ его были всѣ земли, населенныя поляками, находившимися во власти Пруссіи. Надежды поляковъ на самобытность значительно усилились, и волненія охватили наши Западныя губерніи. Императоръ Александръ поручилъ митрополиту римскихъ церквей въ Россіи Станиславу Сестренцевичу обратиться къ своимъ единовѣрцамъ съ воззваніемъ и успокоить ихъ.

«Поляки! — писалъ онъ. Въ то время, когда вы вкушаете сладость мира при безопасномъ огнищѣ, пользуясь свободно въ служеніи Богу по правиламъ святой нашей вѣры, и даже свободнѣе, нежели въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она именуется господствующею, васъ пробуждаетъ шумъ брани, вы смущаетесь и ищете вокругъ себя оружія. Будьте спокойны! Это свои ратники, стерегущіе главы ваши, и шествующіе для охраненія границъ. Положитесь на прозорливое попеченіе и защиту всепресвѣтлѣйшаго монарха Александра. Уповайте на права и могущество его! Воздадите «кесарева кесареви» (Мат. 22, 21). Оружіе въ рукахъ не умѣющаго имъ владѣть не защи-

---

[1]) Записка Нѣмцевича 14-го іюля 1807 г. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. д. № 240.

титъ его, а исторгнутое изъ рукъ гражданина, не воина по предназначенію, послужитъ противъ него же самого на отомщеніе и смерть его. «Всѣ поднявшіе мечъ мечемъ погибнутъ» (Мат. 26, 52). Вы присягнули нашему государю на вѣрность и повиновеніе. Если данное слово, или письменное обязательство считается въ цѣломъ свѣтѣ залогомъ точнаго исполненія, то во сколько кратъ важнѣе принятыя нами на себя обязанности, во свидѣтельство ненарушимости коихъ мы призываемъ имя Божіе? Вѣроломство было бы омерзительнымъ святотатствомъ передъ Богомъ и людьми. Нарушитель такой присяги солгалъ бы не человѣку, но Богу (Дѣян. Апост. 54).

«Ваши пастыри и духовные учители объясняютъ вамъ безпрерывно эту истину и своимъ примѣромъ вѣрности (?) и преданности (?) стараются побудить васъ къ кротости и повиновенію государю и законамъ. Монархъ надѣется на васъ, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ вы постараетесь въ особенности показать любовь и усердіе къ общественному благу, что, не внимая неосновательнымъ навѣтамъ, безбоязненно и мужественно будете шествовать по тому пути, на которомъ до сихъ поръ, подъ сѣнію закона и кроткаго правленія, вы находили покой, неприкосновенность собственности и были участниками благословеннаго счастія Россійскаго государства. Будемъ же служить нашему монарху съ благодарностью, нелицемѣрно и благодаря Бога за всякое благо, ниспосланное намъ черезъ его помазанника. Будемъ молиться за него! «Да будутъ дни его яко дни небесные на землѣ, да поживемъ подъ сѣнію его и послужимъ ему многіе дни, и обрящемъ милость въ очахъ его» [1]).

Воззваніе это, обнародованное въ Вильнѣ 1-го января 1807 года, не оказало желаемаго дѣйствія. Литовское дворянство стало укрывать запасы хлѣба, чтобы сберечь его для ожидаемаго прихода французовъ, и русскія войска терпѣли недостатокъ въ продовольствіи. Въ одной Вильнѣ было закуплено и скрыто въ монастыряхъ до 80 т. четвертей. Въ іюлѣ 1807 года въ Вильнѣ были разсѣяны на польскомъ языкѣ пункты перемирія, будто-бы заключеннаго между Россіею и Франціею, по которымъ граница Россіи отодвигалась за Двину и Днѣпръ, а вслѣдъ затѣмъ былъ распущенъ слухъ, что въ Вильну прибыли два французскихъ генерала съ коммиссарами, для принятія въ свое вѣдомство виленскаго арсенала и коммиссаріата [2]).

Послѣ неудачи нашей подъ Фридландомъ литовско-польскіе патріоты стали открыто выражать нерасположеніе къ Россіи и можетъ быть рѣ-

---

[1]) Историческія замѣтки Павла Кукольника. — „Вѣстникъ Западной Россіи“ 1864 г. № 6 стр. 91 и 92.

[2]) Арх. Государствен. Совѣта, дѣла Комитета 1807 г. дѣло № 57.

шились бы на какое-либо открытое движеніе въ пользу Наполеона, если бы не прослышали о скоромъ заключеніи мира. Двое изъ литовскихъ помѣщиковъ, а именно: Платеръ и Сераковскій отправились въ Тильзитъ, чтобы слѣдить за ходомъ переговоровъ. Они узнали тамъ, что по заключенному мирному трактату только часть польскихъ земель отошла отъ Пруссіи [1]) и получила названіе «Герцогства Варшавскаго», отданнаго во владѣніе королю Саксонскому.

Среди такого хода политическихъ событій князь Чарторыйскій, 5-го декабря 1806 года, писалъ императору Александру:

«Польша, при настоящихъ обстоятельствахъ, главнѣйшимъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе двухъ имперій, но совершенно съ различныхъ точекъ зрѣнія. Французы увѣрены въ сочувствіи къ нимъ Польши, она составляетъ для нихъ цѣль, которая возбуждаетъ ихъ мужество, поддерживаетъ упорное стремленіе къ ея достиженію. Въ Польшѣ Бонапартъ найдетъ точку опоры, чтобы побѣдить Россію и проникнуть до самыхъ ея границъ. Удаляясь болѣе и болѣе отъ средоточія своихъ дѣйствій, онъ долженъ бы ослаблять себя; но Польша доставитъ его прозорливому генію, его неутомимой дѣятельности такія же средства, какъ и Франція: народонаселеніе, которое легко возмутить и которое привычно къ оружію, храбрыхъ и опытныхъ офицеровъ, деньги, продовольствіе, любовь къ своей родинѣ, ея чести и свободѣ. Эти чувства способны довести до величайшаго возбужденія, которое, проистекая изъ чистаго источника, не можетъ быть иначе побѣждено, какъ только тою же нравственною силою.

«Для Россіи, напротивъ, поляки составляютъ предметъ безпокойства и постоянныхъ подозрѣній, это—оружіе, которымъ Бонапартъ издали, но постоянно угрожалъ державамъ, раздѣлившимъ между собою владѣнія Польши. Теперь, когда наступило время употребить въ дѣло это оружіе, онъ съ безпокойствомъ относится къ своимъ подданнымъ полякамъ. Напрасно Польша представляетъ всѣ способы для успѣшной войны въ защиту русскаго престола, русское правительство опасается ими воспользоваться; чтобы не возбудить неудовольствія въ народонаселеніи, оно боится употребить въ дѣло своихъ подданныхъ, чтобы они не обратились противъ него, и эта страна обречена ожидать вторженія въ нее французовъ, чтобы Бонапартъ воспользовался ея средствами.

«При настоящемъ положеніи дѣлъ, Польша настолько уменьшаетъ могущество Россіи, ея физическія и нравственныя силы, насколько увеличиваетъ могущество и силы Франціи.

---

[1]) Другая менѣе значительная часть, подъ названіемъ Бѣлостокской области, была присоединена къ Россіи, „для поставленія между нею и герцогствомъ Варшавскимъ сколько возможно естественныхъ границъ".

«Если благоразумная политика предписываетъ увеличивать свои собственныя средства и уменьшать средства врага, то, безъ сомнѣнія, необходимо измѣнить такое положеніе дѣлъ и установить совершенно противоположныя отношенія Польши какъ къ Франціи, такъ и къ Россіи. Для того, чтобы этого достигнуть, представляется только одно средство: торжественно объявить возстановленіе Польши и себя ея королемъ, на вѣчно со всѣми своими преемниками.

«Послѣдствія этого поступка, столь же великодушнаго, сколько и мудраго политически, были бы неисчислимы. Онъ возбудитъ всеобщій восторгъ въ сердцахъ всѣхъ поляковъ, которые только того и желаютъ,—благодарность и любовь за исполненіе ихъ желаній соединить вокругъ престола всѣ ихъ чувства и всѣ ихъ силы. Вмѣсто того, чтобы предоставлять наши области дѣйствію происковъ и соблазна Наполеона, мы увидимъ прусскія, возставшія за насъ спасительной преградой для врага, лишь только будетъ провозглашено возстановленіе Польши. Вмѣсто того, чтобы подозрительно наблюдать за нашими областями и не пользоваться ихъ средствами, оказалось бы, что сами онѣ, съ ревностью вновь призваннаго къ жизни народа, возстали бы въ защиту своего прочнаго и законнаго существованія, противъ самозванца, который льститъ имъ временными и опасными обѣщаніями. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы соприкасаться непосредственно къ огромной Французской имперіи границами безконечныхъ протяженій, Россія, соединивъ съ собою Польшу, устроила бы передовую цѣпь, за которою она оставалась бы спокойною со всѣми своими силами,—цѣпь способную противостоять всякому нападенію извнѣ, а въ то же время эта цѣпь могла бы послужить началомъ для Россіи тѣхъ связей, которыя впослѣдствіи соединяли бы вокругъ нея всѣ отрасли старой славянской семьи. Тогда, какъ всякое подозрѣніе со стороны Россіи, что въ случаѣ войны она не можетъ надѣяться на преданность части своихъ подданныхъ, такъ и всякій разсчетъ на это обстоятельство со стороны непріятеля устранились бы окончательно. Какое важное пріобрѣтеніе для внутренняго блага, спокойствія и силы Имперіи!

«Можетъ быть, скажутъ, что это повлечетъ отдѣленіе отъ Имперіи нѣсколькихъ губерній; но это отдѣленіе будетъ только кажущееся. Корона польская будетъ безусловно соединена съ русскимъ престоломъ. Имперія вмѣсто того, чтобы потерять, пріобрѣтетъ еще всѣ другія части Польши... Но скажутъ, для того, чтобы съ успѣхомъ привести въ исполненіе эту мѣру, возбудить восторгъ въ полякахъ, необходимо будетъ дать имъ правительство, соотвѣтствующее ихъ желаніямъ и прежнимъ ихъ законамъ. Безъ сомнѣнія; въ противномъ случаѣ, это была бы полумѣра, она вовсе не доставила бы тѣхъ выгодъ, которыхъ слѣдуетъ ожи-

дать. Необходимо, чтобы благодѣянія императора превосходили обѣщанія и соблазны Бонапарта. Но эти самыя благодѣянія установятъ болѣе тѣсныя и неразрывныя связи между Имперіею и польскимъ народомъ. Не слѣдуетъ забывать, что чѣмъ болѣе народъ управляется согласно съ его желаніями, его характеромъ и привычками, тѣмъ болѣе онъ бываетъ преданъ своимъ государямъ».

Итакъ, князь Чарторыйскій желалъ возстановленія Польши въ старинныхъ предѣлахъ и дарованія ей отдѣльнаго самоуправленія. Могъ ли согласиться на это императоръ Александръ, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ и враждебныхъ отношеніяхъ къ Наполеону? Могъ ли онъ разсчитывать на добровольную и мирную уступку Пруссіею и Австріею своихъ польскихъ провинцій въ пользу Россіи? Очевидно, что, въ случаѣ слѣдованія совѣтамъ князя Чарторыйскаго, императоръ пріобрѣталъ новыхъ враговъ въ лицѣ Австріи и Пруссіи, и могъ быть увѣренъ, что Наполеонъ воспользуется такимъ поступкомъ русскаго государя, чтобы при помощи этихъ державъ разгромить и Россію, чего онъ искренно желалъ.

Князь Чарторыйскій полагалъ, что обѣщаніями богатыхъ вознагражденій за уступленныя польскія области можно привлечь на нашу сторону Австрію и Пруссію; но всѣмъ было извѣстно, что русскій императоръ не располагаетъ такими областями или провинціями, которыя онъ могъ бы передать произвольно и безнаказанно другимъ державамъ. Александръ не могъ соединить съ Польшею и кореннаго русскаго населенія западныхъ губерній, безъ опасеній возбудить неудовольствія всей Россіи и вызвать тѣмъ серьезныя послѣдствія. Все это заставило его отказаться отъ предложенія князя Чарторыйскаго.

«Я получилъ бумагу,—отвѣчалъ ему императоръ,—которую вы сочли нужнымъ мнѣ сообщить. Вы желаете поговорить о ней,—я готовъ доставить вамъ случай; но не могу вамъ не выразить моей увѣренности, что эти разговоры ни къ чему не поведутъ, потому, что основанія нашихъ взглядовъ діаметрально противоположны между собой».

Это заявленіе послужило Чарторыйскому новымъ доказательствомъ, что императоръ Александръ не имѣетъ рѣшительныхъ намѣреній возстановить Польшу, что онъ поведетъ дѣло сообразно обстоятельствамъ и что всѣ его заботы будутъ заключаться въ томъ, чтобы не допустить Наполеона сдѣлать это и не дать ему усилиться на счетъ Польши. Императоръ Александръ заводилъ иногда съ княземъ Чарторыйскимъ разговоры по этому щекотливому вопросу, но эти разговоры становились все рѣже и рѣже.

«Замѣчая,—говоритъ Чарторыйскій,—мое грустное, безнадежное настроеніе, онъ возобновлялъ свои бесѣды, но уже не такъ, какъ прежде. Онъ успокоивалъ неопредѣленными обѣщаніями, или совсѣмъ не вы-

сказывался о предметѣ, служившемъ единственною цѣлью моей съ нимъ связи. Избѣгая рѣшительныхъ объясненій, онъ хотѣлъ, однако, чтобы, какъ по этому предмету, такъ и по многимъ другимъ, меня занимавшимъ, я не сомнѣвался въ неизмѣнности его намѣреній и чувствъ» [1]).

Этого было мало для кн. Чарторыйскаго и для поляковъ; они потеряли вѣру въ Александра и не ожидали отъ него осуществленія своихъ желаній, какъ вдругъ обстоятельства пришли на помощь русскому императору, и ему удалось, хотя и втайнѣ, осуществить частицу желаній поляковъ.

Во время тильзитскихъ переговоровъ Наполеонъ, желая облегчить заключеніе мира, готовъ былъ идти на многія уступки и въ числѣ ихъ отказаться отъ возстановленія Польши. Когда, послѣ Фридландскаго сраженія, начались переговоры, то Наполеонъ самъ предложилъ признать Вислу истинною и естественною границею Россіи, но императоръ Александръ не согласился на это, потому что мечталъ о другомъ— объ исправленіи мнимой несправедливости, совершенной Екатериною II.

Мы видѣли, что Александръ съ юныхъ лѣтъ мечталъ о возстановленіи Польши и затруднялся только исполненіемъ. Онъ не признавалъ возможнымъ принять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, требовавшемъ отнятія отъ Австріи и въ особенности отъ Пруссіи, его давнишней союзницы, коренныхъ польскихъ областей. «Совершить самолично ампутацію монархіи Фридриха Великаго представлялось для императора Александра I столь щекотливымъ дѣломъ, что онъ никогда не рѣшился бы его исполнить; онъ даже упорно отвергалъ, по этимъ соображеніямъ, предложенный ему правый берегъ Вислы, а затѣмъ и правый берегъ Нѣмана. Но въ Тильзитѣ представился прекрасный способъ для разрѣшенія этого, близкаго его сердцу, вопроса: стоило рукою Наполеона отторгнуть отъ Пруссіи ея польскія области, создать хотя и скромное, но самостоятельное польское государство, предоставляя всемогущему времени сдѣлать остальное, и создать благопріятную почву для будущихъ политическихъ комбинацій» [2]).

Наполеонъ поспѣшилъ на помощь Александру тѣмъ болѣе, что въ образованіи герцогства Варшавскаго онъ создавалъ себѣ удобный базисъ на случай враждебнаго положенія Александра относительно Франціи. Мало того, Наполеону пришлось сдерживать Александра, предлагавшаго посадить на престолъ Саксоніи и Варшавы брата Напо-

---

[1]) Alexandre I et le prince Czartoryski par C. de-Mazade, т. I, 278 и 279.

[2]) Н. К. Шильдеръ. „Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ". «Русская Старина» 1889 г. № 1 стр. 14.

*

леона принца Іеронима. Императоръ Франціи отказался отъ этого, доказывая, что такое назначеніе могло привести къ столкновенію между Россіею и Франціею. «Политика императора Наполеона,—сказано въ одной запискѣ, препровожденной 22-го іюня (4-го іюля) Наполеономъ къ императору Александру [1]), состоитъ въ томъ, чтобы не распространять своего прямаго вліянія на Эльбу; онъ усвоилъ эту политику, потому что она представляетъ единственное средство, могущее согласоваться съ искреннею и прочною дружбою, которую онъ намѣренъ заключить съ великою Имперіею сѣвера.

«Такимъ образомъ земли, лежащія между Нѣманомъ и Эльбою, послужатъ преградою, раздѣляющей обѣ великія имперіи и притупляющей булавочные уколы, которые между народами предшествуютъ пушечнымъ выстрѣламъ».

Все выше изложенное указываетъ несомнѣнно, что истиннымъ создателемъ Варшавскаго герцогства былъ императоръ Александръ [2]), видѣвшій въ этомъ исполненіе частички своихъ завѣтныхъ и давнишнихъ желаній. Поляки не знали, конечно, всѣхъ подробностей переговоровъ и приписывали образованіе герцогства Наполеону. Они жаловались только на то, что новое герцогство названо Варшавскимъ, а не Польскимъ; названіе это, по ихъ словамъ, разрывало всѣ историческія преданія и для болѣе дальновидныхъ патріотовъ не подавало никакой надежды на возстановленіе въ будущемъ самостоятельности всей Польши. На большинство же поляковъ тильзитскій трактатъ подѣйствовалъ благотворно. «Провинціи, отъ которыхъ отказался прусскій король,—сказано было въ трактатѣ,—будутъ управляемы по конституціи, обезпечивающей вольности и привилегіи народонаселенія этого герцогства и согласной съ спокойствіемъ сосѣднихъ государствъ».

Трактатъ былъ подписанъ 25-го іюня (7-го іюля) 1807 года и ратификованъ 27-го іюня (9-го іюля). Съ этого времени и началась политическая жизнь Варшавскаго герцогства. Оно привлекало къ себѣ вниманіе всѣхъ поляковъ, жившихъ въ Австріи и въ западныхъ нашихъ губерніяхъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 16.

[2]) „Въ черновомъ тильзитскомъ трактатѣ,—говоритъ Н. К. Шильдеръ,—съ собственноручными поправками императоровъ Александра и Наполеона, проскользнулъ даже намекъ на это обстоятельство. Пятая статья, касающаяся образованія герцогства Варшавскаго, начиналась словами: „Вслѣдствіе желанія, изъявленнаго въ предыдущей статьѣ (соединить узами дружбы обѣ имперіи), императоръ Наполеонъ согласенъ, чтобы... „Не хотѣлъ ли Наполеонъ сохранить въ договорѣ слѣдъ, кому принадлежитъ иниціатива въ дѣлѣ образованія герцогства? Эти слова были, однако, вычеркнуты императоромъ Александромъ“.

«Нѣтъ сомнѣнія, — писалъ Нѣмцевичъ [1]), — что саксонскій король, принявъ во владѣніе Варшавское княжество (герцогство), возвратитъ оному правленіе, если не во всемъ сходное съ конституціею 3-го мая, то по крайней мѣрѣ согласное съ предписанными въ оной правилами. И тогда поляки, состоящіе подъ владѣніемъ Россіи, имѣя въ томъ краю родственниковъ, имѣнія и всегдашнія, по поводу коммерціи, сношенія съ тамошнимъ княжествомъ (герцогствомъ), видя возвращенную столицу къ прежнему состоянію, начнутъ жаловаться на жребій, что не предоставлено имъ жить подъ тѣми правами, которыя они нѣкогда совокупно возстановляли и которыя отыскать (найти) жителямъ только тамошнихъ провинцій дозволило Провидѣніе. Такъ разсуждать будетъ дворянинъ, такъ и еврей, который въ скоромъ времени увидитъ въ Варшавѣ отрасли парижскаго сангедрина, такъ, наконецъ, крестьянинъ, который вскорѣ освѣдомится объ артикулѣ конституціи 3-го мая, въ коемъ сказано: «Кто станетъ ногою на польской землѣ, тотъ содѣлывается свободнымъ».

«Изъ сего образа мыслей вынесется общее мнѣніе, что нѣтъ для польской націи счастливѣйшаго событія, какъ подъ владѣніемъ саксонца, коего предки столь милостиво царствовали въ Польшѣ. А потому россійское правительство должно заблаговременно употребить все благоразуміе свое къ отвращенію противнаго мнѣнія, которое обыкновенно возрастаетъ съ новостями и обратить оное къ своей пользѣ тѣми же самыми средствами, которыя тамъ предприняты будутъ».

Хотя, по словамъ Нѣмцевича, русское правительство постоянно обращало вниманіе на состояніе польскихъ областей и принимало мѣры къ облегченію ихъ положенія, но какъ «самыя превосходныя намѣренія часто не столько дѣйствуютъ на умы человѣческіе», сколько распоряженія, сообразныя съ прежнимъ «обрядомъ жителей», то Нѣмцевичъ и предлагалъ образовать особый комитетъ, составленный изъ сенаторовъ-поляковъ, присутствующихъ въ Петербургѣ, и депутатовъ по одному изъ каждой губерніи для выработки проекта объ управленіи провинціями, присоединенными къ Россіи отъ Польши.

«Когда симъ образомъ, — говорилъ онъ, — предложенные комитетомъ проекты представлены будутъ, то монархъ съ своей стороны приступилъ бы къ оказанію польской націи новыхъ благодѣяній, къ отвращенію многихъ злоупотребленій и къ исправленію всего того, что до сего времени могло выдти изъ своихъ предѣловъ. Нельзя думать, чтобы таковыя милостивыя намѣренія, равняющіяся съ тѣми, которыхъ ожидаютъ жители Варшавскаго княжества (герцогства), не увѣряли

---

[1]) Въ запискѣ отъ 14-го іюля 1807 г. Архивъ Государствен. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. 9. № 240.

всякаго изъ нихъ, что несравненно вѣрнѣе и существеннѣе (будетъ) благо большей части Польши, присоединенной къ столь сильной Имперіи, нежели той, которая, бывъ раздѣлена и окружена сильнѣйшими сосѣдями, сдѣлалась отдаленнымъ аванпостомъ французскаго правительства».

Нѣмцевичъ увѣрялъ, что при такомъ дѣйствіи русскаго правительства, «въ областяхъ, не состоящихъ подъ владѣніемъ Россіи, возродится новое завидованіе, новое желаніе переселиться съ своими капиталами въ Россію, такъ какъ сіе до сего времени нерѣдко случалось».

Въ то самое время, когда Нѣмцевичъ писалъ свою записку, въ Дрезденѣ была утверждена Наполеономъ, 10-го (22-го) іюля 1807 г., конституція для герцогства Варшавскаго. Правителемъ герцогства былъ назначенъ саксонскій король, тронъ котораго объявленъ наслѣдственнымъ. Во главѣ управленія поставленъ государственный совѣтъ, рѣшенія котораго имѣли силу только послѣ утвержденія короля саксонскаго, герцога Варшавскаго. Черезъ каждые два года долженъ былъ собираться сеймъ, состоявшій изъ двухъ палатъ: сенатской и депутатской. Обсужденію сейма подлежали проекты законовъ, выработанные въ государственномъ совѣтѣ. Въ административномъ отношеніи все герцогство дѣлилось на шесть округовъ и управлялось по французскому образцу: префектами, подпрефектами, бургомистрами и совѣтами. Судоустройство производилось по кодексу Наполеона. Военная сила герцогства должна была состоять изъ 30.000 человѣкъ, не считая національной гвардіи. При господствѣ въ странѣ католичества, конституція объявила свободу вѣроисповѣданія; личное крѣпостное право было отмѣнено, и всѣ граждане объявлены равными передъ закономъ.

Такимъ образомъ на картѣ Европы появилось новое государство совершенно независимое и лишь только подъ наблюденіемъ, если можно такъ выразиться, саксонскаго короля. Вся же верховная власть принадлежала Наполеону: онъ утвердилъ конституцію, распоряжался устройствомъ и образованіемъ польскихъ войскъ, распоряжался финансами герцогства и проч.

«Весь гражданскій порядокъ, прусскимъ правительствомъ устроенный, уничтоженъ,—сказано въ запискѣ, сохранившейся въ бумагахъ М. Сперанскаго и поднесенной имъ императору Александру [1]),—и чиновники, разныя мѣста занимавшіе, выгнаны за границу, но не замѣнены другими.

«Въ семъ положеніи совершенной анархіи начались обѣщанія о возстановленіи Польши; но когда пришла необходимость требовать де-

[1]) Записка безъ года, мѣсяца, числа и кѣмъ писана, трудно опредѣлить

негъ и продовольствія французской арміи и составлять польскія войска, тогда почувствовали, что написанныя токмо конституція и прокламаціи недостаточны. Начали составлять правительство или, лучше сказать, набирать его. Дѣло сіе поручено французскому министру при саксонскомъ дворѣ Серра. Можно себѣ представить, на кого палъ сей выборъ. Іосифъ Понятовскій самимъ императоромъ Наполеономъ принужденъ былъ принять мѣсто военнаго министра. Такимъ же образомъ опредѣленъ былъ умершій нынѣ предсѣдатель варшавскаго совѣта Малаховскій, извѣстный по участію своему въ конституціи 3-го мая 1791 года. Министромъ юстиціи опредѣленъ Любенскій, бывшій адвокатъ, человѣкъ весьма корыстолюбивый, но остроумный и способный, непримиримый врагъ Пруссіи и Австріи и ни мало не преданный Франціи. По внутреннему убѣжденію его въ пользѣ, которая бы могла быть для Польши подъ покровительствомъ Россіи, онъ можетъ быть легко склоненъ на сторону ея; для сего нужно токмо удостовѣреніе, что Польша будетъ возстановлена и что онъ сохранитъ важное въ правительствѣ мѣсто, и приличное предложеніе ему денегъ. Онъ въ ссорѣ со всѣми прочими министрами, ибо пользуется отличнымъ покровительствомъ Серра и имѣетъ большое вліяніе въ совѣтѣ. Сынъ его служитъ въ польской гвардіи и женатъ на дочери графа Осолинскаго, который, имѣя деревни въ Австріи, въ княжествѣ Варшавскомъ и въ Бѣлостокской области, живетъ нынѣ въ сей послѣдней.

«Министромъ внутреннихъ дѣлъ опредѣленъ Лущевскій, бывшій также адвокатомъ, но человѣкъ простой и добрый. Онъ весьма недоволенъ французскимъ правительствомъ, но оставляется въ настоящемъ мѣстѣ потому, что пользуется большою довѣренностію и уваженіемъ своихъ согражданъ.

«На мѣсто графа Дембовскаго опредѣленъ министромъ финансовъ Венглинскій. Онъ былъ адвокатомъ въ Австріи, нажилъ себѣ довольно большое имѣніе разными непозволенными способами; въ 1805 году по уголовному дѣлу осужденъ на смерть, бѣжалъ въ Пруссію и опредѣлился управителемъ въ Бѣлостокской области къ графу Яну Потоцкому, въ мѣстечко его Боцки, подъ именемъ Будзинскаго. Въ 1807 году уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ разными пронырствами получилъ мѣсто министра финансовъ. Главною причиною сей удачи его полагаютъ то, что по смерти Дембовскаго, который опредѣленъ былъ насильственно, никто не хотѣлъ занять мѣста по разстройству финансовъ, весьма опаснаго и въ которомъ должно быть бичемъ своихъ согражданъ. Венглинскій же принялъ сіе званіе въ награду за дѣятельное участіе его въ возмущеніи Галиціи. Венглинскій есть человѣкъ весьма несвѣдущій, но искательный и совершенно преданный министру Серра, который употребляетъ его главнымъ орудіемъ всѣхъ своихъ грабительствъ.

«Министръ полиціи—графъ Александръ Потоцкій, извѣстный другъ умершаго Игнатія Потоцкаго, участвовавшаго въ конституціи 3-го мая. Онъ человѣкъ самый развратный и неспособный. Ему нынѣ 60 лѣтъ, окруженъ весьма дурно и исполняетъ только приказанія Серра.

«Военный министръ Понятовскій есть человѣкъ весьма недѣятельный и роскошный. Онъ сохраняетъ мѣсто свое для защиты токмо своихъ согражданъ отъ вліянія польскихъ пришельцевъ, партіи Домбровскаго и Заіончека составляющихъ, и кои принесли съ собою развратъ, духъ безбожія и грабительства революціонныхъ войскъ. При Понятовскомъ находился генералъ бригады, произведенный нынѣ въ дивизіонные начальники, Фишеръ, бывшій адъютантомъ у Косцюшки, человѣкъ весьма знающій въ военномъ искусствѣ, расторопный и добрыхъ нравовъ.

«Государственный совѣтъ составленъ изъ весьма малаго числа людей именитыхъ, а большей частью служившихъ въ польскихъ легіонахъ [1]) и извѣстныхъ порочными нравами и корыстолюбіемъ. Предсѣдатель совѣта Гутаковскій человѣкъ простой и добрый. Онъ опредѣленъ въ сіе званіе по причинѣ богатаго его состоянія и добраго имени, но противъ его воли. Генеральный секретарь совѣта есть извѣстный Юліанъ Нѣмцевичъ, бывшій секретаремъ Косцюшки и находившійся, вмѣстѣ съ Фишеромъ, въ 1794 году плѣннымъ въ Россіи. Онъ человѣкъ весьма острый и извѣстный въ польской литературѣ стихотвореніями и сатирами своими противъ Россіи. Совѣтъ никакой не имѣетъ власти на самомъ дѣлѣ. Онъ есть орудіе французскаго министра.

«Сенатъ составленъ по принужденію изъ людей, участвовавшихъ въ сеймѣ 1789 г. Сенатъ недоволенъ правительствомъ.

«Министръ Серра есть истинный король Варшавскаго герцогства. Ни одно дѣло не проходитъ безъ его утвержденія. Министръ юстиціи есть его секретарь. Всѣ министры даютъ ему отчетъ въ дѣлахъ своихъ; министръ же финансовъ состоитъ въ точной его подчиненности. Ни одно мѣсто въ правительствѣ варшавскомъ, ниже въ канцеляріяхъ министровъ, не можетъ быть дано безъ его утвержденія. Онъ предпочтительно употребляетъ въ разныя званія французовъ, поляковъ, въ легіонахъ служившихъ, и нѣкоторыхъ бывшихъ прусскихъ чиновниковъ, кои потому необходимы, что одни въ дѣлахъ сего края свѣдущи».

Вообще, правительство варшавское было въ самомъ разстроенномъ состояніи, и министры присягали не конституціи, а королю-герцогу. 21-го ноября 1807 года Фридрихъ-Августъ саксонскій прибылъ въ Вар-

---

[1]) Польскіе легіоны составлены были въ Италіи изъ остатковъ польскихъ войскъ 1794 года, бѣглыхъ изъ Польши и австрійскихъ плѣнныхъ, навербованныхъ въ Галиціи.

шаву и былъ встрѣченъ съ большимъ энтузіазмомъ. Первымъ дѣломъ герцога было переименованіе Медовой улицы въ улицу Наполеона и прибитіе досокъ по угламъ ея. Торжество это было отправлено съ особою пышностію, и доски прибивалъ самъ министръ полиціи. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ рядъ декретовъ герцога, имѣвшихъ цѣлію провести конституцію въ жизнь. Декреты эти относились до введенія гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, организаціи сената, военнаго управленія, раздѣленія герцогства на департаменты, округи и общины. Далѣе говорилось объ организаціи государственнаго совѣта, совѣта министровъ, установленіи военнаго ордена, уничтоженіи крѣпостнаго состоянія и опредѣленіи, кто долженъ считаться гражданиномъ герцогства.

«Уложеніе Наполеона,—сказано было въ выше приведенной нами запискѣ,—конституція герцогства и разныя постановленія, подъ именемъ короля саксонскаго изданныя, суть токмо призраки порядка и на самомъ дѣлѣ не существуютъ, ибо и суммъ, на поддержаніе оныхъ нужныхъ, нѣтъ въ распоряженіи правительства».

Тѣмъ не менѣе «люди стараго поколѣнія, пережившаго столько тревогъ и невзгодъ въ послѣднія десятилѣтія прежней Рѣчи Посполитой, возвратившись теперь большею частію изъ эмиграціи, съ гордостью помышляли, въ качествѣ политическихъ мучениковъ, о своихъ заслугахъ на пользу отечества и хотѣли возстановленія давнихъ формъ жизни. Люди, помнившіе старую Польшу только въ годы ея раздѣла и подчинившіеся идеямъ, разнесеннымъ по всей Европѣ французскою революціей, должны были сдѣлать надъ собой усиліе, чтобъ отъ составленныхъ ими идеаловъ спокойно перейти къ той скудной дѣйствительности, которую представило имъ урѣзанное въ своихъ границахъ Варшавское герцогство. Поколѣніе, только-что вступившее въ жизнь, способно было на всѣ пожертвованія, которыя потребовались бы отъ него въ случаѣ войны, но не могло еще служить оплотомъ для жизни общественной. Таково было положеніе лицъ, входившихъ въ составъ высшей и средней шляхты; за то шляхта мелкая и безземельная, но важная по численности своей, натерпѣвшаяся всякихъ лишеній во время прусскаго владычества, которое постоянно устраняло ее отъ дѣлъ, должна была смотрѣть на Варшавское герцогство, какъ на обѣтованную землю, гдѣ ей представлялась возможность кой-чего добиться, ничего при этомъ не теряя» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Варшавскомъ герцогствѣ было не мало людей, которые относились къ нему враждебно—это нѣмецкое или скорѣе прусское населеніе, довольно многочисленное, въ рукахъ котораго была передъ тѣмъ вся администрація края и потому имѣвшее большое вліяніе.

---

¹) „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г., № 1, стр. 15—23.

Новая же администрація, введенная Наполеономъ, не была ни польскою, ни прусскою, а была подражаніемъ французской системѣ, и злые языки того времени называли торжество обнародованія кодекса Наполеона погребальнымъ шествіемъ польскаго права.

И дѣйствительно во вновь образованномъ герцогствѣ приходилось согласовать старинные польскіе уставы съ прусскимъ земскимъ правомъ, дѣйствовавшимъ уже болѣе десяти лѣтъ, и наконецъ съ правами вновь вводимаго французскаго кодекса. Для устраненія всѣхъ этихъ неурядицъ прибѣгли къ изученію старинныхъ порядковъ Польши и къ изученію ея исторіи.

Еще въ 1806 году Варшавское общество любителей наукъ просило генерала Коссецкаго поспѣшить окончаніемъ исторіи послѣднихъ временъ Польши. Въ началѣ 1807 года Общество составило особый комитетъ [1]), которому было поручено изложить слѣдующіе отдѣлы изъ исторіи Польши: 1) возстановленіе и упадокъ конституціи 3-го мая 1791 г.; 2) возстаніе Польши подъ начальствомъ Косцюшки, до совершеннаго ея раздѣленія; 3) исторію польскихъ легіоновъ; 4) труды Варшавскаго общества любителей наукъ и другія народныя событія до той, по выраженію Общества счастливой эпохи, когда Наполеонъ великій, пригласивъ къ себѣ Выбицкаго и генерала Домбровскаго, вступилъ съ войскомъ въ предѣлы Польши, и наконецъ, 5) новѣйшія событія въ Польшѣ.

На этотъ послѣдній отдѣлъ было обращено особенное вниманіе, и составитель его, сенаторъ Гутаковскій, долженъ былъ изложить похвалы польскимъ легіонамъ, воинскому духу, всеобщему усердію и пожертвованіямъ поляковъ для возстановленія своего отечества. Отъ Гутаковскаго требовали разъясненія возникавшихъ при разныхъ политическихъ переворотахъ въ Европѣ надеждъ поляковъ на возрожденіе Польши, при чемъ историкъ долженъ былъ высказать укоризны прусскому правительству за то, что оно устраняло поляковъ отъ административныхъ должностей, опредѣляло на нихъ нѣмцевъ и повелѣло, чтобы всѣ гражданскія, тяжебныя и другія дѣла производились на нѣмецкомъ языкѣ.

Патріотическая дѣятельность Общества любителей наукъ высоко цѣнилась поляками, и 30-го апрѣля 1808 г., по ходатайству графа Феликса Лубенскаго, король саксонскій и герцогъ Варшавскій Фридрихъ Августъ принялъ Общество наукъ подъ свое покровительство, пожаловалъ ему утвердительную грамату и далъ ему наименованіе Королевскаго.

---

[1]) Въ составъ этого Комитета вошли: Дмоховскій, Вороничъ, Сташицъ, епископъ Албертранди, Станиславъ Потоцкій, Выбицкій, Гадебскій и Городискій.

Благодаря герцога за эту милость, предсѣдатель Общества, епископъ Албертранди, писалъ ему, что въ семъ событіи Общество увидѣло исполненіе надеждъ, которыя оно питало въ себѣ уже семь лѣтъ; что члены его, собравшись подъ священнымъ знаменемъ любви къ отечеству, всегда оживлены были сильнымъ желаніемъ сохранить существованіе онаго, сколько того требовалъ ихъ долгъ, и что въ семъ намѣреніи они предприняли въ началѣ текущаго столѣтія спасти отъ истребленія польскій языкъ, отечественную словесность и народную славу [1]).

Общество постановило, чтобы ежегодно 30-го апрѣля было торжественное собраніе, посвященное изъясненію милостей короля саксонскаго. По этому случаю рѣшено было выбить особую медаль, при чемъ епископъ Прожимовскій принялъ на себя трудъ сдѣлать описаніе какъ этой медали, такъ и другой, выбитой въ 1807 году, въ память образованія герцогства Варшавскаго [2]).

Поощренное правительствомъ, Общество наукъ усилило свою дѣятельность, и въ напечатанной въ 1809 году программѣ «Исторія польскаго народа», между прочимъ, было сказано, что Общество, «имѣя существенною цѣлью собирать и сохранять все, касающееся до отечества поляковъ и въ особенности тѣ предметы, кои могутъ послужить къ оживленію и распространенію между соотчичами любви къ отечеству, не можетъ смотрѣть равнодушно на недостатокъ сильнѣйшей къ тому пружины—полнаго и достаточнаго собранія народной исторіи, къ составленію которой и было немедленно приступлено» [3]).

Послѣдующія событія еще болѣе усилили дѣятельность Общества и надежды поляковъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ другомъ проектѣ письмо это было измѣнено такъ: „Собравшись подъ священнымъ знаменемъ любви къ отечеству, одушевленные пламеннымъ желаніемъ противопоставить непреодолимую преграду совершенному истребленію онаго (отечества), мы въ умѣ своемъ положили сохранить нашъ языкъ“.

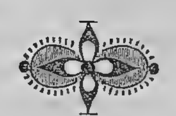
[2]) Сочувствуя успѣхамъ Наполеона и своихъ войскъ, поляки выбивали медали по разнымъ случаямъ. Въ нумизматическомъ кабинетѣ Общества впослѣдствіи оказалось 73 медали, изъ которыхъ 33 были выбиты въ честь Наполеона и 40 въ память походовъ французскихъ и польскихъ войскъ.

[3]) Рѣшено было составить исторію царствованія Казиміра Великаго, Казиміра Ягеллона, Сигизмунда I, Сигизмунда-Августа, Іоанна-Казиміра, Сигизмунда III, Владислава Ягеллона и всего дома Ягеллоновъ. Составленіе этихъ монографій приняли на себя: Дзержковскій, Тарновскій, Осолинскій, князь Чарторыйскій, Краевскій, Нѣмцевичъ, Городискій и Ѳ. Чацкій. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что Нѣмцевичъ собралъ историческія пѣсни и нѣкоторыя лица взялись оказать Обществу содѣйствіе къ ихъ напечатанію съ музыкальными нотами и гравированными картинками. На изданіе этихъ пѣсенъ была открыта подписка въ 1811 году.

Собственноручное письмо великаго князя Николая Павловича Н. М. Сипягину.

8-го мая 1815 г.

Любезный мой Николай Мартьяновичъ! Докладывалъ я матушкѣ, что мнѣ Михаилъ Андреевичъ (Милорадовичъ) сказывалъ, что г.г. офицеры гвардіи хотятъ къ намъ придти проститься.—Приказала вамъ сказать, что какъ они не приходили прощаться къ государю императору передъ отъѣздомъ его въ Вѣну, то она думаетъ, что неприлично бъ было имъ приходить къ намъ; а что г.г. генералы и офицеры нашихъ полковъ, могутъ по обыкновенію придти проститься только pas en corps.—Это слово ей не нравится и боится, чтобъ не понравилось государю, ежели онъ узнаетъ. — Vous voyez que je vous mets au fait de tout. Такъ сдѣлайте одолженіе доложите о томъ Михаилу Андреевичу.— Простите, что васъ тѣмъ утруждаю, вамъ искренно преданный Николай.

Николай Васильевичъ Гоголь.

I.

Н. В. Гоголь и его отношенія къ Петербургу.

1.

Въ одномъ изъ первыхъ петербургскихъ писемъ Гоголя къ матери, никогда еще не бывшей въ столицѣ, мы читаемъ слѣдующія строки: «Разскажу вамъ слова два о Петербургѣ. Вы, казалось мнѣ, всегда интересовались знать его и восхищались имъ» [1]). Едва-ли надо говорить, что въ этомъ заочномъ и, конечно, наивно преувеличенномъ восхищеніи слѣдуетъ видѣть типическую черту, общую провинціаламъ того времени. Петербургъ возбуждалъ въ нихъ робкое благоговѣніе и былъ окруженъ въ ихъ глазахъ волшебной тайной. Понятно, что и Гоголь, еще въ отрочествѣ наслышавшійся чудесъ о Петербургѣ, привыкъ съ его именемъ соединять представленіе о высшей степени благоустройства, блеска и совершенства во всѣхъ отношеніяхъ и, какъ впечатлительный ребенокъ, сильно идеализировалъ его въ своемъ воображеніи. Все лучшее было, если не изъ-за границы, то изъ Петербурга, или же выдавалось за петербургское; всѣ значительные люди, какъ переселившійся на покой въ Украйну заслуженный вельможа Трощинскій, свое славное поприще проходили въ Петербургѣ, такъ что самый звукъ этотъ уже заключалъ въ себѣ что-то внушительное и оказывалъ магическое дѣйствіе. Впослѣдствіи Гоголь живо изображалъ въ своихъ произведеніяхъ обаяніе столицы на провинціаловъ. Тамъ «нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, понимаете, эдакая. Вдругъ какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ какая-нибудь эдакая Литейная; тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ

[1]) „Письма Гоголя", т. I, стр. 117.

эдакимъ чортомъ, можете представите себѣ, безъ всякаго прикосновенія» [1])...

Гоголь показываетъ намъ, какъ робкіе провинціалы стѣсняются петербургскаго жителя, предполагая въ немъ, какъ въ «столичной штучкѣ», образецъ тонкаго обращенія, а самого Петербурга боятся, потому что тамъ живетъ страшное для нихъ начальство. Если же провинціалъ почувствуетъ въ себѣ отвагу и силы, то онъ и самъ начинаетъ стремиться въ Петербургъ, чтобы играть роль и дѣлать карьеру. Такъ «маіоръ» Ковалевъ пріѣхалъ въ столицу «искать приличнаго по своему званію мѣста, и если удастся, то и вице-губернаторскаго» [2]). Другихъ напротивъ манитъ туда жажда наслажденій. «Захочу поѣхать въ Петербургъ» — говоритъ Ихаревъ,—«поѣду и въ Петербургъ: посмотрю театры, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца [3]), по Аглицкой набережной, въ Лѣтній садъ». Дамъ соблазняетъ свѣтскій тонъ столицы. «Я думаю» —говоритъ Анна Андреевна,—«съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы!» [4]) и «натурально», какъ она выражается, при первой счастливой возможности готова переѣхать въ Петербургъ.

Немало примѣровъ горячаго увлеченія Петербургомъ видѣлъ Гоголь юношей и въ своихъ товарищахъ-лицеистахъ; кто изъ нихъ былъ побойче и поспособнѣе, тотъ уже навѣрно рвался вонъ изъ малороссійской глуши и въ пламенномъ полудѣтскомъ воображеніи рисовалъ себѣ блистательную перспективу будущихъ служебныхъ и всякихъ иныхъ успѣховъ въ столицѣ, и при томъ непремѣнно въ Петербургѣ—Москва какъ-то мало привлекала нѣжинцевъ. Вмѣстѣ съ другими и Гоголь еще въ школьныхъ стѣнахъ началъ пылко и страстно мечтать о волшебной Сѣверной Пальмирѣ, отъ которой ждалъ счастья, славы, почестей и наслажденій. Своему старшему товарищу и другу Г. И. Высоцкому, переселившемуся въ Петербургъ, Гоголь писалъ: «ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть ихъ, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ... Пиши мнѣ о своей жизни, знакомствахъ, службѣ и обо всемъ, что только напоминаетъ прелесть жизни петербургской» [5]). Наконецъ, въ своемъ заочномъ восторженномъ упоеніи Гоголь доходитъ до слѣдующаго восклицанія: «Я забываю мѣстопребываніе свое и весь міръ, выключая тебя

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 200.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 7.
[3]) Тамъ же, стр. 444.
[4]) Тамъ же, стр. 239.
[5]) „Письма Гоголя", т. I, стр. 55.

съ Петербургомъ»[1]). Но Высоцкій, въ бытность въ Нѣжинѣ увлекавшійся Петербургомъ вмѣстѣ съ Гоголемъ, при личномъ ознакомленіи съ столичною жизнью, нашелъ, что она совсѣмъ ужъ не такъ идеально-очаровательна, какъ ему прежде представлялось, и имѣетъ свои темныя стороны. Онъ нашелъ себя вынужденнымъ въ своемъ отвѣтѣ поумѣрить пылкіе восторги друга. Письмо это, повидимому прочитанное въ товарищескомъ кружкѣ, на мгновеніе «ужаснуло» Гоголя, по его выраженію «чудовищами великихъ препятствій»[2]), а на другихъ его однокашниковъ навело даже панику. Повидимому, авторъ письма выразилъ свои впечатлѣнія очень сильно и съ полной юношеской откровенностью, которая не подлежитъ сомнѣнію уже потому, что онъ недолго оставался потомъ въ Петербургѣ и, не дождавшись туда своего друга, вскорѣ перешелъ на службу въ провинцію. Но на Гоголя его предостереженія не подѣйствовали: его страшило одно, — «чтобы неумолимое веретено судьбы не зашвырнуло его въ самую глушь ничтожности» и не «отвело ему черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ»[3]). На неожиданное сообщеніе Высоцкаго, что онъ съ своими новыми, петербургскими, друзьями составилъ планъ заграничнаго путешествія, въ который включилъ и Гоголя, давши за него заранѣе слово,—послѣдній возражаетъ: «Смотри только впередъ не раскаяться! можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку: «не ищи того за моремъ, что сыщешь ближе»[4]).

2.

Но пробилъ часъ — и юный Гоголь, говоря его же словами объ одномъ изъ его героевъ, «по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится отъ всѣхъ концовъ Россіи наша пылкая молодежь»[5]). Впослѣдствіи объ этомъ стихійномъ стремленіи молодежи въ Петербургъ Гоголь выразился такъ: «все полѣзло въ Петербургъ служить»[6]); но это было гораздо позднѣе, а въ ту пору онъ буквально рвался туда. Любимый его товарищъ и обычный спутникъ въ путешествіяхъ, А. С. Данилевскій разсказывалъ намъ, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, вдыхая морозный воздухъ и любуясь издали вечерними огнями, они съ Гоголемъ жадно ловили

---

[1]) Тамъ же, стр. 56.
[2]) „Письма", т. I, стр. 74.
[3]) Тамъ же, стр. 78.
[4]) Тамъ же, стр. 75.
[5]) Соч. Г., изд. X, т. III, стр. 287.
[6]) Тамъ же, стр. 241.

первыя впечатлѣнія при въѣздѣ въ казавшійся имъ раемъ Петербургъ. Въ одной изъ своихъ повѣстей Гоголь картинно изображаетъ первыя ощущенія столичнаго шума и движенія. «Боже мой! стукъ, громъ, блескъ; по обѣимъ сторонамъ громоздятся четырехъ-этажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; снѣгъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ со всѣхъ сторонъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, достигая головою трубъ и крышъ» [1])...

Но скучная проза жизни не замедлила дать себя почувствовать юному мечтателю: пришлось съ седьмаго неба спуститься на землю. Не говоря о страшной дороговизнѣ и мелкихъ житейскихъ непріятностяхъ, оказалось, что и люди въ Петербургѣ совсѣмъ не таковы, какъ ихъ представлялъ себѣ Гоголь; и если въ Нѣжинѣ онъ возмущался «существователями», то здѣсь поразилъ его тотъ особый разрядъ обывателей, который онъ назвалъ «пепельнымъ». «Кажется», — говорилъ онъ, — «слышишь, перейдя въ коломенскія улицы, какъ оставляютъ тебя молодыя желанья и порывы» [2]). Когда же послѣ многихъ неудачъ онъ поступилъ въ департаментъ, то здѣсь дѣйствительность оказалась совершенно отталкивающей и нисколько не оправдывающей ожиданій. Департаментскія впечатлѣнія Гоголь такъ изображаетъ, говоря о Тентетниковѣ: «ему на время показалось, какъ бы онъ очутился въ какой-то малолѣтней школѣ, затѣмъ, чтобы учиться азбукѣ» и далѣе: «вдругъ ему представлялось, какъ невозвратно-потерянный рай, школьное время его». Но съ другой стороны, подобно Тентетникову же, Гоголь пережилъ въ Петербургѣ, въ своемъ дружескомъ кружкѣ много незабвенныхъ часовъ. Его бывшіе нѣжинскіе товарищи поочередно собирались другъ у друга по вечерамъ, и по этому поводу невольно припоминаются слѣдующія чудныя строки Гоголя: «Гдѣ не бываетъ наслажденій [3])? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый тридцатиградусный морозъ, вертитъ отчаяннымъ бѣсомъ вѣдьма-вьюга, но привѣтливо свѣтитъ вверху окошко, гдѣ-нибудь, даже и въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнатѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце, и душу разговоръ, читается вдохновенная, свѣтлая страница поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши».

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 132.
[2]) Соч. Гог. изд. X, т. II, стр. 67.
[3]) Тамъ же, т. III, стр. 288.

Въ кругу земляковъ-товарищей Гоголю только и удавалось отводить душу отъ нужды и невзгодъ въ первые два года петербургской жизни, — но вдругъ передъ нимъ загорѣлась свѣтлая заря новыхъ надеждъ, когда, благодаря своему мощному таланту, онъ обратилъ на себя сочувственное вниманіе геніальнѣйшихъ представителей современной литературы.

3.

Въ Петербургѣ Гоголь завязалъ цѣлый рядъ литературныхъ отношеній, начиная отъ первостепенныхъ свѣтилъ литературы, какъ Пушкинъ и Жуковскій, и кончая какимъ-нибудь Александромъ Анѳимовичемъ Орловымъ или книгопродавцемъ Смирдинымъ, сдѣлавшимся на нѣкоторое время какъ бы повѣреннымъ его въ дѣлахъ. Въ силу ли соображеній практическаго свойства, или по высокой оцѣнкѣ собственной личности, Гоголь всегда старался составить кругъ своихъ знакомствъ изъ лицъ, занимавшихъ въ какомъ-либо отношеніи первенствующее мѣсто. Теперь, когда на разстояніи многихъ десятковъ лѣтъ, литературное и общественное значеніе прежнихъ дѣятелей окончательно опредѣлилось и многіе, считавшіеся въ свое время крупными величинами, забыты, а другіе напротивъ пріобрѣли болѣе почетную и прочную извѣстность,— теперь это не бросается въ глаза. Могутъ казаться очень далеко стоящими въ литературной іерархіи такіе тузы, какъ Пушкинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій и кн. Одоевскій, и какой-нибудь никому теперь невѣдомый редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» Свиньинъ; но тогда и онъ былъ своего рода величиной. Тяготѣніе къ крупнымъ людямъ осталось у Гоголя навсегда, и онъ не разъ подвергался за то укоризнамъ, и даже отъ своихъ друзей, но неосновательно, потому, что онъ просто искалъ общенія съ людьми своего роста. Впрочемъ, конечно, Гоголю льстила дружба съ Пушкинымъ или Жуковскимъ, что отразилось даже въ наивныхъ воспоминаніяхъ слуги его, съ гордостью припоминавшаго въ старости, какъ къ его молодому барину приходили запросто «генералъ» Жуковскій и «полковникъ» Плетневъ. Къ сожалѣнію, о дружескихъ отношеніяхъ Гоголя въ Петербургѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ сохранилось очень мало разсказовъ и, по естественнымъ условіямъ переписки, они остаются менѣе разъясненными, чѣмъ отношенія иногородныя. Извѣстно только вообще, что, начиная съ 1831 г., Гоголь вращался въ кругу Пушкина, Жуковскаго, Плетнева и Россетъ. Въ общихъ чертахъ извѣстенъ также характеръ отеческихъ отношеній Пушкина къ Гоголю, за что послѣдній платилъ почти обожаніемъ, начавшимся впрочемъ заочно въ Нѣжинѣ, когда Гоголь еще юношей восхищался произведеніями любимаго поэта. Съ восторженнымъ благо

говѣніемъ пришелъ Гоголь въ первый разъ къ Пушкину и, заставъ его спящимъ, съ изумленіемъ узналъ отъ слуги, что поэтъ всю ночь проигралъ въ карты, а не бесѣдовалъ съ музами, какъ предполагалъ Гоголь.

Такое же чувство глубокаго преклоненія влекло восторженнаго юношу и къ Жуковскому. Современники великихъ писателей не оставили намъ разсказа объ ихъ первыхъ встрѣчахъ, и лишь извѣстныя картины, изъ которыхъ одна изображаетъ Гоголя въ кабинетѣ Жуковскаго, а другая представляетъ его въ бесѣдѣ съ Жуковскимъ, Гнѣдичемъ и Крыловымъ, живо переносятъ насъ въ ихъ отношенія. Но Гоголь самъ сохранилъ нѣсколько, хотя и отрывочныхъ, но чрезвычайно драгоцѣнныхъ воспоминаній. Въ извѣстномъ письмѣ литературнаго содержанія онъ такъ напоминаетъ Жуковскому объ ихъ первой встрѣчѣ. «Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полдороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ. Но я ее вижу какъ теперь, всю до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику. Какъ былъ благосклонно любовенъ твой взоръ... Что насъ свело, неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отъ чего? Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства» [1]). Въ этихъ задушевныхъ строкахъ звучитъ чувство человѣка среднихъ лѣтъ, воскрешающаго въ своей памяти дорогія воспоминанія золотой поры жизни.

Какъ Пушкинъ давалъ Гоголю совѣты, просматривалъ его черновыя рукописи и даже уступалъ сюжеты для его произведеній, такимъ же образомъ черновые наброски поступали, вѣроятно, и на судъ Жуковскаго [2]). Въ одномъ изъ первыхъ заграничныхъ писемъ къ послѣднему

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 279; „Письма Гоголя", т. IV, стр. 135.

[2]) Какъ въ тридцатыхъ годахъ Гоголь любилъ совѣтоваться о своихъ произведеніяхъ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, такъ впослѣдствіи съ подобными просьбами объ исправленіи слога онъ не разъ обращался къ Прокоповичу и Шевыреву, а на счетъ цензурныхъ исправленій (въ „Перепискѣ съ друзьями")—къ Перовскому, Вяземскому и Віельгорскому.—Пушкину Гоголь писалъ въ исходѣ 1834 г.: „Я посылаю вамъ предисловіе: сдѣлайте милость просмотрите, и если что, то поправьте и перемѣните тутъ же чернилами. Я вѣдь, сколько вамъ извѣстно, серьезныхъ предисловій еще не писалъ, и потому въ этомъ дѣлѣ совершенно неопытенъ". („Письма", т. I, стр. 329). Ср. въ письмѣ къ Шевыреву отъ 5-го октября 1846 г. „На дняхъ отправилъ къ Плетневу „Предисловіе къ Мертвымъ Душамъ". Исправь, пожалуйста, слогъ. Я не мастеръ на предисловія: для меня труденъ этотъ приличный языкъ, которымъ долженъ разговаривать авторъ съ нынѣшней публикой, а потому гладь всякое неловкое выраженіе и устрой неуклюжій періодъ". („Письма",

Гоголь говоритъ: «каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ васъ читающаго» [1]).

Лѣтомъ 1831 года Пушкинъ, Жуковскій и Гоголь безпрестанно встрѣчаются въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ и уже составляютъ своего рода литературный тріумвиратъ; въ письмахъ этого времени Гоголь съ любовью и гордостью преданнаго человѣка говоритъ о свѣжихъ новинкахъ, вышедшихъ изъ подъ пера его друзей.

4.

При всей глубокой привязанности къ Пушкину и Жуковскому, не смотря на значительныя удачи въ Петербургѣ, Гоголь не считалъ однако свою жизненную колею вполнѣ установившеюся и не прочь былъ отъ инаго устройства своей судьбы: онъ охотно оставилъ бы Петербургъ, еслибы ему удалось переселиться въ Украйну. Въ 1833 г. онъ горячо мечталъ о каѳедрѣ въ Кіевѣ. На порогѣ 1834 г. Гоголь пишетъ: «Таинственный, неизъяснимый 1834 г. Гдѣ означу я тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности—этой безобразной кучи модъ, парадовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и тупой безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ, древнемъ, обѣтованномъ Кіевѣ, увѣнчанномъ многоплодными садами, опоясанномъ моимъ южнымъ, прекраснымъ, чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ гора обсыпана кустарниками, съ своими какъ бы гармоническими порывами и подмывающій ее мой чистый и быстрый, мой Днѣпръ» [2]).

Мы видѣли, что Гоголь, какъ и въ нѣжинскія времена, мечтаетъ о великихъ трудахъ, но уже не въ Петербургѣ, и на первомъ планѣ для него теперь не характеръ и содержаніе его будущей дѣятельности, а роскошная картина поэтическаго юга, влекущая къ себѣ его завѣтные помыслы; въ немъ говоритъ то самое чувство, которое вскорѣ на многіе годы удержитъ его въ Италіи. Когда мечта о Кіевѣ не сбылась и Гоголь былъ принужденъ остаться на неопредѣленное время въ Петербургѣ, отклонивъ въ сторону пока свое влеченіе къ югу, онъ нашелъ примиреніе съ своей неудачей въ дорогихъ для него отношеніяхъ.

Къ сожалѣнію, увлеченные прекраснымъ чувствомъ доброжелательства къ молодому собрату Жуковскій и Пушкинъ зашли черезчуръ да-

---

т. III, стр. 212). Ср. также письмо къ Плетневу отъ 26-го сентября 1846 г. („Письма", т. III, стр. 211).

[1]) „Письма Гоголя", т. I, стр. 383.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 104.

леко, покровительствуя ему уже не на одномъ литературномъ поприщѣ: своимъ вліяніемъ они помогли ему добиться каѳедры въ Петербургскомъ университетѣ, тогда какъ есть извѣстіе о томъ, что, замѣтивъ недостаточную начитанность Гоголя, Пушкинъ отчасти даже сталъ руководить его чтеніемъ. Всѣ они, какъ и самъ Гоголь, возлагали чрезмѣрныя надежды на его природную геніальность, и въ сущности своимъ покровительствомъ оказали плохую услугу какъ университету, такъ и самому Гоголю.

5.

Говоря о жизни Гоголя въ Петербургѣ, необходимо упомянуть объ отношеніяхъ его къ князю Вяземскому и князю Одоевскому.

Въ сообществѣ съ Одоевскимъ и съ Пушкинымъ Гоголь задумалъ альманахъ «Тройчатка или альманахъ въ три этажа», при чемъ Одоевскій взялъ на себя описать гостиную, Гоголь чердакъ, а на долю Бѣлкина, т. е. Пушкина, по шутливому выраженію князя Одоевскаго, оставался погребъ [1]). По свидѣтельству Плетнева, князь Одоевскій также читывалъ Гоголю свои рукописныя произведенія, и въ представленіи членовъ ближайшаго кружка образовалась тѣсная связь между Пушкинымъ, Гоголемъ и княземъ Одоевскимъ. Эти три имени дружно мелькаютъ и на страницахъ переписки Плетнева. Такъ 17-го февраля 1833 года Плетневъ пишетъ Жуковскому: «Одоевскій еще не напечаталъ своихъ сказокъ, которыя называются «пестрыми съ краснымъ словцомъ». У Пушкина ничего нѣтъ, у Гоголя—тоже» [2]). Въ другомъ письмѣ онъ же сообщаетъ Жуковскому: «Гоголь мнѣ сказывалъ, что князь Одоевскій (съ которымъ я не видался больше полгода) готовитъ собраніе своихъ повѣстей подъ названіемъ: «Домъ сумасшедшихъ». Нѣкоторыя прочитывалъ онъ съ Гоголемъ: онѣ ему такъ нравятся, что онъ ихъ предпочитаетъ напечатаннымъ, какъ напр. «Послѣдній концертъ Бетговена» [3]). О той же повѣсти Гоголь съ свойственными ему восторгомъ и гордостью, когда онъ говорилъ объ успѣхахъ дорогихъ ему людей, сообщалъ и въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву [4]). Такимъ образомъ между Гоголемъ и Одоевскимъ устанавливались тѣсныя дружескія отношенія, ослабленныя вскорѣ отъѣздомъ перваго за границу. Если между ними не завязалась переписка, то это еще вовсе не говоритъ противъ зна-

---

[1]) Конечно, это могла быть просто шутка, но для характеристики отношеній она имѣетъ равносильное значеніе.

[2]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 528.

[3]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 229.

[4]) „Письма“ т. I, стр. 228.

чительной близости ихъ отношеній, выразившейся впослѣдствіи въ томъ, что они стали говорить другъ другу ты: вѣдь Гоголь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не собрался написать ни одного письма къ Пушкину и до 1840 г. почти не переписывался съ Плетневымъ. Но въ первомъ же письмѣ къ Одоевскому мы видимъ слѣды теплой привязанности и непринужденныхъ отношеній. 15-го марта 1838 г. Гоголь пишетъ Одоевскому: «Любитъ ли меня князь Одоевскій такъ же, какъ прежде? вспоминаетъ ли онъ обо мнѣ? Я его люблю и вспоминаю. Воспоминаніе о немъ заключено въ талисманъ, который ношу на груди своей. Талисманъ составленъ изъ немногихъ сладкихъ для сердца именъ,—именъ, унесенныхъ изъ родины» [1])... Далѣе Гоголь продолжаетъ: «Помнятъ ли меня мои родные, соединенные со мною святымъ союзомъ музъ?» и жалуется, что никто изъ нихъ къ нему не пишетъ. Не писалъ къ нему и другой сильно расположенный къ нему петербургскій литераторъ, князь Вяземскій, одинъ изъ немногихъ пріѣхавшій на пароходъ сказать ему послѣднее «прости», когда въ 1836 г. Гоголь надолго оставлялъ Россію.

6.

Съ княземъ Вяземскимъ Гоголь былъ не менѣе близокъ, чѣмъ съ Одоевскимъ; но и ему только черезъ два года по выѣздѣ за границу (и также по случайному поводу), написалъ письмо, проникнутое глубокимъ задушевнымъ чувствомъ и свидѣтельствующее объ искренности и близости ихъ отношеній. «Уже прошло болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ—говоритъ Гоголь,—какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть и слышать васъ, князь. Но я помню такъ, какъ бы это было вчера, и буду помнить долго еще вашу доброту, вашъ прощальный поцѣлуй, данный мнѣ уже на пароходѣ, ваши рекомендательныя письма, которыя пріобрѣли мнѣ благосклонный пріемъ отъ тѣхъ, кому были вручены. Живя въ Римѣ, я припомнилъ все то, что вы говорили о немъ» [2]).

Какой прекрасной поэзіей, какой задушевной искренностью дышатъ слѣдующія строки письма къ Вяземскому: «Еще не такъ давно былъ я вмѣстѣ съ княгиней З. А. Волконской на знакомой и близкой вашему сердцу могилѣ (въ Римѣ была похоронена дочь Вяземскаго, княжна Прасковья Петровна). Кусты розъ и кипарисы растутъ; между ними прокрались какіе-то незнакомые два-три цвѣтка. Я уважаю тѣ цвѣты, которые вырастаютъ сами собой на могилѣ. Мнѣ все кажется, что это рѣчи усопшаго къ намъ, но мы глядимъ, силимся и не можемъ по-

---

1) „Письма Гоголя“, т. III, стр. 480—481.

2) „Письма Гоголя“, т. I, стр. 513.

нять ихъ». Такія чувства волновали Гоголя при взглядѣ на могилу безвременно угасшей на чужбинѣ молодой дѣвушки, мало ему знакомой, но близкой по сердечной пріязни къ ея отцу. Что иначе могло привести его къ подножію гроба этого чистаго существа, какъ бы награжденнаго за раннюю разлуку съ жизнью мѣстомъ вѣчнаго упокоенія въ такой дивной, поэтической странѣ? «Я былъ еще разъ—продолжалъ Гоголь—съ однимъ москвичемъ, знающимъ васъ,—и вновь увѣрился, что могила эта не сирота: въ Италіи нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему».

И тотчасъ, затѣмъ: «Дождемся ли мы васъ подъ наше роскошное небо, хотя на нѣсколько дней отогрѣть душу, безъ сомнѣнія уставшую отъ жесткихъ ласкъ сѣвера, хотя и родственныхъ». И конечно, если бы судьба привела въ Римъ князя Вяземскаго въ то время, когда тамъ жилъ Гоголь, что было бы возможно въ виду оставшагося въ этомъ городѣ дорогаго для него залога, то на почвѣ общихъ эстетическихъ упоеній сильнѣе вспыхнула бы прежняя взаимная пріязнь, и жизнь Гоголя была бы, можетъ быть, тѣснѣе связана съ княземъ Вяземскимъ, въ письмѣ къ которому слышенъ голосъ сердца, чѣмъ съ прозаическими Погодинымъ и Шевыревымъ. Замѣчательно, что въ письмахъ Гоголя къ послѣднему нигдѣ не промелькнула искра воодушевленія, нигдѣ нѣтъ той поэзіи искренняго чувства, которая такимъ свѣтлымъ огонькомъ сверкнула въ приведенныхъ строкахъ письма къ князю Вяземскому. Или задушевный лиризмъ стыдливо прячется при встрѣчѣ съ обыденной натурой и душа художника открывается вполнѣ, только когда она чувствуетъ отзвукъ въ родственной душѣ?

7.

Въ послѣдній годъ петербургской жизни на Гоголя обрушился цѣлый рядъ оскорбительныхъ неудачъ, начиная отъ потери занимаемыхъ имъ должностей до ожесточеннаго пріема публикой «Ревизора», и, какъ извѣстно, все это подѣйствовало на Гоголя такъ, что для освѣженія и отдыха онъ рѣшился ѣхать за границу.

Съ какимъ же чувствомъ Гоголь разставался съ Петербургомъ [1])?

---

[1]) Много было у Гоголя въ петербургское время отношеній и внѣ литературной сферы, но то были отношенія чисто оффиціальныя: ему приходилось иногда обращаться по разнымъ дѣламъ къ министру Уварову, къ петербургскому попечителю Дондукову-Корсакову, къ редактору „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ Сербиновичу. Онъ знакомъ былъ также съ директоромъ почтоваго департамента, опекунскаго совѣта и наконецъ были у него разныя пріятельскія отношенія: съ Віельгорскими, Балабиными,

Когда за два года передъ тѣмъ Максимовичъ совѣтовалъ Гоголю, вмѣсто уже занятой другимъ каѳедры всеобщей исторіи въ Кіевѣ, взять каѳедру русской, это вызвало живую досаду въ Гоголѣ: «Мнѣ оставить Петербургъ,—говорилъ онъ,—не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, что̀ дорого, что̀ было мило моему сердцу, люди, съ которыми сдружился и которыхъ алчетъ душа, все, что̀ привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ» [1]). И, безъ сомнѣнія, слова эти были вполнѣ искренни. Теперь не то: молодость влечетъ его въ заманчивую даль, и обаяніе юга воскресаетъ съ новой силой въ его душѣ. Переворотъ былъ быстрый и рѣшительный. Передъ отъѣздомъ за границу Гоголь весь былъ поглощенъ заботами о постановкѣ «Ревизора», его сильно захватывали журнальные и литературные интересы; онъ вполнѣ жилъ петербургскими злобами дня. Но въ мигъ порвалась цѣпь, связывавшая его съ угрюмымъ городомъ сѣвера, и вольной птицей легко и безпечно помчался онъ въ волшебные края европейскаго юга, не предугадывая близости великой утраты въ лицѣ Пушкина. «Весело,—говорилъ онъ,—презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленыя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха» [2]). Упоительная волна жизни и молодости подхватила Гоголя и понесла съ неоглядной быстротой. Какъ юные козаки въ «Тарасѣ Бульбѣ», онъ могъ бы сказать: «прощайте, и юность, и друзья, и вся и все» [3])...

Воспоминанія о Петербургѣ и объ оставленныхъ друзьяхъ живо чувствуются особенно въ первомъ заграничномъ письмѣ къ Жуковскому; Гоголь проситъ его о передачѣ поклоновъ и затѣмъ прибавляетъ: «Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ, онъ въ этомъ виноватъ. Плетневу скажите, что я буду писать къ нему изъ Ахена и что я очень сильно жму его руку» [4]). Спустя два мѣсяца онъ писалъ Прокоповичу: «для меня теперь Петербургъ остается чѣмъ-то пріятнымъ» [5]), а черезъ годъ онъ говорилъ: «признаюсь, часто, когда вспомню ваньку, тащащаго меня на тряскихъ дрогахъ въ Свѣчной переулокъ, то очень бы хотѣлось мнѣ въ Петербургъ» [6]). Жуковскому онъ сообщалъ однажды, что ему сдѣлалось такъ

Репниными, Логиновыми, Васильчиковыми. Съ тремя первыми семействами онъ былъ потомъ связанъ истинной дружбой на всю жизнь; но эти отношенія упрочились и сдѣлались глубже, главнымъ образомъ, позднѣе.

[1]) „Письма Гоголя“, т. I, стр. 303.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 521.

[3]) Тамъ же, т. I, стр.

[4]) „Письма Гоголя“, т. I, стр. 385—386.

[5]) „Письма“, т. I, стр. 444.

[6]) Тамъ же, стр. 400.

тяжело при воспоминаніи о Петербургѣ, что онъ даже не въ силахъ былъ продолжать «Мертвыя Души». «Мнѣ представился Петербургъ, писалъ онъ, наши теплые домы; мнѣ живѣе представлялись тогда вы, вы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ встрѣчали меня, приходившаго къ вамъ, и брали меня за руку, и были рады моему приходу» [1]).

8.

На чужбинѣ Гоголь сначала испытывалъ временами приливы тоски по родинѣ и чувство нравственнаго одиночества, особенно когда съ нимъ не было его друга Данилевскаго и никого изъ тѣхъ, чье общество способно было скрашивать для него всѣ житейскія невзгоды, наприм. Репниныхъ, Балабиныхъ и проч.

Смерть Пушкина, налетѣвшая нежданной грозой, все перемѣнила: исчезла сразу и навсегда главная притягательная сила на родинѣ и ярче выступило все, что отъ нея отталкивало. «Когда я вспомню,— писалъ онъ Погодину, — нашихъ судей, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли. Ѣхать выносить надменную гордость безмозглаго класса людей, которые будутъ передо мной дуться и даже мнѣ пакостить,—нѣтъ, слуга покорный» [2]).

По смерти Пушкина Россія стала представляться Гоголю «могилою, безжалостно похитившею все, что есть драгоцѣннаго для сердца» [3]). Возвращаясь на родину въ 1839 году, Гоголь писалъ Плетневу: «Какъ странно! Боже, какъ странно! Россія безъ Пушкина! Я пріѣду въ Петербургъ — и Пушкина нѣтъ! Я увижу васъ — Пушкина нѣтъ! Зачѣмъ вамъ теперь ваши милыя прежнія привычки, ваша прежняя жизнь? Бросьте все и ѣдемъ въ Римъ! О, еслибъ вы знали, какой тамъ пріютъ для того, чье сердце испытало утраты» [4]). Хотя Гоголь и говорилъ, что смерть Пушкина отняла отъ всего «половину того, что могло бы развлекать», но страстное упоеніе Италіей въ значительной степени заглушало и сердечную тоску и физическія страданія, доводившія его до жалобъ, что какой-то дьяволъ сидитъ въ желудкѣ. «Мысль о тебѣ, да мысль о двухъ-трехъ дорогихъ для сердца душахъ, пребывающихъ въ Петербургѣ,—писалъ онъ Прокоповичу,— иногда согрѣваетъ меня, но уже не столько, какъ прежде, отъ того, что я слишкомъ часто и неумѣренно предаюсь ей» [5]). Но была здѣсь

---

[1]) Тамъ же, стр. 414.
[2]) „Письма Гоголя“, т. I, стр. 434—435.
[3]) Тамъ же, стр. 436.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 12.
[5]) Тамъ же, т. I, стр. 254.

и другая причина: Римъ, по словамъ Гоголя, «околдовалъ» его и дарилъ его такими райскими наслажденіями, какія доступны только душѣ художника; забывая все, Гоголь отдался беззавѣтному восторгу и не могъ оторваться отъ чаши блаженства. Въ началѣ 1838 года онъ получилъ отъ матери цѣлый рядъ умоляющихъ писемъ, въ которыхъ она призывала его на родину, а онъ въ это самое время просилъ Прокоповича переслать ему книги и рукописи, располагаясь надолго въ Римѣ: онъ очарованъ, и не манитъ его теперь ни Петербургъ, ни Украйна.

Съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ того, какъ получались изъ Россіи извѣстія о дорогихъ покойникахъ, въ душѣ Гоголя накоплялся все больше горькій осадокъ отчужденія; каждое такое извѣстіе отдаляло отъ него и родину и прошлое. Въ маѣ 1838 г. онъ писалъ Данилевскому: «Итакъ добрая мать твоя не существуетъ! Въ твоей матери я потерялъ все близкое къ тебѣ и, стало-быть, близкое ко мнѣ, и я вспомнилъ при этомъ Семереньки, Толстое, и наши поѣздки, и тѣ счастливыя три версты разстоянія между нашими бывалыми жилищами, и мнѣ стало грустно... Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ разрываются болѣе и болѣе узы, связывающія меня съ нашимъ холоднымъ отечествомъ» [1]. Такъ, наслаждаясь Италіей, Гоголь порой предавался горькимъ, щемящимъ воспоминаніямъ о родинѣ, и пока онъ срывалъ розы счастья въ своемъ «прекрасномъ далекѣ», душа его сиротѣла отъ невознаградимыхъ потерь; поэтому въ его письмахъ иной разъ звучитъ задумчивая нота тоски о быломъ, невозвратномъ...

Прошло еще нѣсколько лѣтъ—и Жуковскій оставилъ Петербургъ... Мало-по-малу порвались прежнія связи Гоголя съ этимъ городомъ, тѣмъ болѣе, что съ Плетневымъ и Прокоповичемъ у него произошли вскорѣ,—правда временныя, недоразумѣнія,—и Петербургъ уже мало говорилъ его сердцу и сталъ понемногу для него почти совсѣмъ чужимъ...

II.

Кто былъ родоначальникомъ реальнаго направленія въ нашей литературѣ, Гоголь или Пушкинъ.

Съ приближеніемъ полувѣковой годовщины со дня смерти Гоголя, естественно выступаетъ вопросъ, вполнѣ ли выяснилось его историко-литературное значеніе. Вопросъ этотъ касается, конечно, не общепризнан-

---

[1]) „Письма Гоголя", т. I, стр. 510.

наго и великаго достоинства его произведенiй, а степени его влiянiя на послѣдующую литературу.

Очень недавно Гоголя единодушно признавали главой натуральной школы и отцомъ современной литературы. Такое значенiе приписывали ему еще при жизни, хотя и въ разныхъ смыслахъ, люди далеко не одинаковыхъ взглядовъ и направленiй. Съ одной стороны Бѣлинскiй, восторженно привѣтствовавшiй появленiе натуральной школы, а съ другой хотя бы князь Вяземскiй, находившiй, что «самъ по себѣ и самъ за себя Гоголь дарованiе необыкновенное и занимаетъ свѣтлое и высокое мѣсто въ литературѣ нашей», но что «вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ родоначальникъ школы, онъ былъ не только не у мѣста, но даже вреденъ». При полной противоположности взглядовъ на новое направленiе, оба писателя безусловно сходились въ признанiи рѣшительнаго влiянiя Гоголя на литературу, и это впечатлѣнiе современниковъ непремѣнно должно быть принято во вниманiе. Спустя три года по смерти великаго писателя появилась извѣстная книга, уже прямо названная «Очерками Гоголевскаго перiода русской литературы». Съ тѣхъ поръ всю новѣйшую литературу всегда связывали съ именемъ Гоголя, и указанное мнѣнiе сдѣлалось общепринятымъ. Но вотъ въ прошедшее десятилѣтiе сначала г. Скабичевскiй, а затѣмъ, по его слѣдамъ, П. Д. Боборыкинъ высказались въ томъ смыслѣ, что, по ихъ мнѣнiю, отнюдь не Гоголя, а Пушкина слѣдуетъ признать родоначальникомъ и основателемъ господствующаго донынѣ въ литературѣ направленiя. Наконецъ весьма авторитетнымъ писателемъ было высказано и третье мнѣнiе,—хотя и мимоходомъ, но совершенно положительно,—«что отъ Пушкина и Гоголя никуда не уйдешь въ русской литературѣ». Каждое изъ этихъ мнѣнiй имѣетъ свою дозу правды и можетъ, при извѣстной группировкѣ доказательствъ, казаться вѣскимъ и основательнымъ, и потому мы считаемъ не лишнимъ высказать по этому поводу нѣсколько соображенiй.

1.

Для того, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманiе на то, что, признавая Пушкина или Гоголя родоначальникомъ реальнаго направленiя, мы должны подъ этимъ подразумѣвать не то, кто изъ нихъ первый сталъ изображать дѣйствительную жизнь, но кто своими произведенiями увлекъ за собой и направилъ на путь реализма другихъ писателей. Поэтому мы совершенно оставимъ въ сторонѣ не разъ затронутый вопросъ о томъ, чьи повѣсти—Гоголя или Пушкина—раньше появились въ печати. Считаемъ впрочемъ необходимымъ оговориться, что мы не пренебрегаемъ подоб-

ными разысканіями, но рѣшительно не придаемъ имъ значенія въ данномъ случаѣ.

Затѣмъ необходимо нѣсколько остановиться на понятіи реализма въ литературѣ.

Намъ важно взглянуть на реализмъ какъ на противоположность всякой фальши, ненатуральности, ложнымъ эффектамъ и мелодрамѣ. Но при этомъ надо сдѣлать одну существенную оговорку, именно, что, при несомнѣнной и очевидной противоположности реализма фантастикѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда фантастическое является лишь внѣшней рамкой, оно можетъ, какъ бы ни показалось страннымъ съ перваго взгляда, не мѣшать признанію произведенія иногда даже высоко реальнымъ. Достаточно вспомнить, что въ самомъ фантастическомъ сюжетѣ писатель можетъ оставаться глубоко реальнымъ живописцемъ нравовъ и характеровъ. Такъ у величайшаго реалиста Шекспира мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ фантастическое и не менѣе у другого міроваго генія и также несомнѣннѣйшаго реалиста Сервантеса: совершенно невѣроятныя недоразумѣнія Донъ-Кихота никогда и никому не давали права и повода считать это произведеніе чуждымъ реализма. А сколько фантастическаго въ «Бурѣ» и въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь» и въ то же время какъ много живой дѣйствительности! Не говорю уже о видѣніяхъ Макбета Гамлета и проч. То же слѣдуетъ сказать и о «Носѣ» и «Портретѣ» Гоголя и о балладахъ Пушкина, въ которыхъ виденъ художникъ-реалистъ, хотя у Пушкина же нельзя признать реальнымъ такое произведеніе, какъ «Русланъ и Людмила».

Если читатель согласится съ предыдущими соображеніями, то онъ долженъ будетъ признать глубоко-реальнымъ содержаніе многихъ эпизодовъ даже «Одиссеи», гдѣ описывается самый подлинный бытъ древнихъ грековъ. А если бы кто и вздумалъ оспаривать высказанное мнѣніе объ «Одиссеѣ», то напр. относительно «Сиракузянокъ» Ѳеокрита, гдѣ такъ ярко нарисованы бытовыя картинки изъ древнегреческой жизни, не можетъ уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Вообще изображеніе дѣйствительной жизни всегда существовало во всѣхъ литературахъ и въ народной словесности всѣхъ народовъ, а такъ какъ настоящее искусство не можетъ быть въ разладѣ съ истиной, то въ случаѣ фальши въ самой основѣ сюжета произведеніе можетъ быть признано художественнымъ только со стороны внѣшней формы, какъ напр. «Энеида» Виргилія, но всегда, въ самые далекіе отъ истиннаго реализма періоды, даже подчиняясь во многомъ господствующему въ данный моментъ ложному направленію, талантъ даровитаго художника непремѣнно возьметъ свое и восторжествуетъ надъ условными традиціями вѣка. Такъ Державинъ въ эпоху самаго ходульнаго и фальшиваго ложноклассицизма возвышается до реализма въ «Фелицѣ» и во многихъ

другихъ своихъ лучшихъ произведеніяхъ и находитъ въ себѣ силы въ яркихъ картинахъ, хотя и съ внѣшней стороны, изобразить время Екатерины II. Поэтому фантастическія произведенія Гоголя и Тургенева могутъ быть названы реальными, тогда какъ большая часть сочиненій Марлинскаго не заслуживаютъ этого названія.

Еще нѣсколько примѣровъ. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», не имѣя никакого теоретическаго представленія о реализмѣ въ искусствѣ, былъ настоящимъ художникомъ-реалистомъ, тогда какъ его бездарные подражатели, рабски копируя его и перефразируя многія его выраженія, не могли удержаться на высотѣ реализма: все жизненное и прекрасное ускользнуло изъ ихъ писаній. Фонвизинъ, при всей склонности къ карикатурѣ, неподражаемо рисовалъ дѣйствительную жизнь и современные ему типы, а Сумароковъ въ своихъ блѣдныхъ копіяхъ иностранныхъ образцовъ не умѣлъ уловить дыханіе жизни. Жуковскій былъ архиромантикъ и постоянно стремился подальше отъ земли и жизненной прозы, и все-таки онъ является истиннымъ реалистомъ напр. въ «Сельскомъ кладбищѣ».

Разъясняя сущность романтизма и полагая его въ изображеніи внутренняго міра человѣческой души, Бѣлинскій, не смущаясь внѣшними затрудненіями не усомнился указывать проявленія романтизма и въ древности, хотя романтизмъ, какъ опредѣленное направленіе, возникъ лишь въ средніе вѣка. И онъ былъ глубоко правъ. Такъ слѣдуетъ отнестись и къ понятію реализма, такъ какъ иначе придется не разъ назвать черное бѣлымъ и наоборотъ.

2.

Такимъ образомъ, если искать не главнаго, а единственнаго родоначальника реальной школы въ нашей литературѣ, то ясно, что самая постановка вопроса въ этомъ смыслѣ совершенно праздная и основана на безусловномъ недоразумѣніи. Въ этомъ впрочемъ нисколько неповинны Бѣлинскій, Чернышевскій и другіе писатели, признавшіе главой реализма у насъ Гоголя, такъ какъ нельзя предполагать, чтобы они упускали изъ вида только что разъясненное, но ихъ оппоненты — дѣло другое. Уже не только Фонвизинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ, но даже по мѣткому указанію проф. Алексѣя Николаевича Веселовскаго, авторъ «Слова о полку Игоревѣ», должны быть признаны, конечно въ разной степени, піонерами нашего литературнаго реализма. «Множество современныхъ типовъ» — говоритъ Гончаровъ, этотъ скромный, но проницательный и въ высшей степени дѣльный критикъ, умѣвшій безхитростно, но необыкновенно просто и вѣрно обсуждать литературные

факты—«типовъ вродѣ Чичикова, Хлестакова, Собакевича и Ноздрева, окажутся разновидностями развѣтвившагося генеалогическаго дерева Митрофанушекъ и Скотининыхъ». «Фонвизинъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь»—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—«стремились къ правдѣ, находили ее въ природѣ, въ жизни и вносили ее въ свои произведенія». Въ этомъ бѣгломъ перечнѣ Гончаровъ, конечно, лишь случайно пропустилъ Грибоѣдова и Крылова; но случайность эта не безъ причины и очень характерна. Крыловъ своей безыскусственной и высоко-художественной простотой, несомнѣнно, очень и очень облегчилъ торжество реализма, но только косвеннымъ образомъ, воспитывая вкусъ и показывая образцы языка и слога. Можно было бы, пожалуй, не назвать и Лермонтова, этого третьяго колосса нашей литературы. Но Пушкина и Гоголя ни въ какомъ случаѣ невозможно было бы пропустить, какъ главнѣйшихъ и центральныхъ представителей нашей литературы, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на всю ея дальнѣйшую судьбу.

Указавъ приведенныя мнѣнія Гончарова, позволимъ себѣ напомнить сказанныя еще раньше слова покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера, который очень сжато, но тѣмъ не менѣе достаточно обстоятельно, сдѣлалъ обзоръ отдѣльныхъ проявленій реализма до окончательнаго торжества этого направленія въ литературѣ. Строки эти находятся въ самомъ началѣ извѣстной книги «Русскіе писатели послѣ Гоголя». Къ обзору Ореста Миллера приведенныя слова Гончарова по существу относятся какъ часть къ цѣлому въ отношеніи объема разсматриваемаго вопроса, превосходя ихъ въ то же время мѣткостью и глубиною. Вотъ что говоритъ Орестъ Миллеръ: «Издавна (въ литературѣ) начинаетъ просачиваться струя жизненная, правдивая. Она сказывается во многихъ мѣстахъ нашей лѣтописи, запечатлѣнныхъ свѣжестью красокъ нашей родной дѣйствительности, въ горячо затрогивающей современность чисто христіанской проповѣди нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, въ стремленіи пѣвца Игорева пѣть «по былинамъ своего времени», въ его глубокомъ горѣ о розни въ родной землѣ; она сказывается въ яркой прямотѣ посланія Вассіана къ Іоанну III и писемъ Курбскаго къ Грозному, въ прямо христіанскомъ духѣ посланія заволжскихъ старцевъ къ одному изъ столповъ нашего византійствующаго фанатизма. Позже мы видимъ ту же струю,—и въ той вѣрной картинѣ нашихъ до-Петровскихъ порядковъ, которую рисуетъ смѣлое перо самоучки Посошкова, и въ различныхъ запискахъ по современнымъ вопросамъ великаго Ломоносова. Та же струя сказывается въ сатирѣ Кантемира, Фонвизина и Новикова, въ лирическомъ сатиризмѣ Державина, неожиданно и пріятно изумившемъ тогдашнюю публику, утомившуюся отъ прежнихъ надутыхъ одъ. Въ XIX вѣкѣ струя эта расширяется въ комедіи Грибоѣдова, въ басняхъ Крылова, въ полныхъ жизненной правды картинахъ русскаго

быта у Пушкина и Лермонтова. Но окончательно пробивается эта струя и становится цѣлымъ могучимъ потокомъ, захватывающимъ почти всю нашу литературу,—уже со временъ Гоголя».

Но не ошибался ли покойный Миллеръ? не повторялъ ли онъ безъ критики прежде установившееся мнѣніе? Прежде чѣмъ говорить объ этомъ, мы должны оговориться, что мы несогласны лишь съ слѣдующимъ замѣчаніемъ его о Пушкинѣ. «У Пушкина, этого великаго провозвѣстника новаго направленія»—говоритъ Миллеръ,—«направленія жизненнаго и правдиваго, даже и у него старая закваска порою сказывается еще въ видѣ того художническаго квіэтизма, который запирался въ своемъ самодовольномъ «я» и среди этой привольной пустыни не хотѣлъ уже знать ничего о «житейскихъ волненіяхъ». Въ этихъ строкахъ слишкомъ явно слышится отголосокъ того времени, когда онѣ были писаны, т. е. начала семидесятыхъ годовъ. Здѣсь Миллеръ несправедливо умаляетъ значеніе Пушкина. Впрочемъ, не станемъ повторять того, что много разъ разъяснялось потомъ,—именно что Пушкинъ въ сущности совсѣмъ не такъ относился къ дѣйствительной жизни, что слова эти были клеветой на самого себя подъ вліяніемъ досады и что въ «памятникѣ» онъ напротивъ главной заслугой своей считаетъ свое живое отношеніе къ людямъ и къ ихъ нуждамъ и интересамъ. Эту оговорку мы только потому считаемъ необходимой, что она имѣетъ самое прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу.

Пушкинъ, напротивъ, лично былъ глубоко реаленъ во всемъ почти объемѣ своей литературной дѣятельности, не исключая балладъ. Онъ реаленъ въ своей чрезвычайно жизненной и правдивой лирикѣ, въ своихъ эпическихъ произведеніяхъ, начиная съ «Евгенія Онѣгина», въ повѣстяхъ въ прозѣ, впрочемъ съ нѣкоторыми оговорками, напр. въ отношеніи «Барышни-крестьянки» и отчасти «Дубровскаго», въ которомъ нельзя отрицать нѣкотораго мелодраматизма на-ряду съ реальнѣйшимъ изображеніемъ Троекурова, подъячихъ и проч.,—и наконецъ въ такихъ высоко-художественныхъ созданіяхъ Пушкинскаго генія въ области драмы, какъ «Скупой Рыцарь», «Каменный Гость», «Моцартъ и Сальери».

Но дѣло все-таки въ томъ, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ не Пушкинъ, а Гоголь проложилъ широкій путь своимъ продолжателямъ и именно благодаря ему та струя реализма, о которой говоритъ Миллеръ въ выше приведенныхъ строкахъ, обратилась въ потокъ, наводнившій всю русскую литературу,—уже потому, что онъ ближе подошелъ къ изображенію повседневной дѣйствительности.

Гоголь живѣе и глубже всѣхъ чувствовалъ жизненность реализма и

необходимость почерпать сюжеты изъ окружающей жизни. Онъ не разъ поражалъ въ своихъ сочиненіяхъ своей необычайной способностью схватывать живьемъ обыденные типы самого Пушкина, который не могъ такъ проникать въ мелочи жизни, какъ Гоголь, такъ что, слушая его чтеніе и узнавая въ его рельефномъ изображеніи многое такое, чего онъ раньше не замѣчалъ, онъ съ глубокой грустью воскликнулъ однажды: «Боже, какъ грустна наша Россія»! Аксакова, опытнаго и умнаго литератора Гоголь просто ошеломилъ вѣрнымъ замѣчаніемъ о томъ, что «комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его». Въ этихъ словахъ для того времени заключалось цѣлое откровеніе, и его-то Гоголь сообщилъ С. Т. Аксакову непосредственно, а другимъ писателямъ—своими произведеніями. Извѣстно далѣе, что лучшія свои произведенія Аксаковъ создалъ благодаря вліянію Гоголя. Пушкинъ и Лермонтовъ имѣли еще пристрастіе къ героическимъ личностямъ и сюжетамъ, и если подъ ихъ перомъ создавались чудные перлы поэзіи, то въ значительной степени излюбленная сфера ихъ творчества оставалась удѣломъ только ихъ самихъ.—«Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Демонъ», «Хаджи Абрекъ», безспорно, геніальныя вещи, но къ послѣдующей литературѣ они имѣютъ самое слабое отношеніе. При всемъ глубокомъ реализмѣ такихъ лицъ, какъ «Скупой баронъ» или «Донъ-Жуанъ», созданіе подобныхъ характеровъ по плечу только такому же художнику, какъ Пушкинъ. Конечно, это отнюдь не укоръ; вѣдь и по слѣдамъ Шекспира создавать не легко. Какая чудная вещь «Моцартъ и Сальери»; но какое отношеніе имѣетъ эта драма къ послѣдующей литературѣ?

Слѣдовать въ творчествѣ Гоголю по самому характеру изображаемыхъ имъ типовъ было несравненно доступнѣе для его преемниковъ. Создавать поэмы вродѣ «Полтавы» или «Мѣднаго Всадника» и драмы вродѣ «Каменнаго Гостя» послѣ Пушкина никому еще не удавалось,—это фактъ, и дать что-нибудь цѣнное въ этомъ родѣ, что не было бы каррикатурой на названныя произведенія, весьма и весьма трудно, хотя то же можно сказать о «Тарасѣ Бульбѣ» Гоголя. Напротивъ повѣсти Пушкина и Гоголя и комедіи послѣдняго положительно открыли путь другимъ, и напр. совершенно не подлежитъ сомнѣнію, что именно пьесы Гоголя послужили надежной путеводной звѣздой для Островскаго и въ значительной степени создали современный репертуаръ. Но если относительно бытовыхъ драматурговъ справедливо только-что сказанное замѣчаніе, что съ другой стороны Пушкинъ своимъ «Борисомъ Годуновымъ» показалъ, какъ слѣдуетъ писать историческія хроники.

Но и тутъ есть еще другой вѣчный образецъ—Шекспиръ, который сильно оспариваетъ въ данномъ случаѣ монополію вліянія Пушкина, тогда какъ нельзя того же сказать въ равной степени о соперничествѣ съ Гоголемъ иностранныхъ драматурговъ соотвѣтствующей области. Также и въ романѣ и повѣсти вліяніе разсказовъ Бѣлкина только неисправимо предубѣжденный человѣкъ могъ бы поставить на-ряду съ вліяніемъ Гоголевскихъ произведеній, хотя въ историческомъ романѣ напротивъ, можетъ быть, чаще можно найти слѣды «Арапа Петра Великаго» и «Капитанской дочки», нежели «Тараса Бульбы».

Мнѣ могутъ возразить, что все это понятно само собой и всѣмъ извѣстно; но вѣдь высказываются же подобныя оспариваемымъ мною мнѣнія такими почтенными и высоко образованными людьми, какъ П. Д. Боборыкинъ! Оговоримся впрочемъ, что мы не столько настаиваемъ на подробностяхъ, сколько стараемся разъяснить нашъ общій.

Къ сказанному прибавимъ, что намъ кажется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, предположеніе извѣстнаго взаимновліянія въ творчествѣ обоихъ нашихъ величайшихъ корифеевъ, и если Бѣлинскій, объясняя отношеніе Пушкина къ предшествующей литературѣ, сравниваетъ его съ рѣкой, поглощающей въ себя множество большихъ и малыхъ притоковъ, то трудно думать, что его художественная воспріимчивость на этомъ и застыла и ограничивалась лишь раннимъ возрастомъ и предшественниками. Но, разумѣется, мы понимаемъ возможность обратнаго вліянія Гоголя на Пушкина не въ грубомъ смыслѣ, а въ томъ, что Гоголь, въ свою очередь, могъ и долженъ былъ облегчить Пушкину вступленіе на путь реализма или, точнѣе, помочь дальнѣйшимъ успѣхамъ его въ данномъ направленіи. Думаемъ, что если бы Пушкинъ прожилъ долѣе, то это взаимновліяніе могло бы обозначиться замѣтнѣе. Вспомнимъ, что вѣдь и о сюжетахъ, переданныхъ Пушкинымъ Гоголю, мы узнаемъ не изъ самыхъ произведеній послѣдняго, а изъ непосредственныхъ признаній самого Гоголя. Вообще же Пушкинъ, Гоголь, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ трудились на одной нивѣ, на которой имѣли предшественниковъ и, въ свою очередь, всѣ болѣе или менѣе приняли участіе въ образованіи новыхъ талантовъ.

Возвращаясь къ Пушкину, мы должны сказать еще, что не только по особенностямъ своего таланта, какъ обыкновенно думаютъ, но и по условіямъ своего круга и воспитанія, Пушкинъ стоялъ дальше отъ мелкой дѣйствительности, а, съ другой стороны, захваченная его творчествомъ сфера далеко выходила за предѣлы національной жизни. Но его послѣдніе романы и повѣсти, несомнѣнно, показываютъ, что онъ все болѣе вступалъ на путь реализма или, точнѣе, расширялъ его сферу въ своихъ произведеніяхъ. Такъ какъ, между прочимъ, онъ все болѣе склонялся въ послѣдніе годы также къ изображенію житейской прозы,

то мы, съ большимъ основаніемъ, имѣемъ право предполагать, что впослѣдствіи все шире и разностороннѣе онъ захватывалъ бы изображеніе русской дѣйствительности. За это ручается его живая отзывчивость, совершенно исключающая возможность замкнуться въ художественномъ квіэтизмѣ, отзывчивость, которою полна вся его поэзія, и тѣ мѣткія характеристики и драгоцѣнные критическіе перлы, при всей своей простотѣ блещущіе силой необыкновеннаго ума, которые такъ щедро разсѣяны въ его письмахъ.

Въ Лермонтовѣ также, по выраженію Гоголя, «готовился будущій великій живописецъ русскаго быта». Наконецъ, поразительнѣе всего видна была побѣда разума на критической дѣятельности Бѣлинскаго. Очевидно, въ поступательномъ движеніи русской литературы совершался общій процессъ, которому неизбѣжно поддавались всѣ лучшія силы, и Гоголь былъ въ самомъ центрѣ этого процесса, заключавшагося въ возмужаніи русской литературы и въ торжествѣ свойственныхъ порѣ зрѣлости реализма и критическаго направленія.

3.

Гончаровъ, не вдаваясь въ сравнительную оцѣнку вліянія Пушкина и Гоголя на послѣдующую литературу, въ общемъ замѣчательно мѣтко и вѣрно, съ свойственной ему проницательностью и уравновѣшенностью сужденія, охарактеризовалъ мимоходомъ и взаимное отношеніе обоихъ главныхъ корифеевъ нашей литературы и значеніе каждаго изъ нихъ. «Школа Пушкино-Гоголевская»,—говорилъ онъ,—«продолжается доселѣ, и всѣ беллетристы только разработываютъ завѣщанный ими матеріалъ». Въ настоящее время эти слова должны быть, впрочемъ, приняты съ нѣкоторой оговоркой въ отношеніи народниковъ и одного новѣйшаго оригинальнаго писателя, но за этимъ исключеніемъ они сохраняютъ и по сію пору всю свою силу. Далѣе, признавая Пушкина «родоначальникомъ русскаго искусства», онъ прибавляетъ: «въ Пушкинѣ кроются всѣ сѣмена и задатки, изъ которыхъ родились потомъ всѣ роды и виды искусства во всѣхъ нашихъ художникахъ», и не забываетъ указать также на то, что у Пушкина и Гоголя «прелесть, строгость и чистота формы—та же; вся разница въ бытѣ, обстановкѣ и сферѣ дѣйствій, а творческій духъ одинъ, у Гоголя весь перешедшій въ отрицаніе». Но о Гоголѣ онъ прибавляетъ, что ни у кого «не найдешь больше правды въ образахъ».

Къ этимъ, безусловно вѣрнымъ замѣчаніямъ, мы прибавили бы, въ интересахъ занимающаго насъ сравненія, что въ существѣ духовной природы Пушкина, въ этой замѣчательно разносторонней и богато ода-

ренной личности были также несомнѣнные задатки критическаго направленія мысли и творчества, и мы должны въ немъ цѣнить не одно артистическое совершенство формы его художественныхъ созданій, но всѣ въ нераздѣльности проявленія его мыслящаго и творческаго духа, потому что работа мысли и критическая способность всегда и во всѣхъ случаяхъ составляетъ величайшее преимущество человѣка, высшее торжество его безсмертной природы. И оспаривая ближайшее и преимущественное вліяніе Пушкина на нашу реальную школу, мы охотно готовы признать за нимъ не менѣе важное значеніе въ исторіи нашей литературы, приблизительно то, которое указано Гончаровымъ.

Отъ Пушкина ведетъ свое начало все. Какъ Ломоносовъ, говоря о Петрѣ Великомъ, затрудняется найти ему равнаго; какъ Неплюевъ сказалъ о немъ въ своихъ запискахъ: «на что ни взгляни въ Россіи, все его началомъ имѣетъ, и что́ бы впередъ ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ»; такъ и Пушкину навѣки принадлежитъ самое почетное и центральное мѣсто въ русской литературѣ (наравнѣ, конечно, съ Гоголемъ). Все, что̀ предшествовало Пушкину, было временемъ роста, когда не окрѣпшій еще организмъ только формировался и набиралъ силы, а духовное развитіе нуждалось въ постороннемъ руководительствѣ и въ подражаніи иностраннымъ образцамъ. Все, что̀ было свѣтлаго, талантливаго и выдающагося послѣ, также обязано Пушкину и Гоголю. Въ критическихъ отзывахъ о Пушкинѣ мы можемъ смѣло видѣть пробный камень вкуса и дарованія самихъ критиковъ. Правда, была одна талантливая филиппика противъ Пушкина, но и на нее можно было бы отвѣтить словами другого поэта:

„Спаситель Пушкинъ! Вотъ страница:
Прочти и перестань корить".

Но все же припомнимъ опять слова Гончарова о Гоголѣ: «ни у кого не найдешь больше правды въ образахъ», и все же самое существенное вліяніе ихъ на новѣйшую литературу принадлежитъ именно ему.

Укажемъ теперь нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ вліянія Пушкина и Гоголя, частью засвидѣтельствованнаго самими авторами. Мы уже говорили о вліяніи Гоголя на Аксакова. Въ своей статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» Гончаровъ прямо заявилъ, что ему могли бы замѣтить, что еще задолго до «Обломова» и «Обрыва» отношенія между героями и героинями, подобныя изображеннымъ у него, встрѣчаются въ романѣ Пушкина «Евгеній Онѣгинъ». Съ другой стороны, едва ли онъ могъ бы отрицать многія сходныя черты въ описаніи Обломовки съ изображеніемъ быта старосвѣтскихъ помѣщиковъ, а въ Обломовѣ то маниловщину, то робкую и застѣнчивую нерѣшительность

Шпоньки и Подколесина (въ отношеніи брака), то, наконецъ, безплодную, но задающуюся огромными планами, нравственную распущенность, свойственную Тентетникову и Манилову. Далѣе, развѣ въ Тарантьевѣ Гончарова и «Нашихъ Безобразникахъ» мы не находимъ нѣкоторыхъ ноздревскихъ чертъ, а въ Штольцѣ и Тушинѣ—отголосковъ тенденціозной и ходульной идеализаціи Костанжогло и другихъ героевъ второго тома «Мертвыхъ Душъ»? Въ Тушинѣ, напримѣръ, по словамъ Гончарова, «крылась безсознательная, природная почти непогрѣшительная система жизни и дѣятельности».

Вообще у каждаго писателя мы можемъ найти съ одной стороны слѣды вліянія унаслѣдованной отъ предшественниковъ сокровищницы наблюденій и художественныхъ образовъ, а съ другой стороны—вліянія среды и впечатлѣній личной жизни. Никакой геніальный художникъ, даже самъ Шекспиръ, не въ состояніи былъ обойтись безъ заимствованныхъ, но творчески переработанныхъ сюжетовъ. Но кромѣ того, у большинства писателей замѣчается нѣкоторая повторяемость типовъ, сходныхъ картинъ и даже мелкихъ подробностей. Мы не разъ указывали это въ отношеніи произведеній Гоголя. У Лермонтова бросается въ глаза пристрастіе къ немногимъ избраннымъ характерамъ и даже къ одной часто повторяющейся у него фамиліи. У Льва Толстого очень замѣтно сродство между матерью Николеньки и Маріей Болконской и есть сходныя черты въ Иртеньевѣ, Неклюдовѣ, Оленинѣ и Левинѣ (какъ полагаютъ, это изображенія самого Толстого въ разные періоды его жизни) и наконецъ также пристрастіе къ одной излюбленной фамиліи. У Алексѣя Толстого въ его драмахъ оказываются необыкновенно сходными добродѣтельныя лица, какъ Захарьинъ-Юрьевъ и Иванъ Петровичъ Шуйскій. Гончаровъ самъ говоритъ, что Ольга въ «Обломовѣ» та же Наденька «Обыкновенной Исторіи» и даже сливалъ ихъ въ одну личность, называя ихъ въ очеркѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» двойнымъ именемъ: «Наденька-Ольга». Въ подобныхъ излюбленныхъ типахъ и мелкихъ аксессуарахъ творчества особенно ярко отражается индивидуальность автора, а съ другой стороны во многомъ иномъ чувствуется вліяніе предшествующихъ образцовыхъ писателей. Иногда же оба эти элемента перепутываются и сливаются вмѣстѣ. Такъ въ «Обрывѣ» въ личности Райскаго мы узнаемъ общія черты съ Александромъ Адуевымъ, и особенно поразительно сходство въ наклонности обоихъ быстро и безпрестанно перескакивать отъ одного предмета увлеченія къ другому и вмѣстѣ съ тѣмъ у обоихъ много общаго съ Тентенниковымъ въ отношеніи ихъ первоначальныхъ служебныхъ впечатлѣній; наконецъ, у всѣхъ трехъ, какъ давно указалъ Добролюбовъ, есть несомнѣнное сходство съ Обломовымъ въ ихъ безрезультатной талантливости.

*

Разобрать и разграничить всѣ эти элементы въ произведеніяхъ каждаго крупнаго писателя и привести нѣкоторыя частности въ связь съ біографіями самихъ писателей—дѣло будущаго. Это могла бы быть интересная и благодарнѣйшая задача для историко-литературнаго изслѣдованія, но мы, конечно, можемъ здѣсь лишь вскользь указать на нее.

4.

Все согласно свидѣтельствуетъ о необычайной жизненной мощи и капитальномъ значеніи двухъ нашихъ величайшихъ геніевъ; ихъ дѣятельность и эпоха долго будутъ давать обильный матеріалъ для интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи нашей литературы: до такой степени все это ярко и живо, до такой степени дышетъ волшебной силой жизни и такъ драгоцѣнно въ отношеніи послѣдующей литературы. Время показало, что въ признаніи ихъ великаго значенія не ошиблись современники, и если иногда и теперь случайно промелькнетъ въ печати хула на нихъ, то она совершенно безсильна. Лѣтъ десять тому назадъ нашелся одинъ второстепенный критикъ, позволившій въ никѣмъ не замѣченной статьѣ себѣ съ осужденіемъ говорить, что или прямо сатира «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора», или изображеніе горькихъ, жалкихъ и болѣзненныхъ явленій нашей жизни, некрасиваго трагизма нашихъ будней въ «Шинели», «Невскомъ Проспектѣ» и «Запискахъ Сумасшедшаго», оставляли сильный, глубокій и до сихъ поръ трудно изгладимый слѣдъ на послѣдующей литературѣ» и что «можно даже позволить себѣ сказать прямо, что изъ двухъ-трехъ петербургскихъ повѣстей Гоголя вышелъ и развился почти весь болѣзненный и односторонній талантъ Достоевскаго, точно такъ же, какъ почти весь Салтыковъ вышелъ изъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Авторъ приведенныхъ строкъ хотѣлъ сказать порицаніе и невольно для себя сказалъ похвалу, признавъ могущественное вліяніе Гоголя на такихъ тузовъ литературы, какъ Салтыковъ и Достоевскій. Но онъ по недоразумѣнію противополагалъ Гоголя Пушкину, забывая, что Пушкинъ былъ «крестнымъ отцомъ» названныхъ произведеній по сугубой чести для себя и къ великой славѣ для русской литературы и вообще далъ какъ бы благословеніе дѣятельности Гоголя, чего онъ не могъ бы сдѣлать, если бы всегда послѣдовательно держался мнѣнія, что писатели созданы исключительно «для звуковъ сладкихъ и молитвъ», потому что только слѣпой и недальновидный судья, а никакъ не Пушкинъ, могъ проглядѣть великое общественное значеніе Гоголевской сатиры и то критическое направленіе, которымъ насквозь проникнуты его лучшія созданія. Да вѣдь и самъ Пушкинъ былъ авторомъ «Деревни», «Анчара» и проч.

и, безъ сомнѣнія, авторъ стихотворенія «Деревня» восторженно привѣтствовалъ бы автора повѣсти того же названія и прекрасную тенденціозность «Записокъ Охотника», тенденціозность не въ художественномъ, а въ идейномъ смыслѣ. Могъ ли Пушкинъ, сказавшій: «да здравствуетъ разумъ! да скроется тьма!» отречься отъ такихъ преемниковъ въ идейномъ смыслѣ, какъ Бѣлинскій, Некрасовъ, Достоевскій, Салтыковъ, душу свою полагавшихъ за честную борьбу съ невѣжествомъ и зломъ? И не признавали ли его всѣ позднѣйшіе писатели вмѣстѣ съ Гоголемъ своими первыми и лучшими вождями? Не пора ли, наконецъ оставить ненужныя противопоставленія ихъ другъ другу, тогда какъ сами они были совершенно чужды борьбы и соревнованія и потомство увѣнчало ихъ равной славой?

Въ скоромъ времени будетъ воздвигнутъ памятникъ Гоголю, и нельзя не пожалѣть, что по условіямъ мѣста ихъ памятники не могутъ находиться близко одинъ отъ другого. Пожелаемъ, чтобы памятникъ Гоголю вышелъ такъ же удачно, какъ памятникъ Пушкину.

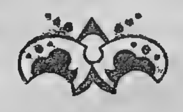
Если въ жизни и творчествѣ Пушкина есть что-то даже пророческое, какъ утверждаетъ Достоевскій, что это великое и таинственное чувствуется не только въ его произведеніяхъ, но даже въ самомъ его внѣшнемъ обликѣ есть что-то глубоко знаменательное; въ нихъ чувствуется возвышенный, благородный духъ, украшенный всѣми аттрибутами царственнаго величія, духъ свѣтлый, могучій и свободный. Въ его памятникѣ на Тверскомъ бульварѣ въ Москвѣ передъ нами возвышается фигура гордая, величавая, съ печатью глубокой думы на геніальномъ челѣ; отъ всей фигуры такъ и вѣетъ спокойнымъ торжествомъ мысли и какой-то вѣчной красотой свободы и сознанія собственнаго достоинства. Невольно чувствуешь величайшее благоговѣніе при видѣ этого высокаго благородства, этой чудной мощи духа, а особенно этого мирнаго торжества и владычества генія, котораго слава по праву побѣждаетъ и затмеваетъ всякое призрачное, временное и условное величіе, и наполняетъ душу великими надеждами на будущія завоеванія человѣка въ области духовнаго совершенствованія. При взглядѣ на памятникъ Пушкина, видишь что-то царственное въ лучшемъ значеніи слова, властное, возвышенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ не подавляющее своимъ величіемъ, а какъ все истинно великое, воодушевляющее и бодрящее. Въ этой осанкѣ, въ этихъ благородныхъ очертаніяхъ есть что-то вдохновенное и чарующее. Спокойно, съ торжественнымъ безмолвіемъ смотритъ великій геній съ своего громаднаго пьедестала на суетныя мимо идущія поколѣнія, передавая имъ какой-то чудный, вѣковѣчный завѣтъ...

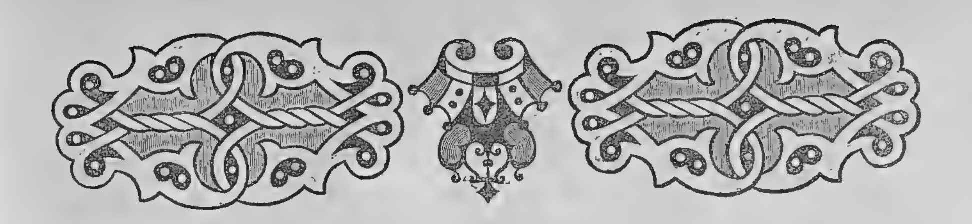
Что же намъ желать въ отношеніи памятника Гоголю?

Трудно, но не невозможно будущему творцу памятника Гоголя

уловить и выразить его тонко-проницательный взоръ и дать почувствовать его глубокую задушевную скорбь при видѣ «мелочей опутавшихъ нашу повседневную жизнь, всей глубиной холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога!» Чѣмъ живѣе будетъ выражена и передана тоска пораженнаго пошлостью обыденной прозы наблюдателя, чѣмъ онъ ближе будетъ казаться къ вѣчно смѣняющимся передъ его фигурой картинамъ мелкой житейской суеты, тѣмъ памятникъ выйдетъ удачнѣе, и кажется, что сидячая фигура будетъ здѣсь больше у мѣста. Необходимо затѣмъ, кромѣ глубокаго раздумья, дать зрителю намекъ на только-что происходившую въ драмѣ Гоголя борьбу чувствъ, окончившуюся побѣдой грусти надъ миновавшимъ свѣтлымъ настроеніемъ, неразлучнымъ съ юморомъ и чарами творчества,—словомъ, выразить то, что̀ геніальный критикъ, говоря о повѣстяхъ Гоголя, называетъ «комическимъ воодушевленіемъ, всегда побѣждаемымъ глубокимъ чувствомъ грусти и унынія» и за что̀ Пушкинъ прозвалъ своего младшаго собрата «великимъ меланхоликомъ». Но въ грусти сердечной, глубокой и сосредоточенной, не должно быть признаковъ подавленнаго и безнадежнаго унынія и во взорѣ должна свѣтиться геніальная мысль. Самоуглубленный взоръ Гоголя долженъ говорить и о жгучей, мучительной потребности идеала въ послѣднюю пору его жизни и о высокомъ духовномъ подъемѣ. Трудна эта задача, но велика была бы хвала художнику, который сумѣлъ бы это выразить.

Владиміръ Шенрокъ.

Къ біографіи графа М. М. Сперанскаго.

Матеріалы.—Замѣтки барона М. А. Корфа.

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

1.

Проповѣдь, произнесенная Сперанскимъ въ 1791 году.

Баронъ М. А. Корфъ, разсказывая въ «Жизни графа Сперанскаго» о пребываніи его въ Александроневской семинаріи, упоминаетъ о нѣсколькихъ проповѣдяхъ, или словахъ, произнесенныхъ Сперанскимъ въ бытность его семинаристомъ. Къ сожалѣнію, барону Корфу не удалось ихъ отыскать, за исключеніемъ лишь проповѣди, сказанной въ 1791 г. въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ [1]). Въ 1862 году на страницахъ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» были изданы три слова Сперанскаго, относящіяся ко времени пребыванія его въ Александроневской семинаріи, въ томъ числѣ и слово, говоренное въ 1791 году въ недѣлю мясопустную [2]), указаніе на которое помѣщено въ книгѣ

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, т. I, стр. 28—29.

[2]) См. „Ярославскія Епарх. Вѣдомости“ 1862 г., часть неоффиц., № 6, стр. 59—65. Другія два слова, напечатанныя въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“ 1862 г., слѣдующія: Слово на день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи (№ 13, стр. 127—131) и на день св. Іоанна Златоустаго (№ 25, стр. 235—240). Всѣ три „слова“ были сообщены бывшимъ учителемъ Ярославскаго духовнаго училища А. П. Петровымъ, отецъ котораго былъ сверстникъ Сперанскаго. Не такъ давно, въ 1892 и 1893 гг., два изъ этихъ словъ снова были напечатаны Н. Н. Корсунскимъ въ „Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, именно: слово въ недѣлю мясопустную 1791 г. въ № 4 за 1893 г. (есть и отдѣльный оттискъ, Ярославль, 1893, 8°, 2 ненум. и 10 стр.), а слово

барона Корфа. Проповѣдь, произнесенную Сперанскимъ въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ того же 1791 года, баронъ Корфъ имѣлъ подъ руками, но въ книгѣ своей не помѣстилъ. Между тѣмъ эта проповѣдь имѣетъ такую же цѣну для тогдашней характеристики Сперанскаго, какъ и извѣстный календарикъ 1788 года[1]). «Расположеніе, слогъ, картины, вообще внѣшняя обстановка, хоть все это было тоже выше своего времени, здѣсь—на второмъ планѣ, замѣчаетъ баронъ Корфъ.— Гораздо важнѣе—общее направленіе проповѣди, общій ея духъ, возбуждавшіе невольно мысль, что автору суждено быть, въ будущемъ, не смиреннымъ служителемъ церкви, а государственнымъ дѣятелемъ. Во всей проповѣди—и это тоже своего рода особенность—нѣтъ ни одного церковнаго текста, кромѣ поставленнаго въ самомъ ея заглавіи. Но всего замѣчательнѣе одно мѣсто, одна такая вспышка, которая поражаетъ совершенною неожиданностью въ 19-лѣтнемъ юношѣ-затворникѣ». Это-то мѣсто и остановило Корфа напечатать проповѣдь въ его книгѣ. Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» [2]) сохранился полный списокъ этой проповѣди.

Проповѣдь, говоренная Сперанскимъ въ недѣлю осьмугюнадесять, 8-го [3]) октября 1791 года въ Александроневской лаврѣ.

„Не бойся, отселѣ будеши человѣки ловя“.
(Луки, гл. 5, ст. 10).

Въ чтенномъ нынѣ евангеліи мы находимъ одно изъ важнѣйшихъ приключеній въ исторіи христіанства. Шествуя по слѣдамъ его отъ самаго его рожденія, мы вездѣ встрѣчаемъ превосходства; вездѣ находимъ пути простые, начала малыя, событія чрезвычайныя. Званіе Петра на степень апостола есть одно изъ такихъ явленій. Рыбарь, отъ мрежи, человѣкъ безъ просвѣщенія, безъ воспитанія, безъ знанія свѣта и сердецъ, воззывается Христомъ къ дѣлу проповѣданія. Судя по обыкновенному, нельзя было вѣрнѣе повредить своимъ намѣреніямъ; нельзя было, для столь великаго конца, избрать худшія средства. Но въ досаду мнимому просвѣщенію, въ укоризну мудрованію свѣта, Петръ невѣже-

---

въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи въ № 20 за 1892 г. (есть и отдѣльный оттискъ, 8°, 8 стр.).

[1]) Этотъ календарикъ напечатанъ въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. I, стр. 18—24.

[2]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., январь, стр. 152—153.

[3]) Такъ стоитъ въ спискѣ (снятомъ съ подлинника, находившагося въ бумагахъ Самборскаго, о чемъ см. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, стр. 28). Но это, очевидно, описка; слѣдуетъ читать 5 октября, на которое падала въ 1791 году недѣля 18-я по Пятидесятницѣ.

ствующій назначается въ учители мудрымъ, предпоставляется къ плѣненію сердецъ въ послушаніе вѣры. «Не бойся, рекъ ему Христосъ, отселѣ будеши человѣки ловя».

Мудрецы свѣта! васъ природа, кажется, предопредѣлила къ тому, чтобъ просвѣщать человѣковъ, сообщая наилучшіе свои дары; она отверзла предъ вами святилище своихъ дѣяній; вы были наперсниками ея тайнъ; для васъ она, кажется, отступила отъ собственныхъ своихъ путей; для всѣхъ другихъ сокровенна, вамъ однимъ явилась она безъ покрывала. Она подняла васъ на высоту, съ которой, озирая родъ человѣческій, вы смѣялись бы, или, лучше, жалѣли бы о его заблужденіи; она раскрыла предъ вами сокровеннѣйшіе исходы человѣческаго сердца, указала вамъ, собственною своею рукою, первыя движущія его начала. Вамъ свѣдомы, такъ сказать, стихіи нашихъ дѣлъ, нашихъ намѣреній, нашихъ мыслей. Но зрите, васъ забываетъ Богъ, когда избираетъ орудія Своего слова. Исторія человѣческаго разума прославляетъ васъ, яко героевъ истины и проповѣдниковъ просвѣщенія; но о васъ молчитъ исторія вѣры: ея герои суть рыбари и простолюдины. Имъ говорятъ: не бойтеся, отселѣ будете человѣки ловя; а вы вводитесь тамъ только для того, чтобъ посрамить въ лицѣ вашемъ мудрость человѣческую и обнажить всю ея тщету.

Буія міра избра Богъ, да посрамитъ мудрыя. Сіе изображеніе Божіе прилагаетъ печать достовѣрности къ той истинѣ, что мудрость безъ праводушія, безъ сего младенческаго смиренія и простоты, есть только слабое отраженіе истиннаго свѣта. Разсмотримъ сію истину въ трехъ главныхъ ея отношеніяхъ: къ обществу, къ себѣ и къ нашему концу.

Тѣ, кои безпристрастно разсматривали начала нашего просвѣщенія и дерзали нисходить до перваго, такъ сказать, звена, гдѣ сія необъятная почти цѣпь начинается, имѣли причину опредѣлить его черезъ составъ наилучшихъ мыслей во всякомъ родѣ, чрезъ собраніе множества опытовъ, чрезъ соображеніе частныхъ случаевъ и чрезъ приведеніе ихъ къ общимъ понятіямъ. А посему частное каждаго просвѣщеніе не есть, собственно говоря, плодъ единаго ума, сколько бы, впрочемъ, онъ ни казался выходящимъ изъ круга умовъ обыкновенныхъ. Сія высота, на которой онъ стоитъ, не есть собственная его; онъ на нее восходилъ по степенямъ, еще прежде него положеннымъ, и все его достоинство состоитъ только въ томъ, что онъ пришелъ туда—позже другихъ. Сія громада совершенствъ не есть опытъ обыкновенныхъ силъ его: она есть трудъ вѣковъ, усиліе дарованій, отъ начала свѣта до временъ его существовавшихъ. Они пріуготовили матерію его мыслямъ, отверзли источникъ изобрѣтательной его силѣ, отворили богатую жилу его трудамъ, и на собственномъ величіи своемъ соорудили храмъ его славы. Мы отдаемъ всю справедливость благодѣтельной природѣ. Но сія нѣж-

ная мать не можетъ ничего сообщить чадамъ, наиболѣе любимымъ ею, какъ только одни начала, одни изящныя сѣмена просвѣщенія; возрастить и усовершить ихъ предоставлено человѣкамъ.

Но человѣки, если бъ не предполагали въ семъ новорожденномъ умѣ того ревнія къ общей пользѣ, которое ихъ воодушевляло, если бъ они не почитали его нѣкоторымъ родомъ провода, коимъ знаніе ихъ будетъ непримѣтными пучинами кругообращаться въ обществѣ и прольется, наконецъ, къ ихъ потомкамъ: какое бы могли взять участіе въ его усовершеніи? Какая выгода скрывать знанія свои—цѣну толикихъ трудовъ и безпокойствій—въ такое влагалище, которое для всѣхъ закрыто? На что возжигать свѣтильникъ и поставлять его подъ спудомъ? Это бы значило дѣлать вѣчно первый только шагъ къ просвѣщенію, вѣчно начинать и не поступать далѣе. Итакъ корень нашего просвѣщенія утвержденъ на добродушіи тѣхъ, кои его намъ сообщили. Питательная влага, возраставшая сіе древо, подъ коимъ самолюбіе наше съ толикимъ удовольствіемъ покоится, есть доброта сердца, правота намѣреній, презрѣніе выгодъ человѣчества: слѣдственно предполагать въ просвѣщеніи без нравовъ нѣчто существеннѣйшее, нежели призракъ совершенства, есть знать, что имъ оно одолжено и самымъ бытіемъ своимъ.

Съ другой стороны, если оно не есть наше собственное стяжаніе, то мы не иначе на него взирать можемъ, какъ на залогъ, ввѣренный намъ для того, чтобы мы съ избыткомъ возвратили его обществу, какъ родъ долга, который мы, занявъ у нашихъ предшественниковъ, должны возвратить съ лихвою нашимъ потомкамъ. Но сія жертва, сколько она ни велика кажется, можетъ ли одна, безъ всякаго участія со стороны нашего сердца, удостовѣрить общество въ нашемъ къ нему усердіи? Просвѣщеніе безъ праводушія входитъ ли въ существенныя основанія о Божествѣ? Крѣпитъ ли ихъ? Содѣйствуетъ ли благу человѣковъ?

Отдаленіе времени и различіе обстоятельствъ сколько ни закрываетъ отъ насъ начала обществъ, между тѣмъ, однакожъ, сіе остается несспоримо, что какого бы рода ни предполагаемы были побужденія собраться людямъ во-едино, первая ихъ основа всегда должна лежать на взаимныхъ выгодахъ; но сіи выгоды безъ довѣрія, а довѣріе безъ доброты сердца существовать не могутъ. Разумъ дастъ наилучшій чертежъ для образованія общества, напишетъ наилучшіе законы, предусмотритъ неудобства, ограничитъ силу властей, проведетъ черту порядка и подчиненія и напередъ разрѣшитъ могущія встрѣтиться затрудненія; но, имѣя развращенное сердце, онъ первый въ жизни своей покажетъ примѣръ разстройства, первый введетъ замѣшательство и безначаліе, первый розорветъ тѣ священныя узы, коими связуются выгоды сочле-

новъ, и, словомъ, первый готовъ будетъ разрушить собственное свое произведеніе. Пружина, дающая ходъ системѣ общества, очень проста: люби твоихъ собратій, помогай имъ—вотъ все таинство ея дѣйствій! Множество законовъ, сплетеніе правъ, трудность сообразить преимущества каждаго съ выгодами всѣхъ доказываютъ только развращеніе нашего сердца, разнообразіе нашихъ страстей, недостатокъ единства въ желаніяхъ, нимало не вводя ихъ въ существенное общества состояніе. Они возникли уже въ позднія времена устроенія обществъ и едва ли не тогда, какъ расширеніе круга наукъ отверзло новые пути нашимъ желаніямъ, умножило наши нужды, утончивъ наши страсти, и, удаливъ отъ простоты естества, заставило искать удовольствій далеко отъ себя, въ поддѣланномъ искусствѣ. Это правда, что сообщать блескъ наружной славы, дать обществу видъ величія одно только можетъ просвѣщеніе. Но будь премудрый государь, поставь престолъ свой на столбахъ твердѣйшей политики, призови къ поддержанію его превосходныя дарованія, блистай съ него умомъ твоимъ въ концы вселенныя, заставь славу возглашать немолчною трубою твое знаніе, твои высокіе таланты—тебѣ будетъ удивляться свѣтъ; но если ты не будешь на тронѣ человѣкъ; если сердце твое не познаетъ обязательствъ человѣчества; если не сдѣлаешь ему любезными милость и миръ, не низойдешь съ престола для отренія слезъ послѣдняго изъ твоихъ подданныхъ; если твои знанія будутъ только пролагать пути твоему властолюбію; если ты употребишь ихъ только къ тому, чтобъ искуснѣе позлатить цѣпи рабства, чтобъ непримѣтнѣе наложить ихъ на человѣковъ и чтобъ умѣть казать любовь къ народу и, изъ подъ занавѣсы великодушія, искуснѣе похищать его стяжаніе на прихоти твоего сластолюбія и твоихъ любимцевъ, чтобъ поддержать всеобщее заблужденіе, чтобъ изгладить совершенно понятіе свободы, чтобъ сокровеннѣйшими путями провесть къ себѣ всѣ собственности твоихъ подданныхъ, дать чувствовать имъ тяжесть твоея десницы и страхомъ увѣрить ихъ, что ты болѣе, нежели человѣкъ: тогда, со всѣми твоими дарованіями, со всѣмъ симъ блескомъ, ты будешь только—счастливый злодѣй; твои ласкатели внесутъ имя твое золотыми буквами въ списокъ умовъ величайшихъ, но поздняя исторія черною кистію прибавитъ, что ты былъ тираннъ твоего отечества [1]). Будь судья и наилучшій правовѣдецъ; открой истинный разумъ

---

[1]) Къ этому мѣсту проповѣди (со словъ: „но если ты не будешь на тронѣ человѣкъ“) баронъ Корфъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе, при чемъ впослѣдствіи приписалъ, что эта выноска написана была имъ въ царствованіе императора Николая I-го: „Вся вышеизложенная картина чрезвычайно примѣчательна, и въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, откуда у 19-тилѣтняго юноши, не видавшаго ничего, кромѣ сельской хаты своихъ родителей, стѣнъ семинаріи и монастырскихъ келій, взялись такія умныя, живыя и

законовъ; выведи изъ существа дѣла ихъ употребленіе; умѣй развязать узелъ дѣлъ, наиболѣе сплетенныхъ; найди самое тончайшее различіе между порокомъ и порокомъ, между казнію и казнію; упражняйся чрезъ всю твою жизнь въ исторіи человѣческихъ заблужденій и пронырствъ; знай, какимъ образомъ согласить строгость съ милосердіемъ и, въ одномъ и томъ же преступленіи, наказать порокъ, отпустить неосторожность: все сіе знаніе, если не будетъ сопровождаться праводушіемъ, не воспрепятствуетъ тебѣ, при первомъ перевѣсѣ корысти, наклонить вѣсы пра́ва въ пользу виновнаго, быть слѣпу къ невинности, осудить добродѣтельнаго на смерть. Твое свѣдѣніе въ законахъ послужитъ только къ тому, чтобъ извинять строгостію оныхъ твои корыстолюбивые виды, заставить ихъ говорить сообразно твоимъ страстямъ, прикрыть справедливостію ужаснѣйшія злодѣянія и, отклонивъ отъ себя всякое подозрѣніе, исторгнуть у невиннаго и послѣднее его утѣшеніе,—надежду твоея погибели. Пройдите такимъ образомъ всѣ роды состояній, изберите въ нихъ людей со всѣми достоинствами ума, съ глубокимъ свѣдѣніемъ во всѣхъ частяхъ ихъ должности; но отнимите только отъ нихъ добродѣтель, вы, желая подкрѣпить сими столпами общество, поколеблете и тѣ, на коихъ оно прежде стояло. Это суть враги его тѣмъ опаснѣйшіе, что они враги просвѣщенные. Духъ возмущенія и раздора, испровергнувшій толико государствъ, всегда является въ образѣ

тонкія краски для очертанія предмета, изучаемаго только долговременною, высшею опытностію? Не обращаясь къ тяжести и отчасти неправильности языка, впрочемъ мѣткаго и выразительнаго, при чтеніи этой энергической выходки слышишь, кажется, мечущаго съ каѳедры громы свои Боссюэта. Съ другой стороны—и это еще любопытнѣе—какъ дерзнулъ молодой мальчикъ, публично, въ храмѣ, передъ налоемъ, въ стихарѣ служителя церкви, произнести такую отважную филиппику и какъ дерзнуло духовное начальство дозволить ему это? Было ли тутъ сокровенное порицаніе царствованія императрицы Екатерины, или, напротивъ, доказательство, что народъ думалъ и мыслилъ о ней совсѣмъ иначе и что ни одинъ изъ упрековъ проповѣдника не могъ приложиться къ тому образу, который создало себѣ о ней общее мнѣніе, или, по крайней мѣрѣ, мнѣніе огромнаго большинства? По нѣкоторымъ чертамъ картины можно бы почти остановиться на первомъ, но, помышляя о томъ, кто и въ какомъ положеніи написалъ и говорилъ то, что намъ, теперь, кажется столь дерзкимъ, о строгости нашей духовной цензуры, объ умѣ и тонкомъ тактѣ митрополита Гавріила и о другихъ окружавшихъ обстоятельствахъ,—должно, не колеблясь, далеко отвергнуть эту мысль. Сперанскій теоретически начерталъ себѣ обликъ умнаго, но злаго монарха, угадавъ, въ высшемъ прозрѣніи, черты его, какъ впослѣдствіи угадывалъ и многое другое, и начальство его безбоязненно допустило этотъ обликъ, не видя въ немъ никакой примѣнимости къ настоящему. Это не умаляетъ, однакоже, примѣчательности самаго факта, и, конечно, ни въ одно изъ послѣдующихъ царствованій, ни отъ одного изъ нашихъ проповѣдниковъ, не слышалось уже подобныхъ разборовъ въ церкви“.

сихъ великихъ умовъ. Вселенная содрогалась при единомъ слухѣ ихъ именъ. Во всѣхъ ужасна будетъ память Александровъ (Великихъ).

Но если бѣдствія отечества—необходимое почти слѣдствіе просвѣщенія безъ нравовъ—не довольно еще обезсиливаютъ довѣренность къ умамъ таковаго рода, вопросимъ собственное ихъ сердце, вопросимъ его о природѣ его удовольствій и его покоя, который, кажется, написанъ на челѣ ихъ.

Взойти до самыхъ отдаленныхъ началъ вещей; раскрыть вещество ихъ и употребленіе; быть любимцемъ природы и хранителемъ ея тайнъ, и въ кругѣ просвѣщенія занимать мѣсто средоточія, куда стекаются и гдѣ кончатся всѣ линіи затрудненій; быть судьею умовъ и учителемъ добраго вкуса; извлечь изъ современниковъ всеобщее признаніе своихъ дарованій и обѣщать себѣ въ потомствѣ великолѣпныя изваянія, къ коимъ вѣчно будетъ благоговѣть разумъ: участь таковая есть нѣчто столь для человѣка лестное, столь ослѣпляющее, что нѣтъ ничего легче, какъ принять его за истинное изображеніе верховнаго блаженства. Но сіе изображеніе будетъ неестественно и съ подлинникомъ своимъ несходно, если доброта сердца не будетъ дѣлать на немъ главнаго вида; оно будетъ мертво въ глазахъ истиннаго знатока счастія, если та же самая кисть не воодушевитъ его праводушіемъ, не поставитъ тамо добродѣтели въ полномъ ея свѣтѣ. Между сердцемъ и умомъ проведена извѣстная черта раздѣла; не всегда свѣтъ проливается въ первое, не всегда и правота его доказываетъ правоту втораго, и, слѣдовательно, не всегда чувствія счастія отъ перваго сообщаются второму; и, имѣя наилучшій разумъ, почерпая изъ него всѣ выгоды, можно имѣть въ сердцѣ ядъ, ихъ отравляющій. Въ составъ истиннаго счастія разумъ входитъ только побочно; наиболѣе чувствительно, одно сердце имѣетъ столь нѣжное чувствіе, что можетъ измѣрять наималѣйшія его повышенія или пониженія. Мысли, разрѣшай, дроби, составляй, вникай чрезъ всю твою жизнь, будь преобразителемъ системы человѣческихъ знаній; выдержи всѣ громы предразсудковъ; утверди престолъ истины между человѣками и нарекись первымъ ея поборникомъ; но безъ праводушія твой адъ всегда будетъ съ тобою; онъ будетъ въ твоемъ сердцѣ; блистательный твой разумъ освѣтитъ только яснѣе ту бездну, надъ которою ты стоишь; сильнѣе изобразитъ бѣдственное твое положеніе; представитъ всѣ ужасы порока, который тобою обладаетъ, и дастъ совѣсти твоей новыя жала къ твоему уязвленію. Здѣсь нѣтъ мѣста покою, бѣжитъ отсюда счастіе; его прибѣжище есть душа чистая; съ невинностію оно живетъ и въ незазорной совѣсти обитаетъ; дарованія великія или посредственныя, умъ высокій или обыкновенный, для него все равно: его мѣрило сердце.

Но если настоящее наше счастіе не есть наслѣдіе просвѣщенія безъ

добродѣтели, то какіе ужасы для души развращенной отворяетъ будущее!

Трепещетъ самая чистѣйшая непорочность, когда представитъ себѣ тотъ великій часъ, егда Богъ со славою и ангелы Своими пріидетъ судити человѣковъ. Не вопроситъ Онъ насъ: Испытали ли вы таинственные пути Мои? Извѣстенъ ли вамъ ходъ природы? Открыли ли вы ея законы? Проникли ли въ образъ ея дѣйствій? Опредѣлили ли пространство небесъ? Познали ли естество сихъ повѣшенныхъ надъ вами огненныхъ шаровъ?—Нѣтъ, не вопроситъ Онъ о семъ. Онъ потребуетъ у насъ знаковъ благоговѣнія къ Нему болѣе существенныхъ, нежели сіи. Онъ вопроситъ: Извѣстны ли сердцу вашему сіи чистыя изліянія любви и приверженности къ вашему Создателю и Отцу? Раздирались ли жалостію при видѣ несчастнаго, коему вы не могли помочь? Сострадали ли вы бѣднымъ? Они были въ темницѣ, посѣтили ли вы ихъ? Они терпѣли наготу, одѣли ли? Они несли жажду, напоили ли? Теперь здѣсь предо Мною явите плоды вашей жизни. Вы мнѣ кажете ваше просвѣщеніе; но это есть только свидѣтельство на ваше самолюбіе. Я требую добродѣтелей, не представляйте мнѣ сихъ безплодныхъ изобрѣтеній, сихъ сухихъ правилъ, сихъ знаній, что̀ вы называете глубокими: они капля предъ мудростію Моею, они прахъ предо Мною: это суть мелкія забавы, коими доселѣ позволялъ Я вашему мелкому уму заниматься. Теперь покажите вѣру вашу отъ дѣлъ вашихъ; не умъ, раскройте сердце предо Мною. Мы, которые, при толикомъ рвеніи къ просвѣщенію, толико нерадимъ о нравственномъ своемъ характерѣ, что̀ тогда отвѣчать будемъ? Неблагодарные, речетъ Богъ, Я далъ вамъ малое количество разума, но довольное къ тому, чтобы вы были счастливы; его тѣсными предѣлами давалъ вамъ разумѣть, чтобы вы не терялись съ нимъ въ безполезныхъ изысканіяхъ. Я напутствовалъ васъ симъ свѣтильникомъ для того, чтобъ вы освѣщали имъ пути своей жизни, чтобъ сердце ваше слѣдовало за нимъ неотступно. Я связалъ ихъ тѣснымъ между собою союзомъ; но вы разорвали сей священный узелъ, вы положили преграду между сердцемъ и умомъ, вы предписали каждому свои законы; вашъ умъ свѣтъ, дѣла ваши тьма. Вы назвали просвѣщеніемъ буйство; простотою мудрость. Сокройтесь отъ взора Моего, рабы невѣрные; не дѣти вы Мои—сынове гнѣва. Молнія и громъ скончаютъ словеса сіи.

Гнѣвъ Трясущаго вселенную изъ ея основаній неужели не подѣйствуетъ надъ нами? Еще ли продолжится сей сонъ, сіе обаяніе нашего самолюбія? Всегда, всегда ли душа наша будетъ жить среди сихъ лестныхъ мечтаній, или никогда не сойдемъ мы съ сей мнимой высоты нашего воображенія къ достоинствамъ болѣе существеннымъ, къ достоинствамъ нашего сердца? Всегда ли мы будемъ усовершать составъ

нашихъ знаній и разстроивать наши дѣла. Всегда ли будемъ мыслить превосходно и жить развращенно? О человѣки! Если вы не хотите согласить сего въ себѣ противурѣчія, отжените себя отъ общества, идите съ вашимъ просвѣщеніемъ скитаться по горамъ, откажитесь отъ вашего счастія, презрите гласъ Бога, дерзайте на все, когда смѣли забыть, что верхъ всего—добродѣтель! Аминь.

2.

Замѣтки барона М. А. Корфа о генералъ-прокурорахъ, при которыхъ служилъ Сперанскій [1]).

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, при Екатеринѣ управляющій третьею экспедиціею для свидѣтельства государственныхъ счетовъ; при Павлѣ, въ началѣ, генералъ-прокуроръ, министръ удѣловъ, казначей орденовъ, главный директоръ банковъ, нѣкоторое время на высокой степени милости и довѣрія; при Александрѣ малороссійскій генералъ-губернаторъ и потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ; наконецъ, при Николаѣ предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта и орденскій канцлеръ († 30-го декабря 1829 года),—Куракинъ, по свидѣтельству всѣхъ его знавшихъ, былъ типъ самаго закоснѣлаго придворнаго, вся жизнь котораго имѣла одну лишь цѣль: исканіе милости и почестей. Одинъ изъ людей, очень ему близкихъ въ позднѣйшую эпоху, Н. И. Тургеневъ (онъ исправлялъ должность статсъ-секретаря въ томъ департаментѣ, котораго Куракинъ былъ предсѣдателемъ) говоритъ [2]), что если Куракину и случалось когда-нибудь сдѣлать какое добро, то единственно развѣ для придворной выслуги. Ему, въ бытность его генералъ-прокуроромъ, Россія обязана была и тѣмъ несчастнымъ закономъ, который, на кратковременное царствованіе Павла, лишилъ дворянство прежней привилегіи—свободы отъ тѣлеснаго наказанія. «Стоитъ только сперва виноватаго лишить дворянства»—сказалъ онъ своему государю, неутомимо изыскивая средства быть ему угоднымъ; и дѣйствительно, это антилогическое начало, подвергавшее дворянина, за одно и то же преступленіе, вдругъ двумъ жесточайшимъ изъ наказаній: лишенію дворянства и кнуту, было выражено въ самомъ указѣ (Полн. Собр. Зак., № 17.916, отъ 13-го апрѣля 1797 года).

---

[1]) Онѣ служатъ добавленіемъ къ сказанному на стр. 40—55 перваго тома „Жизни графа Сперанскаго".

[2]) La Russie et les Russes, I, 159. Нѣчто подобное есть и у Шницлера въ Histoire intime de la Russie sous Alexandre et Nicolas, II, 232.

Сынъ Куракина [1]), въ доставленной намъ запискѣ, приводитъ слово, сказанное ему, касательно его отца, самимъ Сперанскимъ лѣтъ тридцать позже: «Comment, mon cher prince, vous en êtes encore là; vous ne savez pas que votre père est un courtisan enragé, donc un trembleur».—18-го января 1825 года князь (тогда еще графъ) Кочубей писалъ Сперанскому: «Когда что-нибудь особое въ Совѣтѣ хотятъ сдѣлать, то князю Куракину дѣлается откровенно внушеніе, и онъ тотчасъ, словесно или письменно, означаетъ свое мнѣніе, которое утверждается, не смотря на то, что оно есть единственное; говорятъ, что князь также и усиленіемъ наказаній графу Аракчееву угождать хочетъ, а у Канкрина (министра финансовъ), какъ вѣрная собака, у ногъ лежитъ».—Другой современникъ, извѣстный нѣкогда А. Ѳ. Воейковъ, въ Запискахъ своихъ говоритъ о Куракинѣ: «Его развратная жизнь, мотовство, хлопотливость безъ пользы, проекты неисполнимые и пустые, недостатокъ образованія, хотя при умѣ отъ природы остромъ, дѣлали его тяжелымъ для подчиненныхъ и несправедливымъ, при благородномъ стремленіи къ правосудію».—Однимъ изъ преобладавшихъ свойствъ князя, послѣ придворной угодливости, былъ самый бюрократическій формализмъ, и онъ всегда ставилъ внѣшнее выше внутренняго, форму выше существа. «Все тотъ же квартальный надзиратель или слѣдственный приставъ»—записалъ Сперанскій въ 1823 году, послѣ одного дѣловаго совѣщанія съ Куракинымъ.

Куракинъ былъ смѣненъ, въ званіи генералъ-прокурора, 8-го августа 1798-го года, княземъ П. В. Лопухинымъ. Потомъ, 21-го сентября, онъ былъ уволенъ и отъ всѣхъ прочихъ мѣстъ и должностей, съ приказаніемъ ѣхать въ свои деревни. Къ опалѣ его было столь же мало основанія, какъ, прежде, ко взысканію его милостію. По словамъ Дмитрія Прокофьевича Позняка [2]), въ то время сенатскаго секретаря, въ городѣ говорили, будто Павелъ огорчился тѣмъ, что Куракинъ взялъ въ привычку, неся къ нему докладъ, заходить сперва къ императрицѣ и къ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой. Подозрительный императоръ вообразилъ себѣ, что подносимыя ему бумаги представляются туда на предварительную аппробацію. Въ запискахъ другаго современника (впослѣдствіи александровскаго генералъ-адъютанта), графа Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго, мы читаемъ слѣдующее: «Въ 1798 году начались гоненія на многихъ придворныхъ, а особливо на тѣхъ, къ коимъ императрица Марія была благосклонна, и, въ числѣ ихъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, бывшій генералъ-прокуроръ, отставленъ. Причиною сихъ гоненій и перемѣнъ полагали начинавшійся

---

[1]) Сенаторъ князь Борисъ Алексѣевичъ Куракинъ († 1850 г.).

[2]) Умеръ въ 1851 году, въ чинѣ тайнаго совѣтника.

фавёръ Кутайсова, а вмѣстѣ съ тѣмъ родившуюся страсть къ дочери Лопухина, котораго другая дочь скоро выдана была за сына Кутайсова, и тѣмъ составилась партія, которая не могла быть въ духѣ императрицы Маріи» [1]).—Какъ бы то ни было, но милость къ Куракину уже не возвращалась до конца царствованія Павла, и онъ оставался постоянно въ удаленіи отъ двора. Въ генералъ-прокурорскомъ архивѣ мы нашли, относительно его, двѣ бумаги, дающія любопытное прозрѣніе на духъ этого царствованія. Гнѣвъ Павла почти всегда сопровождался и мрачными подозрѣніями; вотъ доказательство: 13-го октября 1798 года орловскій губернаторъ донесъ—слѣдственно имѣлъ приказаніе о томъ доносить,—что Куракинъ прибылъ въ принадлежащее ему, той губерніи, село Преображенское (Дѣло № 792). Потомъ, въ 1799 году, Куракинъ испрашивалъ «высочайшей милости» дозволить ему, для воспитанія своихъ дѣтей, жить въ Москвѣ. Первый порывъ въ Павлѣ тогда уже испарился. 21-го апрѣля Лопухинъ отвѣчалъ своему предмѣстнику, что ему высочайше дозволяется жить «въ Москвѣ, или гдѣ онъ пожелаетъ». Переписка эта въ генералъ-прокурорской канцеляріи производилась именно по экспедиціи Сперанскаго, и черновой отпускъ отвѣта, въ подлинномъ дѣлѣ, весь его руки.

Много лѣтъ тому назадъ, сынъ Куракина засталъ отца бросающимъ въ каминъ нѣсколько толстыхъ связокъ. «Это—сказалъ онъ—письма ко мнѣ Сперанскаго. Если ты будешь когда-нибудь въ моемъ положеніи, то совѣтую тебѣ поступать такимъ же образомъ. Одни мертвые не говорятъ, а письмо обращается въ мертвеца тогда только, когда оно сожжено».

Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, при посѣщеніи ею Риги, стоялъ тамъ на караулѣ у дверей ея кабинета молодой сержантъ гвардіи Преображенскаго полка, замѣчательный красотою и статностію [2]). Герцогъ Биронъ, ожидая тутъ, съ другими, выхода императрицы, увидѣлъ нашего красавца, заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки и спросилъ его фамилію. Юноша, стоявшій прежде съ своимъ полкомъ въ Лифляндіи, имѣлъ порядочный нѣмецкій выговоръ; онъ понравился своими отвѣтами, и герцогъ представилъ его императрицѣ, которая тутъ же пожаловала его въ офицеры гвардіи [3]). Это былъ—Петръ Васильевичъ

[1]) См. Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго, напеч. въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1897 года, т. 69, стр. 351—352.

[2]) Записки барона Г. А. Розенкампфа.

[3]) Въ „Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли" Бантыша-Каменскаго, показанія котораго, впрочемъ, часто невѣрны, говорится, что Лопухинъ поступилъ въ дѣйствительную службу (въ 1769 году) только тогда, когда пожалованъ прапорщикомъ,—что не совсѣмъ отвѣчало бы анекдоту Розенкампфа. Въ дальнѣйшемъ показанія ихъ между собою сходны.

Лопухинъ, потомокъ, въ боковой линіи, того рода, изъ котораго Петръ Великій избралъ нѣкогда первую свою супругу, мать несчастнаго Алексѣя Петровича [1]). Дослужась до полковника, Лопухинъ сдѣлалъ богатую партію и вышелъ въ отставку бригадиромъ; но потомъ снова былъ опредѣленъ въ службу, сперва с.-петербургскимъ оберъ-полицій-мейстеромъ, а потомъ губернаторомъ въ Москву. Вдругъ на него пало особаго рода подозрѣніе, кончившееся, впрочемъ, для его лица счастливѣе, чѣмъ для многихъ другихъ. Назначивъ въ 1790-мъ году князя А. А. Прозоровскаго главнымъ начальникомъ московской столицы, Екатерина написала ему (19-го февраля), между прочимъ: «Дошли здѣсь слухи, что извѣстная шайка людей, обществу вредныхъ, подъ именемъ мартинистовъ, умножается, и что губернаторъ московскій, генералъ-маіоръ Лопухинъ самъ въ числѣ таковыхъ суевѣрныхъ и заблужденныхъ людей находится. Сообщая сіе для собственнаго знанія вашего, поручаю вамъ дать совѣтъ помянутому губернатору, чтобъ онъ чрезъ посредство ваше прислалъ прошеніе объ увольненіи его отъ настоящей должности, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Вы можете ему внушить, что гораздо приличнѣе для него просить о томъ, нежели безъ просьбы быть уволену отъ мѣста» [2]).—Вслѣдствіе того Лопухинъ былъ переведенъ генералъ-губернаторомъ въ Ярославль, а послѣ коронаціи Павла, плѣнившагося въ Москвѣ прелестями его дочери, послѣ извѣстной княгини Гагариной († 1805), вызванъ въ Петербургъ, пожалованъ сперва графомъ, потомъ княземъ, портретомъ императора и значительными помѣстьями, пока, наконецъ, 8-го августа 1798-го года смѣнилъ Куракина въ званіи генералъ-прокурора.

Въ царствованіе Павла, онъ, съ своими способностями и тонкимъ умомъ и при тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыя его поставила фортуна, могъ быть и полезнѣе, и смѣлѣе всякаго другаго; но лѣнивый, какъ настоящій русскій баринъ, сластолюбивый, охотникъ до собакъ и шутовъ, болѣе же всего искательный царедворецъ, Лопухинъ нимало не гонялся за ролью какого-нибудь князя Я. Ѳ. Долгорукова, какъ и Павелъ, съ своей стороны, едва ли когда думалъ брать себѣ въ образецъ Петра Великаго [3]). Кто-то изъ современниковъ (кажется, Вигель) сказалъ про Лопухина, что онъ былъ всегда самымъ строгимъ исполнителемъ. При Екатеринѣ требовали, чтобы каждый исправно дѣлалъ свое дѣло, и онъ былъ—прекраснымъ губернаторомъ; при Павлѣ потребовали отъ него иныхъ послугъ, и онъ—

---

[1]) Послѣднимъ потомкомъ главной линіи былъ московскій сенаторъ, извѣстный Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.

[2]) Это письмо императрицы Екатерины къ князю Прозоровскому напечатано полностью въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 года, столб. 533—534.

[3]) Записки А. Ѳ. Воейкова.

пожертвовалъ и женою своею и дочерью; наконецъ, при Александрѣ потребовали, чтобъ онъ ничего не дѣлалъ, и онъ, при самыхъ громкихъ титулахъ, потщился въ точности исполнять и эту высочайшую волю.

7-го іюля 1799 года Лопухинъ былъ замѣщенъ Александромъ Андреевичемъ Беклешовымъ.

Беклешовъ [1]) принадлежалъ къ числу государственныхъ людей, образованныхъ Екатериною, къ тому драгоцѣннѣйшему изъ наслѣдствъ ея, которое она оставила своему сыну. Окончивъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ въ такое время, когда тамъ учили нѣмецкому языку болѣе, нежели французскому, онъ былъ опредѣленъ губернаторомъ въ Ригу, съ тайнымъ порученіемъ отъ императрицы—стараться ознакомить нѣмцевъ съ нашимъ языкомъ и пріучить ихъ къ нашимъ законамъ, обычаямъ и нравамъ. Несмотря на наружное безобразіе, Беклешовъ былъ человѣкъ плѣнительный. Твердость воли и что-то откровенное въ обхожденіи внушали къ нему довѣріе, а благодарность за добро, которое онъ никогда не отказывалъ дѣлать, кому только могъ, обращала потомъ это чувство въ привязанность. Онъ не былъ чуждъ русской хитрости, но не тратилъ ея ни на мелочи, ни для собственныхъ успѣховъ при дворѣ, а употреблялъ только для видовъ государственной пользы. Изъ Риги его назначили генералъ-губернаторомъ орловскимъ и курскимъ; но здѣсь одно дворское, казалось бы совершенно ничтожное, обстоятельство навсегда лишило его, за нѣсколько лѣтъ до кончины Екатерины, добраго ея расположенія. Однажды императрица чесалась въ своей уборной, въ утреннемъ, самомъ глубокомъ неглиже. Вдругъ камердинеръ Зотовъ докладываетъ: «Александръ Андреевичъ».— «Пустить».—И вмѣсто жданнаго, привычнаго Безбородко, является соименный ему, совсѣмъ не такъ къ ней близкій—Беклешовъ. Въ испугѣ и досадѣ, что человѣкъ почти чужой засталъ ее въ такомъ расплохѣ, Екатерина велѣла ему тотчасъ выйти отъ нея и съ тѣхъ поръ, въ женскомъ своемъ тщеславіи, уже никогда не жаловала его по-прежнему. Павелъ издавна зналъ Беклешова и, въ бытность свою великимъ княземъ, очень его любилъ; но потомъ вознегодовалъ на него за то, что, еще командуя Выборгскимъ полкомъ, Беклешовъ покушался соблазнить жену тамошняго губернатора Энгельгардта. Впослѣдствіи, однако, когда, по вступленіи на престолъ, Павлу понадобились люди, это неудовольствіе было забыто, и онъ послалъ Беклешова управлять сперва Подоліею и Волынью, а потомъ, въ прибавокъ, Малороссіею, къ чему, наконецъ, присоединилъ еще Кіевъ и Минскую губернію, гдѣ

---

[1]) Записки Вигеля.—Разсказы близкаго къ Беклешову Павла Ивановича Аверина и другихъ современниковъ.

*

новый генералъ-губернаторъ умѣлъ такъ же обворожить поляковъ, какъ прежде, въ Ригѣ, нѣмцевъ. Вдругъ, въ іюнѣ 1799-го года, онъ получилъ указъ, предписывавшій сдать ввѣренныя ему губерніи губернаторамъ, а Кіевъ коменданту, самому же немедленно явиться въ Петербургъ.—«Имѣю вамъ важное порученіе сдѣлать»—приписывалъ собственноручно Павелъ, и это порученіе оказалось—генералъ-прокурорскимъ постомъ.

Увольненіе Беклешова отъ этой важной должности, съ не большимъ черезъ полгода послѣ назначенія въ нее [1]), было дѣломъ людей, уже тогда втайнѣ составлявшихъ заговоръ и не надѣявшихся въ томъ на содѣйствіе Беклешова. Тутъ нуженъ былъ человѣкъ попроще, котораго можно было бы если не вовлечь въ участіе, то по крайней мѣрѣ провести, и—выбрали Петра Хрисанѳовича Обольянинова.

Обольяниновъ—пишетъ въ своихъ Запискахъ Воейковъ—могъ бы быть порядочнымъ уѣзднымъ судьею; но трудная и многосложная должность генералъ-прокурора его задавила.

Лѣто 1800 года Павелъ расположился прожить все въ Гатчинѣ [2]). При немъ велѣно было находиться тамъ и Обольянинову, съ дозволеніемъ пріѣзжать въ Петербургъ только разъ въ недѣлю (по вторникамъ). На спросъ генералъ-прокурора, кого бы взять съ собою въ Гатчину, не только способнаго, но и честнаго, умѣющаго, при надобности, хранить тайну, Ильинскій указалъ на Сперанскаго, какъ на «ученаго, знающаго языки и удаленнаго отъ приказнаго крючкотворства», а для переписки бумагъ начисто предложилъ своего сына. Обольяниновъ, послушавшись его, къ этимъ двумъ прибавилъ еще, изъ генералъ-прокурорской канцеляріи, Павла Ивановича Аверина (брата прежняго его правителя) и изъ генералъ-провіантмейстерской части Василія Кирилловича Безроднаго († въ сентябрѣ 1847 года дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и членомъ коммиссіи прошеній). Всѣ они перебрались на постоянныя квартиры въ Гатчину, гдѣ жили на всемъ готовомъ отъ двора и откуда по вторникамъ слѣдовали за своимъ начальникомъ въ Петербургъ, въ придворной каретѣ, въ которой, впрочемъ, помѣщались еще и собачки генералъ-прокурорской супруги, большой до нихъ охотницы. Между тѣмъ [3]) тогда существовало правило, что каждый, пріѣзжавшій въ Гатчину, долженъ былъ прописываться, у заставы, званіемъ и фамиліею, и эти списки ежедневно подносились государю. Увидѣвъ тутъ, однажды, памятное ему отъ рекомендацій прежнихъ генералъ-

---

[1]) 2-го февраля 1800 года.

[2]) Записки Н. С. Ильинскаго (см. „Русскій Архивъ" 1879 г., книга третья, стр. 391).

[3]) Разсказъ В. К. Безроднаго.

прокуроровъ имя Сперанскаго, онъ накинулся на Обольянинова: «Это что, у тебя школьникъ Сперанскій—Куракинскій, Беклешовскій? Вонъ его сейчасъ!»—Обольянинову удалось смирить этотъ порывъ и сохранить Сперанскаго только отзывомъ, что онъ, Обольяниновъ, «держитъ его въ ежевыхъ рукавицахъ».—Какъ-то вскорѣ послѣ того Павлу попался на встрѣчу въ гатчинскомъ саду Безродный, котораго онъ зналъ, съ другимъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ. «Это кто съ тобою?»—спросилъ государь Безроднаго. «Нашъ чиновникъ Сперанскій».—И Павелъ отвернулся съ видомъ крайняго негодованія, не сказавъ ни слова и закинувъ голову назадъ, отдуваясь—обычный жестъ его неудовольствія.

Въ подтвержденіе того, до какой степени Обольяниновъ былъ безграмотенъ, довольно сослаться на письмо его къ Павлу Ивановичу Аверину, напечатанное сестрою послѣдняго въ 275-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей» 1861 года (стр. 2237). Но изъ прибавленнаго тутъ же анекдота видна и добрая натура этого человѣка. Что касается возраженія г-жи Авериной (въ той же статьѣ) противъ сказаннаго въ нашей книгѣ, что послѣ Беклешова одинъ только Сперанскій не былъ исключенъ изъ генералъ-прокурорской канцеляріи,—тогда какъ, по ея увѣренію, въ ней были и два ея брата: то наше показаніе основано на Запискахъ Ильинскаго и на разсказѣ Безроднаго. Разрѣшить этотъ вопросъ,—если игра стоитъ свѣчъ,—можно бы только по формулярамъ обоихъ Авериныхъ.

Наканунѣ 12-го марта 1801 г. Обольяниновъ, по словамъ Записокъ Ильинскаго, еще съ вечера отвезенъ былъ заговорщиками подъ арестъ въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ его продержали до утра; къ дому же приставили караулъ. Ильинскій разсказываетъ далѣе, что на третій или четвертый послѣ того день Обольянинова отправили въ Москву, и что тамъ, пока не узнали ближе его качествъ, онъ много терпѣлъ уничиженія и упрековъ, «ибо все непріятное, происходившее при Павлѣ, относимо было къ его винѣ».—Извѣстно, впрочемъ, что, впослѣдствіи, общее мнѣніе съ нимъ примирилось, и даже до такой степени, что онъ былъ избранъ московскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители, а отъ Александра I-го получилъ владимирскую ленту [1].—Императоръ Николай, заставшій его еще въ живыхъ, также оказывалъ ему особое уваженіе и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ о царствованіи своего родителя и о дѣлахъ и людяхъ того времени. (Слышано отъ самого императора Николая Павловича).

---

[1]) См. Записки Н. С. Ильинскаго („Русскій Архивъ“ 1879 г., книга тре стр. 406—407).

3.

Юмористическое описаніе одного изъ засѣданій Государственнаго Совѣта.

Для наблюдательнаго ума Сперанскаго уже и въ молодые годы ничего не пропадало. Въ доказательство, вотъ копія съ листка собственной его руки, въ которомъ онъ юмористически описываетъ одно изъ засѣданій учрежденнаго 30-го марта 1801 года Государственнаго Совѣта, при которомъ былъ тогда статсъ-секретаремъ (экспедиторомъ канцеляріи Совѣта). Нѣтъ сомнѣнія, что въ лицѣ «секретаря» является тутъ онъ самъ.

Разсужденіе Совѣта о возстановленіи въ Ковнѣ складки товаровъ [1]).

Секретарь. Примѣчаніе барона Бенигсена о возстановленіи складочной пристани для россійскихъ товаровъ въ Ковнѣ. Баронъ Бенигсенъ представляетъ, что...

Графъ Сергѣй Румянцовъ. Пожалуйте... остановитесь... Но знаете ли (обращаясь къ Беклешову)—я увѣренъ, что сихъ подробностей не знаютъ здѣсь—знаете ли, что и въ Ригѣ существуютъ тѣ же самыя притѣсненія, какія здѣсь описаны въ Мемелѣ и Кенигсбергѣ. У меня есть исчисленіе всѣхъ отяготительныхъ правъ, какія тамъ взимаются, и если угодно...

Беклешовъ. Ничего не угодно, потому что они есть и печатныя; но я самъ разскажу, какъ это было по хронологическому порядку. Вамъ извѣстно, что первая торговля въ Ригѣ производима была рыцарями Тевтоническаго ордена, которые...

Графъ С. Румянцовъ. Извините, Александръ Андреевичъ; сіи рыцари не первые были учредители въ Ригѣ промысловъ...

Графъ Воронцовъ. Вѣдь это тѣ рыцари, что иначе у насъ называются крыжаками.

Князь Куракинъ. Самая истина. Это названіе воспріяли они отъ слова croisades. Вашему сіятельству извѣстно, что бо̀льшая часть европейскихъ орденовъ въ сихъ, если можно такъ сказать, кроазадахъ получили свое рожденіе.

Правитель канцеляріи. Кроазады, ваше сіятельство, на русскомъ языкѣ именуются крестными походами. Ихъ начало...

Графъ С. Румянцовъ. Но чтобъ возвратиться къ вопросу, я разскажу вамъ, что слышалъ я, такъ сказать, своими ушами, отъ нѣ-

---

[1]) Засѣданіе Государственнаго Совѣта по этому дѣлу происходило 23-го іюня 1802 года (см. Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, ч. 2 (Спб. 1878), столб. 781—784.

которыхъ малороссійскихъ дворянъ и торговцевъ, кои торгуютъ въ Кенигсбергѣ. Вамъ извѣстно, что послѣ покойнаго батюшки лучшая часть имѣній, на мою часть доставшихся, лежитъ въ Малороссіи.

Князь Лопухинъ. Справедливо, удивительныя деревни! удивительное устройство! Проѣзжая въ мои новыя деревни, что покойный государь мнѣ жаловалъ, я имѣлъ удовольствіе видѣть деревни графа Сергѣя Петровича.

Графъ Васильевъ. О да! вашъ покойный графъ Петръ Александровичъ былъ великій хозяинъ. (Сказано съ тонкою улыбкою, чтобъ означить, что онъ былъ скупъ).

Графъ С. Румянцовъ. Дозвольте же мнѣ окончить. (Разсказываетъ то, что разсказывали ему малороссійскіе дворяне о торговлѣ въ Кенигсбергѣ.

А между тѣмъ на другомъ концѣ стола разсуждаютъ):

Графъ Воронцовъ. Мнѣ помнится, графъ Николай Петровичъ, что лучшая часть нашей торговли въ томъ краю есть отпускъ хлѣбный.

Графъ Н. Румянцовъ. Пенькою, ваше сіятельство, пшеницею и лѣсомъ.

Графъ Завадовскій. Король прусскій часто подсылалъ закупать и лошадей.

Графъ Воронцовъ. Да знаете ли вы, я скажу вамъ, что въ Пруссіи лошади наши очень уважаются, и не худо бы было учредить на сію статью извѣстную мѣру торговли, дабы пресѣчь контрабанду.

Беклешовъ. Но какъ пресѣчь контрабанду? Тамъ жиды провозятъ во всемъ, даже и въ сапогахъ.

Графъ Н. Румянцовъ. Какъ? Провозятъ лошадей въ сапогахъ?

Беклешовъ. Какихъ лошадей? Мы здѣсь говорили о товарахъ полотняныхъ, провозимыхъ изъ Пруссіи къ намъ.

Графъ Н. Румянцовъ. А мы здѣсь говорили о лошадяхъ. (Общій смѣхъ и минута молчанія).

Секретарь. Баронъ Бенигсенъ представляетъ, что возстановленіе въ Ковнѣ складки товарамъ можетъ имѣть слѣдующія выгоды: первое...

Графъ С. Румянцовъ. Изъ того, что я имѣлъ честь донести, видно, что въ Кенигсбергѣ не только нѣтъ притѣсненія нашимъ купцамъ...

Трощинскій. Но не угодно ли прежде выслушать представленіе, а потомъ уже разсуждать.

Графъ Воронцовъ. Это основательно примѣчено, и при покойной императрицѣ всегда въ Совѣтѣ прежде читали бумаги, а потомъ уже разсуждали.

Трощинскій даетъ знаки секретарю, чтобъ онъ читалъ, несмотря на разговоры.

Секретарь читаетъ. Тихой разговоръ членовъ прерывается движеніемъ двухъ стульевъ. Слышенъ звукъ барабана. Большая часть двинулась смотрѣть на разводъ.

Секретарь продолжаетъ...

4.

Письмо Сперанскаго къ О. П. Козодавлеву о духоборцахъ [1]).

Въ числѣ важнѣйшихъ распоряженій, или, лучше сказать, предположеній Сперанскаго по Пензенской губерніи были относившіяся до секты духоборцевъ. Вотъ любопытное письмо его по этому предмету къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Осипу Петровичу Козодавлеву, отъ 8-го марта 1817 года [2]).

«Прежде служебной переписки о духоборцахъ ваше превосходительство почтили меня довѣреннымъ сообщеніемъ послѣднихъ о нихъ указовъ. Не признательно было бы съ моей стороны ограничить себя въ семъ дѣлѣ одними служебными донесеніями; присовокупляю въ откровенности слѣдующее:

Ересь, расколъ или толкъ духоборцовъ (ибо не опредѣлено еще, какое имъ свойственно имя) никакъ нельзя смѣшивать съ обыкновенными расколами. Здѣсь дѣло идетъ не о бородѣ, не о старыхъ книгахъ или сложеніи перстовъ, но о самыхъ существенныхъ догматахъ вѣры. Важность послѣдствій также весьма различна. Послѣдствія обыкновенныхъ расколовъ почти ничтожны: но ученіе духоборцовъ столь смежно съ духомъ вольности и гражданскаго равенства, что малѣйшая кривизна или уклоненіе влѣво отъ той линіи, гдѣ нынѣ они еще стоятъ, можетъ произвести самое сильное въ народѣ потрясеніе. Такъ взирала на сію ересь императрица Екатерина, не суевѣрная, конечно, и не робкая;

---

[1]) Нѣкоторыя данныя о пензенскихъ духоборцахъ и отношеніи къ нимъ Сперанскаго см. въ статьѣ С. Пономарева „Изъ исторіи сектантства въ Пензенской епархіи", напеч. въ „Пензенск. Епарх. Вѣдомостяхъ" 1888 г., часть неоффиц., № 20, стр. 17—25, и въ статьѣ Н. Евграфова „Пензенскіе духоборцы въ 1816 году" въ „Русскомъ Архивѣ" 1889 года, книга вторая, стр. 389—395.

[2]) Въ двѣнадцатой тетради „Русскаго Архива" за минувшій 1901 годъ, стр. 473—476, письмо это было напечатано г. Кунцевичемъ, но по неисправной копіи, находящейся въ одномъ рукописномъ сборникѣ изъ собранія П. И. Савваитова и, по всей видимости, снятой съ черноваго отпуска письма Сперанскаго.

такъ взирали на нее и при покойномъ государѣ. И въ слѣдствіе сего преслѣдовали духоборцовъ ссылками, переселеніями, заточеніями и пр.

«Все утихло съ восшествіемъ на престолъ государя. Не только престало гоненіе, но и самая точка зрѣнія, съ коей прежде смотрѣли на сей расколъ, перемѣнилась. Покойный Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ нашелъ въ духоборцахъ самыхъ кроткихъ поклонниковъ духомъ и истиною. По донесенію его состоялся извѣстный 1801 года рескриптъ, основавшій впослѣдствіи все поведеніе правительства въ отношеніи къ сему расколу.

«Никакія гоненія въ настоящемъ царствованіи не могутъ имѣть мѣста. Сія часть дѣла рѣшена, въ самомъ ея основаніи, въ сердцѣ и разумѣ государя. Но вопросъ о существѣ сего раскола, о склоненіи его и послѣдствіяхъ и слѣдовательно, о истинныхъ мѣрахъ, кои должно принять къ укрощенію его, остался еще нерѣшеннымъ. Одно мнѣніе сенатора Лопухина, очевидно, къ сему недостаточно. Онъ смотрѣлъ на все въ свое стекло, и нельзя сказать, чтобъ стекло сіе было всегда вѣрно. Къ основательному рѣшенію надлежало, сообразивъ всѣ свѣдѣнія о сей ереси, взойти къ ея началу, открыть ея источники, обозрѣть послѣдствія ея изъ самыхъ происшествій. Въ семъ намѣреніи, во время службы моей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, поручено было г-ну Кайсарову[7]) составить изъ дѣлъ полную исторію о духоборцахъ[8]). Работа сія доведена имъ была до нарочитаго совершенства и теперь должна находиться въ архивѣ бывшаго департамента полиціи. Пройти сію исторію, а, можетъ быть, и дополнить ее новыми свѣдѣніями, необходимо нужно, чтобъ принять на сей предметъ правила твердыя и безопасныя. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, когда дѣла сіи въ большомъ количествѣ стекались въ департаментъ, мною управляемый. Обстоятельства, уносившія меня изъ одного рода дѣлъ въ другой, не дозволили мнѣ привести мысль сію въ нѣкоторую зрѣлость. Но сіе необходимо: ибо тѣ правила, на коихъ доселѣ дѣла сіи учреждались и нынѣ еще учреждаются, откровенно скажу, кажутся мнѣ недостаточны. Это суть правила равнодушія, съ нѣкоторою оттѣнкою покровительства. Они могутъ

---

[1]) Петру Сергѣевичу Кайсарову (р. 1777 † 1854, въ званіи сенатора и въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника). Во время службы Сперанскаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. С. Кайсаровъ занималъ должность начальника стола въ 3-мъ отдѣленіи департамента этого министерства, а затѣмъ состоялъ „у исправленія дѣлъ“ при товарищѣ министра внутреннихъ дѣлъ.—Предположеніе П. И. Бартенева, будто „Исторія о духоборцахъ“ была написана Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ (см. „Русскій Архивъ“ 1901 г., декабрь, стр. 472, примѣчаніе), неосновательно: А. С. Кайсаровъ не служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Этотъ обширный трудъ П. С. Кайсарова будетъ изданъ на страницахъ „Русской Старины“.

быть приложены съ пользою къ простымъ, грубымъ расколамъ, но не къ духоборству, къ болѣзни, которую должно врачевать, а не переносить только въ молчаніи. Уединеніе или переселеніе сихъ людей на Молочныя воды есть сущее поощреніе. Какая разность въ землѣ, въ податяхъ, въ повинностяхъ! Храни Богъ, если наши крестьяне, а особливо помѣщичьи, узнаютъ сію разность, а узнать ее не долго!

«Въ духоборствѣ, такъ, какъ и во всѣхъ другихъ сектахъ, есть своя ѳеорія и своя практика. Ѳеорія, или система ученія, въ началѣ своемъ, вѣроятно, была не что другое, какъ внутреннее христіанство, т. е. церковь, движимая и управляемая живою вѣрою. Разныя дѣланы были предположенія о томъ, какимъ образомъ сіе ученіе проникло въ Россію и разсѣялось между простымъ народомъ. Есть о семъ мнѣніе, довольно вѣроятное, покойнаго новгородскаго митрополита Гавріила (см. «Исторію о духоборцахъ» [1]). Но нѣкоторыя соображенія привели меня къ другой мысли. Въ XVI-мъ или XVII-мъ вѣкѣ появились въ Болгаріи, между славянскими племенами, такъ называемые Богомилы (Histoire ecclésiastique de Mosheim): ученіе ихъ весьма сходно съ ученіемъ духоборцовъ. Оттуда оно легко могло перейти въ наши южныя губерніи и мало-по-малу разсѣяться даже до Саратова. Невинно, а можетъ быть и почтенно въ своемъ началѣ, оно впослѣдствіи, по мѣрѣ расширенія своего, искажалось устными преданіями и раздроблялось на разные толки, такъ что теперь едва почти можно узнать первыя, основныя его черты. Статьи сего ученія въ разныхъ губерніяхъ весьма разнообразны; самыя именованія духоборцовъ измѣнились; въ одномъ мѣстѣ называются они молоканами, въ другомъ—субботниками, и пр. Индѣ есть у нихъ нѣкоторые обряды и пѣсни; въ другихъ мѣстахъ нѣтъ никакихъ. Вообще нѣтъ ни связи, ни ясности въ понятіяхъ. Для любопытства прилагаю при семъ статьи ученія здѣшнихъ [2]) духоборцовъ, сообщенныя мнѣ здѣшнимъ преосвященнымъ [3]). Ваше превосходительство не безъ огорченія, конечно, примѣтить изъ нихъ изволите въ особенности и при томъ вспомните, что всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Христа во плоти пришедша, нѣсть отъ Бога.

«Практика духоборцовъ также разнообразна. Изъ дѣлъ, въ прошедшія два царствованія производившихся, видно, что они были строптивы, и сіе простиралось до того, что отрицались отъ податей, отъ рекрутства и отъ всякаго повиновенія власти. Сенаторъ Лопухинъ представлялъ ихъ самыми кроткими агнцами. Саратовскій губернаторъ Бѣ-

---

[1]) Составленную П. С. Кайсаровымъ.

[2]) Т. е. пензенскихъ.

[3]) Статьи ученія духоборцевъ см. ниже, въ приложеніи къ этому письму. Пензенскимъ епископомъ былъ въ то время преосвященный Аѳанасій Корчановъ († 1825).

ляковъ доносилъ то же. Нынѣ здѣсь я слышу, что, бывъ сами терпимы, не терпятъ они другихъ, называютъ иконы лопатами, посмѣиваются надъ священниками, порицаютъ прихожанъ идолопоклонниками, и пр. и пр. Въ Саратовѣ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, ведутъ они себя еще хуже. Вообще уличаютъ ихъ въ трехъ общихъ порокахъ: 1) въ дерзкомъ посмѣяніи церковныхъ обрядовъ, 2) въ пристанодержательствѣ, 3) въ побѣгѣ рекрутъ, изъ селеній ихъ отданныхъ. Я не знаю еще, чему вѣрить. Если половина того, что разносятъ о нихъ худаго, справедлива: то они могутъ быть даже и опасны. Но какъ винить людей по слухамъ? Для сего-то и рѣшился я видѣть и вникнуть во все лично. У духовныхъ могутъ быть свои пристрастія, а о земской полиціи и говорить нечего. Въ одномъ могу васъ удостовѣрить, что не допущу я въ семъ дѣлѣ никакой опрометчивости и не дозволю себѣ осуждать мысли, когда найду дѣла добрыми.

«Примите свидѣтельство душевной моей благодарности за письмо ваше, истинно христіанское. Оно много меня утѣшило среди окружающихъ меня по службѣ затрудненій».

Статьи ученія духоборцевъ [1]).

§ 1.

Взирающи мы на начальника и совершителя Іисуса, и вѣруемъ во единаго Бога, что Онъ пребываетъ въ тріехъ лицахъ: Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ, и свидѣтельство наше ко спасенію душъ нашихъ пріемлемъ по двумъ завѣтамъ, пророчество, евангеліе и апостольство. Но Сына и Святаго Духа почитаемъ меньшими Отца, Сына рожденнаго и Святаго Духа отъ Отца происходящаго во времени.

§ 2.

Сына Божія во плоти пришедша не признаемъ; Онъ имѣлъ плоть мечтательную, какову имѣли ангели, явившіеся въ разныя времена.

§ 3.

О почитаніи святыхъ.

Никому изъ святыхъ, бывшихъ во плоти, и изъ ангеловъ не воздаемъ почитанія, и въ помощь не призываемъ, кромѣ Бога, въ Троицѣ почитаемаго.

§ 4.

О иконахъ, или образахъ.

Образовъ никакихъ не пріемлемъ и не дѣлаемъ предъ ними поклоненія. Образъ имѣемъ неоцѣненный, по свидѣтельству апостола Павла къ Колоссаемъ: Иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари, яко Тѣмъ создана быша всяческая. Но какъ Христосъ избралъ себѣ образовъ апостоловъ, къ Римляномъ, гл. 8, ст. 29: И предустави сообразныхъ быти образу Сына Своего, и въ Петровомъ пишетъ. Зане Христосъ пострада по насъ, намъ

---

[1]) Этихъ статей при копіи съ письма Сперанскаго, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“, не оказалось.

оставль образъ, да послѣдуемъ стопами Его; къ Филиппсіемъ писано въ 3-й главѣ: якоже имате образъ насъ, и во второмъ къ Тимоѳеею написано: образъ имѣй здравыхъ словесъ: тѣмъ и мы образамъ подражаемъ, а не рукотвореннымъ. Угодниковъ Божіихъ почитаемъ, и вѣруемъ, что были.

§ 5.

О крестѣ и крестномъ знаменіи.

Креста не почитаемъ, и крестнаго знаменія не употребляемъ. Мы знаменаемся духомъ обѣтованія святымъ, къ Ефесеемъ, гл. 1, ст. 13, то есть, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь; то есть, крестъ намъ по приказу Христа апостоломъ: шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

§ 6.

О преданіяхъ.

Одному Священному Писанію вѣруемъ, а преданій святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ не признаемъ.

§ 7.

О соборахъ.

Соборовъ святыхъ отецъ, поелику они вѣру противную преданной отъ Господа нашего Іисуса Христа основали, не пріемлемъ.

§ 8.

О крещеніи.

Крещеніе наше состоитъ: 1) въ покаяніи и во оставленіи грѣховъ, по свидѣтельству Евангелія, Марка, гл. 1, ст. 4: Бысть Іоаннъ крестяй въ пустыни, и проповѣдуя крещеніе покаянія во отпущеніе грѣховъ; 2) въ вѣрѣ, тогожъ Евангелія въ 16 главѣ свидѣтельствуетъ: Иже вѣру иметъ, и крестится, той спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ; 3) въ словѣ, свидѣтельствуетъ въ посланіи къ Коринѳяномъ, главѣ 1: Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть; 4) крещеніе есть ученіе.

§ 9.

О причащеніи.

О причастіи разсуждаемъ: причаститься Божественнымъ и животворящимъ тайнамъ; аще кто боится Бога и хранитъ заповѣди Его, той и причастникъ, по свидѣтельству Давида, 118 псаломъ: Причастникъ азъ есмь боящимся Тебе и хранящимъ заповѣди Твоя; и ко Евреемъ пишетъ: и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго и добраго вкусившихъ Божія глагола; и какъ брашно Его и плоть полагаемъ, что Христосъ сказалъ: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, но и еще глаголетъ: Азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе, то есть Божественныя словеса, по свидѣтельству Моисея 5 книги въ 8 главѣ: яко не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ; такъ и Давидъ рече: вкусите и видите, яко благъ Господь; то мы самое пріемлемъ хлѣбъ сей, понеже и Слово плоть бысть, какъ и причастники тому.

§ 10.

О священствѣ.

Священника и архіерея имѣемъ единаго, иже сѣдитъ одесную Бога: то есть Сына Божія, по свидѣтельству апостола ко Евреемъ главы 4, 7 и 8.

Но какъ апостолы подражатели Ему были, посвященные отъ Духа, по свидѣтельству Дѣяній во 20 главѣ: васъ же епископы постави Духъ Святый, пасти церковь Господа нашего Іисуса Христа, но еще написанные по свидѣтельству апостола къ Ефесеемъ: овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри, овы же учители, на которыхъ и мы утверждаемся. Такъ же нынѣ и въ нашей сектѣ во образъ оныхъ именуемъ у себя быть праведныхъ мужей или старцевъ, по свидѣтельству Спрахову въ 37 главѣ: Но токмо съ мужемъ благоговѣйнымъ буди, егоже аще познаеши соблюдающа заповѣди Господни; и Іеремій писалъ въ 5 главѣ: аще обрящете мужа творящаго судъ, ищуща вѣры, и милосердъ буду ему. Того же Іеремія въ главѣ 9 значитъ: Кто мужъ мудръ, и уразумѣетъ сіе, къ немуже слово устъ Господнихъ; и къ Тимоѳею посланіе свидѣтельствуетъ: хощу убо, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ. Но о старцахъ свидѣтельствуетъ въ Петровомъ посланіи въ 5 главѣ: Старцы, иже въ васъ, молю, пасите, еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею и по Бозѣ; въ томъ себѣ подражаемъ.

§ 11.

О исповѣданіи.

Исповѣданіе считаемъ по свидѣтельству Давида: Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ въ совѣтѣ правыхъ и въ сонмѣ. При томъ же исповѣдуемъ другъ другу согрѣшеніе наше, и покаяніе приносимъ въ тайнѣ предъ мужемъ, или старцемъ своимъ, которые и ходатая имѣютъ къ Отцу небесному, по свидѣтельству Іоанна: И аще кто согрѣшилъ, ходатая имамы къ Отцу Іисуса Христа праведника: и Той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ.

§ 12.

О бракѣ.

О бракѣ сочетавшихся зримъ на преждереченныхъ пророкъ и апостолъ. Когда Товія женился, и рече Рагуилъ къ Товіи: яждь, пій и благодушествуй, тебѣ бо достоитъ дѣтище мое взяти; и рече: пойми ю отнынѣ по обычаю; и призва Сарру дщерь свою, и емь руку ея, и предаде Товіи въ жену, и рече, по закону Моисееву пойми ю и отведи ко отцу твоему; и по свидѣтельству апостола Павла: привязался женѣ, не ищи разрѣшенія, такожде и женѣ отъ мужа; равно также и у насъ разсуждается по сочетанію: къ совокупленію брака предстанутъ въ церкви въ собраніи людей женихъ и невѣста по любви, и между ихъ полагается клятвенное обѣщаніе; женихъ будетъ клятися: проклятъ я буду предъ Богомъ, аще еще пойму жену; также и невѣста будетъ клятися: проклята я буду передъ Богомъ, аще еще пойму мужа; и засвидѣтельствуется всей братіи, что познается мужъ и жена.

§ 13.

О нареченіи младенцамъ именъ.

Рожденіе младенцевъ и въ нареченіи имъ имянъ полагаемъ по свидѣтельству Евангелія отъ Луки въ нарожденіи Іоанна: пріидоша обрѣзати отроча, и нарицаху е именемъ отца его Захаріею, и отвѣщавъ рече мати его: ни, но да речется Іоаннъ; на томъ утверждаемся, что въ которыя числа родятся, отцы нарекаютъ имена.

§ 14.

О храмахъ.

Церковь у насъ почитается людское собраніе, по свидѣтельству апостола; 2-е къ Коринѳяномъ въ 6 главѣ пишетъ: вы бо есте церкви Бога жива, и въ Дѣяніяхъ въ 7-й главѣ написано: но Вышній не въ рукотворенныхъ живетъ; и въ первомъ къ Коринѳяномъ въ 14 главѣ написано: аще убо снидется церковь вся вкупѣ. Вь той же главѣ свидѣтельствуетъ: когда сходитеся, кійждо васъ псаломъ имать, ученіе имать, откровеніе имать, сказаніе имать; какъ и Павелъ апостолъ въ Дѣяній 20 главѣ бесѣдова простерши слово до полунощи въ горницѣ, идѣже бѣхомъ собрани, и бесѣдова даже до зари: то и мы образъ имѣемъ, собираемся и бесѣдуемъ, и препровождаемъ всю нощь въ собраніи, мужи, и жены, и дѣвы, въ пѣніи псалмовъ и въ разсужденіи пророческихъ и апостольскихъ словесъ, а наконецъ производимъ моленіе.

§ 15.

О молитвѣ.

Моленіе наше состоитъ въ пророческихъ молитвахъ, по приказанію Сына Божія ученикамъ: сице убо молитеся вы: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, и отъ Луки 11 главы: рече же Іисусъ: егда молитеся, глаголите: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ; и къ Ефесеемъ пишетъ: всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ; но что мы собираемся и молимся оными молитвами духомъ, и когда молимся въ собраніи въ церкви нашей, стоимъ всѣ другъ ко другу лицемъ къ лицу, съ колѣнопреклоненіемъ; какъ и Христосъ и апостолъ Павелъ съ колѣнопреклоненіемъ молились, такъ и мы молимся, и поклоняемся Богу небесному невидимому.

§ 16.

О царской власти.

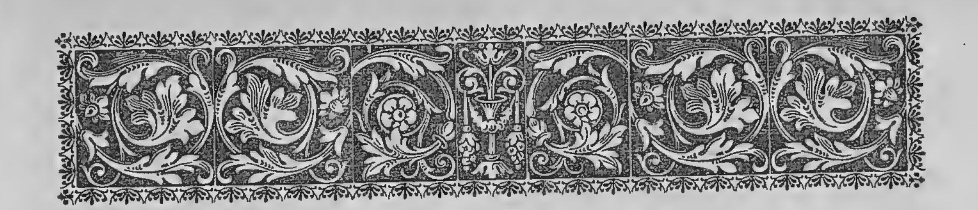
Царя и властей почитаемъ, по свидѣтельству Притчей Соломоновыхъ 8 главы, что премудрость рекла: мною царіе царствуютъ, и сильніи пишутъ правду, и мною вельможи величаются, и властители мною держатъ землю; по свидѣтельству апостола: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинени суть, и противляяйся власти Божію противленію противляется, и моленіе наше за царя и за власти о всемирномъ житіи и долгоденствіи въ молитвахъ молимся и просимъ.

§ 17.

О постѣ.

Постъ содержимъ по преждереченнымъ Сына Божія, пророкъ и апостолъ. Постившійся Сынъ Божій сорокъ дней не пилъ и не ѣлъ, такожде Моисей и Илія, постившіеся по 40 дней, не пили и не ѣли, Ездра три седмицы, но и прочіе такожде постилися, по свидѣтельству пророка Іоиля, онъ написалъ: Обратитеся ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ въ постѣ, и въ плачи, и въ рыданіи. Но и пророка Захаріи 8 главы въ постахъ, постъ 4, 5, 7 и постъ 10-й. Поэтому и въ нашей сектѣ таковые же посты содержатъ; есть по двѣ седмицы избираются, постятся, а иные по седмицѣ, и по 4 дни, другіе по 5 дней хлѣба не вкушаютъ и воды не піютъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

И. С. Тургеневъ и Ѳ. М. Достоевскій.

Достоевскій познакомился съ Тургеневымъ у Бѣлинскаго въ первыхъ числахъ ноября 1845 г., когда Иванъ Сергѣевичъ только-что возвратился изъ своей лѣтней поѣздки во Францію. Переживая въ тѣ дни крупный успѣхъ своего перваго романа «Бѣдные люди», находясь въ счастливѣйшемъ настроеніи духа, Достоевскій такъ отзывался о своемъ новомъ знакомствѣ въ письмѣ къ брату отъ 16-го ноября. «На-дняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты, вѣрно, слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностью, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня. Но, братъ, что это за человѣкъ! Я то же едва-ль не влюбился въ него. Поэтъ, талантъ, аристократъ, красавецъ, богачъ, уменъ, образованъ, 25 лѣтъ,—я не знаю, въ чемъ природа отказала ему? Наконецъ, характеръ неистощимо прямой, прекрасный, выработанный въ доброй школѣ» [1]).

Но эта «влюбленность» продолжалась недолго. Слишкомъ сильное самомнѣніе Достоевскаго, сказавшееся, какъ при успѣхѣ перваго его романа, такъ и при неудачахъ послѣдующихъ произведеній, непріятно подѣйствовало на весь кружокъ Бѣлинскаго. Вмѣстѣ съ разочарованіемъ въ литературномъ мастерствѣ начинающаго писателя явилось недовольство и нравственнымъ обликомъ послѣдняго. Дѣйствительно, самомнѣніе Достоевскаго выходило слишкомъ рѣзкимъ, болѣзненнымъ и даже грубымъ среди той литературной скромности, господствовавшей въ кружкѣ великаго критика, которая составляла одно изъ лучшихъ украшеній «людей сороковыхъ годовъ». По поводу успѣха «Бѣдныхъ

---

[1]) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 42.

людей» Достоевскій писалъ, напримѣръ, брату: «Всюду почтеніе неимомѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездной народу самаго порядочнаго. Князь Одоевскій просилъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ С. рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ. С. обѣгалъ всѣхъ и, зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: Кто этотъ Достоевскій? Гдѣ мнѣ достать Достоевскаго? Краевскій, который никому и въ усъ не дуетъ и рѣжетъ всѣхъ напропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожитъ величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо... У меня бездна идей; и нельзя мнѣ разсказать что-нибудь изъ нихъ хоть Тургеневу, напримѣръ, чтобы назавтра почти во всѣхъ углахъ Петербурга не знали, что Достоевскій пишетъ вотъ то-то и то-то. Ну, братъ, если бы я сталъ исчислять тебѣ всѣ успѣхи мои, то бумаги не нашлось бы столько». По поводу же недоброжелательныхъ критиковъ онъ писалъ: «Сунулъ же я имъ всѣмъ собачью кость! Пусть грызутся—мнѣ славу, дурачье, строятъ» [1]).

Неуспѣхъ слѣдующей повѣсти Достоевскаго «Двойникъ», которая, какъ онъ надѣялся, должна была превзойти даже «Мертвыя души» Гоголя, сильно задѣлъ самолюбіе Ѳедора Михайловича, но онъ продолжалъ быть о себѣ слишкомъ высокаго мнѣнія. «Явилась цѣлая тьма новыхъ писателей,—сообщалъ онъ брату 1-го апрѣля 1846 г.,—иные мои соперники. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Герценъ и Гончаровъ. Первый—печатался, второй—начинающій и не печатавшійся нигдѣ. Ихъ ужасно хвалятъ. Первенство остается за мною покамѣстъ и надѣюсь, что навсегда» [2]). Въ своихъ отношеніяхъ къ Бѣлинскому и его друзьямъ Достоевскій долженъ былъ измѣниться. У него явилось раздраженіе противъ прежнихъ поклонниковъ, явилось страстное желаніе «утереть имъ носъ» новыми произведеніями, которыя, однако, при появленіи своемъ встрѣчали болѣе чѣмъ холодность со стороны кружка Бѣлинскаго. Григоровичъ, хорошо знавшій Достоевскаго въ то время, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Неожиданность перехода отъ поклоненія и возвышенія автора «Бѣдныхъ людей» чуть ли не на степень генія къ безнадежному отрицанію въ немъ литературнаго дарованія могла сокрушить и не такого впечатлительнаго и самолюбиваго человѣка, какимъ былъ Достоевскій. Онъ сталъ избѣгать лицъ изъ кружка Бѣлинскаго, замкнулся весь въ себя еще больше прежняго и сдѣлался

---

[1]) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 41, 42, 43.
[2]) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 47.

раздражительнымъ до послѣдней степени. При встрѣчѣ съ Тургеневымъ, принадлежавшимъ къ кружку Бѣлинскаго, Достоевскій, къ сожалѣнію, не могъ сдержаться и далъ полную волю накипѣвшему въ немъ негодованію, сказавъ, что никто изъ нихъ ему не страшенъ, что дай только время, онъ всѣхъ ихъ въ грязь затопчетъ. Не помню, что послужило поводомъ къ такой выходкѣ; рѣчь между ними шла, кажется, о Гоголѣ. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, вина была на сторонѣ Достоевскаго. Характеръ Тургенева отличался полнымъ отсутствіемъ задора; его скорѣе можно было упрекнуть въ крайней мягкости и уступчивости. Послѣ сцены съ Тургеневымъ произошелъ окончательный разрывъ между кружкомъ Бѣлинскаго и Достоевскимъ; онъ больше въ него не заглядывалъ. На него посыпались остроты, ѣдкія эпиграммы, его обвиняли въ чудовищномъ самолюбіи, въ зависти къ Гоголю, которому онъ долженъ бы былъ въ ножки кланяться, потому что въ самыхъ хваленыхъ «Бѣдныхъ людяхъ» чувствовалось на каждой страницѣ вліяніе Гоголя» [1]).

Увлеченный общимъ теченіемъ, и Тургеневъ принялъ участіе въ нападкахъ на Достоевскаго. Вмѣстѣ съ Некрасовымъ онъ сочинилъ слѣдующую эпиграмму на Ѳедора Михайловича:

Витязь горестной фигуры,
Достоевскій милый пыщъ,
На носу литературы
Рдѣешь ты, какъ новый прыщъ.
Хоть ты юный литераторъ,
Но въ восторгъ ужъ всѣхъ повергъ:
Тебя знаетъ императоръ,
Уважаетъ Лейхтенбергъ,
За тобой султанъ турецкій
Скоро вышлетъ визирей.
Но когда на раутъ свѣтскій
Передъ сонмище князей,
Ставши мифомъ и вопросомъ,
Палъ чухонскою звѣздой
И моргнулъ курносымъ носомъ
Передъ русой красотой,
Какъ трагически недвижно
Ты смотрѣлъ на сей предметъ
И чуть-чуть скоропостижно
Не погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.
Съ высоты такой завидной,
Слухъ къ мольбѣ моей склоня,
Брось свой взоръ пепеловидный,
Брось, великій, на меня!

---

[1]) Полн. собр. сочин. Д. В. Григоровича, изд. „Нивы“, XII, 274.

Ради будущихъ хваленій
(Крайность, видишь, велика)
Изъ неизданныхъ твореній
Удѣли не „Двойника“.
Буду няньчиться съ тобою,
Поступлю я, какъ подлецъ,
Обведу тебя каймою,
Помѣщу тебя въ конецъ [1]).

Эпиграмма, конечно, вполнѣ соотвѣтствовала болѣзненному самомнѣнію Достоевскаго. «Кайма», о которой упоминается въ концѣ стихотворенія—историческій фактъ: П. В. Анненковъ свидѣтельствуетъ о ней въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: «Рѣшаясь отдать романъ свой («Бѣдные люди») въ готовившійся тогда альманахъ, авторъ его совершенно спокойно и какъ условіе, слѣдующее ему по праву, потребовалъ, чтобъ его романъ былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ статей книги особеннымъ типографскимъ знакомъ, напримѣръ—каймой» [2]). Но это желаніе Достоевскаго, однако, не было исполнено.

Порвавъ (въ самомъ началѣ 1847 г.) всѣ сношенія съ кружкомъ Бѣлинскаго, Ѳедоръ Михайловичъ до конца своей жизни не могъ уже простить критику его разочарованія и отзывался о немъ часто съ ненавистью: «Онъ (Бѣлинскій) былъ немощенъ и безсиленъ талантишкомъ». «Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни» и т. п. [3]). Объяснялъ же свою нелюбовь къ критику тѣмъ, что будто Бѣлинскій «ругалъ ему Христа» [4]). Въ то время, когда такъ увѣрялъ Достоевскій (въ письмѣ къ Страхову отъ 18-го мая 1871 г.), духовный образъ критика былъ еще не на столько изученъ, чтобы можно было назвать это клеветою. Въ настоящее же время взгляды Бѣлинскаго, его увлеченія и ошибки настолько выяснены, что свидѣтельство Ѳедора Михайловича о «ругані Христа» можно отнести къ тому же разряду болѣзненныхъ измышленій, какъ и позднѣйшіе его извѣты на Тургенева. Да и письма Достоевскаго за 1845—47 гг. заставляютъ вѣрить лишь тѣмъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ Ѳедора Михайловича, гдѣ онъ говоритъ только, что «страстно принялъ тогда все ученіе его—(Бѣлинскаго)» [5]). О. Ѳ. Миллеръ пробуетъ поддержать Достоев-

[1]) Эпиграмма эта, извѣстная до сихъ поръ лишь по небольшому отрывку, напечатанному въ воспоминаніяхъ Я. П. Полонскаго („Нива“ 1884 г.), приводится нами цѣликомъ изъ женевскаго изданія (1892 г.) писемъ Тургенева къ Герцену (стр. 207—208).

[2]) Воспомин. и критич. очерки, III, 139.

[3]) Письма Достоевскаго къ Страхову отъ 23-го апрѣля и 18-го мая 1871 г. (Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 310, 312).

[4]) Ibid., I, 312 и 77.

[5]) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 78.

скаго предположеніемъ, будто Бѣлинскій именно подъ вліяніемъ автора «Бѣдныхъ людей» въ своемъ обзорѣ Русской литературы 1847 г. «восторженно отзывался о нравственномъ вліяніи христіанства въ соціальномъ смыслѣ»[1]). Но такое предположеніе — слишкомъ плохая защита.

Въ 1849 году, Достоевскій, замѣшанный въ дѣло Петрашевскаго, сосланъ былъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ 10 лѣтъ, изъ которыхъ 4 года — на каторжныхъ работахъ. Тяжелая кара, постигшая автора «Бѣдныхъ людей», вызвала искреннее сочувствіе къ нему среди русскаго образованнаго общества. Тургеневъ не могъ являться тутъ исключеніемъ, и когда въ 1860 г. Достоевскому было разрѣшено жительство въ Петербургѣ, Иванъ Сергѣевичъ вновь сошелся съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, отъ души позабывъ всѣ прошлыя недоразумѣнія. Въ извѣстномъ спектаклѣ въ пользу литературнаго фонда 14-го апрѣля того же года въ домѣ Руадзе оба писателя участвовали въ «Ревизорѣ», Тургеневъ — играя одного изъ купцовъ, Достоевскій — на роли Шпекина (почмейстера). Съ начала же изданія журнала «Время» братьями Достоевскими (январь, 1861 г.) между Иваномъ Сергѣевичемъ и Ѳедоромъ Михайловичемъ устанавливаются даже дружескія отношенія, со стороны Тургенева, по крайней мѣрѣ — дружескія не по одной внѣшности. Иванъ Сергѣевичъ не могъ не сочувствовать появленію новаго журнала, особенно съ независимымъ направленіемъ (славянофильскія тенденціи Достоевскаго тогда еще не обозначились); въ забвеніи непріятнаго прошлаго со стороны Ѳедора Михайловича Тургеневъ не сомнѣвался. Поэтому мы можемъ вполнѣ повѣрить слѣдующимъ строкамъ письма Ивана Сергѣевича къ автору «Бѣдныхъ людей» отъ 3-го октября 1861 года: «Вы не можете сомнѣваться въ искреннемъ участіи, которое я принимаю въ васъ, въ вашемъ журналѣ и во всемъ, что до васъ касается»[2]). Дѣйствительно, въ декабрѣ того же года, напримѣръ, Тургеневъ рекомендуетъ «Время» для сотрудничества Фр. Боденштедту[3]), а въ апрѣлѣ слѣдующаго — хлопочетъ пристроить туда М. А. Марковичъ (Марко-Вовчекъ). Когда «Время» было неожиданно прекращено, Иванъ Сергѣевичъ неоднократно выражалъ искреннее участіе горю Достоевскаго. Такъ, въ письмѣ къ сотруднику «Русскаго Вѣстника» Щербаню (20-го іюня 1863 г.) онъ пишетъ: «Вы еще не прочли въ «Сѣверной Почтѣ» указа о запрещеніи этого журнала («Время») по поводу статьи «Роковой вопросъ» въ апрѣльской книжкѣ? Я эту статью, помнится, пробѣжалъ и не нашелъ въ ней ничего особенно зловреднаго. Это за-

---

[1]) Ibid., I, 77.

[2]) Перв. собр. писемъ И. С. Тургенева, стр. 97.

[3]) „Русск. Стар.“ 1887 г., кн. 5, стр. 474.

*

прещеніе меня поразило—и для Достоевскихъ, у которыхъ оно отняло хлѣбъ, и для правительства, которое не понимаетъ, что оно тѣмъ самымъ бросаетъ тѣнь на искренность патріотическихъ заявленій» [1]). Хорошія отношенія между двумя писателями должны были только упрочиться отъ обмѣна сочувственными отзывами, которые вызваны были съ одной стороны «Отцами и дѣтьми», а съ другой—«Записками изъ мертваго дома», вышедшими въ свѣтъ почти одновременно. Тургеневъ признавался, что вполнѣ поняли его знаменитый романъ (кромѣ Анненкова, конечно) только В. П. Боткинъ, А. Н. Майковъ и Ѳ. М. Достоевскій [2]).

Съ своей стороны Иванъ Сергѣевичъ писалъ послѣднему, что его «Записки изъ мертваго дома» ему очень нравятся; «картина б а н и — просто Дантовская, и въ вашихъ характеристикахъ разныхъ лицъ (напримѣръ Петрова)—много тонкой и вѣрной психологіи [3]).

Для Достоевскаго Тургеневъ приступилъ къ обработкѣ, начатой имъ еще въ 1856 г., высокохудожественной фантазіи «Призраки», гдѣ такъ оригинально собраны впечатлѣнія, пережитыя имъ на протяженіи 20-ти лѣтъ, начиная со студенчества (гл. XII и XIII). Отложенная въ 1857 г., вещь эта снова попала подъ перо Ивана Сергѣевича осенью 1861 г. и закончена была въ маѣ 1863 г. Пославъ рукопись на просмотръ «первому своему критику», Тургеневъ писалъ шутливо Фету (1-го октября): «я, не смотря на свое бездѣйствіе, угобзился, однако, сочинить и отправить къ Анненкову вещь, которая, вѣроятно, вамъ понравится, ибо не имѣетъ никакого человѣческаго смысла, даже эпиграфъ взятъ у васъ. Вы увидите если не въ печати, то въ рукописи, это замѣчательное произведеніе очепушившейся фантазіи» [4]). Тонъ этихъ строкъ не даетъ, конечно, права заключать, что Иванъ Сергѣевичъ отнесся къ этому разсказу съ меньшей серьезностью, чѣмъ къ другимъ своимъ произведеніямъ. «Призраки» произошли случайно,—говорилъ онъ впослѣдствіи Половцеву [5]),—у меня набрался рядъ картинъ, эскизовъ, пейзажей. Сперва я хотѣлъ сдѣлать картинную галлерею, по которой проходитъ художникъ, разсматривая отдѣльныя картины, но выходило сухо. Поэтому я выбралъ ту форму, въ которой и появились «Призраки». Какъ всегда, Тургеневъ строго отнесся къ каждой строкѣ, къ каждому слову своей фантазіи. На замѣчанія, напримѣръ, Щербаня, особенно по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ главы XIX, онъ пишетъ: «за

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ", 1890 г., VIII, 7.
[2]) Перв. собр. пис., стр. 102, 107 и 108.
[3]) Ibid, стр. 98.
[4]) Фетъ. „Мои воспоминанія", I, 439.
[5]) „Воспоминанія его о Тургеневѣ", въ календарѣ „Царь-колоколъ" на 1887 г., стр. 77.

исключеніемъ двухъ-трехъ, я согласенъ со всѣми вашими замѣчаніями; нѣкоторыя очень вѣрны и тонки. Но, напримѣръ, «широкій шорохъ»—мнѣ именно нуженъ, какъ звукоподражательность; Тюльерійскій садъ отдѣленъ отъ частнаго Наполеоновскаго сада—чисто крѣпостнымъ рвомъ; и самъ г. Базанкуръ [1]) сравниваетъ зуавовъ съ тиграми. Настоящій солдатъ таковъ и долженъ быть, но потому-то я и не люблю солдата» [2]).

«Призраки», однако, попали не на страницы журн. «Время», какъ хотѣлъ Тургеневъ, а въ «Эпоху», замѣнившую собою погибшее изданіе Достоевскихъ, и напечатаны были въ 1-й и 2-й книжкахъ журнала за 1864 г. Но Иванъ Сергѣевичъ не думалъ ограничиться этимъ только вкладомъ въ «Эпоху». Въ октябрѣ того же года онъ писалъ Ѳедору Михайловичу: «Начну съ увѣренія, что мои чувства къ вашему журналу нисколько не измѣнились, что я отъ всей души готовъ содѣйствовать его успѣху, по мѣрѣ силъ—и даю вамъ обѣщаніе первую написанную мною вещь помѣстить у васъ; но опредѣлить срокъ, когда эта вещь будетъ написана, мнѣ невозможно потому, что я совершенно облѣнился и болѣе года пера въ руки не беру.... Я часто думалъ объ васъ все это время, обо всѣхъ ударахъ, которые васъ поразили—и искренно радуюсь тому, что вы не дали имъ разбить васъ въ конецъ. Боюсь я только за ваше здоровье, какъ бы оно не пострадало отъ излишнихъ трудовъ» [3]). Но «Эпоха» прекратилась на февральской книжкѣ 1865 г., за недостаткомъ средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наступило продолжительное затишье въ сношеніяхъ двухъ писателей.

Лѣтомъ 1867 г. затишье это было нарушено самой неожиданной выходкой Достоевскаго, о которой Тургеневъ такъ впослѣдствіи разсказывалъ въ Спасскомъ своимъ деревенскимъ гостямъ, среди которыхъ былъ и Е. Гаршинъ (приводимъ подлинныя слова воспоминаній послѣдняго съ нѣкоторыми лишь пропусками): «Это было въ Баденѣ, когда только-что вышелъ «Дымъ». Въ это время Достоевскій былъ сильно увлеченъ игрой, былъ въ большомъ выигрышѣ, увѣрился, что онъ попалъ на счастливые номера и.... проигралъ все до копѣйки. Находясь въ затруднительномъ положеніи, Достоевскій взялъ въ займы у Тургенева какую-то незначительную сумму денегъ. Вскорѣ затѣмъ онъ отыгрался, пересталъ играть и привезъ Тургеневу свой долгъ. Но, уже отдавъ деньги, Достоевскій все-таки, по замѣчанію Тургенева, чувствовалъ тяжесть своего обязательства относительно человѣка, котораго онъ не любилъ, а тутъ какъ нарочно пищей для этого раздраженія ока-

---

[1]) Извѣстный французскій военный писатель.
[2]) „Русскій Вѣстникъ", 1890 г., VIII, 13.
[3]) Перв. собр. писемъ Тургенева, стр. 116

зался злополучный «Дымъ». Эту книгу надо сжечь рукою палача, сказалъ Достоевскій, взявъ книгу въ руки. Тургеневъ (къ сожалѣнію, вся эта сцена происходило одинъ-на-одинъ) скромно освѣдомился о причинахъ и въ отвѣтъ услышалъ цѣлую обвинительную рѣчь на тему: вы ненавидите Россію, вы не вѣрите въ ея будущее и т. д. Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ, что онъ предпочелъ выслушать все молча и дождался, пока Достоевскій кончитъ и уйдетъ. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Но, спустя, нѣсколько времени, Иванъ Сергѣевичъ получилъ извѣщеніе отъ издателя «Русскаго Архива», г. Бартенева, что Достоевскій обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ воспроизведенъ вышеупомянутый монологъ, но не какъ обвиненіе противъ Тургенева, а какъ его личная исповѣдь, въ формулѣ: «Я ненавижу Россію» и т. д. При этомъ Достоевскій просилъ опубликовать это его письмо никакъ не ранѣе извѣстнаго срока (сколько помню 10—15-лѣтняго). На вопросъ Бартенева, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что это для него совершенно безразлично» [1]).

Гаршинъ, излагая этотъ разсказъ, сопровождаетъ его оговорками, скрывающими за собою какъ-бы нѣкоторое сомнѣніе въ безусловной правдивости словъ Тургенева. Но, зная незлобивость и скромность Ивана Сергѣевича, можно усумниться въ полной истинности его разсказа развѣ только въ томъ смыслѣ, что Тургеневъ смягчилъ все дѣло въ пользу Достоевскаго. Дѣйствительно, болѣе близкимъ друзьямъ онъ сообщалъ случай этотъ откровеннѣе. Такъ въ письмѣ къ Полонскому отъ 24-го апрѣля 1871 г. читаемъ: «Онъ (Достоевскій) пришелъ ко мнѣ лѣтъ пять тому назадъ въ Баденѣ, не съ тѣмъ, чтобы выплатить мнѣ деньги, которыя у меня занялъ, а обругать меня на чемъ стоитъ—за «Дымъ», который, по его мнѣнію, подлежалъ сожженію отъ руки палача. Я слушалъ молча всю эту филиппику, и что же узнаю? Что будто я ему выразилъ всякія преступныя мнѣнія, которыя онъ поспѣшилъ сообщить Бартеневу (Б. дѣйствительно мнѣ написалъ объ этомъ). Это была бы просто-на-просто клевета, если бы Достоевскій не былъ сумасшедшимъ, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь. Быть можетъ, ему это все померещилось» [2]). Разсматривая письма Тургенева, относящіяся къ тому времени, когда именно и произошелъ описанный случай, мы находимъ еще болѣе ясные слѣды этой выходки. Въ концѣ декабря 1867 г. Иванъ Сергѣевичъ пишетъ Анненкову: «Ну, однако, удивили вы меня сообщеніемъ извѣстія о письмѣ Достоевскаго (что это онъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!). Вотъ послѣ этого и пускай къ себѣ соотечественниковъ. Молодца! Прилагаемое мое письмо къ Бартеневу можете по благоусмо-

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“, 1883 г., XI, 387.

[2]) Пер. собр. писемъ Тургенева, стр. 194.

тренію переслать. Но больше, кажется, дѣлать нечего» [1]). Въ февралѣ же 1868 г. онъ сообщаетъ тому же Анненкову: «Я получилъ отъ П. И. Бартенева очень вѣжливое письмо, въ которомъ онъ отзывается, какъ слѣдуетъ, о сумасбродномъ извѣтѣ г. Достоевскаго, который, однако, не подписанъ имъ, но, очевидно, проистекаетъ изъ его пера» [2]).

Письмо Ивана Сергѣевича къ Бартеневу, отправленное первоначально къ Анненкову, сохранилось въ копіи (въ Императорской Публичной библіотекѣ); доносъ же Достоевскаго до сихъ поръ неизвѣстенъ. О содержаніи его, однако, можемъ судить на основаніи слѣдующихъ строкъ письма Ѳедора Михайловича къ А. Н. Майкову отъ 16-го (28-го) августа 1867 г., въ которомъ Достоевскій разсказываетъ, между прочимъ, о жестокомъ своемъ проигрышѣ въ Баденѣ: «. . . . Онъ объявилъ мнѣ, что онъ окончательный атеистъ. Но Боже мой! Деизмъ намъ далъ Христа, т. е. до того высокое представленіе человѣка, что его понять нельзя безъ благоговѣнія и нельзя не вѣрить, что это идеалъ человѣчества вѣковѣчный. А что же они-то. . . . . намъ представили! Вмѣсто высочайшей красоты Божіей, на которую они плюютъ, всѣ они до того пакостно самолюбивы, до того безстыдно раздражительны, легкомысленно горды, что просто непонятно, на что они надѣются и кто за ними пойдетъ. Ругалъ онъ Россію и русскихъ безобразно, ужасно. Но вотъ, что я замѣтилъ: всѣ эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Бѣлинскаго, ругать Россію находятъ первымъ своимъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ. Разница въ томъ, что послѣдователи . . . . просто ругаютъ и откровенно желаютъ ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же отпрыски прибавляютъ, что они любятъ Россію. А между тѣмъ, не только все, что есть въ Россіи чуть-чуть самобытнаго, имъ ненавистно, такъ что они его отрицаютъ и тотчасъ же съ наслажденіемъ обращаютъ въ каррикатуру, но что, еслибъ дѣйствительно представить имъ наконецъ фактъ, который бы ужъ нельзя опровергнуть или въ каррикатурѣ испортить, а съ которымъ надо непремѣнно согласиться, то, мнѣ кажется, они бы были до муки, до боли, до отчаянія несчастны. Замѣтилъ я, что они (равно какъ и всѣ, долго не бывшіе въ Россіи) рѣшительно фактовъ не знаютъ, хотя и читаютъ газеты, и дотого грубо потеряли всякое чутье Россіи, такихъ обыкновенныхъ фактовъ не знаютъ, которые даже нашъ русскій нигилистъ уже не отрицаетъ и только каррикатуритъ по-своему. Между прочимъ, онъ говорилъ, что мы должны ползать передъ нѣмцами, что есть одна общая всѣмъ дорога и неминуемая, это цивилизація,

---

[1]) „Русское Обозрѣніе“, 1894 г., ч. I, 28.
[2]) Ibid, II, 489.

и что всѣ попытки руссизма и самостоятельности—свинство и глупость . . . . . . [1]).

Этотъ «онъ», стоящій въ началѣ выписаннаго отрывка и совсѣмъ неожиданно выступающій изъ-за редакторскихъ точекъ печатнаго текста письма, конечно, и есть Тургеневъ, хотя имя его тщательно скрывается издателемъ (Иванъ Сергѣевичъ былъ живъ еще во время печатанія корреспонденціи Достоевскаго). Полное совпаденіе содержанія отрывка съ самой сутью дѣла, какъ послѣднее выясняется изъ писемъ и разсказовъ Тургенева, достаточно говоритъ въ пользу нашего предположенія. Отвѣтъ Ивана Сергѣевича, помѣченный 22-мъ декабря 1867 г., (3-го января 1868 г.), изъ Баденъ-Бадена былъ таковъ:

«Милостивый государь, Петръ Ивановичъ! До свѣдѣнія моего дошло, что въ Чертковскую библіотеку прислано на ваше имя письмо, съ подписью г-на Ѳ. Достоевскаго, и что въ этомъ письмѣ, которое должно явиться въ свѣтъ не ранѣе 1890 года, изложены имъ мнѣнія—возмутительныя и нелѣпыя—о Россіи и русскихъ, которыя онъ приписываетъ мнѣ. Эти мнѣнія, составляющія будто-бы задушевное мое убѣжденіе, были высказаны мною, по увѣренію г-на Ѳ. Достоевскаго, въ его присутствіи, въ Баденѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, во время единственнаго посѣщенія, которымъ онъ меня почтилъ.

«Не говоря уже о томъ, насколько можетъ быть оправдано подобное злоупотребленіе довѣрія, я вынужденнымъ нахожусь объявить съ своей стороны, что выражать свои задушевныя убѣжденія передъ г-номъ Достоевскимъ я уже потому полагалъ бы неумѣстнымъ, что считаю его за человѣка—вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ и другихъ причинъ не вполнѣ обладающаго собственными умственными способностями; впрочемъ, это мнѣніе мое раздѣляется многими другими лицами. Видѣлся я съ г-номъ Достоевскимъ, какъ уже сказано, всего одинъ разъ. Онъ высидѣлъ у меня не болѣе часа и, облегчивъ свое сердце жестокою бранью противъ нѣмцевъ, противъ меня и моей послѣдней книги, удалился; я почти не имѣлъ времени и никакой охоты возражать ему. Я, повторяю, обращался съ нимъ, какъ съ больнымъ. Вѣроятно разстроенному его воображенію представились тѣ доводы, которые онъ предполагалъ услыхать отъ меня—и онъ написалъ на меня свое... донесеніе потомству.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1890 году и г-нъ Достоевскій и я—мы оба не будемъ обращать на себя вниманіе соотечественниковъ; а если мы и не будемъ совершенно забыты, то судить о насъ станутъ не по одностороннимъ извѣтамъ, а по результатамъ цѣлой жизни и дѣя-

[1]) Полное собр. соч. Ѳ. М. Достоевскаго, 1883 г., ч. I, 172.

тельности; но я все-таки почелъ своею обязанностью теперь же протестовать противъ подобнаго искаженія моего образа мыслей.

«Мнѣ остается просить васъ извинить меня, что я рѣшился обратиться къ вамъ, не имѣя чести быть лично вамъ знакомымъ, а также принять выраженіе совершеннаго уваженія и преданности, съ которыми остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Тургеневъ» [1]).

Послѣ своей, дѣйствительно болѣзненной, выходки Достоевскій въ силу уже тѣхъ самыхъ психическихъ процессовъ, которые такъ реально и талантливо изображаются въ его романахъ—не могъ не идти дальше въ своей ненависти.

Злобное чувство, усиливаясь, привело его ко второй некрасивой выходкѣ, совершенной уже публично. Въ «Бѣсахъ», печатавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1871—1872 гг., «выведены» были Тургеневъ и Грановскій, первый—подъ именемъ Кармазинова.

Собравъ въ одно наиболѣе характерныя черты этого героя, разсѣянныя, такъ сказать, по страницамъ романа, мы получимъ такую фигуру. Одѣвается Кармазиновъ, выходя на воздухъ, примѣняясь къ климату болѣе западной Европы, чѣмъ своей родины, т. е. нѣсколько легко. Но «всѣ мелкія вещицы его костюма: запоночки, воротнички, пуговки, черепаховый лорнетъ на черной тоненькой ленточкѣ, перстенекъ, непремѣнно были такія же, какъ и у людей безукоризненно хорошаго тона». Въ лѣвой рукѣ онъ носитъ «крошечный сакъ»; «впрочемъ это былъ не сакъ, а какая-то коробочка, или, вѣрнѣе, какой-то портфельчикъ, или, еще лучше, ридикюльчикъ, въ родѣ старинныхъ дамскихъ ридикюлей». У себя дома, не въ лѣтнюю пору, Кармазиновъ носитъ «какую-то домашнюю куцавеечку на ватѣ, въ родѣ какъ бы жакеточки съ перламутровыми пуговками, но слишкомъ ужъ коротенькую, что̀ вовсе и не шло къ его довольно сытенькому брюшку». Ноги обертывалъ шерстянымъ клѣтчатымъ плэдомъ изъ боязни заболѣть въ «этомъ климатѣ». Въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ,—выступая на публичныя чтенія, Кармазиновъ, конечно, надѣвалъ фракъ и являлся передъ публикой «съ осанкою пятерыхъ камергеровъ». Голосъ имѣлъ слишкомъ «крикливый, нѣсколько даже женственный, и при томъ съ настоящимъ благороднымъ дворянскимъ присюсюкиваніемъ». Говорилъ не иначе, какъ «жеманясь и тонируя», «нѣжно скандируя каждое слово». Кармазиновъ «дорожитъ связями своими съ сильными людьми и съ обществомъ высшимъ чуть не больше души своей». «Онъ васъ встрѣтитъ, обласкаетъ, прельститъ, обворожитъ своимъ простодушіемъ, особенно если

---

[1]) Оригиналъ этого письма, до сихъ поръ еще не оглашеннаго въ печати, вѣроятно, находится у г. Бартенева. Мы приводимъ текстъ по единственной копіи, хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

вы ему почему-нибудь нужны и, уже разумѣется, если вы предварительно были ему зарекомендованы. Но при первомъ князѣ, при первой графинѣ, при первомъ человѣкѣ, котораго онъ боится, онъ почтетъ священнѣйшимъ долгомъ забыть васъ съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, какъ щепку, какъ муху, тутъ же, когда вы еще не успѣли отъ него выйти; онъ серьезно считаетъ это самымъ высокимъ и прекраснымъ тономъ». И балуютъ же его эти князья, графини и сильные люди! Они подносятъ ему лавровые вѣнки, ставятъ въ своихъ залахъ мраморныя доски на память объ его чтеніяхъ и проч. Несмотря на это, Кармазиновъ «болѣзненно трепеталъ предъ новѣйшею революціонною молодежью и, воображая по незнанію дѣла, что въ рукахъ ея ключи русской будущности, унизительно къ нимъ подлизывался, главное—потому, что они не обращали на него никакого вниманія».

Незнаніе же дѣла у Кармазинова вполнѣ понятно. Онъ признается, что сидитъ вотъ уже седьмой годъ въ Карлсруэ. «И когда прошлаго года городскимъ совѣтомъ положено было проложить новую водосточную трубу, то я почувствовалъ въ своемъ сердцѣ, что этотъ карлсруйскій водосточный вопросъ милѣе и дороже для меня всѣхъ вопросовъ моего милаго отечества за все время, такъ называемыхъ, здѣшнихъ реформъ». Литературнымъ талантомъ Кармазиновъ обладаетъ небольшимъ «средней руки». Онъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, «которыхъ принимаютъ при жизни ихъ чуть не за геніевъ» и которые «не только исчезаютъ чуть не безслѣдно и какъ-то вдругъ изъ памяти людей, когда умираютъ, но случается, что даже и при жизни ихъ, чуть лишь подростетъ новое поколѣніе, смѣняющее то, при которомъ они дѣйствовали—забываются и пренебрегаются всѣми непостижимо скоро». Прежде Кармазиновъ писалъ вещи ничего себѣ, т. е. «хоть обточено, жеманно, но иногда съ остроуміемъ», впослѣдствіи же исписался и обнаруживалъ «такую жидкость и такую крохотность своей основной идейки, что никто даже и не жалѣетъ о томъ, что онъ такъ скоро умѣлъ исписаться». Но самолюбіе такихъ писателей, именно подъ конецъ ихъ поприща «принимаетъ иногда размѣры достойные удивленія. Богъ знаетъ, за кого они начинаютъ принимать себя,—по крайней мѣрѣ за боговъ». Кармазиновъ высказался разъ такъ: «Тамъ, въ Карлсруэ, я закрою глаза свои. Намъ, великимъ людямъ, остается, сдѣлавъ свое дѣло, поскорѣе закрывать глаза, не ища награды. Сдѣлаю такъ и я».

И послѣднія произведенія свои писалъ онъ единственно съ цѣлью выставить себя самого. Таковы пародируемые Достоевскимъ, «Довольно» и «Казнь Тропмана». Въ послѣднемъ разсказѣ, по мнѣнію автора «Бѣсовъ», «такъ и читалось между строками: интересуйтесь мною, смотрите, каковъ я былъ въ эти минуты. Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрѣлища и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ спи-

ной; вотъ я въ ужасѣ и не въ силахъ оглянуться назадъ; я жмурю глаза—не правда ли, какъ это интересно?» Понятно, почему Кармазиновъ заготовлялъ всегда по нѣскольку списковъ своихъ еще не напечатанныхъ произведеній и хранилъ «одинъ за границей у нотаріуса, а другой въ Петербургѣ, третій въ Москвѣ».

Впослѣдствіи Тургеневъ имѣлъ полное право сказать по поводу «Бѣсовъ»: «Недобрый онъ (Достоевскій) былъ человѣкъ и не могъ равнодушно относиться къ чужому успѣху. Мало ему было, что онъ меня вывелъ въ Кармазиновѣ, но зачѣмъ было Грановскаго трогать: вѣдь онъ покойникъ!» [1]). По поводу того же романа Иванъ Сергѣевичъ писалъ М. А. Милютиной (3-го декабря 1872 г.): «Поступокъ Ѳ. Достоевскаго не удивилъ меня нисколько; онъ возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя... Достоевскій позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію; онъ представилъ меня, подъ именемъ Кармазинова, тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи... Мнѣ остается сожалѣть, что онъ употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ чувствъ; видно, онъ мало цѣнитъ его, коли унижаетъ до памфлета» [2]).

Мнѣнія Достоевскаго о литературной дѣятельности Тургенева мы уже видѣли, они вполнѣ подтверждаются и письмами Ѳедора Михайловича. Изложимъ въ заключеніе взглядъ Ивана Сергѣевича на Достоевскаго, какъ на писателя. Признавая его «крупнымъ» писателемъ и «несомнѣннымъ талантомъ», Тургеневъ рѣзко осуждалъ въ немъ неудержимый позывъ къ крайне болѣзненному психологическому анализу, который и называлъ «больничнымъ настроеніемъ», «прѣлымъ самоковыряніемъ», «никому не нужнымъ бормотаньемъ и психологическимъ ковыряньемъ» [3]). Наиболѣе крупными его вещами Иванъ Сергѣевичъ считалъ «Записки изъ мертваго дома» и первую часть «Преступленія и наказанія». Въ общемъ взглядъ Тургенева на литературную дѣятельность Достоевскаго совпадалъ со взглядами Н. К. Михайловскаго, изложенными въ статьѣ послѣдняго «Жестокій талантъ». Въ этомъ критическомъ этюдѣ, какъ извѣстно, доказывается слѣдующая мысль: Достоевскій въ большей части своихъ произведеній стремится не возбудить состраданіе или сочувствіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, а старается помучить героевъ своихъ романовъ изъ простаго желанія раздражать нервы читателей. Не направляя послѣднихъ ни къ какой разумной или гуманной

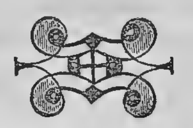
[1]) „Истор. Вѣстн.“ 1883 г., XI, 387.

[2]) Перв. собр. писемъ, стр. 208.

[3]) „Вѣстн. Европы“ 1887 г., кн. 2, стр. 474. Фетъ: „Мои воспомин.“, II, 88. Перв. собр. писемъ Тургенева, стр. 272.

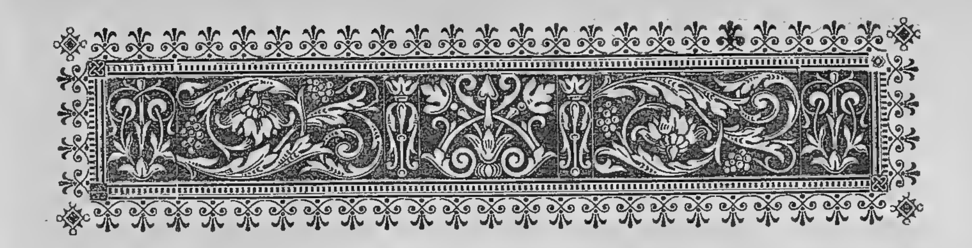
цѣли, ни къ какому идеалу, онъ играетъ на нервахъ читателей «такъ», изъ любви къ искусству. Его психологія въ большинствѣ случаевъ не раскрытіе тайниковъ человѣческой души, а наслажденіе тѣми страданіями, которыя проистекаютъ у его героевъ изъ болѣзненныхъ или ложныхъ положеній. Познакомившись съ этой статьей, Тургеневъ писалъ Салтыкову (Щедрину) 24-го сентября 1882 года: «Прочелъ я также статью Михайловскаго о Достоевскомъ. Онъ вѣрно подмѣтилъ основную черту его творчества. Онъ могъ бы вспомнить, что и во французской литературѣ было схожее явленіе, а именно пресловутый Маркизъ де-Садъ. Этотъ даже книгу написалъ: «Tourments et supplices», въ которой онъ съ особеннымъ наслажденіемъ настаиваетъ на развратной нѣгѣ, доставляемой нанесеніемъ изысканныхъ мукъ и страданій. Достоевскій тоже въ одномъ изъ своихъ романовъ тщательно расписываетъ удовольствіе одного любителя... И какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де-Садѣ всѣ россійскіе архіереи совершали панихиды и даже предики читали о вселюбви этого всечеловѣка! По истинѣ, въ странное живемъ мы время!» [1]).

Н. Гутьяръ.

---

[1]) Перв. собр. писемъ, стр. 496—497.

Паисій Лигаридъ.

Дополнительныя свѣдѣнія изъ римскихъ архивовъ.

Corruptio optimi pessima.

Въ 1673 году, въ Римъ, къ папскому двору, прибылъ посланецъ Алексѣя Михаиловича, маіоръ Павелъ Менезій. Шотландскій выходецъ, образованный и благовоспитанный, представитель православнаго царя былъ католикъ, и даже очень усердный. На престарѣлаго Климента X, на его племянника, кардинала Альтіери, и вообще на всю римскую курію онъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе. Не удивительно, что его словамъ придавалось высокое значеніе. Между прочимъ, рѣчь коснулась и Паисія Лигарида, пребывавшаго тогда въ Москвѣ. Менезій высказалъ мнѣніе, что газскій митрополитъ можетъ доставить много пользы или нанести много вреда католицизму въ Россіи, смотря по тому, придерживается ли онъ истиннаго ученія или же ложнаго [1])?

Вслѣдствіе этого заявленія наведены были справки въ конгрегаціи Пропаганды, отъ которой Лигаридъ нѣкогда зависѣлъ, въ качествѣ миссіонера на Востокѣ. Добытыя такимъ путемъ свѣдѣнія выясняютъ его личность и особенно освѣщаютъ еще мало извѣстную его жизнь до пріѣзда въ Россію.

Долгое время всѣ эти сокровища лежали подъ спудомъ. Только благодаря содѣйствію кардинала Рамполлы, занимавшаго тогда постъ секретаря Пропаганды, удалось ими воспользоваться. Документы, сообщенные мною г. Леграну, были имъ напечатаны въ 1896 году [2]).

---

[1]) Архивъ Пропаганды, Registre di Léttere, т. LXI, стр. 141.

[2]) Bibliographie Hellénique du dix-septieme siècle, т. IV, стр. 17, 56, 59.

Для составленія своего очерка, тотъ же авторъ имѣлъ доступъ въ римскій архивъ коллегіи св. Аѳанасія.

Однако же, съ тѣхъ поръ нашлось еще кое-что новое. Потому нелишне будетъ, сопоставивъ всѣ римскія свѣдѣнія о Лигаридѣ, представить ихъ въ цѣльномъ видѣ. Ни Горскій, ни Лавровскій не могли этого сдѣлать. Да вообще эти свѣдѣнія, кажется, мало извѣстны въ русской наукѣ. По случаю дѣла Никона всѣмъ историкамъ приходится упоминать о Лигаридѣ. Но даже въ такихъ спеціальныхъ монографіяхъ, какъ изслѣдованіе Гиббенета, дается лишь скудный и отрывочный матеріалъ.

Въ общихъ же исторіяхъ, у Соловьева и другихъ, Лигаридъ и дѣйствующіе заодно съ нимъ восточные патріархи проходятъ предъ читателемъ, какъ китайскія тѣни и мало даютъ знать о себѣ. Замѣтимъ здѣсь, что обширная записка Лигарида о Никонѣ была напечатана въ Лондонѣ. Ее перевелъ на англійскій языкъ незабвенный Вильямъ Пальмеръ [1]).

Нашему очерку не чуждъ и психологическій интересъ. Тонкій разборъ душевныхъ стремленій Лигарида, конечно, не мыслимъ; но поразительно его гнусное корыстолюбіе, неожиданно являющееся послѣ долгаго и честнаго служенія наукѣ и церкви. Врядъ ли можно допустить, что, начиная съ тринадцатилѣтняго возраста, Лигаридъ притворялся и лицемѣрилъ цѣлые десятки лѣтъ, да еще такъ искусно, что самымъ опытнымъ лицамъ не удалось его раскусить. Избитые намеки на іезуитскую гибкость мало что разъясняютъ. Слѣдуетъ вдуматься въ различныя обстановки, въ которыхъ вращался Лигаридъ. Отрицать ихъ вліянія не возможно. Въ этой живой и богато одаренной натурѣ были разнородные зачатки, которые, смотря по обстоятельствамъ, развивались въ противоположныхъ направленіяхъ и доходили до крайностей.

Съ ранняго дѣтства Пантелеймонъ Лигаридъ, уроженецъ острова Хіоса, предназначался для духовнаго званія, и врядъ ли безъ честолюбивыхъ расчетовъ. Уже въ 1623 году получается въ Римѣ просьба, скрѣпленная мѣстнымъ епископомъ, Марко Джустиніани, о принятіи тринадцатилѣтняго мальчика въ коллегію св. Аѳанасія, основанную Григоріемъ XIII для греческихъ уніатовъ [2]).

Просьба была уважена, и Лигаридъ получилъ все свое образованіе въ такъ называемомъ Collegio greco, на папскомъ иждивеніи. Тамъ онъ обучался грамматикѣ и реторикѣ, тамъ же онъ прошелъ трехлѣтній философскій и четырехлѣтній богословскій курсъ подъ опекою іезуи-

---

[1]) The Patriarch and the Tsar, т. III.

[2]) Главнымъ источникомъ для первой части этого очерка послужили вышеупомянутые документы Пропаганды, напечатанные у Леграна.

товъ, которые тогда завѣдывали коллегіею. Ректоромъ былъ отецъ Андрей Евдемонъ, выдающійся богословъ, другъ Беллярмина и въ родствѣ съ Палеологами [1]); а протекторомъ кардиналъ Барберини, которому постоянно докладывали о важнѣйшихъ дѣлахъ и происшествіяхъ. Питомцы св. Аѳанасія обучались отчасти у себя дома, отчасти въ Римской коллегіи, гдѣ преподавали также іезуиты на университетскихъ правахъ.

Успѣхи Лигарида въ наукахъ были такъ блестящи, что его выбрали для публичнаго испытанія или, какъ говорится, для «защиты» всего пройденнаго, высшаго схоластическаго курса. Такого рода «atto pubblico» дѣлался всегда торжественно, въ присутствіи кардиналовъ, знатныхъ особъ, постороннихъ лицъ и учащейся молодежи. Обыкновенно онъ держался въ церкви, какъ бы для нагляднаго доказательства неразрывнаго союза между вѣрою и наукою, и давалъ испытуемому право на степень доктора философіи и богословія. 27-го сентября 1636 года Лигаридъ выступилъ на этомъ поприщѣ въ смежной съ коллегіею церкви св. Аѳанасія [2]). Неизбѣжныя при этомъ издержки покрылъ его соотечественникъ, маркизъ Джустиніани, которому не пришлось каяться въ своей щедрости, ибо молодой докторантъ превосходно разрѣшилъ свою задачу. Съ одинаковою легкостью изъясняясь на латинскомъ и греческомъ языкѣ, онъ мѣткими отвѣтами очаровалъ своихъ слушателей, и школьная лѣтопись записала на свои страницы замѣчательный успѣхъ.

Къ этому времени относится анонимная оцѣнка Лигарида, исходящая отъ его ближайшаго начальства, вѣроятно, отъ самого ректора Евдемона [3]). Въ силу устава, питомцы коллегіи св. Аѳанасія должны были, по окончаніи курса, возвращаться на родину. Между тѣмъ, Лигарида желали задержать на нѣкоторое время, ибо онъ преподавалъ греческій языкъ и замѣнить его было бы не легко. И вотъ представляется записка кардиналу-протектору съ подходящей просьбой, основанной на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Уставъ допускаетъ исключеніе въ пользу тѣхъ изъ бывшихъ учениковъ, которые могутъ быть полезными для коллегіи.

Лигаридъ одаренъ всѣми качествами, требуемыми отъ оставляемыхъ при заведеніи: онъ кроткаго нрава, добродѣтеленъ, послушенъ, набоженъ, горячо любитъ латинскую церковь, отлично владѣетъ греческимъ языкомъ, который онъ и преподаетъ около пяти лѣтъ къ общему удовольствію.

---

[1]) Legrand, Bibliographie Hellénique, т. III, стр. 193.

[2]) Она находится въ улицѣ Babuino.

[3]) Эта оцѣнка нашлась между іезуитскими бумагами коллегіи св. Аѳанасія и хранится въ нашемъ собраніи.

Отецъ Лигарида, Иванъ, также желаетъ, чтобы его сынъ вернулся на родину не слишкомъ молодыхъ лѣтъ, а бородатый и представительный, ибо онъ прочитъ свое чадо въ подручники, и пожалуй, въ преемники мѣстнаго епископа. Поэтому заботливый отецъ совѣтуетъ упражняться въ проповѣдничествѣ и заняться изученіемъ каноническаго права, хотя самъ не можетъ доставить средствъ для дальнѣйшаго пребыванія въ Италіи.

Авторъ записки приходитъ къ тому выводу, что оставленіемъ Лигарида въ Римѣ будутъ удовлетворены и желаніе отца и потребности коллегіи. Къ тому же дорожныя деньги для возвращенія на родину еще не высланы, говоритъ тотъ же авторъ, и въ текущемъ году уже не могутъ быть доставлены во-время, почему, во всякомъ случаѣ, отъѣздъ долженъ быть отложенъ.

Кардиналъ протекторъ безъ сомнѣнія согласился на эту просьбу, ибо Лигаридъ провелъ еще нѣсколько лѣтъ въ коллегіи, и, какъ именно предполагалось, въ качествѣ преподавателя греческаго языка. Въ 1639 году, 31-го декабря, онъ былъ поставленъ въ священники русскимъ уніатскимъ митрополитомъ Рафаиломъ Корсакомъ, который самъ нѣкогда обучался въ коллегіи св. Аѳанасія. Два года спустя, во всеоружіи классическаго и богословскаго образованія, Лигаридъ простился навсегда съ Римомъ и выѣхалъ на Востокъ съ ежегоднымъ пособіемъ отъ Пропаганды въ размѣрѣ 50 скуди. Въ томъ же 1641 году знаменитый впослѣдствіи Юрій Крижаничъ вступилъ въ покидаемую Лигаридомъ коллегію; встрѣтились ли они тамъ, объ этомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ.

Въ Римѣ отъѣзжающій миссіонеръ оставилъ по себѣ самую лучшую память. Прочувственныя похвалы Петра Аркудія, заклятаго уніата, печатно выраженныя въ 1637 году, достаточно выясняютъ, какимъ идеаломъ онъ тогда задавался и каково было его душевное настроеніе [1]. Дѣйствительно, талантливый, преданный наукѣ, онъ отличался также своимъ усердіемъ въ благочестіи. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ такъ называемая конгрегація Божіей Матери, установленная въ коллегіи св. Аѳанасія, числила его между своими сочленами, и не разъ его выбирали въ префекты, совѣтники или ассистенты. Такая честь иначе не доставалась какъ путемъ безупречности между товарищами и постоянной выдержки, ибо конгрегація была своего рода закрытое братство, гдѣ всего болѣе уважали отличное поведеніе, и гдѣ неизмѣнно примѣнялось выборное начало. А всѣмъ извѣстна чуткость молодежи и какъ она умѣетъ ею пользоваться.

Но не одни товарищи были хорошаго мнѣнія о Лигаридѣ. Выше былъ приведенъ одобрительный отзывъ начальства коллегіи, заинтере-

---

[1]) Palmer, The Patriarch and the Tsar, т. III, стр. 2.

сованнаго въ безпристрастной оцѣнкѣ питомца, предназначеннаго для домашней должности. Не иначе свидѣтельствовалъ Леонъ Аллацій, свѣтлая личность котораго выдается между его сверстниками. Настоящій безсребренникъ, нисколько не тщеславный, всепреданный наукѣ и греческой коллегіи, гдѣ нѣкогда самъ воспитывался, онъ близко зналъ своего соотечественника Лигарида, слѣдилъ за его успѣхами, велъ съ нимъ дружескую переписку, и въ 1645 году такъ его обрисовывалъ: «Умъ проницательный, характеръ твердый, начитанность особенно по церковной части, искусный и изящный ораторъ на греческомъ языкѣ, новомъ и древнемъ, не чуждый классической поэзіи, готовый пролить свою кровь за католическую вѣру» [1]).

Пришедшія годомъ раньше съ Востока извѣстія были того же утѣшительнаго свойства. Лигаридъ развивалъ большую дѣятельность, жаловался на преслѣдованія греческаго духовенства, участвовалъ въ распряхъ латинскаго, побывалъ въ Константинополѣ, сблизился съ французскимъ посломъ при оттоманской Портѣ, Жаномъ de la Haye, который писалъ о немъ въ Римъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Такъ какъ съ другихъ сторонъ поступали тождественные отзывы, то Пропаганда пожелала вознаградить столь усерднаго труженика и повысила его жалованье, назначивъ ему 60 скуди ежегодно на трехлѣтіе.

Такимъ образомъ, нѣкоторое время казалось, будто Лигаридъ оправдываетъ возложенныя на него надежды. По его просьбѣ и вслѣдствіе непріятностей съ константинопольскимъ духовенствомъ, Пропаганда дозволила ему расширить кругъ своей дѣятельности и перейти въ Молдо-Валахію, гдѣ онъ разсчитывалъ на большой успѣхъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ ниже окажется, ему удалось сыграть если не безупречную, то все-таки видную роль.

Началъ онъ съ того, что выказалъ свою ученость и разностороннія способности. Его опредѣлили вмѣстѣ съ Игнатіемъ Петрици преподавателемъ въ Яссахъ [2]); съ тѣмъ же соотечественникомъ онъ занялся переводомъ на румынскій языкъ и изданіемъ «Кормчей», отпечатанной въ 1652 году; кромѣ того, ему хватало еще времени для сочиненія доселѣ неизданныхъ обличеній противъ лютеранъ и кальвинистовъ, ученіе которыхъ быстро распространялось въ придунайскихъ областяхъ. Въ 1650 году, онъ встрѣтился въ Терговищахъ съ Арсеніемъ Сухановымъ, посланнымъ на Востокъ для изученія греческаго чина. 24-го апрѣля, онъ даже участвовалъ, но только мелькомъ, въ преніяхъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія. Призванный греками на помощь, и объяснившись съ Арсеніемъ, онъ одобрилъ русскій обычай,

---

[1]) Allatius, De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione, ст. 1654.

[2]) Xénopol, Histoire des Roumains", т. II, стр. 34, 172.

сказавъ: «добро у нихъ, такъ еще и лучше нашего» [1]). Правда, что эти слова передаетъ Сухановъ, и что провѣрка ихъ невозможна.

Однакожъ вскорѣ Лигаридъ отважился на очень двусмысленный шагъ, повліявшій на всю его жизнь. Подружившись съ Паисіемъ, патріархомъ іерусалимскимъ, который чаще бывалъ въ Молдо-Валахіи, чѣмъ Палестинѣ, и доѣзжалъ до Москвы, онъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Іерусалимъ около 1651 года. Тамъ, 16-го ноября, въ присутствіи Суханова, патріархъ Паисій постригъ Лигарида въ монахи, передавъ ему свое собственное имя Паисія. Затѣмъ предусмотрительный іерархъ отдалъ его на искусъ тому же Суханову, съ порученіемъ, «чтобы онъ держалъ его подъ началомъ крѣпко, какъ держатъ на Москвѣ въ великихъ монастыряхъ» [2]). Искусъ, сколько ни былъ строгъ, что, впрочемъ, неизвѣстно, продолжался не долго, по крайней мѣрѣ подъ руководствомъ Суханова, который покинулъ Іерусалимъ 26-го апрѣля слѣдующаго 1652 года.

Съ богословской точки зрѣнія, принятіе Лигаридомъ монашества отъ руки православнаго архіерея (котораго онъ при случаѣ выдавалъ за католика), было не что иное, какъ отпаденіе отъ римской вѣры. Онъ не остановился однакожъ на этой ступени: схима была только средствомъ для достиженія другой цѣли. 14-го сентября 1652 года тотъ же Паисій посвятилъ Лигарида въ митрополиты города Газы, гдѣ новый владыка, вѣроятно, не желалъ, подобно Самсону, похоронить себя живымъ, да врядъ-ли онъ когда-либо самолично и показывался въ своемъ бѣдномъ и заброшенномъ архіерейскомъ городкѣ: его прельщали многолюдныя, блестящія столицы. Для іерусалимскихъ католиковъ посвященіе Лигарида было, по свидѣтельству очевидца, дѣломъ преступнымъ. Они отворачивались съ негодованіемъ отъ непомѣрно честолюбиваго іерарха.

Между тѣмъ вѣсть объ этихъ неблаговидныхъ продѣлкахъ дошла до Рима, до самой Пропаганды. Разнесся слухъ, что, при своемъ посвященіи, Лигаридъ топталъ ногами изображеніе папы и кардиналовъ, что онъ въ Іерусалимѣ фактически отрекся отъ католицизма, а въ Константинополѣ даже формально, въ доказательство чего высылалась копія съ его православнаго вѣроисповѣданія. Его характеристика заключалась въ двухъ словахъ: грекъ между греками и латинянинъ между латинянами.

Эти доносы очень огорчали Лигарида и, задѣвая его за живое, надѣлали ему не мало хлопотъ. Они разрушали его хитро задуманный планъ, ибо онъ, дѣйствительно, какъ окажется, желалъ угодить и Риму, и Востоку, и повсюду добиваться почета и щедротъ. Здѣсь ярко и на-

---

[1]) Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 210.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 277, 292.

глядно рисуется двойственность Лигарида, сопряженная съ неизсякаемымъ корыстолюбіемъ. Нельзя сказать, чтобъ это была отличительная черта его характера. Слишкомъ много изъ его соотечественниковъ страдали тѣмъ же недугомъ. Но обстоятельства сложились такъ, что у Лигарида, при его безспорныхъ способностяхъ и высокомъ положеніи, эти порочныя стороны являются особенно жалкими и позорными. По римскимъ документамъ можно прослѣдить его уловки для сохраненія благорасположенія Пропаганды, отъ которой зависѣла выдача пособій.

Уже въ 1654 году, 15-го апрѣля, вслѣдствіе возникшихъ затрудненій, онъ обратился къ Леону Аллацію съ очень колкимъ для Пропаганды письмомъ, помѣченнымъ съ острова Хіоса, откуда онъ снова отправился въ Молдо-Валахію: «Радуюсь, пишетъ на сей разъ уже архіепископъ газскій, что теперь католики выдаются въ Римѣ за еретиковъ, что они исключаются изъ миссіи и считаются врагами и змѣинымъ исчадіемъ, а явные еретики, которые пріобщались съ лютеранами, а съ кальвинистами ἐκρεωφάγησαν τῇ μεγάλῃ Παρασκευῇ получаютъ жалованье въ 12 скуди ежемѣсячно отъ священной конгрегаціи Пропанды. Это очень хорошо сдѣлано. Они заслуживаютъ еще больше: для нихъ—опасныя грамоты; для насъ—вѣчная ссылка. Я не думалъ, чтобы возможенъ былъ ens rationis a parte rei, вижу однакожъ, что онъ существуетъ».

«Патріархъ іерусалимскій (котораго я же побудилъ писать) хорошъ и католикъ, и онъ бы заставилъ меня объявляться противъ католиковъ? Кто можетъ этому повѣрить? А между тѣмъ это сказалъ одинъ только Сатурнино, и ему довѣряютъ, какъ будто онъ былъ глашатаемъ истины, Τῶν φρονίμων ὀλίγα, и то, что я написалъ, уже черезъ-чуръ много» [1]).

Изъ этого письма видно, каково было положеніе дѣлъ и какіе именно интересы стояли на очереди. Полагая, что Лигаридъ измѣнилъ католической вѣрѣ и перешелъ въ православіе, Пропаганда прекратила свое пособіе. Въ самомъ дѣлѣ это такъ и было, ибо іерусалимскій патріархъ былъ православнымъ, и не мыслимо, чтобы онъ посвятилъ католика въ архіереи. Но Лигаридъ не могъ примириться съ такимъ чувствительнымъ для него убыткомъ. И вотъ начинается длинный рядъ неустанныхъ просьбъ съ увѣреніями въ преданности, съ оправданіями всякаго рода. Нѣкоторые отголоски этихъ домогательствъ дошли до насъ.

Такъ, въ 1655 году, Лигаридъ, обращаясь къ Пропагандѣ, впервые, кажется, именуетъ себя газскимъ митрополитомъ и проситъ о

---

[1]) Legrand, т. III, стр. 56.—Ens rationis a parte rei есть философская шутка, которая сводится на безсмыслицу.

*

выдачѣ якобы неправильно задержаннаго жалованья. Ему отвѣтили, что Пропаганда никакого газскаго митрополита не признаетъ, а что онъ, Лигаридъ, много странствуетъ и мало работаетъ въ духѣ своего призванія. Нисколько не смущенный, и не отрекаясь отъ своего архіерейства, Лигаридъ заявилъ, что его епархія въ долгахъ, что онъ желаетъ ихъ покрыть, и потому разъѣзжаетъ для изысканія необходимыхъ для этого средствъ.

Въ 1658 году, новое письмо къ Пропагандѣ и новая просьба, разумѣется, денежная. Чувствуя, однакожъ, что ему болѣе не довѣряютъ, Лигаридъ заручился свидѣтельствомъ софійскаго архіепископа, Петра Адеодата, вѣдомству котораго подлежали тогда молдо-валахскіе католики. Этотъ духовный сановникъ пишетъ, что Лигаридъ состоитъ при князѣ богословомъ, исповѣдникомъ и проповѣдникомъ. Трудно опредѣлить, какой именно князь здѣсь подразумѣвается, при частыхъ переходахъ дѣйствующихъ лицъ изъ Молдавіи въ Валахію. Далѣе, о Лигаридѣ утверждается, что онъ помнитъ кто его вскормилъ, что, по возможности, служитъ церкви, и, участвуя въ мѣстномъ соборѣ, ратовалъ за введеніе благихъ преобразованій, хотя изъ осторожности и не упоминалъ о соединеніи церквей.

При такомъ похвальномъ отзывѣ легче было защищаться, и за этимъ дѣло не стало. Газскій митрополитъ упорно выдавалъ себя за католика, увѣряя, что никогда не отрекался отъ вѣры, и ссылаясь на гвардіана францискановъ въ Іерусалимѣ, отца Малько. Выборъ этого свидѣтеля былъ крайне неудаченъ. Посвященіе Лигарида происходило дѣйствительно предъ его глазами, и, на запросъ Пропаганды, онъ, не запинаясь, отвѣтилъ, что оно было не что иное, какъ величайшій соблазнъ для всего Іерусалима. Вслѣдствіе такой провѣрки, Пропаганда встревожилась, дала объ этомъ знать въ Молдо-Валахію и всячески старалась заманить Лигарида въ Римъ. Вмѣсто того онъ уѣхалъ въ Москву.

II.

Эта поѣздка состоялась при слѣдующей обстановкѣ. Послѣ счастливаго начала много невзгодъ обрушилось на Лигарида въ Молдо-Валахіи. Хотя онъ, по свидѣтельству Павла Алеппскаго, и занимался ученымъ дѣломъ, составилъ даже замысловатую книгу о пророчествахъ, передъ которой благоговѣлъ архіепископъ антіохійскій, Макарій [1]), но вмѣстѣ

[1]) Муркосъ, Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, вып. 3, стр. 199; вып. 5, стр. 27.—Palmer, т. III, стр. 7.

съ тѣмъ онъ, кажется, вдался въ политику, участвовалъ въ заговорахъ и подвергался неминуемымъ послѣдствіямъ такихъ смѣлыхъ шаговъ. По всему этому можно предположить, что ему было на-руку удалиться изъ Молдо-Валахіи, а Россія была у него намѣчена съ давнихъ временъ.

Еще будучи въ Римѣ, онъ могъ много наслышаться о ней. Одновременно съ нимъ въ коллегіи св. Аѳанасія были малороссы, бѣлоруссы, литовцы. Нѣкоторые изъ нихъ были базиліане, другіе предназначались для бѣлаго духовенства. Между прочими выдавались Гавріилъ Коленда, будущій митрополитъ русскій, Пахомій Оранскій, Андрей Слоти, Алексѣй Дубовица, занявшіе впослѣдствіи высшія духовныя должности. Въ сожитіи съ ними бесѣды о Россіи напрашивались сами собою. Имѣется письмо Лигарида къ Аллацію, гдѣ онъ обстоятельно говоритъ объ Іосафатѣ Кунцевичѣ, тогда еще не причисленномъ къ лику святыхъ, и высказываетъ хорошее знакомство съ уніею [1]).

Іерусалимскій патріархъ, Паисій, бывшій въ личныхъ сношеніяхъ съ московскимъ дворомъ, вѣроятно, еще болѣе возбудилъ его любознательность. Положительно извѣстно, что Лигаридъ говорилъ съ Сухановымъ о Никонѣ, изъявляя желаніе познакомиться и сблизиться съ нимъ. Такое желаніе пришлось Никону по сердцу. Онъ нуждался въ ученыхъ духовнаго званія для исправленія богослужебныхъ книгъ, и 1-го декабря 1657 года письменно обратился къ Лигариду съ приглашеніемъ пріѣхать въ Москву, а къ молдо-валахскимъ властямъ съ просьбою облегчить этотъ отъѣздъ. Но газскій митрополитъ по чему-то тогда не послѣдовалъ лестному приглашенію, и только пять лѣтъ спустя, въ 1662 году, отправился въ Москву при совсѣмъ другихъ обстоятельствахъ.

Нѣкогда всемогучій патріархъ палъ въ немилость у царя. Церковный вопросъ въ Россіи ужасно запутался. Тутъ, званый или незваный, явился Лигаридъ, и, примкнувъ къ боярской партіи и къ сильнымъ міра сего, сталъ злѣйшимъ врагомъ того же Никона, котораго прежде всячески возносилъ.

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ не разъ подробно и отлично сдѣланное описаніе участія Лигарида въ осужденіи патріарха всея Руси. Нечего также повторять то, что Каптеревъ, на основаніи греческихъ статейныхъ списковъ, мастерски изложилъ о его корыстолюбіи [2]). Пріѣхавъ въ Москву съ подложными грамотами, газскій митрополитъ вскорѣ добился особаго почета. Если Алексѣй Михаиловичъ его и не слушалъ, «какъ пророка», по выраженію Никона, то, конечно, почти до самаго конца подчинялся его вліянію и слѣдовалъ его совѣ-

---

[1]) Palmer, т. III, стр. 5.
[2]) Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, стр. 181 и слѣд.

тамъ. А Лигаридъ пользовался своимъ положеніемъ, чтобы выманивать деньги и обогащаться легкою наживою. И къ какимъ только средствамъ не прибѣгалъ этотъ жалкій «богомолецъ»! Онъ не былъ обыкновеннымъ попрошайкою или дилеттантомъ нищенства, а мастеромъ своего дѣла. Оно ведется у него сознательно, систематически, съ какимъ-то художествомъ и какъ бы безъ зазрѣнія совѣсти. Онъ проситъ для себя и для своихъ служекъ, для племянника и для лошадей. Царю приходится выкупать христіанъ отъ турокъ, погашать епархіальные долги, выплачивать султану дань, размѣнивать мѣдныя деньги на серебряныя, снабжать архіепископа одеждою, саккосомъ, митрою и домашнимъ обиходомъ. Поочередно выпрашиваются карета, сани, лошади, кормъ, дрова и соль. И этого еще мало. Лигаридъ торгуетъ соболями, узорочнымъ товаромъ, каменьями, занимается маклерствомъ, беретъ взятки, дѣлаетъ доносы и насилія, чтобы добыть лишнюю копѣйку, хотя онъ и живетъ на царскомъ содержаніи въ 361 рубль ежегодно. Два раза онъ отправляется на Востокъ, ему уплачиваютъ заранѣе путевыя издержки, и каждый разъ онъ не ѣдетъ далѣе Кіева. Новый іерусалимскій патріархъ, Нектарій, дважды его проклинаетъ, Алексѣй Михаиловичъ вступается безустанно за него, и только на послѣдокъ проглядываетъ уже сомнѣніе въ нравственномъ достоинствѣ Лигарида.

Для насъ особенно интересны его отношенія къ Риму во время пребыванія въ Россіи. Страннымъ образомъ Никонъ и Лигаридъ взаимно обвиняли другъ друга въ латинствѣ. Газскій митрополитъ на-яву открещивался отъ папы, а тайкомъ усердно заискивалъ у него.

Денежный бѣсъ не давалъ покоя даровитому греку. Очень скоро послѣ пріѣзда въ Москву, въ 1662 году, онъ обратился къ Пропагандѣ и къ варшавскому нунцію Пиньятелли, который впослѣдствіи былъ папою подъ именемъ Иннокентія XII [1]). Не смотря на царскія милости, Лигаридъ скорбѣлъ о потерѣ римскаго пособія. Узнавъ, какія именно обвиненія взводились на него, онъ спѣшилъ представить соотвѣтствующее оправданіе. Главный упрекъ сводился на его самозванное архіерейство. Объ этомъ онъ предпочиталъ молчать и настаивалъ на обстоятельствахъ своего посвященія, увѣряя, что все происходило по законному восточному обычаю, что онъ топталъ ногами не изображеніе папы и кардиналовъ, а двуглаваго орла въ знакъ неустрашимости предъ царями, когда защищаются права церкви. Впрочемъ, онъ былъ готовъ и на покаяніе въ случаѣ ошибки, а между тѣмъ своихъ клеветниковъ онъ отлучалъ отъ церкви. Послѣ оправданія слѣдовалъ разсказъ о перенесенныхъ трудахъ и всякаго рода гоненіяхъ. А неизбѣж-

---

[1]) Legrand, т. IV, стр. 57.

нымъ исходомъ такихъ рѣчей была убѣдительная грошевая просьба съ обѣщаніемъ остаться на всегда неизмѣннымъ приверженцемъ Рима.

Слабая сторона Лигаридовыхъ грамотъ слишкомъ ярко бросалась въ глаза, чтобы пройти незамѣченною. Пропаганда подчеркнула ихъ финансовый характеръ. Тѣмъ не менѣе рѣшились навести новыя справки. Самому же Лигариду отвѣтили, что за Пропагандой не станетъ, коль скоро онъ самъ раскается на счетъ прошлаго и будетъ поступать впредь какъ истинный католикъ.

Не смотря на суровую сдержанность этого отвѣта, газскій митрополитъ не унывалъ. Онъ даже такъ выдѣлялся своимъ усердіемъ, что польскій король обратился къ нему по поводу соединенія церквей. Эта новая попытка дѣлалась при довольно странныхъ условіяхъ.

Для подтвержденія андрусовскаго перемирія, два польскихъ посла, Станиславъ Бѣневскій и Кипріанъ Брестовскій, пріѣхали въ Москву въ 1667 году. Довольно неожиданно послѣ тринадцалѣтней войны изъ-за религіозныхъ цѣлей, приправленныхъ конечно политикою, при заключеніи перемирія, разнесся слухъ о церковномъ сближеніи. Виновниками такихъ иллюзій были, кажется, польскіе послы. Имъ повѣрили на-слово сперва францискане, а потомъ и самъ король Янъ-Казиміръ. Съ той и съ другой стороны рѣшились на нѣкоторыя мѣропріятія.

Одинъ изъ пословъ, глухо называемый польскимъ коммиссаромъ, сообщилъ монаху fra Mario da Lucca самыя утѣшительныя вѣсти о Московіи [1]. По его словамъ, тамъ открывалось широкое поле для духовной дѣятельности. Насильственно перекрещенные охотно бы вернулись, еслибъ имѣли священника для ухода. При томъ дозволенъ проѣздъ въ Персію, а черезъ Персію можно добраться до Тартаріи. Таковы были задатки успѣха для будущаго.

Какъ разъ въ то же время францискане отправляли свой генеральный капитулъ. Польскіе отцы внесли докладъ о Московіи, дошедшій до насъ только въ извлеченіи, гдѣ дѣло представлялось въ еще болѣе привлекательномъ видѣ. Въ немъ утверждалось, между прочимъ, что Алексѣй Михаиловичъ отличается отъ своихъ предшественниковъ большею мягкостью, дозволяетъ свободное исполненіе вѣры и возвращеніе литовскихъ монаховъ въ свои монастыри. Въ виду такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Mario da Lucca предлагалъ Пропагандѣ образовать московскую миссію и назначить миссіонеровъ изъ францисканскаго ордена. Онъ уже выработалъ свой планъ и намѣтилъ своего кандидата. Но Пропаганда не оказала такой поспѣшности и ограничилась тѣмъ, что передала всѣ эти соображенія варшавскому нунцію для свѣдѣнія. Этимъ все и кончилось.

---

[1]) Архивъ Пропаганды, т. 31, Acta, 1667, л. 176, n° 13.

Польскій король, Янъ-Казиміръ, взялся за дѣло гораздо энергичнѣе [1]). Въ январѣ 1668 года, нунцій Пиньятелли передавалъ изъ Варшавы такого рода вѣсти: польскіе послы въ Москвѣ имѣли тайный разговоръ съ Ордыномъ-Нащокинымъ, который предлагалъ сліяніе Россіи съ Польшею подъ условіемъ, чтобъ кандидатомъ на престолъ объединеннаго государства былъ русскій. Завѣтная мысль! О томъ же мечталъ когда-то Иванъ Грозный, и одинаковую мечту Стефанъ Баторій перелагалъ на польскій ладъ. Историческое чутье подсказывало выдающимся дѣятелямъ, что полякамъ и русскимъ вмѣстѣ не ужиться, что настанетъ роковой часъ поглощенія съ той или съ другой стороны.

Алексѣй Михаиловичъ возобновилъ съ послами тотъ же разговоръ и совѣтовалъ переговорить съ восточными іерархами для устраненія вѣроисповѣднаго препятствія.

Два патріарха пребывали тогда въ Москвѣ: Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій съ своимъ сыномъ Павломъ Алеппскимъ. Вызванные по извѣстному дѣлу патріарха всея Руси, Никона, который и былъ ими низложенъ, они являлись вѣрными подручниками царя и всецѣло подчинялись вліянію двора.

Въ исполненіе царскаго совѣта послы свидѣлись съ патріархами, которые отнеслись очень одобрительно къ мысли о соединеніи церквей. Свидѣлись они также съ Лигаридомъ или по собственному почину или, что вѣроятнѣе, по указанію свыше. Сначала пословъ нѣсколько озадачило осужденіе Никона, ибо говорилось, что его погубила любовь къ латинству. Но потомъ—если судить по королевскимъ грамотамъ, ибо ихъ доклады намъ неизвѣстны—они какъ-то измѣнили свое мнѣніе и, въ виду хорошихъ расположеній царя и духовенства, надѣялись на успѣхъ.

Янъ-Казиміръ увлекся величіемъ предложеннаго замиренія. Передъ его глазами блеснула картина единой вселенской церкви, умиротворенной его стараніями. Онъ поручилъ епископамъ и сенаторамъ переговорить съ нунціемъ, а самъ, 28-го марта 1668 года, письменно обратился къ восточнымъ патріархамъ, къ Лигариду и къ царю Алексѣю. Вспомнивъ, что онъ когда-то принадлежалъ къ духовному званію, онъ подробно изложилъ свои богословскія соображенія въ письмѣ къ патріархамъ, Лигариду напомнилъ пребываніе въ Римѣ, а царю предложилъ созвать въ Москвѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, русскихъ и польскихъ епископовъ для всесторонняго обсужденія вопроса. И не теряя времени, онъ просилъ примаса собрать подходящій матеріалъ, и съ своей стороны извѣстилъ папу Климента IX о своихъ надеждахъ.

---

[1]) Theiner, Monuments historiques, стр. 52 и слѣд., nº XXII, XXIII, XXIX, XXXI, XXXIII. – Vetera Monumenta Poloniae, т. III, стр. 572, nº DLXXIX.

Между тѣмъ нунцій Пиньятелли нѣсколько обидѣлся. Вѣроятно, его сначала обошли, не предупредивъ его во-время. Янъ-Казиміръ, какъ будто задумывалъ новый флорентійскій соборъ на русско-польской подкладкѣ. Въ такой затѣѣ иниціатива принадлежала папѣ, а безъ его вѣдома не слѣдовало созывать соборъ. Познакомившись съ письмомъ короля къ царю, нунцій одобрилъ только содержаніе, а не внѣшнюю форму, и чрезъ французскаго посланника Пьера де-Бонзи, епископа Безьера, сильно жаловался королю.

Янъ-Казиміръ сдался на представленія нунція [1]. Немедленно курьеръ былъ отправленъ, чтобъ воротить съ дороги уже высланное въ Москву письмо. Вмѣстѣ съ тѣмъ король заявилъ кардиналу Орсини, протектору Польши, что впредь ничего не будетъ дѣлаться безъ содѣйствія нунція, и что папѣ слѣдуетъ самому освѣдомляться о московскихъ расположеніяхъ. Отвѣчая, вѣроятно, на недосказанныя опасенія, онъ прибавилъ, что если и будетъ самъ заниматься этимъ дѣломъ, то не иначе, какъ съ устраненіемъ политическихъ цѣлей.

Такимъ образомъ Янъ-Казиміръ какъ бы сдавалъ все дѣло на попеченіе папы. Однакожъ письмо его, помѣченное въ новой редакціи 11-мъ апрѣля, все-таки было выслано и дошло до царя Алексѣя Михаиловича [2]. Но въ Москвѣ вовсе не торопились съ отвѣтомъ. Пріѣзжавшіе въ Варшаву послы отмалчивались. Наступало полное затишье.

Напротивъ того, въ Римѣ не желали останавливаться на полпути и бросить дѣло не конченнымъ. Нунцію Пиньятелли дали соотвѣтствующія предписанія, которыя онъ не успѣлъ исполнить и передалъ своему преемнику по должности, Марескотти, архіепископу Коринеа. Обращаться прямо къ русскому правительству было не ловко. Нашелся посредникъ въ лицѣ доминиканца, Лудвига Ширецкаго, бывшаго тринадцать лѣтъ въ московскомъ плѣну, и, по словамъ нунція, въ дружественныхъ сношеніяхъ съ газскимъ митрополитомъ. 20-го іюня 1668 года, секретнымъ путемъ, онъ выслалъ письмо Лигариду съ запросомъ о ходѣ дѣла и съ просьбою о добромъ совѣтѣ. При этомъ дѣлались внушительные намеки на заслуги передъ Богомъ и передъ папою, на дѣятельное участіе нунція, который дѣйствительно доносилъ обо всемъ кардиналу Роспиліози.

Лигаридъ получилъ это письмо въ тяжелое для него время и, надо признаться, отвѣтилъ, 25-го сентября 1668 года, трезво, хотя и не безкорыстно. По его мнѣнію, положеніе было отчаянное. Изъ двухъ,

---

[1] Архивъ Пропаганды, Scritture referite, Moscovia, т. I, л. 303, n⁰ 11 1668, 11-го апрѣля, Янъ-Казиміръ кардиналу Орсини.

[2] Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. 3, стр. 141.

якобы склонныхъ къ единенію, патріарховъ, одинъ совершенно отступился, а другой приготовлялся къ отъѣзду; самъ же Алексѣй Михаиловичъ слишкомъ занятъ другими дѣлами. Вслѣдствіе этого Лигаридъ выдавалъ себя за единственнаго ревнителя и поборника соединенія церкви въ Москвѣ. Къ несчастію, онъ находился тогда подъ анаѳемою іерусалимскаго патріарха, Нектарія, безъ всякой надежды избавиться отъ нея. Поэтому онъ сознается, что затѣянное дѣло не только трудно, но даже невозможно. Тѣмъ не менѣе, неустрашимо возобновляетъ обычную просьбу о денежномъ пособіи. Онъ никакъ не могъ забыть, что когда-то получалъ отъ Пропаганды жалованье.

Такъ, кажется, эта попытка и канула въ воду. Далѣе не имѣется никакихъ слѣдовъ участія Лигарида или Яна-Казиміра въ пресловутомъ соединеніи церквей. Въ 1676 году газскій митрополитъ обратился къ кардиналу Барберини, но ужъ по порученію русскаго правительства и съ совѣтомъ признавать царскій титулъ только что вступившаго на престолъ Ѳедора Алексѣевича. О томъ же онъ писалъ и архіепископу Грана Георгію Szelepsény [1]). Оба письма находятся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, но дошли ли они до своего назначенія, остается неизвѣстнымъ.

Въ Римѣ долгое время поминали объ этомъ происшествіи, и даже высказывалось мнѣніе, что пропущенъ былъ удобный случай сближенія съ русскимъ дворомъ. Въ такомъ именно смыслѣ кардиналъ Альбани говорилъ однажды въ Пропагандѣ [2]). 26-го февраля 1697 года, въ своемъ докладѣ о Московіи, онъ утверждалъ, что впавшій въ подозрѣніе Лигаридъ относился однакожъ съ уваженіемъ къ римской Церкви, и потому Альбани сожалѣлъ, что ему не было оказано болѣе предупредительности. Въ связи съ посольствомъ Менезія, онъ даже предполагалъ, что, пожалуй, удалось бы установить постоянныя сношенія съ Москвою и выслать туда папскаго представителя.

Никто не противорѣчилъ словамъ кардинала. Для насъ теперь ясно, что, не смотря на свои дарованія, Лигаридъ ничего полезнаго не создалъ въ Россіи, ничего дѣльнаго по себѣ не оставилъ. Будучи не что иное, какъ орудіе въ рукахъ царя для низложенія Никона, онъ довольствовался своимъ жалкимъ положеніемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ его корыстолюбивымъ видамъ. Въ пользу Рима онъ также ничего не сдѣ-

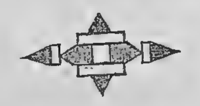
---

[1]) Письмо Лигарида писано на латинскомъ языкѣ. Онъ правильно перевелъ Гранъ – Strigonium и употребилъ латинскую форму Celepsinus. Вмѣсто того, съ легкой руки Бантышъ-Каменскаго, даже у Каптерева (стр. 205) является „стриганійскій архіепископъ Келефино“.

[2]) Архивъ Пропаганды, Act. 1697, л. 36, nº 16, засѣданіе 26-го февраля 1697 года.—Cerri, Etat présent de l'Église romaine“, стр. 52.

лалъ и сдѣлать не могъ. Не говоря о внѣшнихъ препятствіяхъ, ему самому недоставало искренности и твердости. Подъ небомъ Востока, въ удручающей борьбѣ, исчезли мало-по-малу тѣ благіе задатки, которые прежде успѣшно развивались въ коллегіи св. Аѳанасія. Новая среда погубила Лигарида.

П. Пирлингъ.

Распоряженія къ пріѣзду короля прусскаго въ Москву.

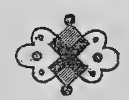
Письмо кн. Волконскаго гр. А. П. Тормасову.

8-го мая 1818 г. Херсонъ.

Дошло до свѣдѣнія его императорскаго величества, что г-нъ оберъ-камергеръ Нарышкинъ приготовляетъ въ подмосковной своей въ Кунцовѣ для принятія его величества короля прусскаго праздникъ и иллюминацію, а какъ государю императору извѣстно, что королю сіе не будетъ угодно, то повелѣваетъ вашему сіятельству объявить о семъ Александру Львовичу, и чтобы вообще никого постороннихъ въ подмосковной не было во время пріѣзда короля, въ томъ случаѣ, ежели вы изволите избрать сей домъ для ночлега королю, тоже самое соблюсти и въ другихъ домахъ, если изберете въ другой, а не Кунцово.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга К. Петръ Волконскій.

P. S. Государь императоръ повелѣть изволилъ приготовить въ Москвѣ квартиру для принца Гомбургскаго съ подполковникомъ Австрійской службы графомъ Кламомъ въ домѣ г-жи Глѣбовой на Никитской, гдѣ жилъ гр. Соболевскій; въ случаѣ же невозможности имѣть сего дома, то приказалъ изготовить на Солянкѣ тотъ, который занималъ статсъ-секретарь Ребиндеръ, но его величеству угодно предпочтительнѣе домъ Глѣбовой. Прикажите также приготовить двухъ часовыхъ у воротъ, и по станціямъ Московской губерніи по 15 лошадей, по 6 въ коляску, коихъ съ нимъ двѣ и три для фельдъегера. Принцъ сей ѣдетъ съ нами во 2-мъ отдѣленіи.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1]).

II [1]).

Похищенные милліоны.—Гродненскій губернаторъ И. А. Шпееръ.—Весенніе праздники въ Вильнѣ въ 1857 году.—Устройство благотворительныхъ заведеній.—Подготовительныя работы по крестьянскому вопросу.—Образованіе комитетовъ.—Пребываніе въ Вильнѣ императора Александра II въ 1858 году.—Закрытіе Виленской слѣдственной коммиссіи.—Полковникъ Галлеръ.—Отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ.—Ложные доносы.—Дѣлатели фальшивыхъ бумажекъ.

Наступившій 1857 годъ принесъ съ собою серьезную для меня работу: 28-го января я поѣхалъ въ Гродненскую губернію для производства слѣдствія о противозаконныхъ поступкахъ помѣщика Леопольда Валицкаго и его повѣреннаго Казиміра Слоевецкаго, обвиняемыхъ въ похищеніи многомилліоннаго наслѣдства послѣ умершаго графа Валицкаго. Слѣдствіе производилось коммиссіею, при офицерѣ корпуса жандармовъ, и продолжалось болѣе полутора года. Слѣдственное дѣло состояло изъ пяти томовъ, свыше четырехъ тысячъ листовъ; однихъ прикосновенныхъ лицъ по этому дѣлу было допрошено 316 человѣкъ, не считая сотенъ свидѣтелей. Когда я уѣзжалъ въ командировку, мнѣ выданы были суточныя деньги впередъ за четыре мѣсяца, а секретарь канцеляріи генералъ-губернаторъ Маевскій предвѣщалъ, что ему придется еще два раза повторить подобную выдачу, пока я окончу порученное мнѣ слѣдствіе.

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1902 г.

— Напрасно вы такъ думаете,—отвѣчалъ я ему,—мы увидимся съ вами такъ скоро, какъ вы и не предполагаете.

Увѣренность моя основывалась на слѣдующихъ данныхъ, о которыхъ я никому, до настоящей минуты, не говорилъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, генералъ-губернаторъ мнѣ объявилъ, что намѣренъ послать меня по этому дѣлу на слѣдствіе, которое было представлено ему гродненскимъ губернаторомъ; при этомъ В. И. Назимовъ прибавилъ, что командировка состоится еще не скоро, такъ какъ нужно предварительно разсмотрѣть въ канцеляріи. Зная по опыту, какъ трудно иногда бываетъ дополнять или переслѣдовать худо веденное дѣло, я попросилъ позволенія ознакомиться съ нимъ предварительно и, получивъ на то разрѣшеніе, бралъ слѣдствіе по томамъ и, не торопясь, составилъ изъ него самое подробное извлеченіе на 32 листахъ.

Ѣхавши въ Гродну, гдѣ губернаторствовалъ тогда Шпееръ, я зналъ отлично, что нужно было мнѣ дѣлать; и дѣйствительно 1-го февраля началось слѣдствіе, а 19-го числа я уже представилъ при рапортѣ все слѣдственное дѣлопроизводство, которое прошло потомъ всѣ высшія судебныя инстанціи, безъ всякаго дополненія. Невинно обвиненные были освобождены, а виновные понесли заслуженное наказаніе.

Въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія моего въ имѣніи Езіорахъ (Озерахъ), я приступалъ къ слѣдствію въ 8 часовъ утра и занимался безъ отдыха до 4 часовъ, то-есть до обѣда; въ 5 часовъ снова садился за работу, которая продолжалась часовъ до двухъ за полночь. Казалось бы, повидимому, это столь быстро оконченное дѣло должно было доставить мнѣ репутацію серьезнаго, дѣловаго чиновника, но вышло наоборотъ: благодаря моимъ завистникамъ, мнѣ досталось въ удѣлъ названіе «скорохвата», «университетской выскочки» и проч.

Не лишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ интересномъ дѣлѣ, которое началось еще при губернаторѣ баронѣ Ховенѣ. Помѣщикъ Гродненской губерніи, графъ Корнилій Валицкій, бывшій камергеръ Маріи-Антуанетты, получилъ отъ нея, какъ тогда говорили, большія богатства на сохраненіе. Умирая бездѣтнымъ и желая сохранить родъ графовъ Валицкихъ, онъ, съ согласія двухъ своихъ братьевъ, старыхъ, какъ и онъ, холостяковъ, завѣщалъ все свое состояніе родственнику своему Леопольду Валицкому, которому, такимъ образомъ, нежданно-негаданно досталось большое богатство, но при этомъ, по назначенію завѣщателя, онъ обязанъ былъ раздать въ извѣстные сроки сто тысячъ рублей и разныя вещи дальнимъ родственникамъ, прислугѣ и нѣкоторымъ постороннимъ лицамъ. Вступивши въ права наслѣдства, когда наступало время расплаты по завѣщанію, наслѣдникъ, по убѣжденію повѣреннаго Казиміра Словецкаго, подалъ губернатору заявленіе о расхищеніи, въ день кончины Корнилія Валицкаго,

огромныхъ богатствъ, у него бывшихъ, не объяснивъ даже, въ чемъ богатства эти заключались и кто подозрѣвается въ кражѣ.

По этому голословному заявленію наряжена была цѣлая слѣдственная коммиссія, которая, продовольствуясь на счетъ помѣщика, по указаніямъ его и повѣреннаго Словецкаго, привлекла къ слѣдствію большею частью лицъ, одаренныхъ по завѣщанію, при чемъ допускала и разныя противозаконныя дѣйствія: сажала подъ арестъ въ солодовню при винокуренномъ заводѣ, гдѣ доходило до 40° тепла, надѣвала колодки, сдавала въ рекруты и т. п.

Число сданныхъ въ солдаты и затѣмъ возвращенныхъ было за 40 человѣкъ. Когда мнѣ пришлось дѣлать очную ставку Словецкому съ крестьянами, то возбужденіе ихъ было таково, что я вынужденъ былъ поставить въ дверяхъ двухъ жандармовъ и дѣлать этотъ обрядъ, помѣстивши крестьянъ въ одной комнатѣ, а Словецкаго въ другой, иначе они разорвали бы его на клочки.

Имѣніе Езіоры (Озерà) верстахъ въ двадцати пяти отъ Гродны, понравилось мнѣ своимъ мѣстоположеніемъ. Оно расположено вблизи озера, имѣющаго протяженіе въ длину на двадцать семь верстъ и славящагося рыбой, въ особенностями судаками и лещами. При взглядѣ на домовую обстановку стариннаго дома, нельзя было подумать, что тамъ жилъ богачъ; одно, что̀ меня поразило—это нѣсколько чашекъ съ королевскою короною и двѣ вазы севрскаго фарфора, стоявшія въ шкапѣ за стекломъ. Показавшій мнѣ дворецкій добавилъ при этомъ, что такого добра у нихъ много попрятано въ сундукахъ, за отсутствіемъ пана, который жилъ тогда въ Гроднѣ и обязанъ былъ подпискою не въѣзжать въ имѣніе.

Въ Гроднѣ я познакомился съ губернаторомъ И. А. Шпееромъ, бывшимъ инспекторомъ студентовъ въ Московскомъ университетѣ; онъ поразилъ меня своею толщиною и крикливымъ обращеніемъ съ чиновниками, которые, впрочемъ, его любили за доброе, хотя и вспыльчивое сердце, но, какъ губернаторъ, онъ былъ ниже всякой критики, хотя Назимовъ очень любилъ его и предоставилъ ему это мѣсто. Молодая губернаторша была страшная охотница до лошадей, такъ что изъ жилаго дома (бывшій королевскій дворецъ) сдѣланъ былъ ходъ въ конюшню, гдѣ она просиживала по цѣлымъ часамъ. Самъ Иванъ Абрамовичъ славился гостепріимствомъ и радушіемъ, семья у него была очень большая, въ то время при немъ жили: двѣ дочери, женатый сынъ и другой сынъ Владиміръ, отставной морякъ, который вскорѣ перешелъ на службу въ Вильну и потомъ женился.

Въ началѣ 1857 года я получилъ назначеніе членомъ въ виленскую слѣдственную коммиссію, засѣданія которой происходили въ грозномъ

для Вильны зданіи № 14 виленской цитадели. Съ должностію этою соединено было добавочное содержаніе.

— Очень радъ,—сказалъ мнѣ В. И. Назимовъ,—что могъ увеличить вамъ содержаніе, но это будетъ только временная прибавка, такъ какъ политическая коммиссія скоро закроется. Давно пора покончить съ нею; она несовременна въ краѣ и оскорбляетъ безъ нужны самолюбіе поляковъ.

Дѣйствительно, съ этого времени въ зданіи № 14, гдѣ содержались прежде политическіе арестанты, были заключены жиды, дѣлатели фальшивыхъ денегъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого порученія скоропостижно умеръ правитель генералъ-губернаторской канцеляріи Э. А. Де-Роберти; жаль мнѣ было очень этого добраго человѣка, который жилъ со всѣми нами въ отличныхъ отношеніяхъ. Невольно рождался вопросъ: кто будетъ назначенъ на эту должность? и совершенно нежданно-негаданно для всѣхъ, правителемъ канцеляріи назначенъ былъ дежурный штабъ-офицеръ, подполковникъ В. В. Галлеръ, съ оставленіемъ его и при прежней должности; кромѣ того незадолго передъ тѣмъ онъ получилъ мѣсто предсѣдателя слѣдственной по политическимъ дѣламъ коммиссіи, куда впрочемъ являлся очень рѣдко. Выше было сказано, что В. И. Назимовъ имѣлъ намѣреніе упразднить эту коммиссію и отложилъ приведеніе въ исполненіе своего намѣренія только до окончанія слѣдствія о фальшивыхъ деньгахъ, но дѣла этого рода, какъ на зло, не только не прекращались, но возникали одно за другимъ. Въ одно прекрасное утро узналъ я, что, по иниціативѣ новаго правителя канцеляріи, было упразднено секретное политическое отдѣленіе при генералъ-губернаторской канцеляріи и производившіяся тамъ дѣла переданы были въ общую канцелярію, для распредѣленія по отдѣленіямъ. Можно себѣ представить, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ накинулись польскіе чиновники, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, читать секреты, которые таились столько лѣтъ въ этомъ ненавистномъ для нихъ политическомъ отдѣленіи, въ которомъ служили одни только русскія лица. Вскорѣ послѣ этого безтактнаго распоряженія вышелъ прискорбный скандалъ. Захожу я разъ въ кондитерскую Шпора, неподалеку отъ театра, и встрѣчаю тамъ старшаго чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, полковника, графа Ржевускаго, человѣка очень веселаго и остроумнаго, у котораго для разсказа постоянно былъ готовъ какой-нибудь новый анекдотъ, но въ это время онъ не походилъ на самого себя; сильное душевное потрясеніе пробивалось наружу на его выразительномъ лицѣ...

— Что съ вами, графъ? на васъ лица нѣтъ,—обратился я къ нему вмѣсто привѣтствія.

— Окончательно убитъ. Пойдемте въ билліардную, тамъ никого нѣтъ; я вамъ разскажу подлѣйшую исторію, случившуюся со мною.

Когда мы вошли туда, графъ Ржевускій нервно обратился ко мнѣ съ вопросомъ:—Какая цѣль правительству дѣлать подлость?—Видя недоумѣніе, выразившееся на моемъ лицѣ, товарищъ мой по службѣ продолжалъ:

— Слышали вы выходку Галлера? Владиміръ Ивановичъ закрылъ политическое отдѣленіе, а этотъ дурень возьми да и раздай всѣ производившіяся тамъ дѣла въ общую канцелярію. Теперь мнѣ нѣтъ прохода; всѣ тыкаютъ на меня пальцами... Я, какъ честный слуга Россіи, писалъ въ своихъ рапортахъ одну сущую правду, а ихъ понаберется таки порядкомъ за всю мою службу, и не скрывалъ ничего передъ своимъ начальствомъ. За что же мнѣ теперь, подъ старость лѣтъ, приходится сносить негодованіе моихъ собратій? Я обязанъ былъ присягою сообщать правительству голую правду обо всемъ, что мнѣ поручено было дознать; но вѣдь все это хранилось донынѣ въ строгой тайнѣ. Развѣ честный человѣкъ можетъ разглашать чужіе секреты, ему ввѣренные на храненіе? Это такая гнусная выходка, что трудно повѣрить случившемуся... Послѣ этого я не хочу носить этотъ мундиръ; онъ меня душитъ, давитъ... При этихъ словахъ слезы покатились изъ глазъ моего товарища.

— Успокойтесь, графъ,—отвѣчалъ я ему,—вы исполняли долгъ, какъ подобаетъ честному человѣку и вѣрному слугѣ государя... Никто изъ порядочныхъ людей васъ за то не осудитъ.

— Русскіе да, но не поляки... Мнѣ остается одно—уѣхать отсюда и скрыться отъ стыда въ деревенской глуши. Не ожидалъ я подобной выходки.

Вошедшіе въ это время посѣтители прекратили нашъ разговоръ. Графъ Ржевускій исполнилъ свое намѣреніе: подалъ въ отставку и въ ожиданіи ея уѣхалъ въ отпускъ въ свою деревню. Когда Владиміръ Ивановичъ узналъ о случившемся, тотчасъ же далъ приказаніе сдѣлать немедленно разборку дѣлъ и хранить секретныя особо; но, увы! испорченное не поправишь...

Генералъ-губернаторская канцелярія состояла исключительно изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Вскорѣ по назначеніи подполковника Галлера правителемъ канцеляріи, поступилъ туда на службу помощникомъ столоначальника кончившій курсъ въ университетѣ Гладкій, православнаго вѣроисповѣданія, молодой человѣкъ, очень способный, но большой оригиналъ и крайне настойчивый. Черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія своего на службу, Гладкій обратился съ просьбою къ правителю канцеляріи—предоставить ему возможность представиться главному начальнику.

— Вашъ главный начальникъ я,—послѣдовалъ ему отвѣтъ,—а ему васъ представлять я считаю излишнимъ, вы еще слишкомъ молоды...

Получивши такой категорическій отказъ, Гладкій порѣшилъ представиться самъ, такъ какъ къ Владиміру Ивановичу всѣ желавшіе его видѣть имѣли свободный доступъ. Дождавшись затѣмъ перваго воскресенія, въ бѣломъ галстухѣ и черномъ фракѣ отправился онъ во дворецъ въ пріемную и, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, сталъ ожидать выхода В. И. Назимова. На бѣду пришелъ туда и подполковникъ Галлеръ; замѣтивши въ такомъ нарядѣ своего подчиненнаго и догадываясь, въ чемъ дѣло, правитель канцеляріи подошелъ къ нему съ вопросомъ: зачѣмъ онъ пришелъ туда?

— Чтобы имѣть честь представиться его высокопревосходительству... Но, едва успѣлъ Гладкій кончить эту фразу, какъ грозный крикъ вопрошавшаго пронесся по дворцовымъ заламъ...

— Какъ ты смѣлъ явиться сюда, вопреки моего воспрещенія!.. Убирайся вонъ отсюда, мальчишка!..

И бѣдный русскій чиновникъ, опустивши пристыженную свою голову на грудь, поплелся тихимъ шагомъ восвояси... Памятенъ остался ему этотъ денекъ. Мало того, что, поступивъ не деликатно, правитель канцеляріи не чувствовалъ даже всего неприличія подобной выходки, онъ еще, съ видовъ самодовольства, разсказалъ мнѣ, какъ турнулъ изъ дворца непрошеннаго искателя представленія къ начальству. Не смотря на крутой, повидимому, нравъ этого человѣка, онъ все-таки подпалъ въ скоромъ времени всецѣло подъ вліяніе поляковъ-секретарей, которые выдѣлывали съ нимъ, что хотѣли, поддакивая его самолюбію; да иначе и быть не могло. Занимая три должности, нужно было очень усидчиво работать, а между тѣмъ общественная жизнь въ Вильнѣ приносила съ каждымъ днемъ все новыя и новыя развлеченія.

Наступившая ранняя весна 1857 года прибавила виленскому обществу новое мѣсто для загородныхъ увеселеній. 16-го мая назначено было открытіе лѣтняго вокзала въ Закретской рощѣ. Вокзалъ этотъ былъ выстроенъ на высокомъ берегу Виліи, въ лѣсу. Главное деревянное зданіе въ два этажа заключало въ себѣ большую танцовальную залу въ два свѣта, съ ходами по обѣимъ сторонамъ, и затѣмъ нѣсколько комнатъ. Это былъ лѣтній клубъ со всѣми удобствами; кухня, ледникъ и другія хозяйственныя пристройки находились въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главнаго зданія. Въ назначенный день, съ 5 часовъ по полудни, длинная вереница экипажей, извозчики, толпы пѣшеходовъ тянулись по направленію къ Закретской рощѣ; хоръ полковой музыки и военные пѣсельники направлялись туда же. Къ шести часамъ собралось къ вокзалу все лучшее виленское общество, а ровно въ шесть часовъ пріѣхалъ и Владиміръ Ивановичъ съ своимъ семействомъ. По выходѣ изъ

экипажей, генералъ-губернаторъ, взявши княгиню Лопацинскую подъ руку, открылъ праздникъ полонезомъ, затѣмъ потянулось паръ триста гостей. Музыка, пѣсни, оживленный разговоръ слились въ одно общее веселье. Праздникъ вышелъ дѣйствительно на славу.

Когда спокойно на душѣ у человѣка, какъ-то весело и привольно живется ему. Древняя столица Литвы служила тому въ настоящее время примѣромъ. Дѣйствительно, знаменитая нѣкогда Вильна снова какъ бы возстала въ прежнемъ своемъ блескѣ, подъ благотворнымъ направленіемъ примирительной политики новаго генералъ-губернатора. Немногочисленное русское общество, подъ вліяніемъ восторженныхъ овацій, оказываемыхъ поляками В. И. Назимову, и по духу своей широкой славянской натуры, съ полнымъ увлеченіемъ слѣдовало ихъ примѣру. Роскошный май мѣсяцъ прошелъ въ постоянныхъ праздникахъ и торжествахъ, на которыхъ, какъ думалось, русскіе и поляки съ каждымъ днемъ сближались все тѣснѣе и тѣснѣе между собою... Одновременно съ вокзаломъ открыты были въ Вильнѣ, въ первый разъ, конскія скачки, которыя привлекли массу зрителей на поле, по дорогѣ въ Триноптоль (лѣтняя резиденція знаменитаго архипастыря Іосифа).

Среди шумныхъ пиршествъ и всеобщаго веселья, чуткое сердце А. А. Назимовой не забыло и меньшую, страждущую братію, имя которой въ Вильнѣ было легіонъ.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить ту массу нуждающихся, которая обнаружилась вслѣдствіе оказываемой ею помощи, по подаваемымъ просьбамъ о пособіи. Въ виду того, что частная помощь и раздача мелкихъ пособій не въ состояніи были прекратить нужду бѣдныхъ людей, Анастасія Александровна устроила въ Вильнѣ школу рукодѣлія для дѣвицъ, съ лавкою при ней, куда бы бѣдные могли доставлять свою работу на продажу, получая впередъ плату. Мысль эта восторженно была принята дворянствомъ трехъ губерній: масса пожертвованій—хлѣбомъ, сельскими произведеніями, деньгами полилась рѣкою, и въ какіе-нибудь два-три мѣсяца число ученицъ достигло почтенной цифры 60-ти человѣкъ. Заказы на разныя работы поступали со всѣхъ сторонъ. Учреждая это заведеніе, кромѣ благотворительной цѣли Анастасія Александровна имѣла и нравственную, чтобы усидчивымъ, но хорошо оплачиваемымъ трудомъ оградить молодыхъ дѣвушекъ отъ сѣтей соблазна, которыя очень хитро и на каждомъ почти шагу разставляются юности жидовскимъ факторствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ, по распоряженію Владиміра Ивановича, пустовавшее коммиссіонерское зданіе на Поплавахъ было отведено подъ помѣщеніе бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Въ то же самое время дворянка Домбровская открыла за Зеленымъ мостомъ, въ собственномъ домѣ, пріютъ для бѣдныхъ престарѣлыхъ женщинъ, который удостоился всемилостивѣйшаго вниманія государыни императрицы. Та-

кимъ образомъ въ Вильнѣ, кромѣ частной благотворительности, въ довольно почтенныхъ размѣрахъ, находились еще: два дѣтскихъ пріюта, воспитательный домъ «Іисусъ Младенецъ» и виленское человѣколюбивое общество, которые, кромѣ правительственной поддержки, имѣли дома и свои спеціальныя средства на содержаніе.

Возвратившійся лѣтомъ 1858 г. изъ Петербурга генералъ-губернаторъ привезъ съ собою дворянамъ радостную вѣсть: государь императоръ обѣщалъ въ концѣ лѣта посѣтить Вильну и быть на балу у дворянства. Нужно было видѣть тотъ всеобщій восторгъ, съ которымъ принято было это извѣстіе. Тотчасъ же было приступлено къ расширенію зданія клуба, помѣщавшагося въ домѣ князя Огинскаго, фасадомъ на Милліонную улицу, дабы достойно принять дорогаго государя. По проекту архитектора, академика Чагина, увеличили залу, пристройкою къ ней каменной галлереи на столбахъ, въ которой устроенъ былъ фонтанъ, великолѣпно убранный роскошною зеленью; на дворѣ, съ лѣвой стороны, выстроена была деревянная временная столовая, въ которой свободно могли помѣститься человѣкъ пятьсотъ. Столовая приходилась въ уровень съ нижнимъ этажомъ; черезъ обширную, примыкавшую къ галлереѣ, площадку съ перилами, съ открытыхъ ея сторонъ двѣ широкія лѣстницы сводили внизъ; видъ на столовую сверху былъ очаровательный,—особенно при вечернемъ освѣщеніи. Въ самой глубинѣ ея, на особенномъ возвышеніи устроенъ былъ во всю ширину комнаты царскій столъ; прочіе столы помѣщались съ обѣихъ сторонъ вдоль стѣнъ. Болѣе пятнадцати тысячъ рублей ассигновано было на иллюминацію однихъ городскихъ зданій и площадей; въ этихъ послѣднихъ работахъ, производившихся въ манежѣ, принималъ живѣйшее участіе и я, какъ любитель этого искусства.

На всемъ протяженіи городъ, начиная отъ Минской заставы, по главнымъ улицамъ, ведущимъ къ Зеленому мосту и далѣе за нимъ къ Вилкомирской заставѣ, разставлены были высокія мачты съ большими подъемными флагами; по срединѣ этихъ мачтъ находились круглые щиты съ государственнымъ гербомъ, а надъ ними развѣвались по три мелкихъ флага. Всѣ дома по пути ожидаемаго проѣзда государя были декорированы гирляндами, коврами и т. п. На заставахъ Минской, Вилкомирской и на Нѣмецкой улицѣ построены были тріумфальныя ворота черезъ улицу, висѣли огромныя проволочныя люстры со шкаликами, между замковой башней и тремя крестами, иллюминованными шкаликами, весь гребень горы покрытъ былъ огромными смоляными плошками, а по скатамъ горъ размѣщены разноцвѣтные бенгальскіе огни. Въ каждомъ домѣ выставлены были транспаранты съ вензелевыми изображеніями имени ихъ величествъ, портреты, бюсты государя и государыни; однимъ словомъ, всѣ горожане вообще и каждый порознь, богачъ и бѣднякъ, старались наперерывъ перещеголять другъ друга, дабы достой-

нымъ образомъ почтить дорогое посѣщеніе монарха. Государь прибылъ въ Вильно 6-го сентября и пробылъ въ ней три дня (6—8-го числа). Пріемъ, оказанный его величеству мѣстнымъ населеніемъ, былъ восторженный... Волшебную картину представляла тогда древняя столица Литвы... Цѣлый городъ убранъ былъ цвѣтными флагами и коврами, изукрашенъ цвѣточными гирляндами и зеленью, залитъ ночью миріадами разноцвѣтныхъ огней. На каждомъ домѣ красовались транспаранты и вензелевыя изображенія августѣйшаго имени. Въ трехъ мѣстахъ города Вильны воздвигнуты были тріумфальныя арки.

7-го сентября, къ десяти часамъ утра большая верхняя зала Виленскаго дворца была набита биткомъ предводителями дворянства и дворянами сѣверо-западныхъ губерній въ парадныхъ мундирахъ. Общее число представлявшихся въ тотъ день его величеству простиралось до тысячи человѣкъ. Наступила торжественная минута. Государь императоръ, въ сопровожденіи генералъ-губернатора В. И. Назимова и нѣсколькихъ лицъ изъ своей свиты, въ десять часовъ утра, изволилъ выйти изъ внутреннихъ покоевъ въ пріемный залъ и былъ привѣтствованъ восторженными криками троекратнаго «ура!», которое повторилось на дворѣ безчисленнымъ множествомъ дамъ, ожидавшихъ выѣзда государя, и тысячными толпами народа, тѣснившагося въ праздничныхъ одеждахъ вокругъ дворца. Погода стояла великолѣпная, вполнѣ соотвѣтствовавшая величію торжества. Обойдя залъ и осчастлививъ многихъ изъ присутствовавшихъ милостивыми словами, государь императоръ, лицо котораго сіяло величіемъ и добротою, остановясь по срединѣ зала, подалъ знакъ рукою ко вниманію и затѣмъ громкимъ голосомъ произнесъ слѣдующія незабвенныя слова:

— Господа, я пріѣхалъ сюда благодарить васъ за высказанную вами готовность помочь мнѣ въ дѣлѣ крестьянской реформы. Могу ли я на васъ положиться во всемъ? забыто ли вами все прошедшее?..

Голосъ государя задрожалъ отъ внутренняго чувства, и драгоцѣнная слеза заблистала на его рѣсницѣ. Въ то самое мгновеніе, когда всѣ присутствовавшіе съ напряженнымъ еще вниманіемъ благоговѣйно прислушивались къ только что произнесеннымъ словамъ, генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ въ порывѣ восторга, приподнявши руку, громогласно воскликнулъ въ отвѣтъ:

— Государь! клянусь тебѣ моею головою, головами жены и моихъ дѣтей, что это твои самые лучшіе вѣрноподданные!

Громкое, восторженное «ура!», грянувшее по залѣ за этими словами любимаго поляками начальника, снова раскатилось тысячнымъ эхомъ около дворца. Высочайшій пріемъ былъ оконченъ. Императоръ тѣмъ же порядкомъ изволилъ возвратиться во внутренніе покои. Представляв-

шіеся дворяне обезумѣли отъ восторга, пошли обниманія, цѣлованія, поздравленія...

— Вотъ такъ государь! Намъ такого и надобно,—слышалось повсюду, хотя и на польскомъ нарѣчіи.

Казалось, что прежняя слѣпая ненависть поляковъ къ русскимъ навѣки погребена въ этотъ исторически многознаменательный день... но, увы! Это только казалось.

8-го сентября, послѣ ранняго обѣда, государь уѣхалъ изъ Вильны по Вилкомирскому тракту на первую станцію Кержанку, неподалеку отъ которой его величество принялъ охоту, устроенную графомъ Тышкевичемъ-Биржанскимъ и братьями Михаиломъ и Іосифомъ Тышкевичами. За эту охоту Михаилъ Тышкевичъ получилъ званіе камеръ-юнкера, а Іосифъ поступилъ адъютантомъ къ В. И. Назимову и надѣлъ снова военный мундиръ, на который онъ потерялъ право, какъ вышедшій въ отставку при объявленіи турецкой войны 1853 года.

Къ пріѣзду государя издана была виленскою археологическою коммисіею особая книга: «Въ память пребыванія государя императора Александра II въ Вильнѣ 6-го и 7-го сентября 1858 года». Она была напечатана на трехъ языкахъ—русскомъ, французскомъ и польскомъ. Чтобы дать вѣрное понятіе о томъ восторженномъ настроеніи и польскаго общества, съ которымъ оно ожидало прибытія государя, считаю не лишнимъ указать на нѣкоторыя мѣста изъ этого изданія. Извѣстный виленскій поэтъ Эдвардъ Одынецъ помѣстилъ тамъ польскіе стихи: «Да пріидетъ царствіе Божіе!»

Историкъ Малиновскій перечислилъ всѣ милости, оказанныя Литвѣ, а именно: право свободнаго исповѣданія римско-католической вѣры, замѣщеніе епископскихъ вакансій, улучшеніе семинарій, устройство костеловъ; щедрое награжденіе раненыхъ поляковъ въ Крымскую войну; дозволеніе возвратиться польскимъ выходцамъ на родину, начиная съ 1831 года; упраздненіе обязательной пятилѣтней службы въ Россіи для мѣстныхъ уроженцевъ, принятіе подъ личное покровительство народнаго просвѣщенія и разрѣшеніе преподавать въ школахъ польскій языкъ, дозволеніе въ Литвѣ сочиненій Мицкевича, упраздненіе общественныхъ квартиръ для учениковъ подъ наблюденіемъ училищнаго начальства, что было противно обычаямъ страны и дало возможность родителямъ предоставить надзоръ за дѣтьми тѣмъ людямъ, которымъ они вполнѣ довѣряли; увеличеніе числа гимназій и преобразованіе училищъ; отмѣна ограниченія для поступленія польскихъ уроженцевъ въ университеты. Открытіе въ Вильнѣ музея народныхъ древностей и археологической коммиссіи служило новымъ доводомъ довѣренности. Литва узнала съ радостію, что изученіе прошедшаго ея быта не было ей воспрещено и что отъ нея не требовали разрыва связи съ ея преданіями и предо-

ставляли свободу выработывать свой языкъ, свою исторію, изслѣдовать памятники древняго своего законодательства, собирать и сохранять святые остатки своихъ предковъ. Литовцы, какъ и другіе обитатели западныхъ провинцій, разъ вышедши изъ преисполненнаго безпокойствъ положенія, направили ихъ усилія къ предметамъ болѣе важнымъ и наиболѣе способствовавшимъ къ развитію общественнаго благосостоянія.

Одинъ вопросъ болѣе другихъ озабочивалъ сердце государя—улучшеніе быта поселянъ, и дворянство умоляло монарха дозволить ему обсудить средства къ достиженію этой великой и благородной цѣли. Этотъ вопросъ не былъ новостію для страны; умы были тамъ приготовлены къ нему съ давнихъ поръ; проповѣдники, философы, публицисты и народные поэты поручали совѣсти владѣльцевъ святое дѣло хлѣбопашцевъ... Литва увидѣла, что ея примѣру послѣдовали и другія провинціи...

Игнатій Ходзько, въ небольшой статьѣ на польскомъ языкѣ: «День 6-го и 7-го сентября въ Вильнѣ», въ посѣщеніи государемъ Вильны видитъ «перстъ Божій», указавшій на новую эру жизни для края и восторженно говоритъ, что, хотя помѣщичья власть въ Литвѣ надъ крестьянами была издавна болѣе патріархальная и походила скорѣе на отцовскую опеку надъ дѣтьми, чѣмъ на власть господина надъ рабами,—дворянство литовское, одно изъ первыхъ, слѣдуя великой мысли и намѣреніямъ всемилостивѣйшаго государя, вычеркнуло изъ списка правъ своихъ и собственности право человѣка надъ человѣкомъ и въ знакъ высочайшаго благоволенія и довѣрія монарха получаетъ разрѣшеніе самому же дворянству обсудить и подготовить введеніе правоваго порядка. Описывая всеобщій восторгъ, по случаю посѣщенія государемъ Вильны, г. Ходзько, между прочимъ, говоритъ о возвратившихся на родину изъ ссылки или изгнанія: «Кто изъ нихъ, возвратясь на родину издали и изгнанія, проходя ворота, надъ которыми яснѣетъ чудотворная икона Богоматери, не обратитъ къ ней увлаженнаго слезою ока и горячими мольбами не будетъ просить у этой Покровительницы Литвы долгой и счастливой жизни и царствованія монарху, который дозволилъ имъ снова увидѣть Литву и, погрузивъ въ пропасть забвенія все оскорбительное прошлое, обезпечиваетъ спокойствіе и справедливость достойными своими намѣстниками Литвы. Молитвы такія повторяются ежедневно, такъ какъ каждый день возвращаются съ сѣвера или запада, покрытые пылью, странники на кусокъ роднаго, Богомъ только дарованнаго хлѣба, повторяются языкомъ и словомъ, забытыми почти среди чужой рѣчи и свято сохраненными только въ душѣ, проникнутой нынѣ благодарностію за дарованное ей дозволеніе снова вложить въ уста этотъ драгоцѣнный даръ.

«Да, много отраднаго, святаго чувства совмѣщаешь въ себѣ, дорогая

моя родина! Какъ сильно бьется сердце мое и донынѣ, не смотря на давнюю разлуку, при одномъ воспоминаніи о тебѣ, матушка Москва-златоглавая, бѣлокаменная!.. Все прошлое, пережитое, даже самое горе, кажется чѣмъ-то дорогимъ, что не промѣнялъ бы его ни на какія утѣхи и радости на дальней чужбинѣ...

«Какой глубокій смыслъ заключаютъ въ себѣ слова: «ibi bene, ubi patria»—слова, надъ которыми глумится такъ наше меркантильное, реальное, изсушающее каждую задушевную мысль время... Современные наши мудрецы, толкующіе о послѣднемъ словѣ науки, а на самомъ дѣлѣ незнакомые даже съ азбукою начала премудрости, думаютъ наоборотъ и находятъ, что только тамъ и отечество, гдѣ можно хорошо грѣть карманъ, да руки, загребать жаръ чужими руками и пускать пыль въ глаза для обмана своего ближняго».

1-го декабря 1858 года я получилъ секретную командировку въ г. Тельши, для производства разслѣдованія по жалобѣ крестьянъ леннаго имѣнія Куршаны, въ Шавельскомъ уѣздѣ, на помѣщиковъ-братьевъ Эдуарда и Веспасіана Гружевскихъ, которыхъ они обвиняли въ разныхъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, доведшихъ ихъ до нищеты и въ удаленіи ихъ съ поземельныхъ участковъ.

Нужно замѣтить, что еще въ 1857 году было приступлено къ серьезнымъ подготовительнымъ работамъ по крестьянской реформѣ. Для разсмотрѣнія существовавшихъ въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской и Ковенской инвентарныхъ правилъ учреждены были въ губернскихъ городахъ особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ. Въ виду благихъ намѣреній, заявленныхъ комитетами относительно помѣщичьихъ крестьянъ тѣхъ губерній, высочайшимъ рескриптомъ на имя виленскаго губернатора 20-го ноября того года, разрѣшено было открыть тамъ по одному подготовительному комитету, а потомъ одну общую коммиссію въ Вильнѣ, для составленія проектовъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Членомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ коммиссію былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ И. И. Колошинъ, съ братомъ котораго я былъ товарищемъ по университету, а самого засталъ, при поступленіи въ первую московскую гимназію, въ седьмомъ классѣ.

Виленская коммиссія была открыта 19-го февраля 1858 года, въ день восшествія на престолъ государя императора, а затѣмъ по всему здѣшнему краю открыты были комитеты для составленія правилъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, и вотъ съ этого-то времени генералъ-губернаторское управленіе было завалено разными просьбами крестьянъ на помѣщиковъ. Въ прежнее время подобнаго рода просьбы составляли рѣдкое исключеніе, такъ какъ послѣдствія для жалобщиковъ были весьма плачевныя, хотя угнетенное и безвыходное ихъ состояніе

не составляло ни для кого секрета, но что значило для польскихъ пановъ благосостояніе православныхъ крестьянъ, этого быдла (скота), который и существовалъ только для того, чтобы въ потѣ кроваваго труда работать дни и ночи для доставленія разныхъ удовольствій и удобствъ жизни своимъ ясне-вельможнымъ панамъ. Между тѣмъ въ воздухѣ повѣяло новою жизнью свободнаго труда, занималась свѣтлая заря признанія въ крестьянинѣ человѣческой природы. Подъ давленіемъ тяжелой панщины голодные и холодные, они до этого свѣтлаго дня терпѣливо сносили всѣ невзгоды польской помѣщичьей власти, о которыхъ въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ не могли имѣть даже и понятія... И вотъ вдругъ разнеслась радостная вѣсть по краю о томъ, что по волѣ царя поручено было помѣщикамъ заняться улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ. Вскорѣ пошли жалобы на помѣщиковъ, и по всѣмъ этимъ жалобамъ дѣлались самыя подробныя разслѣдованія.

Не смотря на холодную зиму, я былъ очень радъ съѣздить въ Жмудь, которую зналъ только по разсказамъ, да по описаніямъ польскихъ писателей; мнѣ крайне хотѣлось ознакомиться самому съ бытомъ этихъ своеобразныхъ людей, которые, не смотря на всѣ изощренія польской справы, не выучились польскому языку и своимъ стойкимъ упрямствомъ заставили польскихъ пановъ учиться говорить съ ними по-литовски. При отъѣздѣ моемъ въ командировку секретарь генералъ-губернаторской канцеляріи А. Л. Карпинскій, одинъ изъ самыхъ лучшихъ дѣльцовъ, напомнивши мнѣ, что исправникомъ въ Шавляхъ Шабловскій, бывшій его помощникъ, совѣтовалъ мнѣ прямо заѣхать къ нему и при этомъ добавилъ, что онъ уже увѣдомилъ его о скоромъ моемъ пріѣздѣ.

— Вы крайне обидите бывшаго вашего сослуживца, если откажетесь отъ его гостепріимства.

Дѣлать было нечего, volens-nolens нужно было согласиться на подобное приглашеніе, тѣмъ болѣе, что Шабловскаго я зналъ хорошо; онъ былъ единственный православный чиновникъ въ генералъ-губернаторской канцеляріи, что не помѣшало ему, женившись на полькѣ, допустить крестить дѣтей ксендза. Едва успѣлъ я пріѣхать на послѣднюю станцію, какъ содержатель почтовой станціи, само собой разумѣется еврей, объявилъ мнѣ, что исправникъ ожидаетъ меня къ себѣ и далъ приказаніе, чтобы ямщикъ доставилъ меня прямо къ нему на квартиру хотя бы въ самую глухую полночь. Оцѣнить эту любезность можетъ только тотъ, кто знакомъ съ грязною обстановкою заѣзжихъ жидовскихъ домовъ въ здѣшнемъ краѣ. Пріѣдешь бывало на перекладной голодный и иззябшій, велишь ямщику везти себя прямо въ лучшую гостиницу въ городѣ, а тотъ привозитъ тебя въ какой-то грязный хлѣвъ (подобное помѣщеніе иначе и назвать нельзя); про постель и говорить нечего, чистое бѣлье и не спрашивай. Въ комнатѣ стоитъ какой-нибудь

трехногій диванъ, обитый кожею, а въ нѣдрахъ его гнѣздятся миріады клоповъ и всякаго рода жидовской нечистоты. Тутъ о снѣ не могло быть и рѣчи. И ляжешь, бывало, лѣтомъ на телѣгѣ, подъ открытымъ небомъ, такъ какъ и въ сараѣ нельзя найти мало-мальски чистаго мѣстечка.

Встрѣча съ исправникомъ, котораго я не видѣлъ уже около года, была самая дружеская; недавно женатый, онъ познакомилъ меня съ своей молодой женой-полькой, очень милой особой, которая приняла меня и угостила на славу, какъ давнишняго знакомаго своего мужа.

— Ко мнѣ обѣщалъ сегодня заѣхать помѣщикъ Гружевскій,—сказалъ Шабловскій, — освѣдомиться о днѣ вашего пріѣзда къ нему въ имѣніе.

Дѣйствительно часовъ около пяти послѣ полудня заѣхалъ къ исправнику и владѣлецъ имѣнія «Спокойность» Веспасіанъ Гружевскій, мужчина лѣтъ тридцати пяти, очень любезный господинъ, страстный поклонникъ гомеопатіи. Такъ какъ мнѣ предстояла поѣздка въ Тельши, то на вопросъ Гружевскаго о томъ, когда ожидать ему моего пріѣзда въ «Спокойность», я объявилъ ему, что 6-го декабря въ полдень надѣюсь къ нему явиться, о чемъ тогда же и оповѣстилъ письменно всѣхъ членовъ, назначенныхъ въ коммиссію. Въ Тельши я прибылъ 4-го декабря въ два часа по-полудни и остановился въ заѣзжемъ домѣ у какого-то нѣмца, который, видя меня перезябшимъ, тотчасъ же предложилъ свои услуги и принесъ мнѣ грѣтое пиво съ молокомъ. Вкуса большаго въ этомъ напиткѣ я не нашелъ, но не успѣлъ выпить и двухъ стакановъ, какъ почувствовалъ пріятную теплоту по всему тѣлу и забылъ совершенно про всѣ дорожныя невзгоды, испытанныя мною во время ночной поѣздки. Отведенная мнѣ комната отличалась чистотою; въ ней стояла простая мебель; чистая постель очень привѣтливо обѣщала мнѣ спокойную ночь, а это большая отрада въ дорогѣ; я благодарилъ судьбу, которая освободила меня отъ жидовской квартиры...

Подкрѣпивши себя обѣдомъ, я отправился пѣшкомъ на квартиру къ городничему, у котораго засталъ цѣлое общество офицеровъ квартировавшаго въ городѣ Драгунскаго полка; играли въ преферансъ на нѣсколькихъ столахъ. Гостепріимный хозяинъ тотчасъ же пригласилъ меня переѣхать къ нему; поблагодаривши его за любезность и объяснивши ему о цѣли моего пріѣзда, я попросилъ его распорядиться приглашеніемъ понятыхъ.

— Позвольте узнать, у кого будетъ обыскъ?

— Дѣло секретное... Когда явятся понятые, мы всѣ вмѣстѣ и отправимся...

— Наступилъ уже шабашъ... Евреи не могутъ подписываться на актѣ...

— Пригласите двухъ христіанъ и двухъ евреевъ, послѣдніе под-

пишутъ актъ по окончаніи шабаша, а вы мнѣ его пришлете въ Шавли къ исправнику. Черезъ полчаса послѣ появленія моего у городничаго мы въ полномъ составѣ лицъ вышли на улицу.

— Куда прикажете вести васъ?—обратился ко мнѣ съ вопросомъ городничій.

— Прошу васъ указать мнѣ квартиру купца Рабиновича.

— Да это два шага отсюда; вонъ—виденъ его домъ. Что-за напасть на него такая? Онъ одинъ изъ лучшихъ городскихъ обывателей и только что вернулся домой изъ торговой поѣздки... Минутъ за пять до вашего прихода былъ у меня.

— Его обвиняютъ въ сбытѣ фальшивыхъ денегъ. Вотъ предписаніе генералъ-губернатора произвести у него строжайшій обыскъ,—отвѣчалъ я городничему, предъявляя ему бумагу.

На квартирѣ Рабиновича мы нашли его съ женою, одну служанку, и спящаго ребенка въ люлькѣ, у дверей въ домѣ поставили солдатъ, съ приказаніемъ не выпускать и не впускать никого. Вся обстановка жилья показывала, что хозяинъ жилъ безбѣдно. Наше внезапное появленіе произвело въ началѣ переполохъ, но когда я объявилъ Рабиновичу о причинѣ моего посѣщенія, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Кажется, я никому не сдѣлалъ зла,—за что же на меня клевещутъ мои враги! Покорнѣйше прошу обыскать у меня цѣлый домъ... Я могу вамъ дать самый подробный отчетъ на каждую заработанную мною копѣйку.

Начался обыскъ, подробности котораго описывать не стану, скажу одно, что около трехъ часовъ провозились мы тамъ и ничего подозрительнаго не нашли... Оказалось по дознанію, что Рабиновичъ около двѣнадцати лѣтъ былъ поставщикомъ фуража и провіанта для Драгунскаго полка; въ комодѣ у него найдены были подробные отчеты за нѣсколько лѣтъ по этому предмету, а множество денежныхъ росписокъ офицеровъ подтверждало, что онъ ссужалъ ихъ деньгами, но, вѣдь, ростовщичество присуще каждому еврею чуть ли не со дня его рожденія, а правильное веденіе дѣла по поставкамъ, засвидѣтельствованное полковымъ командиромъ, приводило къ убѣжденію, что доносъ на него былъ злонамѣренный, какъ предполагалъ и городничій. Впрочемъ, нужно сказать правду, что торговля фальшивыми деньгами, столь прибыльная, постоянно повторяется въ этомъ краѣ; многіе изъ уличныхъ бродягъ-евреевъ сдѣлались богачами отъ этого промысла.

— Не подозрѣваете ли вы кого-нибудь въ злостномъ доносѣ на васъ?—спросилъ я Рабиновича, приступая къ составленію акта.

— Думаю, что мои соперники, которыхъ я устранилъ отъ поставки на полкъ, значительно понизивъ цѣны, но утверждать это съ положительностію не могу,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

Догадка Рабиновича не лишена была основанія. Жидовская злоба, по случаю матеріальныхъ убытковъ не знаетъ предѣла... Въ Гоніондзѣ, на границѣ царства Польскаго, мнѣ случилось удостовѣрить присяжными показаніями, что еврею Нейману доносчики зашили въ шапку на сорокъ восемь рублей фальшивыхъ бумажекъ, о которыхъ онъ только узналъ при слѣдствіи.

Окончивши данное мнѣ порученіе, я возвратился на квартиру и послалъ за почтовыми лошадьми. Нежданно, негаданно судьба помогла мнѣ въ Тельшахъ сдѣлать важное открытіе, которое облегчило мнѣ раскрыть истину по порученному мнѣ слѣдствію у Гружевскихъ. Бургомистръ Клайшевичъ явился ко мнѣ съ книгою о городскихъ доходахъ, разсматривая которую, я нашелъ свѣже записанную статью почеркомъ мнѣ очень знакомымъ; но чей онъ былъ, я не могъ дать себѣ отчета, между тѣмъ память у меня въ этомъ отношеніи была замѣчательная.

— Позвольте спросить васъ, чей это почеркъ?—обратился я къ Клайшевичу съ вопросомъ.

— Мой,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

Тутъ только я вспомнилъ, что прошеніе, которое подали генералъ-губернатору куршанскіе крестьяне, было написано тѣмъ же самымъ почеркомъ. Вынувши изъ портфеля прошеніе, я наглядно убѣдился въ тожествѣ почерковъ. Не было ни малѣйшаго въ томъ сомнѣнія, что переписчикъ находится предо мною на лицо. А какъ крестьяне упорно обыкновенно скрывали сочинителей и переписчиковъ прошеній, то я повелъ прямо атаку на бургомистра, попросивъ его разсказать мнѣ причину подачи предъявленнаго ему мною прошенія.

Въ началѣ онъ было позамялся, но затѣмъ откровенно сознался, что просьба написана имъ со словъ родственника, вольнаго человѣка, Юрія Пашакариса, проживавшаго на землѣ имѣнія «Спокойность», помѣщика Веспасіана Гружевскаго, прошеніе подписано крѣпостнымъ крестьяниномъ Пашкусемъ, подъ именемъ какого-то Домбровскаго. Довольный этимъ открытіемъ, которое предоставляло мнѣ полную возможность добраться до истины, я обязалъ бургомистра Клайшевича подпискою явиться въ имѣніе «Спокойность» и затѣмъ поѣхалъ обратно. Морозъ при моемъ отъѣздѣ достигъ до двадцати градусовъ; къ счастію, погода стояла очень тихая и ясная. Около полудня въ Николинъ день я уже былъ на почтовой станціи Слободкѣ, отстоявшей не болѣе версты отъ цѣли моего путешествія. Тутъ былъ назначенъ сборный пунктъ членовъ слѣдственной коммиссіи, но вотъ наступилъ полдень, а между тѣмъ никто изъ нихъ еще не явился. Ѣхать одному къ помѣщику Гружевскому мнѣ не хотѣлось, хотя голодъ и давалъ себя знать слишкомъ: со вчерашняго вечера у меня ровно ничего не было во рту. На мою бѣду станція содержалась отвратительно, хотя и принадлежала къ

имѣніямъ графа Чапскаго; печь была натоплена донельзя, но выбитое стекло въ окнѣ, не заклеенныя зимнія рамы и щели въ дверяхъ дѣлали дальнѣйшее пребываніе въ этой мерзости положительно невозможнымъ. Скрѣпя сердце приказалъ я заложить почтовую пару и поѣхалъ въ имѣніе «Спокойность» къ Гружевскому, который встрѣтилъ меня очень радушно на крыльцѣ, не смотря на холодъ. Новый деревянный домъ, съ тамбурнымъ большимъ входомъ, смотрѣлъ очень привѣтливо, а комнатная теплота и любезный пріемъ хозяина благотворно на меня подѣйствовали. Изъ свѣтлой передней мы вошли съ нимъ въ небольшую пріемную, уставленную по окнамъ цвѣтами, и сѣли на стоявшій тамъ диванъ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ, хозяинъ быстро удалился изъ комнаты и минуты черезъ двѣ возвратился снова, неся въ рукахъ большую пачку двадцати пяти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ. Присѣвши на прежнее свое мѣсто подлѣ меня, онъ предложилъ мнѣ эти деньги...

— Позвольте покорнѣйше просить васъ принять отъ меня этотъ подарокъ, въ возвратъ понесенныхъ вами трудовъ и расходовъ на пріѣздъ сюда по моему дѣлу...

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за вашу любезность, отвѣтилъ я ему, отклоняя предложеніе. Правительство мнѣ уже выдало на поѣздку деньги... А вотъ не откажите подать рюмку старой водки и что-нибудь закусить, я перезябъ и голоденъ.

Нужно было видѣть конфузъ моего хозяина, который послѣдовалъ за моимъ отвѣтомъ. Онъ окончательно растерялся, началъ извиняться и убѣдительно просилъ никому не говорить про его глупую выходку; затѣмъ, сунувши деньги въ боковой карманъ, опрометью выбѣжалъ вонъ изъ комнаты. Описать впечатлѣніе, которое произвело на меня предложеніе денегъ, будетъ довольно трудно. Мнѣ было и досадно, что человѣкъ, вовсе мнѣ незнакомый, считаетъ меня взяточникомъ, способнымъ за деньги, которыхъ, нужно сознаться, у меня много никогда не бывало, продать свою совѣсть и покривить душою... Было и грустно, что подобныя лица встрѣчаются на бѣломъ свѣтѣ, было, наконецъ, и смѣшно, когда я припоминалъ себѣ то смущеніе, тотъ испугъ, которымъ былъ пораженъ хозяинъ, получивши мой спокойный отказъ.

Минутъ черезъ пять два ливрейные оффиціала внесли въ пріемную комнату, на серебряныхъ подносахъ, всякаго рода закуски, а въ то же самое время раздались на дворѣ звуки почтовыхъ колокольчиковъ; пріѣхали, наконецъ, и запоздавшіе члены коммиссіи, присутствіе которыхъ помогло и мнѣ и сконфуженному хозяину выйти изъ неловкаго положенія. Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица, такъ было и здѣсь; мысль, что меня хотѣли подкупить, заставила меня со всею осмотрительностію отнестись къ порученному мнѣ разслѣдованію; мнѣ прихо-

дило даже въ голову, что дѣло помѣщика Гружевскаго было неправое, иначе зачѣмъ же ему было пытаться купить мою совѣсть. Но слѣдствіе раскрыло совершенно противное. Жалобы крестьянъ имѣнія Куршаны заключались въ томъ, что помѣщики Гружевскіе, раздѣливъ вопреки закона доставшееся имъ по наслѣдству ленное имѣніе, обременительною барщиною не только ихъ разорили въ конецъ, но даже обезземеливаютъ хозяевъ, принуждаютъ крестьянъ обработывать особые участки земли, притѣсняютъ разными повинностями и т. п.

При осмотрѣ коммиссіею крестьянскихъ усадьбъ, всѣ мы были поражены ихъ благоустройствомъ; у каждаго изъ жалобщиковъ оказалось отъ четырехъ до шести лошадей и отъ двѣнадцати до восемнадцати штукъ рогатаго скота, кромѣ козъ, овецъ и свиней; при этомъ было удостовѣрено, что число скота въ этомъ году у крестьянъ уменьшилось, такъ какъ они его пораспродали по случаю малокормицы. Закрома въ амбарахъ были переполнены до самаго потолка разнымъ зерномъ; висѣло тамъ копченое мясо разнаго рода и колбасы; стояли большіе сундуки съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, и у нѣкоторыхъ было множество перинъ и подушекъ, такъ какъ разныхъ птицъ крестьяне имѣли въ изобиліи. Въ хлѣвахъ настлано было множество соломы; вмѣсто лучины въ избахъ горѣли сальныя свѣчи домашняго приготовленія; хлѣбъ былъ отлично выпеченъ; при осмотрѣ у крестьянъ варилась мясная похлебка съ картофелемъ. Однимъ словомъ, во всемъ видно было полное довольство. Сознаюсь, что я въ первый разъ видѣлъ въ здѣшнемъ краѣ такое благосостояніе крестьянъ; ихъ бытъ напомнилъ мнѣ благословенную Малороссію. Каждая крестьянская осѣдлость была отлично и просторно обстроена, почти передъ каждою избою находился небольшой садъ, даже кутники имѣли по одной лошади и по одной коровѣ. Крестьяне отбывали барщину съ каждаго двора: съ 23-го апрѣля по 1-ое октября, по 4 упряжныхъ и по 4 пѣшихъ женскихъ дня, а въ остальное время года по 3 дня, кромѣ того они обязаны были: обработать особый участокъ земли по два морга подъ озимь для запасныхъ магазиновъ. Уѣздный предводитель дворянства, спрошенный относительно вышеозначенныхъ повинностей, сообщилъ коммиссіи, что земля въ имѣніяхъ «Куршаны» и «Спокойность», по плодородію своему, считается въ первомъ разрядѣ, крестьяне пользуются всѣми удобствами по хозяйству, а потому требуемая помѣщиками Гружевскими барщина съ дополнительнымя повинностями нисколько для нихъ необременительна; при этомъ добавилъ, что помѣщики эти извѣстны въ Шавельскомъ уѣздѣ по кроткому и справедливому обхожденію съ крестьянами, что подтвердилъ и мѣстный деканъ, живущій въ этой мѣстности болѣе двадцати четырехъ лѣтъ и пользующійся тамъ большимъ вѣсомъ. Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ и разнорѣчивыхъ показаній при слѣдствіи, было несо-

мнѣнно, что подача крестьянами коллективной просьбы была дѣломъ подстрекательства неблагонамѣреннаго лица, желавшаго пользоваться карманомъ зажиточныхъ крестьянъ, которые упорно запирались открыть имя сочинителя и переписчика ихъ жалобы; каково же было ихъ удивленіе, а также и всѣхъ членовъ слѣдственной коммиссіи, когда явившійся изъ г. Тельшъ бургомистръ Клайшевичъ сознался въ составленіи и перепискѣ набѣло этого прошенія, которое, какъ оказалось, подписалъ крѣпостной крестьянинъ Пашкусъ, родственникъ его, подъ именемъ какого-то Домбровскаго, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ крестьяниномъ Юріемъ Пашакарисомъ и тремя вольными людьми.

Въ первыхъ числахъ января 1859 года генералъ-губернаторъ командировалъ меня въ Свенцянскій уѣздъ для производства слѣдствія, при офицерѣ корпуса жандармовъ, по жалобамъ крестьянъ имѣнія Перванишки, помѣщика Шпицнагеля, на бѣдственное ихъ положеніе и разныя злоупотребленія помѣщичьей власти: дѣло тамъ было довольно серьезное, такъ какъ увѣщанія уѣзднаго предводителя дворянства и мѣстныхъ полицейскихъ властей не имѣли успѣха; бывшія тамъ волненія поутихли только тогда, когда поставили въ деревню военную экзекуцію и послѣ наказанія розгами зачинщика крестьянина Довбара. По разслѣдованію оказалось, что многіе изъ указанныхъ въ просьбѣ крестьянъ ничего не знали о содержаніи поданнаго генералъ-губернатору прошенія; высказанныя ими разныя неудовольствія относились къ умершему ихъ помѣщику, а настоящій владѣлецъ, тихій и спокойный человѣкъ, не болѣе десяти мѣсяцевъ вступилъ въ управленія имѣніемъ, по возвращеніи изъ Персіи, гдѣ жилъ онъ очень долго. Бытъ крестьянъ былъ очень хорошій; хозяева имѣли по 2—3 лошади и по 6—10 штукъ крупнаго рогатаго скота, не считая разной мелочи; курныя хаты устроены были прочно. На подачу просьбы крестьяне подговорены были какимъ-то сельскимъ адвокатомъ, имя котораго они упорно скрывали, и пожертвовали по пятидесяти копѣекъ съ души; при допросѣ крестьяне сами сознались, что подали жалобу единственно съ тою цѣлію, чтобы имъ было еще лучше, и противъ настоящаго владѣльца ничего не имѣютъ.

Ни одна изъ мѣстностей Россіи, какъ мнѣ кажется, не можетъ поспорить съ здѣшнимъ краемъ по фабрикаціи и торговлѣ фальшивыми кредитными билетами. На мою только долю выпало до 15 слѣдствій по этому предмету, да и немудрено... Жидовство въ этомъ отношеніи очень искусно умѣетъ набивать себѣ карманы и хоронить концы... Здѣсь прямо указываютъ на нѣсколькихъ еврейскихъ богачей, которые лѣтъ пять—десять тому назадъ были нищими и умѣли нажить себѣ этимъ промысломъ большія деньги. По освобожденіи изъ острога, они вскорѣ попали въ почетъ и стали разыгрывать роль въ нашемъ испорченномъ

свѣтѣ. Причина частыхъ случаевъ этого преступленія лежитъ не только въ натурѣ еврея, но въ духѣ нашего законодательства, которое даетъ полную возможность пойманному даже съ поличнымъ, при упорномъ запирательствѣ, увернуться или вовсе отъ наказанія или, въ крайнемъ случаѣ, остаться только въ подозрѣніи... Для примѣра разскажу кратко два дѣла о фальшивыхъ кредитныхъ билетахъ и о разительной разности послѣдствій, которыми сопровождалось это преступленіе.

Изъ Витебска присланъ былъ въ Вильну уѣздный исправникъ Фогель, принявшій христіанство, изъ евреевъ, для разысканія виновныхъ въ сбытѣ фальшивыхъ 25-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ. Почти одновременно съ его пріѣздомъ отставной поручикъ Булгаринъ, ѣхавшій на почтовыхъ лошадяхъ изъ Вильны въ Ковну, размѣнялъ въ Вилкомирѣ у станціоннаго смотрителя 25-ти рублевый билетъ, который оказался фальшивымъ, и оставилъ у него до своего возвращенія сундукъ съ своими вещами. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, генералъ-губернаторъ командировалъ меня въ догонку за Булгаринымъ, поручивъ произвести у него обыскъ и доставить вмѣстѣ съ сундукомъ, въ сопровожденіи жандармовъ въ виленскую цитадель къ коменданту для содержанія подъ арестомъ въ политической тюрьмѣ. Возвратился я изъ поѣздки ни съ чѣмъ, такъ какъ Булгарина простылъ и слѣдъ, привезъ только я съ собою опечатанный сундучекъ его. Между тѣмъ ковенскій губернаторъ сдѣлалъ тотчасъ же распоряженіе о розыскѣ виновнаго и о доставленіи его въ Вильну, подъ арестомъ. Пока это происходило, прибывшій исправникъ, перерядившись евреемъ, вошелъ въ знакомство съ евреями: Идомскимъ и Шнейдеромъ-Шрейбергомъ, которые послѣ долгихъ переговоровъ обѣщали ему продать 200 штукъ фальшивыхъ 25-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ по 8 рублей за каждый и дали ему на образецъ одинъ билетъ. Торговля этимъ товаромъ, какъ оказалось, шла очень бойко, послѣ окончанія Крымской войны. Когда пришло назначенное время полученія обѣщанныхъ фальшивыхъ билетовъ, исправникъ притворился, что опасается быть задержаннымъ въ неизвѣстномъ ему городѣ и, уплативъ имъ девятьсотъ рублей, просилъ ихъ проводить его до Минской заставы, гдѣ ожидаетъ его товарищъ съ лошадьми. Тамъ онъ обѣщалъ уплатить имъ по уговору остальныя деньги и взять купленный у нихъ товаръ. Фальшивыя кредитки были пересчитаны, зашиты въ холстъ и опечатаны, затѣмъ покупатель и два продавца отправились къ заставѣ въ глухую полночь. Ямщикъ и предполагаемый товарищъ были переодѣтые полицейскіе, старшій же полиціймейстеръ Васильевъ съ частнымъ приставомъ и понятыми поджидали ихъ у заставы, скрывшись въ караулку.

Едва только успѣли подойти къ лошадямъ три ожидаемыя лица, какъ цѣлая компанія окружила ихъ. Моментъ былъ самый критическій;

въ это время Идомскій, вынувъ изъ боковаго кармана пачку, бросилъ ее на землю; всѣ присутствовавшіе тотчасъ же замѣтили эту выходку. Въ поднятомъ сверткѣ оказалось двѣсти штукъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, а въ карманѣ одного изъ продавцовъ найдены и перемѣченные 900 руб. Тотчасъ же обо всемъ составленъ былъ актъ, и затѣмъ Идомскій и Шнейдеръ-Шрейбергъ отвезены были въ тюрьму. На первомъ допросѣ въ коммиссіи арестанты пытались запираться, обвиняя въ продѣлкѣ неизвѣстнаго имъ еврея, то-есть исправника, но, заручившись обѣщаніемъ генералъ-губернатора, что они не подвергнутся наказанію, если бы открыли все дѣло и указали главныхъ виновниковъ, Идомскій сознался, что отставной поручикъ Булгаринъ и дворянинъ Юркевичъ, въ сообществѣ съ другими ему неизвѣстными еще лицами, промышляютъ сбытомъ фальшивыхъ 25-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ.

Вскорѣ были доставлены въ коммиссію подъ арестомъ Булгаринъ и Юркевичъ; впослѣдствіи привлеченъ былъ къ дѣлу и откупщикъ Витебской губерніи Бѣшковичъ и нѣсколько человѣкъ евреевъ. Слѣдствіе тянулось очень долго, благодаря разнымъ жидовскимъ изворотамъ, и затѣмъ Идомскій и Шнейдеръ-Шрейбергъ стали отказываться отъ данныхъ ими показаній, увѣряя, что, по случаю пристрастныхъ допросовъ въ коммиссіи, они ложно оговорили многихъ лицъ, и снова начали утверждать, что подосланный исправникъ выдумалъ всю эту исторію, дабы выслужиться предъ начальствомъ. Отставной поручикъ Булгаринъ, не смотря на размѣнъ фальшиваго билета на станціи и на улики пѣвицы Пташинской, съ которою находился въ связи, упорно запирался въ преступленіи и даже при одной очной ставкѣ съ нею говорилъ ей, что не всегда же онъ будетъ сидѣть подъ арестомъ, и тогда она поплатится жестоко за свою выдумку. Въ концѣ-концовъ, дѣло это окончилось совершенными пустяками. Всю вину свалили на умершаго Идомскаго.

Не таковъ былъ исходъ по другому дѣлу, по которому обвинялся въ сбытѣ фальшивыхъ десятирублевыхъ кредитныхъ билетовъ бельгійскій подданный Сіэсъ, занимавшій мѣсто директора Крайщанской суконной фабрики, въ Вилейскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи. На него былъ присланъ доносъ, что онъ промышляетъ этимъ товаромъ и имѣетъ свинцовые номера, которыми онъ самъ печатаетъ нумерацію на бумажкахъ, получаемыхъ изъ-за границы.

Прибывъ на фабрику довольно поздно вечеромъ, я произвелъ у него обыскъ, при становомъ приставѣ и понятыхъ, и нашелъ свинцовыя цыфры, совершенно тождественныя съ тѣми, которыя обыкновенно проставлялись на кредитныхъ билетахъ 10-ти-рублеваго достоинства.

Отосланный въ Вильну въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, Сіэсъ, при допросѣ, показалъ, что никогда не занимался торговлею фальши-

выми деньгами, свинцовыя цыфры купилъ за границей для нумераціи суконъ на фабрикѣ и сослался на свое безукоризненное поведеніе, которое было дѣйствительно удостовѣрено владѣльцемъ имѣнія, гдѣ находилась суконная фабрика, и зажиточными помѣщиками, съ которыми онъ былъ знакомъ. Такъ какъ имѣвшіяся въ дѣлѣ свѣдѣнія доказывали, что поддѣлка производилась въ Брюсселѣ, и названъ былъ даже по имени одинъ токарь, съ которымъ Сіэсъ имѣлъ сношеніе, то коммиссія отправила туда подробную записку съ вопросными пунктами и описаніемъ примѣтъ Сіэса, заказывавшаго разнымъ лицамъ формы отдѣльныхъ частей кредитныхъ билетовъ. Вскорѣ изъ-за границы пришло требованіе выслать Сіэса въ Брюссель, такъ какъ есть основанія подозрѣвать его, что онъ именно то лицо, которое заказывало бумагу съ водяными знаками. Когда Сіэсу объявлено было это требованіе, онъ тотчасъ же заявилъ желаніе принять русское подданство и не хотѣлъ ѣхать за границу. Само собой разумѣется, что его выслали туда немедленно вмѣстѣ съ разслѣдованіемъ, въ переводѣ на французскій языкъ; вскорѣ за его высылкою получено было изъ Брюсселя извѣщеніе, что Сіэсъ былъ осужденъ въ каторжную работу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣсти изъ Петербурга въ 1820 и 1821 гг.

(Собственноручныя всеподданнѣйшія письма графа В. П. Кочубея [1]).

1.

Царское Село, 27-го августа 1820 г.

Почитаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего императорскаго величества:

1) Письмо, присланное мнѣ безо всякаго приложенія для передачи его въ собственныя руки вашего императорскаго величества.

2) Донесеніе сибирскаго генералъ-губернатора, извѣщающее о необычайныхъ наводненіяхъ, случившихся въ этой мѣстности и главнымъ образомъ въ Иркутскѣ. Произведенныя ими опустошенія вѣроятно очень велики.

3) Переводъ письма Кокрана, англичанина, путешествующаго якобы пѣшкомъ.

Онъ передалъ тобольскому губернатору шесть писемъ; я совѣтовалъ князю Голицыну приказать перлюстровать ихъ на почтѣ и препроводить вашему величеству то письмо, которое заслуживаетъ по моему мнѣнію нѣкотораго вниманія, въ особенности по взгляду, высказываемому этимъ путешественникомъ о нашихъ раскольникахъ; я передалъ оригиналы этихъ писемъ графу Нессельроде; копіи же находятся у меня; мнѣ

[1]) Подлинники писемъ графа Кочубея, на французскомъ языкѣ, напечатаны мною въ XI выпускѣ (стр. 362—378) „Сборника историческихъ матеріаловъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи". Въ то время императоръ Александръ I уѣхалъ изъ Петербурга: 15-го (27-го) августа онъ пріѣхалъ въ Варшаву, а затѣмъ отправился за границу на конгрессъ въ Троппау и Лайбахъ. Ред.

*

кажется, что ваше величество должны быть избавлены, въ особенности въ настоящее время, отъ чтенія ненужныхъ бумагъ. Такъ какъ Кокранъ намѣренъ провести зиму въ Иркутскѣ, то я написалъ Сперанскому, чтобы онъ внимательно слѣдилъ за нимъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь писать вашему величеству, въ нашихъ столичныхъ кружкахъ и вообще въ обществѣ очень много говорили о двухъ указахъ вашего величества относительно званія, присвоеннаго княгинѣ Ловичъ, и о пожалованіи ей помѣстья, носящаго это названіе.

Эти указы извѣстны здѣсь изъ «Инвалида», гдѣ они напечатаны на польскомъ языкѣ. О нихъ судятъ вполнѣ правильно, говоря, что они были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ бракосочетанія великаго князя, но вмѣстѣ съ тѣмъ передаютъ нѣкоторыя подробности и утверждаютъ, будто маленькій Александровъ получилъ званіе князя Стрѣльнинскаго.

Революція, совершившаяся въ Неаполѣ, составляетъ, по-прежнему, предметъ толковъ и держитъ умы въ напряженіи.

Въ дипломатическомъ мірѣ давно уже поговаривали о свиданіи монарховъ. Газеты подтвердили это извѣстіе. Это породило слухъ, что Австрія введетъ войско въ Неаполитанское королевство, что она займетъ также папскія владѣнія; что папа (который, судя по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Варшавы, уже скончался) будетъ послѣднимъ свѣтскимъ владѣтелемъ Папской области; что она достанется во владѣніе Австріи, тогда какъ Галиція будетъ присоединена къ королевству Польскому; что поляки этого хотятъ и добиваются, что ваше величество пошлете отрядъ вспомогательнаго войска въ Италію, что вы обязаны къ этому договоромъ священнаго союза и т. д. Мысль о предстоящей войнѣ, въ которой Россія приметъ участіе, можетъ быть пріятна нѣкоторымъ молодымъ людямъ, желающимъ подвинуться по службѣ, но это не есть повидимому чувства большинства, которое убѣждено, что ваше величество не подпишете такихъ предложеній, которыя могутъ поставить васъ въ затруднительное положеніе. Я не получилъ изъ внутреннихъ губерній никакихъ извѣстій, которыя заслуживали бы вниманія вашего величества, исключая одного, что въ Москвѣ открытъ складъ бумаги, приготовленной для дѣланія новыхъ банковыхъ ассигнацій. Количество бумаги такъ велико, что въ обращеніе могло быть пущено болѣе двухъ милліоновъ рублей. Полиція выказала по этому поводу большую распорядительность. Существуетъ подозрѣніе, что рабочіе петербургской Экспедиціи изготовленія государственныхъ бумагъ продали торговцамъ бѣлую и красную бумагу. Я предупредилъ объ этомъ министра финансовъ, препроводивъ ему нѣсколько листовъ этой бумаги; онъ сказалъ мнѣ, что онъ прикажетъ управляющему Экспедиціей произвести по этому поводу самое строгое разслѣдованіе.

Намъ предстоитъ, ваше величество, праздновать на-дняхъ дорогой для насъ день. Позвольте мнѣ принести вашему императорскому величеству по этому случаю самыя искреннія пожеланія не столько какъ вѣрноподданный, сколько какъ человѣкъ, искренно преданный особѣ вашего величества.

2.

Царское Село, 10-го сентября 1820 г.

До свѣдѣнія вашего императорскаго величества дошло, быть можетъ, что въ городѣ разсказываютъ весьма странную исторію о смерти одного артиллерійскаго офицера въ Новгородѣ, которая оказалась не болѣе, какъ продолжительной летаргіей, о его пробужденіи и сдѣланныхъ имъ предсказаніяхъ.

Я не хотѣлъ сообщать объ этомъ вашему величеству, не убѣдившись предварительно въ томъ, что эта исторія имѣетъ какое-либо основаніе. Поэтому я написалъ новгородскому губернатору въ общихъ выраженіяхъ, не желая, чтобы имя графа Аракчеева было упомянуто въ этомъ письмѣ, такъ какъ это могло подать поводъ къ новой исторіи. Ваше величество найдете въ прилагаемыхъ при семъ трехъ приложеніяхъ все относящееся до этой басни [1]). Весьма возможно также, что до вашего величества дошли слухи о томъ, что говорятъ по поводу революціи, совершившейся въ Неаполѣ, напр. о томъ, будто бы нашимъ газетамъ приказано умалчивать о подробностяхъ, относящихся до этой революціи, въ виду того, что «духъ нашихъ офицеровъ нехорошъ, что съ ними приказано обходиться очень строго» и т. д. и т. д. Нѣкоторые лица, склонныя видѣть все въ мрачномъ свѣтѣ, могли пожалуй усмотрѣть въ ультрамонтанскихъ событіяхъ много для нея неблагопріятнаго, склонность къ подражанію и т. д. Будучи, ваше величество, болѣе чѣмъ когда-либо обязанъ, разузнавать обо всемъ, такъ какъ я служу вамъ въ трудныя времена, и имѣя довольно обширныя связи, я считаю возможнымъ смѣло утверждать, что здѣсь не существуетъ элементовъ, которые могли бы внушить малѣйшее опасеніе.

Болтаютъ много, это правда; но все, что говорятъ, до того смѣшно, нелѣпо, безсвязно, и такъ безпочвенно, что нельзя предположить, чтобы изъ этого могло что-либо выйти кромѣ однихъ словъ. Я говорю вашему величеству то, въ чемъ я убѣжденъ, и никогда не осмѣлился бы изложить вамъ, государь, эти мысли, если бы я не предполагалъ, что до вашего свѣдѣнія могутъ дойти противуположные слухи.

---

[1]) Приложеній этихъ при письмѣ не оказалось.

На-дняхъ, кого-то изъ пріѣхавшихъ изъ Москвы спросили: «что у васъ говорятъ о революціи Неаполитанской, о карбонарахъ?»

— Что-то говорили тогда, въ газетахъ читали, но всѣ въ Москвѣ — и тутошніе, и пріѣзжіе, толковали о худомъ урожаѣ, о цѣнѣ хлѣба, о всходахъ и пр.

Наша страна счастливая, никакое внѣшнее политическое событіе не можетъ еще повліять на нее. Тѣмъ не менѣе, надобно сознаться, что у насъ много недовольныхъ. Это зависитъ отъ мѣстныхъ невзгодъ, объ устраненіи которыхъ ваше величество, безъ сомнѣнія, позаботитесь по возвращеніи своемъ. При вашей силѣ и средствахъ, это легче вашему величеству, нежели какому-либо иному европейскому монарху.

Въ виду того, что масонскія ложи избрали генералъ-лейтенанта, сенатора Кушелева гроссмейстеромъ на мѣсто сенатора Ржевусскаго, онъ писалъ мнѣ, прося аудіенціи. Изъ прилагаемаго при семъ отчета [1]) ваше императорское величество увидите, въ чемъ заключалась сущность упрековъ, которые мною были высказаны ему во исполненіе приказаній, данныхъ мнѣ вашимъ величествомъ.

Крестьяне, приписанные къ рудникамъ Пермской губерніи, числомъ 3.000, открыто возстали противъ своихъ властей. На мѣсто происшествія посланъ вооруженный отрядъ изъ 516 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребовали присылки казаковъ или башкиръ. Я тотчасъ предупредилъ министра финансовъ о необходимости оборониться, настоятельно совѣтуя ему обратить вниманіе на причины, коими эти безпорядки могли быть вызваны. Волненіе конечно будетъ усмирено, но если оно было вызвано какими-либо несправедливыми поступками или притѣсненіями, то правительство должно озаботиться, чтобы они были устранены, ибо иначе волненія могутъ повториться. Повергаю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества копію съ донесенія временно управляющаго этой губерніей.

Соблаговолите, государь, принять увѣреніе въ моемъ безграничномъ почтеніи и преданности. Графъ Кочубей.

P. S. Слишкомъ извѣстный Санчи, заключенный въ крѣпость за крупную кражу, совершенную имъ въ ломбардѣ, умеръ послѣ продолжительной болѣзни.

3.

С.-Петербургъ, 14-го января 1821 г.

Князь Волконскій передалъ мнѣ приказаніе вашего императорскаго величества вызвать и допросить лично одного поляка по имени Яну-

[1]) Отчета при письмѣ нѣтъ.

шевича. Изъ препровождаемыхъ при семъ приложеній ваше величество увидите, что ваша воля исполнена и узнаете все касающееся этого человѣка, который не заслуживаетъ никакого вниманія.

Въ другой, весьма краткой замѣткѣ, я осмѣлился изложить вашему величеству о нѣкоторыхъ дополнительныхъ мѣрахъ, принятыхъ Комитетомъ министровъ относительно неурожая въ Черниговской губерніи. Я отправлю завтра утромъ курьера съ этимъ извѣстіемъ къ сенатору Гермесу и князю Репнину. Если вѣрить свѣдѣніямъ, сообщаемымъ частными лицами, то въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уже существуютъ большія затрудненія относительно продовольствія. Прилагаю при семъ копію съ донесенія, полученнаго мною вчера. Я препровождаю его князю Репнину и вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ долгомъ увѣдомить обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ генерала Сакена, чтобы онъ могъ руководствоваться этимъ при выводѣ оттуда войскъ, согласно повелѣнію вашего величества, что составляетъ повидимому все болѣе и болѣе настоятельную необходимость.

Что касается внѣшняго облика столицы, то я могу только подтвердить все то, что уже осмѣлился донести вашему величеству съ послѣднимъ курьеромъ. Духъ населенія все тотъ же, одни довольны, другіе нѣтъ. Духъ войска (насколько это можетъ быть извѣстно человѣку, который, имѣя желаніе узнать истину, можетъ узнать ее только косвеннымъ путемъ), по моему мнѣнію, таковъ же, т. е. средній. Военныя власти могутъ сообщить вашему величеству объ этомъ болѣе точныя свѣдѣнія, и я искренно желаю, чтобы онѣ опровергли мои слова.

Въ послѣднее время между этими властями произошли нѣкоторыя недоразумѣнія. Генералъ Васильчиковъ хотѣлъ, чтобы 13-го числа въ караулѣ стоялъ новый Семеновскій полкъ; графъ Милорадовичъ воспротивился этому, не желая, какъ онъ говоритъ, чтобы была нарушена очередь Преображенскаго полка. Ваше величество узнаете объ этомъ подробно изъ донесеній этихъ генераловъ. Объ этомъ немного поговорили, ибо здѣсь нѣтъ ничего труднѣе, какъ сдѣлать что-либо не разговаривая.

Въ обществѣ также много говорятъ о томъ, что ваше величество возвратитесь только въ мартѣ мѣсяцѣ, что вы непремѣнно поѣдете въ Италію, что въ окрестностяхъ Тревизы состоятся маневры въ присутствіи вашего величества; говорили также, будто неаполитанцы, подстрекаемые господствующей въ Испаніи партіей, примутъ воинственное положеніе и вступятъ въ папскія владѣнія съ намѣреніемъ произвести въ нихъ возстаніе и т. д. и т. д. и что въ такомъ случаѣ здѣсь будетъ получено приказаніе двинуть 70.000 человѣкъ, а возвращеніе императора отложится Богъ вѣсть до какихъ поръ.

Таковы послѣдніе слухи, ходящіе здѣсь, которые я отмѣчаю, дабы вашему величеству было извѣстно все до мельчайшихъ подробностей.

Повергаю къ стопамъ вашего величества изъявленіе моего почтенія и преданности.

4.

28-го января 1821 г.

Я очень сожалѣю о томъ, что я не могъ написать вамъ, съ послѣднимъ курьеромъ.

Сегодня, собравшись съ силами, которыя еще весьма невелики, я хочу выразить мою глубочайшую благодарность за письмо, коимъ вы удостоили меня 8-го числа сего мѣсяца. Письмо вашего величества, въ коемъ вы выразили мнѣ свое участіе по поводу разрѣшенія моей супруги отъ бремени, было для насъ новымъ доказательствомъ вашей къ намъ милости.

Я не упустилъ сообщить графу Милорадовичу замѣчанія, сдѣланныя вашимъ величествомъ по поводу Россина. Я вполнѣ понимаю, что вашему величеству было непонятно все сказанное мною, такъ какъ я предполагалъ, что графъ Милорадовичъ препроводилъ князю Волконскому показанія этого человѣка. Онъ это сдѣлаетъ, по его словамъ, сегодня.

Руководствуясь тѣмъ правиломъ, что во всякомъ затруднительномъ и запутанномъ дѣлѣ, какъ бы оно ни казалось незначительно на первый взглядъ, слѣдуетъ отыскать и постичь самую сущность и обратить особое вниманіе на бумаги Россина (гнуснаго человѣка), ибо, не смотря на всѣ его вздорныя рѣчи, легко было подмѣтить, что все то, что онъ говорилъ, было не плодомъ его ума, но естественнымъ выводомъ изъ того, о чемъ толковали между собою солдаты. Генералъ-губернаторъ увѣрялъ меня, что, не смотря на всѣ убѣжденія открыть, отъ кого онъ слышалъ эти предложенія, Россинъ упорно говорилъ, что онъ слышалъ то, что говорили солдаты и народъ, но не знаетъ именъ говорившихъ. Я не разсчитывалъ, что мнѣ удастся быть счастливѣе графа Милорадовича, но я попрошу у него позволенія повидать Россина (который арестованъ), какъ только здоровье мнѣ позволитъ. До свѣдѣнія вашего величества быть можетъ уже дошло, что послѣдніе двѣнадцать дней здѣсь чрезвычайно интересовались нелѣпымъ слухомъ о мнимомъ возмущеніи Сѣвскаго полка, командиръ котораго былъ взятъ, какъ говорили, въ штыки. Этотъ слухъ переходилъ изъ устъ въ уста, и ни одинъ благомыслящій человѣкъ не вѣрилъ ему. Онъ былъ пущенъ или, по крайней мѣрѣ, былъ распространяемъ людьми злонамѣренными; я говорю по меньшей мѣрѣ распространяемъ потому, что при разслѣдованіи источника этихъ слуховъ я убѣдился, что они были пущены въ Ригѣ въ октябрѣ

мѣсяцѣ. Я сообщилъ эти слухи генералу Закревскому, чтобы онъ провѣрилъ ихъ на мѣстѣ; по моему мнѣнію было бы пріятнѣе, еслибы оказалось, что эти слухи только поддерживались здѣсь, а не были бы вымышлены здѣсь произвольно.

Помимо этого здѣсь былъ распущенъ слухъ о новомъ рекрутскомъ наборѣ, который яко бы предполагалось произвести въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года. Въ этомъ случаѣ злой умыселъ былъ для меня еще яснѣе, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что послѣдній наборъ вызвалъ всеобщее недовольство и что подобная мѣра могла произвести лишь крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Я писалъ князю Голицыну, опровергая этотъ въ высшей степени нелѣпый слухъ, такъ какъ я слышалъ, что г-жа Апраксина, пріѣхавшая недавно изъ Москвы, передавала, что этотъ слухъ былъ пущенъ и тамъ.

Всѣ по-прежнему говорятъ, что ваше величество возвратитесь не ранѣе марта мѣсяца и что ваше пребываніе за границею можетъ даже продлиться неопредѣленное время, ибо предполагаютъ, что вы пожелаете, быть можетъ, сопровождать австрійскую армію, которая идетъ въ Неаполитанское королевство. Это послѣднее обстоятельство внушаетъ благомыслящимъ людямъ большія опасенія, и, вообще, мысль, что ваше величество можете еще долго быть въ отсутствіи, огорчаетъ всѣхъ самымъ серьезнымъ образомъ.

Вашему величеству, вѣроятно, уже извѣстно, что вступленіе новаго Семеновскаго полка на дѣйствительную службу не подало повода ни къ какимъ неумѣстнымъ толкамъ. Напротивъ того, полкъ находятъ прекраснымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ говорятъ единогласно, что онъ не можетъ сравниться со старымъ полкомъ по красотѣ людей.

Батальонъ стараго полка, посланный во Псковъ, повидимому, велъ себя тамъ дурно. Объ этомъ говорили въ городѣ, но губернаторъ не донесъ мнѣ о томъ; я сдѣлалъ ему выговоръ съ эстафетой и потребовалъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ обстоятельное донесеніе. Буду имѣть честь повергнуть отвѣтъ г. Адеркаса на усмотрѣніе вашего величества.

Ваше величество потребовали отъ военнаго губернатора объясненія относительно сборища рабочихъ, происшедшаго передъ моимъ домомъ 12-го декабря. Осмѣливаюсь въ подробности изложить это событіе въ прилагаемой запискѣ, написанной подъ мою диктовку. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу ваше величество отнестись снисходительно къ настоящему письму и къ моему не особенно разборчивому почерку. То и другое носитъ отпечатокъ болѣзненнаго состоянія человѣка, который всегда одушевленъ готовностью служить вашему величеству. Графъ Кочубей.

P. S. Вдовствующая императрица присылала мнѣ вчера вечеромъ Вилламова, чтобы переговорить о предстоящемъ пріѣздѣ наслѣднаго принца Мекленбургскаго и о затрудненіи, въ какомъ находится ея вели-

чество, не зная, сдѣланы ли распоряженія для встрѣчи его на границѣ, такъ какъ до сихъ поръ не назначенъ по обычаю флигель-адъютантъ, который долженъ состоять при принцѣ. Ея величество предполагала назначить къ нему шталмейстера Самарина, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній вашего величества.

5.

11-го февраля 1821 г.

Я сказалъ г. Вилламову, что всѣ распоряженія касательно пріѣзда принца сдѣланы на границѣ согласно приказаніямъ, даннымъ вашимъ величествомъ на сей предметъ маркизу Паулуччи; что этотъ военный губернаторъ послалъ ему на встрѣчу того же адъютанта, который сопровождалъ въ прошломъ году принца Карла прусскаго и на котораго была возложена обязанность сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія, касательно путешествія этого принца, и что съ другой стороны мною и почтовымъ вѣдомствомъ также сдѣланы распоряженія въ этомъ смыслѣ. Что касается выбора лица, которое должно состоять при принцѣ, то я сказалъ, что это будетъ зависѣть всецѣло отъ ея величества, что вы не могли, государь, подумать объ этомъ при вашихъ обширныхъ занятіяхъ, но полагаю, что если императрица, по бывшимъ примѣрамъ, пожелала бы обратиться къ дежурному генералу, поручивъ ему указать флигель-адъютанта, то это не будетъ непріятно вашему величеству. Не знаю, не было ли съ моей стороны слишкомъ большой смѣлостью сказать это. Въ такомъ случаѣ прошу ваше величество извинить меня.

Хотя, въ виду моей болѣзни, я могъ присутствовать только на первыхъ засѣданіяхъ Комитета министровъ, при обсужденіи бюджета на 1821 г., но все же я подробно ознакомился съ нимъ. Я велѣлъ доложить мнѣ всѣ бумаги, касающіяся этого предмета, и такимъ образомъ, ваше величество увидите мою подпись на бумагахъ, препровождаемыхъ вамъ сегодня. Указанныя въ нихъ мѣры необходимы въ виду крайней скудости нашихъ финансовъ. Ваше величество займетесь этимъ вопросомъ, когда Господу будетъ угодно привести васъ сюда.

Прошу ваше величество, принявъ во вниманіе мою слабость, извинить меня за опрометчивость, съ какою я пропустилъ въ предъидущемъ листѣ одну страницу, не заполнивъ ее. Я вполнѣ надѣюсь на снисходительность вашего величества. Будучи еще очень слабъ и не имѣя возможности заниматься ничѣмъ послѣдовательно, я былъ вынужденъ предложить Комитету министровъ возложить, впредь до моего выздоровленія, на одного изъ моихъ коллегъ дѣло о неурожаѣ въ Черниговской губерніи, самое неотложное въ настоящую минуту.

Изъ бумагъ, которыя ваше величество получите сегодня прямо изъ Комитета, вы увидите, какія мѣры имъ приняты, исполненіе которыхъ возложено на графа Гурьева. Стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ чрезвычайно затруднило выполненіе тѣхъ мѣръ, которыя могли облегчить участь жителей; первое изъ нихъ, что до 28-го января не было санной дороги, что сдѣлало пути сообщенія непроходимыми; второе—непонятный по истинѣ по своему легкомыслію и неосторожности приказъ, отданный курскимъ губернаторомъ, коимъ воспрещалось вывозить зерновый хлѣбъ изъ его губерніи въ Черниговскую и даже продавать его кому-либо иному кромѣ жителей Курской губерніи.

Комитету, само собою разумѣется, пришлось немедленно отмѣнить распоряженіе столь необдуманное и противорѣчащее всѣмъ прежде бывшимъ указамъ и даже всѣмъ вполнѣ яснымъ повелѣніямъ вашего величества. Комитетъ доноситъ объ этомъ вашему величеству; вчера вечеромъ былъ посланъ къ Кожухову фельдъегерь, съ предписаніемъ не препятствовать свободному обращенію зерноваго хлѣба между ввѣренной ему губерніей и сосѣдними губерніями. Не признаете ли вы умѣстнымъ выразить лично этому губернатору ваше неодобреніе. Графъ Нессельроде препроводилъ мнѣ послѣдніе акты Лайбахскаго конгресса для сообщенія оныхъ тѣмъ же лицамъ, кои были указаны мнѣ при сообщеніи актовъ Троппаускаго конгресса. Не имѣвъ возможности сдѣлать эти сообщенія лично, я возложилъ эту обязанность на сенатора Дивова. Впрочемъ, я послалъ конфиденціальное письмо московскому генералъ-губернатору, извѣщая его въ общихъ чертахъ о положеніи дѣлъ. Прилагаю при семъ для свѣдѣнія вашего величества копію съ моего письма.

Лихорадка, обуявшая столицу, о которой я писалъ вашему величеству въ моемъ послѣднемъ письмѣ, все еще, такъ сказать, усиливается. Люди препираются о дняхъ для баловъ и то и дѣлаютъ, что танцуютъ и веселятся. Занятые этимъ, они не имѣютъ времени подумать о чемъ-либо иномъ; всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ объ этихъ собраніяхъ и о спокойствіи умовъ, въ настоящее время вполнѣ удовлетворительны.

Назначеніе генерала Удома командующимъ Семеновскимъ полкомъ, видимо, произвело на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе. Говорятъ, что онъ зрѣлыхъ лѣтъ, что онъ внимательно заботился обо всемъ, касавшемся внутренняго управленія Московскаго полка, коимъ онъ командовалъ, и что есть надежда, что онъ не будетъ подчиняться постороннему вліянію.

Позвольте мнѣ, ваше величество, прислушиваясь къ мнѣніямъ, высказываемымъ въ обществѣ относительно вашего путешествія въ Италію, высказать въ краткихъ словахъ мои опасенія. Населеніе этихъ мѣстностей, въ особенности неаполитанцы не могутъ сравниться ни съ однимъ изъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ваше величество

такъ часто жили, не питая никакихъ опасеній или, лучше сказать, пренебрегая всѣми опасностями, полагаясь на Провидѣніе, которое всегда покровительствуетъ вашему величеству. Но Провидѣніе, какъ хорошо извѣстно вашему величеству, столь проникнутому божественными истинами, не противится принятію тѣхъ мѣръ, кои предписываются человѣческой осторожностью, оно даже повелѣваетъ принимать ихъ. Умоляю ваше величество не пренебрегать осторожностью, въ особенности въ томъ случаѣ, если бы вамъ пришлось переѣхать въ Неаполитанское королевство. Я высказываю эту мысль, основываясь на моихъ наблюденіяхъ надъ характеромъ и нравами его жителей.

Льщу себя надеждою, что ваше величество не примете мои слова за малодушіе, свойственное больному, и найдете вполнѣ естественнымъ, что я питаю опасенія, которыя, скажу смѣло, раздѣляются многими лицами, видящими спокойствіе и благоденствіе нашего отечества единственно въ сохраненіи особы вашего величества.

P. S. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Поповъ окончательно потерялъ зрѣніе; нѣтъ никакой надежды, чтобы оно снова вернулось. Графъ Кочубей.

Копія съ частнаго письма графа Кочубея къ московскому генералъ-губернатору отъ «   » февраля 1821 г.

Искренно сожалѣю, ваше сіятельство, о томъ, что болѣзнь, отъ которой я страдалъ послѣднія четыре недѣли, вынудила меня прервать мою частную переписку съ вами. Чрезвычайно ослабѣвъ и страдая до сихъ поръ, я рѣшаюсь прибѣгнуть къ посторонней помощи, чтобы дополнить тѣ свѣдѣнія, которыя я сообщилъ вамъ въ предъидущемъ письмѣ, относительно тѣхъ высшихъ соображеній, которыя заставили его императорское величество продлить свое пребываніе за границею и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ вами тѣми свѣдѣніями, какія получены здѣсь послѣднее время, о результатахъ трудовъ Лайбахскаго конгресса.

19-го (31-го) января, въ Неаполь отправленъ курьеръ, съ ультиматумомъ союзныхъ кабинетовъ, которые требуютъ, чтобы событія 2-го и 6-го іюля были признаны какъ бы несуществовавшими, такъ какъ они были вызваны революціоннымъ и анархическимъ движеніемъ; чтобы всѣ мѣры, принятыя послѣ этихъ событій такъ называемымъ конституціоннымъ правительствомъ, были отмѣнены, дабы король, коего власть будетъ вполнѣ и всецѣло возстановлена, могъ даровать вполнѣ самостоятельно и добровольно мудрыя и полезныя учрежденія, кои одни могутъ обезпечить благоденствіе и спокойствіе королевства обѣихъ Си-

цилій и служить прочимъ державамъ гарантіей того, что всеобщее спокойствіе и порядокъ будутъ обезпечены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Неаполь посланъ его величествомъ королемъ обѣихъ Сицилій герцогъ де-Галло (de Gallo) съ извѣстіемъ о рѣшеніи, принятомъ союзными монархами. Австрійскія войска получили въ то же время приказаніе идти впередъ либо для того, чтобы предложить отъ имени союзниковъ гарантію прочности того порядка вещей, который будетъ установленъ, либо для того чтобы сломить силою оппозицію, которую горсть демагоговъ и фанатиковъ-сектантовъ вздумала бы противупоставить благодѣтельнымъ мѣрамъ, которыя должны положить конецъ анархіи и террору, отъ коихъ страдаетъ эта великолѣпная страна.

Трудно допустить, чтобы вступленіе войскъ могло имѣть эту послѣднюю цѣль. Безпорядки въ Неаполѣ, повидимому, увеличиваются. Между военными и карбонарами произошелъ разладъ. Лучшіе генералы подали въ отставку; такъ называемая конституціонная партія утратила свое вліяніе, и партія, состоящая изъ отъявленныхъ карбонаровъ, въ родѣ тѣхъ якобинцевъ, какихъ мы видѣли въ Парижѣ, и, которая не можетъ быть многочисленна, наводитъ ужасъ на неаполитанскій парламентъ и на жителей столицы.

Всѣ эти факты позволяютъ надѣяться, что императору удастся достигнуть намѣченной имъ важной цѣли поддержать и упрочить миръ и спокойствіе Европы, избѣгнувъ кровопролитія и всѣхъ ужасовъ войны. Дѣло, несомнѣнно, приходитъ къ концу, но нѣтъ возможности опредѣлить въ точности, когда именно императоръ возвратится. Я думаю, что его величество самъ не можетъ пока сказать этого, ибо, какъ главный двигатель всего дѣла, онъ не можетъ оставить его до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ сообщено надлежащаго направленія. Мнѣ хотѣлось побесѣдовать объ этомъ съ вашимъ сіятельствомъ потому, что мнѣ извѣстно, что въ Москвѣ ожидаютъ возвращенія императора въ его владѣнія съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ у насъ.

Примите, ваше сіятельство, уваженіе въ моей совершенной преданности.

6.

21-го марта 1821 г.

Не могу выразить вашему императорскому величеству впечатлѣнія, произведеннаго здѣсь извѣстіями, кои доставлены изъ Лайбаха послѣднимъ курьеромъ. Не говоря о томъ, что революція, совершившаяся въ Пьемонтѣ, должна была, сама по себѣ, опечалить всѣхъ благомыслящихъ людей, которые думаютъ не только о настоящемъ, но и о будущемъ,—мысль что пребываніе вашего величества за границею можетъ затянуться на неопредѣленное время, чрезвычайно огорчаетъ всѣхъ тѣхъ, кои убѣждены,

что присутствіе вашего величества было бы полезно здѣсь, и льстили себя надеждою, что вы возвратитесь въ непродолжительномъ времени.

Не скрою, что я принадлежу къ числу лицъ, кои искренно этого желаютъ. Зная, что дѣла Лайбахскаго конгресса окончены, я предполагалъ весьма естественно (какъ и всѣ остальные), что возвращеніе вашего величества отнынѣ не можетъ ничѣмъ быть замедлено. Я рѣшилъ высказать вашему величеству вполнѣ откровенно тѣ крайнія неудобства, какія возникли въ это трудное время въ дѣлахъ управленія, и необходимость установить соотвѣтствующія обстоятельствамъ правила на тотъ случай, если бы мы были еще разъ поставлены въ затруднительное положеніе вашимъ отъѣздомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли идти главныя дѣла управленія безъ надлежащихъ инструкцій и полномочій. Въ особенности въ какомъ положеніи должна была находиться ваша столица, съ многочисленнымъ населеніемъ и сильнымъ гарнизономъ, когда существовалъ разладъ между военными и городскими властями; когда онѣ не могли придти къ соглашенію и дѣйствовать сообща. Между ними на каждомъ шагу происходили столкновенія, онѣ не ладили между собою и позволяли себѣ держать нескромныя рѣчи, которыя разносились въ тотъ же день по городу и давали пищу недоброжелателямъ.

Подобный порядокъ вещей, зловредный во всякое время, не можетъ быть терпимъ въ особенности при затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились и въ какихъ, при случаѣ, мы можемъ очутиться вновь. Что у насъ происходитъ броженіе умовъ, этого никто не можетъ отрицать. Хотя мы видимъ нерѣдко, что въ столицѣ водворяется полнѣйшее спокойствіе послѣ того, какъ она была взволнована какимъ-либо событіемъ, но съ другой стороны мы видимъ также, что умы склонны работать въ томъ же направленіи всякій разъ, какъ какое-либо новое событіе подаетъ къ тому поводъ. Не были ли мы послѣдніе дни свидѣтелями проявленія самой ожесточенной ненависти къ австрійцамъ и самыхъ горячихъ пожеланій успѣха неаполитанскимъ войскамъ? Развѣ мы не видимъ также, что критикуютъ дѣйствія правительства относительно вооруженія и т. д. и т. д.? Я знаю, что многіе говорятъ, будто все это одна болтовня, которая *не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій*. Я не утверждаю, что въ настоящее время подъ этимъ кроется что-либо кромѣ *пустой болтовни*, и по моему мнѣнію весьма вѣроятно, что все это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, но когда число *болтуновъ* возростаетъ до чудовищныхъ размѣровъ, когда помимо этого я знаю, что въ странѣ несомнѣнно существуетъ сильное недовольство, то я говорю, что не слѣдуетъ пренебрегать и *пустой болтовнею*; я говорю, что за нею легко слѣдить, но

что очень трудно обнаружить тайные замыслы, порождаемые недовольствомъ или являющіеся послѣдствіемъ происковъ партій.

Боже упаси, чтобы я хотѣлъ смутить ваше душевное спокойствіе какими-либо опасеніями! Богъ мнѣ свидѣтель, что я далекъ отъ этого, и что моя единственная цѣль — доказать вашему величеству, насколько это возможно въ простомъ письмѣ, что осторожность повелѣваетъ намъ начертать извѣстный планъ дѣйствій и принять сообразныя съ обстоятельствами мѣры. Ваше присутствіе въ Петербургѣ, государь, хотя бы только на три или даже на двѣ недѣли, дало бы вамъ возможность обнять всю совокупность этихъ обстоятельствъ, сдѣлать надлежащія распоряженія и сообщить правительственнымъ властямъ, на время вашего отсутствія, необходимую энергію. Не могли ли бы, ваше величество, отлучиться изъ вашего теперешняго мѣстопребыванія на то время, пока ваши войска не придутъ по назначенію? Не скрою отъ вашего величества, что таково всеобщее желаніе; скажу болѣе, почти всѣ ожидаютъ, что вы пріѣдете сюда на тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые пройдутъ съ момента отправленія и до прибытія войскъ.

У насъ всѣ были очень заняты греческими дѣлами, въ то время какъ всеобщее вниманіе было отвлечено извѣстіями, полученными изъ Пьемонта. Тѣмъ не менѣе, всѣ слои общества продолжаютъ интересоваться ими, хотя благомыслящіе люди видятъ въ этихъ событіяхъ не что иное, какъ безразсудную выходку, которая только можетъ имѣть прискорбныя послѣдствія для стольких несчастныхъ христіанъ. Я сообщалъ вашему величеству о волненіи, овладѣвшемъ одесскими греками. Получивъ извѣстіе о томъ, что таганрогскіе греки также хотятъ выселиться, стараются закупить оружіе и т. д., я написалъ тамошнему губернатору письмо. Ѳеодосійскому губернатору даны подобныя же инструкціи. Повергаю также на благоусмотрѣніе вашего величества копію съ письма князя Ипсиланти къ графу Ланжерону и съ моего къ нему письма, въ коемъ я предостерегалъ его противъ наущеній перваго, и наконецъ сдѣланный въ Москвѣ стихотворный переводъ воинственной пѣсни грековъ [1]).

Изъ этого вы увидите, что московскій генералъ-губернаторъ находится у насъ. Я говорилъ съ нимъ о способахъ надзора, который онъ могъ бы учредить въ Москвѣ. Сознавшись въ томъ, что таковаго не существуетъ, онъ признаетъ его необходимость, и мы рѣшили основательно обсудить этотъ вопросъ въ непродолжительномъ времени совмѣстно и представить на благоусмотрѣніе вашего величества нѣкоторыя мѣры, которыя могутъ быть приняты въ этомъ отношеніи.

Я разспрашивалъ князя Голицына о духѣ, царствующемъ въ перво-

---

[1]) Приложеній этихъ при письмѣ не оказалось

престольной. Онъ сказалъ мнѣ, что «въ Москвѣ гораздо меньше волнуются въ томъ смыслѣ, какъ здѣсь; что тамъ весьма мало интересуются вопросами, касающимися конституціи или тому подобныхъ идей; что это вполнѣ естественно, такъ какъ въ Москвѣ гораздо менѣе молодежи, нежели въ Петербургѣ, и въ особенности тамъ гораздо менѣе военныхъ и составъ ихъ иной. Хотя дѣйствительно тамъ есть извѣстное число лицъ, состоящихъ на замѣчаніи за ихъ образъ мыслей, который называется либеральнымъ, но всѣ они извѣстны; къ тому же эти люди весьма незначительные, и недовольство и жалобы вызываются въ Москвѣ скорѣе недостатками администраціи, злоупотребленіями и прочими изъ сего проистекающими послѣдствіями».

Ваше величество, конечно, помните, что, назначая меня управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вы соблаговолили сказать мнѣ, что вы не желали бы, чтобы я дѣлалъ представленія въ комитетъ или въ совѣтъ по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, не предупреждая васъ о томъ, и что вамъ было бы непріятно, если бы вамъ пришлось высказывать мнѣніе несогласное съ моимъ и т. д. Я въ точности сообразовался съ этимъ правиломъ и никогда не хотѣлъ начинать какого-либо дѣла, не предупредивъ о томъ ваше величество. Поэтому я ожидалъ вашего возвращенія, чтобы получить ваши указанія относительно весьма важнаго дѣла о доходахъ, расходахъ и долгахъ города Петербурга, надъ которымъ работалъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ генерала Канкрина; нынѣ же я вынужденъ внести это дѣло въ Государственный Совѣтъ въ виду того, что доходы и расходы должны быть опредѣлены на текущій годъ. Я счелъ долгомъ довести объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія вашего величества. Нѣсколько дней тому назадъ сюда пріѣхалъ г. Сперанскій. Я нашелъ его сильно постарѣвшимъ и осунувшимся.

Кончина митрополита Михаила произвела большое впечатлѣніе. Всѣ принимали живѣйшее участіе въ его болѣзни. О немъ всѣ сожалѣютъ. Прошу ваше величество извинить меня за длинное письмо. Моя нескромность была бы очень велика, если бы моя всегдашняя и неизмѣнная преданность не говорила въ мое оправданіе. Графъ Кочубей.

7.

С.-Петербургъ, 8-го апрѣля 1821 г.

Почитаю для себя пріятнымъ долгомъ принести вашему величеству самое искреннее поздравленіе по случаю благополучнаго окончанія неаполитанскихъ дѣлъ и существующаго вѣроятія или, лучше сказать, увѣренности въ томъ, что дѣла Пьемонта окончатся такъ же благополучно. Я вдвойнѣ радуюсь этому благополучному результату благодѣ-

тельнаго вліянія вашего величества на переговоры и на вызванныя ими мѣропріятія; дай Богъ, чтобы добро было всегда удѣломъ вашего величества; это будетъ всегда самымъ искреннимъ моимъ желаніемъ.

Извѣстія, привезенныя курьеромъ изъ Лайбаха 19-го марта, вызвали здѣсь всеобщее удовольствіе и произвели на всѣхъ весьма благотворное впечатлѣніе. Всѣ благомыслящіе и доброжелательные люди въ восторгѣ отъ такого исхода, который примиряетъ великіе интересы Европы съ нашими собственными, такъ какъ мы можемъ отнынѣ поддержать наше преобладающее вліяніе, не объявляя войны и слѣдовательно не тревожа себя. Тѣ же, кои по легкомыслію или инымъ причинамъ, столь частымъ въ наше время, принимали участіе въ неаполитанцахъ, предоставляютъ ихъ мщенію австрійцевъ. Они находятъ ихъ недостойными свободы, называютъ ихъ трусами и желали бы даже, чтобы австрійцы раздавили ихъ, угнетая ихъ десятками лѣтъ.

Таковы, государь, въ короткихъ словахъ, оттѣнки общественнаго мнѣнія по поводу событій въ Италіи.

Исходя изъ совершенно различныхъ принциповъ, общественное мнѣніе сходится въ конечныхъ выводахъ, и всѣ единогласно желаютъ, чтобы войскамъ не пришлось идти за границу. Трудно перечислить всѣ странные слухи, ходившіе по поводу предполагавшагося выступленія войскъ: то говорили, будто Пруссіи угрожаетъ революція, то будто Австрія опасается, чтобы въ Венгріи не вспыхнуло возстаніе и чтобы въ немъ не приняли участія поляки; то говорили о новомъ переворотѣ, угрожавшемъ Франціи. Въ настоящее время всѣ заняты болѣе существеннымъ вопросомъ о выступленіи гвардіи. Ваше величество легко можете себѣ представить, что сестры, матери, тетки и кузины кричатъ изо всѣхъ силъ о трудности похода въ настоящее время года, о расходахъ и проч.Обсуждая цѣль похода гвардейскихъ войскъ, говорятъ, будто ваше величество хотите перемѣстить гвардію потому, что вы ею недовольны, что ваше величество желаете, чтобы этотъ отборный корпусъ войскъ не потерялъ привычки къ большимъ передвиженіямъ, необходимымъ всякому хорошему войску; что вы намѣрены произвести гвардіи смотръ въ Витебскѣ и проч. Эти толки безконечны и составляютъ въ настоящее время главный предметъ разговоровъ.

Нѣсколько времени передъ тѣмъ очень много интересовались г-жею Криднеръ. Говорили о лицахъ, которыя посѣщали ее, или о томъ обществѣ, которое собиралось у нея, и о предсказаніи, что 1821 годъ будетъ ознаменованъ войнами и пролитіемъ человѣческой крови въ большемъ количествѣ, чѣмъ когда-либо. Такъ какъ по поводу этого предсказанія много болтали, то я говорилъ о немъ съ княземъ Голицынымъ. Онъ сказалъ мнѣ, и это правда, что у г-жи Криднеръ не бываетъ никакихъ собраній, что она принимаетъ по отдѣльности всѣхъ

тѣхъ, кто желаетъ ее видѣть, что никто не можетъ знать, что она говоритъ въ этихъ частныхъ бесѣдахъ и что она говоритъ всегда то, что приходитъ ей въ голову или, лучше сказать, говоритъ по вдохновенію. Говорятъ, что она уѣдетъ изъ Петербурга, лишь только позволитъ время года. Тогда толки прекратятся сами собою.

Вниманіе нашей публики также было занято сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Его прочили на разныя должности: министра юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Онъ повидимому весьма огорченъ тѣмъ, что онъ пріѣхалъ сюда въ отсутствіе вашего императорскаго величества.

Я не говорю вашему величеству о неурожаѣ, обнаружившемся въ двухъ смежныхъ съ Черниговской губерніей уѣздахъ Смоленской губерніи. Вы узнаете объ этомъ изъ бумагъ Комитета министровъ, равно изъ моего отдѣльнаго мнѣнія по этому поводу; скажу только, что я слышалъ, что когда въ Москвѣ была открыта подписка, о которой ваше величество узнаете также изъ донесенія Комитета, то нѣкоторыя лица, вѣроятно съ цѣлью очернить правительство, пожелали пожертвовать большія суммы и подчеркнуть этимъ его мнимое безучастіе. Князь Дмитрій Голицынъ держалъ себя въ этомъ случаѣ очень умно. Онъ запретилъ публиковать въ Москвѣ объ этой подпискѣ, полагая, что правительство должно само удовлетворить столь настоятельныя нужды, но не препятствовалъ частной благотворительности придти на помощь пострадавшимъ.

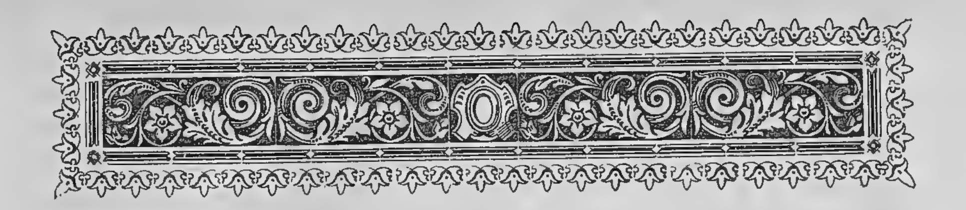
Въ Рославль, одинъ изъ наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ, послано болѣе 30.000 руб. Впрочемъ, какъ доказываетъ примѣръ всѣхъ прочихъ странъ, невозможно, чтобы правительство не выдавало субсидій въ случаѣ особыхъ бѣдствій. Пожаръ, большое наводненіе, голодъ всегда требуютъ чрезвычайныхъ расходовъ казначейства.

Прошу ваше величество позволенія представить на ваше благоусмотрѣніе три замѣтки по поводу замѣщенія губернаторскихъ вакансій. Вамъ извѣстно, какъ труденъ выборъ лицъ способныхъ занять эти мѣста. Я ожидалъ возвращенія вашего величества, чтобы переговорить объ этомъ, но губерніи не могутъ оставаться долго безъ начальника, и мнѣ кажется, что лица, предлагаемыя мною, на эти должности, имѣютъ всѣ необходимыя качества. Если бы я могъ найти другихъ кандидатовъ, то я предложилъ бы вашему величеству назначить ихъ на вакантныя мѣста въ четырехъ другихъ губерніяхъ. Графъ С. [1]), желающій оставить Херсонъ, не высказалъ еще своихъ дальнѣйшихъ намѣреній. По смерти отца онъ наслѣдуетъ во Франціи званіе пэра.

Соблаговолите, ваше величество, принять увѣреніе въ моемъ почтеніи и преданности. Графъ Кочубей.

---

[1]) Въ оригиналѣ полная фамилія не обозначена.

Наслѣдіе Петра Великаго[1]

I.

Указавъ, что съ воцареніемъ императрицы Екатерины I въ русской исторіи наступилъ семидесятилѣтній періодъ, въ теченіе котораго престолъ почти безпрерывно занимали императрицы, Валишевскій коснулся значенія женщины въ славянскомъ мірѣ вообще. Отмѣченное «явленіе,—пишетъ онъ,—болѣе чѣмъ естесвенно для славянскихъ народовъ. Въ Россіи, какъ въ Богеміи и даже

---

¹) Подъ такимъ заглавіемъ Валишевскій выпустилъ трудъ, обнимающій собою періодъ русской исторіи съ 1725-го 1741 годъ. К. (Waliszewsky. L'hérrtage de Pierre le Grand. Règne des femmes. Gouvernemeut des favoris). Періодъ этотъ онъ называетъ „царствомъ женщинъ, правленіемъ фаворитовъ". Свою основную точку на это время авторъ объясняетъ въ предисловіи „Громада—великій человѣкъ", приводитъ онъ русскую поговорку и затѣмъ пишетъ: „самъ Петръ I былъ лишь выраженіемъ взаимодѣйствующей массы накопившихся силъ, развитіе которыхъ, послѣ его смерти, не сохранило того же головокружительнаго аллюра, но характеръ и скрытая мощь которыхъ сказалась именно тогда. Поглощая эти элементы своей могучей личностью, онъ сдавливалъ и маскировалъ ихъ. Но (послѣ него) они прорываются наружу, и съ какой рельефностью! Съ точки зрѣнія политическихъ и соціальныхъ теченій, эпоха, которую мы готовимся затронуть, соотвѣтствуетъ одному изъ тѣхъ періодовъ задержки, пожалуй даже движенія назадъ, которые въ развитіи русскаго народа какъ-бы представляютъ собою явленіе постояннаго порядка. Можно было бы даже сказать, что это—возвратъ къ хаосу. Но, тѣмъ не менѣе, жизнь бьется тамъ подъ оболочкой, производящей впечатлѣніе чего-то неяснаго, страннаго, подчасъ чудовищнаго". Исторія Россіи восемнадцатаго вѣка—это какъ-бы „пейзажъ изъ космогоническаго періода. Вы присутствуете при нарожденіи міра. Все тамъ представляется въ видѣ выступовъ, извержeній, рѣзкихъ контрастовъ. Содержаніе чуть-ли не каждой главы этой книги послужило темою для романовъ и драмъ. И было бы ошибкой вводить въ нихъ еще долю вымысла, столь излишняго въ

*

въ Польшѣ, женщина часто отличалась въ старину свойствами амазонки. Косьма Прагскій разсказываетъ объ основаніи на скалѣ близъ столицы женскаго города Дѣвина. Легендарная Власта мечтала передать власть во всей Богеміи въ руки женщинъ и думала достигнуть этого примѣненіемъ мѣръ крайне жестокихъ. Дѣло шло о томъ, чтобы всѣхъ дѣтей мужскаго пола лишить праваго глаза и двухъ пальцевъ на каждой рукѣ, указательнаго и большаго. Но производство этихъ операцій встрѣтило сопротивленіе, и Власта пала въ борьбѣ. Въ русской былинѣ одинъ изъ героевъ Кіевскаго цикла, Добрыня, становится плѣнникомъ женщины, которая, схвативъ его за рыжіе волосы, приподнимаетъ отъ земли. За эти, частныя, пораженія побѣжденнымъ удается иногда отомстить—любовью. Но только бѣда тогда въ случаѣ измѣны! Даже Илья Муромецъ, самый непобѣдимый изъ богатырей, находитъ себѣ достойнаго противника въ дочери Соловья-разбойника.

Это превосходство не зависитъ исключительно отъ силы или физической ловкости. Старинный славянскій міръ охотно видѣлъ въ женщинѣ волшебницу, состоящую въ сношеніяхъ съ сверхъестественнымъ міромъ и обладающую могущественными чарами. Сама любовь, которую она внушала, представлялась дѣломъ колдовства. Въ самомъ дѣлѣ, первые великіе государи, законодатели, судьи, организаторы славянскихъ земель были женщины: Любуша въ Богеміи, Ольга въ

данномъ случаѣ! Простая дѣйствительность можетъ потягаться тутъ съ воображеніемъ всѣхъ Дюма!"

Книга Валишевскаго, написанная съ присущими ему блескомъ языка и картинностью, представляетъ несомнѣнный интересъ яркими характеристиками историческихъ лицъ и положеній, своеобразностью, подчасъ, смѣлостью выводовъ, новизною нѣкоторыхъ данныхъ, почерпнутыхъ въ архивахъ.

Полякъ по происхожденію, онъ видимо стремится къ возможному безпристрастію при обсужденіи вопросовъ, затрогивающихъ взаимныя отношенія Россіи и Польши. Мѣстами онъ не останавливается даже передъ несомнѣнно тяжелою ему необходимостью высказывать мнѣнія, непріятныя для польскаго самолюбія.

Но при всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ труда автора, при чтеніи его книги невольно рождается вопросъ, насколько она можетъ способствовать распространенію за границей вѣрнаго представленія о Россіи. Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ представляется болѣе чѣмъ спорнымъ. Авторъ усиленно подчеркиваетъ мощь и торжество русскаго генія, наперекоръ самымъ неблагопріятнымъ условіямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рисуемыя имъ темныя стороны русской жизни того времени слишкомъ пересиливаютъ впечатлѣніе, производимое положительными сторонами.

Въ виду безспорнаго значенія труда Валишевскаго, пополняющаго крайне ограниченное число изслѣдованій, которыя обнимали бы собою столь продолжительный періодъ русской исторіи XVIII вѣка, мы позволяемъ себѣ ознакомить читателя съ „Наслѣдіемъ Петра Великаго".

Россіи, великій человѣкъ своего вѣка,—Екатерина Великая [1]).—Національныя традиція теряются лишь подъ вліяніемъ Византіи и татарскаго нашествія. Наконецъ, патріархальная организація нанесла имъ рѣшительный ударъ, создавъ новый порядокъ вещей, смыслъ котораго краснорѣчиво сказался въ народной поговоркѣ.

— Кто долженъ носить воду?

— Жена.

— А кто долженъ быть битъ?

— Жена.

— А почему она должна быть бита?

— Потому что она женщина.

Среди алтайскихъ племенъ презрѣніе къ женщинѣ составляло основу общественнаго строя, а въ странѣ Ольги патріархальный принципъ, несмотря на все предшествовавшее, нашелъ столь благопріятную почву для своего развитія, что въ этомъ отношеніи русское общество XVI и XVII столѣтій представляется родственнымъ Японіи, Китаю или патриціанскому Риму.

Однако, традиціи сохранили глубокіе корни. Въ Новгородѣ, несмотря на вліяніе Византіи, женщины еще появлялись на народныхъ собраніяхъ. Марія Борецкая въ этой республикѣ, Евдокія и Софія—въ Москвѣ, Евдокія и Анастасія—въ Твери, Анна—въ Рязани, Елена—въ Суздалѣ принимали участіе въ общественной жизни, давали аудіенціи посланникамъ, появлялись на пирахъ. Кой-какіе слѣды этого остались даже среди невзгодъ новѣйшаго времени. Избѣгая непріятностей семейнаго очага, женщины XVII столѣтія организовали вооруженныя банды. Женщины-воины былинъ встрѣчаются въ очень близкія времена и пріобрѣтаютъ историческую достовѣрность. Во главѣ одной изъ шаекъ, слѣдовавшихъ за звѣздой Стеньки Разина (1671), Георгій Долгорукій находитъ женщину, которую онъ, не проявляя большой галантности, приказываетъ сжечь.

Съ другой стороны, даже въ теремѣ, до реформы Петра Великаго, русская женщина не носитъ вполнѣ восточнаго характера. Правда, ее содержатъ тамъ взаперти, и ея красоту цѣнятъ на вѣсъ, но любятъ ли ее?—физически, не болѣе. И эта особенность проскальзываетъ даже въ поэтической легендѣ, въ которой грубая чувственность все еще занимаетъ мѣсто отсутствующаго чувства. Тургеневъ высказалъ, что такъ называемая русской эпическая литература одна лишь изъ литературъ Европы и Азіи не дала типичной четы двухъ взаимно любящихъ другъ друга существъ («Дымъ»). Прочтите легенду о князѣ Петрѣ и его женѣ

---

[1]) По-французски непереводимая игра словъ, подчеркиваемая Валишевскимъ.—„Catherine le Grand“.

Февроніи. Изгнанные изъ Москвы, они въ лодкѣ спускаются внизъ по рѣкѣ. Одинъ изъ спутниковъ князя осмѣливается волочиться за княгиней. Она проситъ его почерпнуть воды направо, потомъ налѣво и выпить той и другой. Затѣмъ она спрашиваетъ его, развѣ вода съ одной стороны пріятнѣе, чѣмъ съ другой? Получивъ въ отвѣтъ, что она одинакова, княгиня замѣтила, что и женщина одна и та же, гдѣ бы ее ни взять. Но, терзаемая и уничтоженная, женщина долго сохраняетъ владычество въ области домашняго очага. Законъ и обычай сошлись въ томъ, чтобы въ извѣстномъ отношеніи предоставить ей здѣсь совершенно привилегированное положеніе. Она завѣдываетъ всѣмъ домомъ. Совершенно наравнѣ съ мужчиной и съ безусловной независимостью она можетъ владѣть землею, крѣпостными и по-своему располагать ими. Въ силу этихъ обстоятельствъ типъ «барыни-хозяйки» обрисовывается съ особою рельефностью. Этотъ же типъ утверждается въ теченіе отмѣченнаго выше семидесятилѣтняго періода, оканчивающагося лишь на порогѣ XIX столѣтія.

Анна и Елисавета, послѣ Екатерины I, отличались на престолѣ тою же патріархальной простотою, которую проявляла при управленіи своею вотчиною любая дворянка въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Герцогиня Мекленбургская [1]), присутствующая на представленіи трагедіи въ обществѣ иностраннаго дипломата (Бергхольца) и съ улыбкою объявляющая ему среди реплики, что актеръ, играющій короля— ея крѣпостной и передъ выходомъ на сцену получилъ двѣсти ударовъ, — является, по мнѣнію Валишевскаго, яркой иллюстраціей для характеристики того времени.

«Съ сестрою Петра Великаго, Натальей Алексѣевной, появляется новый типъ женщины-артистки, писательницы, служащій предвозвѣстникомъ въ будущемъ типа ученой женщины. И въ томъ быстромъ развитіи этого типа, которое мы наблюдаемъ въ наше время, нельзя, конечно, не признать извѣстной доли историческаго атавизма. Но, въ общемъ, исторія, какъ и обычай, были скорѣе неблагопріятны для развитія въ этой сферѣ чисто интеллектуальныхъ дарованій. На пятьсотъ знаменитостей, начиная съ легендарнаго Баяна, словарь Бантышъ-Каменскаго насчитываетъ только двѣнадцать женщинъ, и то крайне сомнительнаго свойства.

II.

По словамъ французскаго посланника Кампредона, Екатерина Алексѣевна не умѣла ни читать, ни писать, но черезъ три мѣсяца практики прилично подписывала государственныя бумаги.

---

[1]) Екатерина Іоанновна.

Между прочимъ, Валишевскій дѣлаетъ интересныя сопоставленія выдержекъ изъ книги расходовъ Екатерины за 1722—1725 г.г. «Цѣлый нравственный обликъ выступаетъ оттуда»,—замѣчаетъ онъ.—«Я съ удовольствіемъ вижу тамъ даже денежныя поощренія, оказанныя наукѣ: — пять дукатовъ одному солдату Преображенскаго полка, отправляющемуся въ Амстердамъ учиться, и двадцать дукатовъ автору какой-то французской грамматики. Но это и все. Главнымъ же образомъ щедроты касались дрессировщиковъ собакъ, огородниковъ, производившихъ рѣдкіе салаты, и жонглеровъ. Одинъ изъ послѣднихъ, ходящій на головѣ, получаетъ тридцать дукатовъ, тогда какъ царевна Наталія Алексѣевна получаетъ въ новомъ кошелькѣ—по случаю дня своего тезоименитства—только восемь. Въ мартѣ 1724 года княгиня Голицына удостоилась почти того же, что жонглеръ: двадцать три дуката за то, чтобы она оплакала смерть своей сестры. То здѣсь, то тамъ встрѣчаются проявленія человѣчности и состраданія. Русская женщина XVIII столѣтія благотворитъ и помогаетъ несчастнымъ. Въ этомъ отношеніи характерна набросанная Екатериною II сцена домашней жизни, визитъ племянника къ тетушкѣ, отъ которой онъ ожидаетъ наслѣдства. Чтобы добраться до нея, онъ долженъ перепрыгивать черезъ цѣлую толпу нищихъ, слѣпыхъ, калѣкъ. Переднія Екатерины I представляли подобное же зрѣлище. Туда ежедневно являлись солдаты, матросы, рабочіе, кто для того, чтобы хлопотать о помощи, кто для того, чтобы просить царицу соблаговолить быть крестной матерью его ребенка. Она никогда не отказывала, давала по нѣсколько дукатовъ каждому изъ своихъ крестниковъ. Она надѣляла приданымъ сиротъ, давала пенсіи ветеранамъ шведской войны, подавала священникамъ, монахамъ, приходившимъ славить Рождество Христово. Вотъ два дуката для крестьянина, жаловшагося, что онъ не въ состояніи заплатить подушную; а вотъ десять дукатовъ для другаго, который въ восемьдесятъ четыре года оказался способнымъ вскарабкаться на дерево. Одинъ большой расходъ въ сто тридцать два дуката, уплаченныхъ въ 1724 году (Екатерина располагала въ то время еще очень скромными средствами) за партію данцигской водки. Это указаніе получаетъ краснорѣчивое освѣщеніе на слѣдующихъ страницахъ: 25-го сентября 1725 года, уже послѣ смерти Петра, десять дукатовъ княгинѣ Анастасіи Голицыной (матери-игуменьѣ оргій предшествовавшаго царствованія) за то, что за столомъ ея величества она опорожнила два стакана англійскаго пива; 12-го октября двадцать дукатовъ ей же за то, что она выпила два стакана краснаго вина. Недѣлю спустя, такъ какъ, безъ сомнѣнія, княгиня Голицына уже выдѣлилась обильными возліяніями, ей подаютъ за ужиномъ дополнительный стаканъ съ пятнадцатью дукатами, положенными на днѣ. Она опоражниваетъ стаканъ

и беретъ деньги. Снова кладутъ пять дукатовъ въ другой стаканъ, но на этотъ разъ она отказывается отъ сдѣлки».

По вечерамъ при дворѣ бывали собранія въ самомъ интимномъ кружкѣ. По поводу этихъ собраній Кампредонъ писалъ: «Меншиковъ употребляется теперь только для дѣлъ. Ягужинскій причастенъ ко всему, когда приходитъ его очередь... Баронъ Левенвольде принадлежитъ, повидимому, къ числу лицъ, пользующихся наибольшимъ довѣріемъ... Девьеръ тоже изъ числа выдающихся фаворитовъ... Графъ Сапѣга также занимаетъ свой постъ... Это красивый юноша, хорошо сложенный, въ расцвѣтѣ силъ молодости. Ему часто посылаютъ букеты и драгоцѣнности... Имѣются еще и фавориты втораго класса»...

Екатерина Алексѣевна любила развлекаться, и на Кампредона и на его товарищей ея царствованіе производило впечатлѣніе безпрерывнаго праздника. «Эта государыня,—писалъ Кампредонъ 14-го октября 1725 года, — продолжаетъ предаваться удовольствіямъ нѣсколько чрезмѣрно, такъ что это можетъ отразиться на ея здоровьѣ». «Царица, сообщалъ онъ 22-го декабря 1725 года, — чувствовала себя довольно скверно послѣ дня св. Андрея. Кровопусканіе помогло ей, но такъ какъ она крайне дородна и ведетъ очень неправильную жизнь, то предполагаютъ, что съ ней случится что-либо, что сократитъ ея жизнь».

Кампредонъ мечталъ въ то время о заключеніи франко-русскаго союза и въ своихъ донесеніяхъ говорилъ самымъ лестнымъ образомъ о «талантахъ» и «умѣ» государыни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воздавалъ должное храбрости и хладнокровію Екатерины, которой Петръ Великій приписывалъ свое спасеніе во время Прутскаго похода.

«Петръ нашелъ въ Маріенбургской плѣнницѣ подругу, отвѣчавшую его вкусамъ и привычкамъ, но никогда она не была возлѣ него чѣмъ-либо другимъ, какъ растеніемъ, вьющимся по могучему стволу. Дубъ упалъ, упало и оно. Воображая, что Россія послѣдовала бы за нею въ этомъ паденіи, современные наблюдатели заблуждались относительно того, что составляло сущность и величіе предшествующаго царствованія. Запальчивая энергія и героическая мощность реформатора дѣйствовали тогда на организмъ, мощный уже самъ по себѣ и способный существовать и даже развиваться, черпая элементы силы и развитія въ самомъ себѣ. Конечно, побудительная причина, которая заставила страну однимъ прыжкомъ перескочить черезъ стадіи прогресса, требующія въ другихъ мѣстахъ цѣлыхъ столѣтій, эта побудительная причина представлялась теперь отсутствующею. Масса народа, ничего не понявъ въ реформахъ, не имѣла ни желанія, ни возможности сохранить на этомъ пути, конечный пунктъ котораго ускользалъ отъ нея, того темпа, который начиналъ утомлять самого Петра. А для того, чтобы продолжать личное дѣло реформатора, его естественнымъ наслѣдникамъ, съ Мен-

шиковымъ во главѣ, не хватало одновременно ни руководящихъ идей, ни даже техническихъ познаній. Онъ засадилъ ихъ за работу, какъ самъ принялся за нее, безъ приготовленій, не установивъ соотношенія между объемомъ предстоящаго дѣла и способностями, не потрудившись посвятить своихъ сотрудниковъ въ общій планъ зданія, которое онъ предполагалъ воздвигнуть. Большинство не знало ни дѣйствительнаго смысла, ни конечнаго назначенія всѣхъ мелкихъ подробностей, выполненіе которыхъ поручалось имъ. Къ тому же, большинство было авантюристами, видѣвшими въ этомъ дѣлѣ заработокъ хлѣба или средство для возвышенія. Предоставленные самимъ себѣ, они отдались тому, что болѣе всего интересовало ихъ, и въ особенности занялись придворною политикою».

Такимъ образомъ, царствованіе Екатерины обозначало собою перерывъ въ начатой эволюціи. «Но, быть можетъ, это не было худо. Дѣйствительно, своими колоссальными размѣрами и своимъ блескомъ геній Петра какъ бы маскировалъ неспособность страны поддерживать, въ то время, во всемъ объемѣ, цивилизацію, которою подавляли ее. Равнымъ образомъ, при устройствѣ новаго порядка вещей, ускользнули отъ вниманія нѣкоторые недостатки слишкомъ поспѣшно задуманныхъ мѣропріятій, и эти недостатки обнаруживались уже послѣ. Въ этой странѣ заключались,—и ближайшее будущее должно было доказать это,—громадныя средства, но еще не пригодныя для того, чтобы быть утилизированными по научнымъ формуламъ западныхъ экономическихъ теорій; человѣческихъ жизней, какъ матеріала, храбрости и преданности, оказывалось въ избыткѣ, но было мало хорошо набитыхъ кошельковъ, было болѣе людей, готовыхъ пожертвовать своею жизнью для государя, чѣмъ плательщиковъ податей, имѣющихъ возможность внести хоть нѣсколько рублей въ его казну. Твердая вѣра преобразователя въ быстрое развитіе промышленности и торговли подвергалась жестокимъ ударамъ. Вмѣсто того, чтобы возростать, доходы проявляли наклонность къ тревожному паденію. Въ 1725 году доходовъ едва насчитывали до десяти милліоновъ—нищенство для великой европейской державы, которую нужно было поддерживать на извѣстной высотѣ, а въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ суждено было доходамъ спуститься до восьми милліоновъ. Это явленіе объясняется легко, если принять во вниманіе современное распредѣленіе соціальныхъ и экономическихъ силъ. Промышленный и коммерческій элементъ составлялъ въ 1722 году, во время первой ревизіи, лишь 2,9%, т. е. 172.000 на 6.000.000 человѣкъ населенія Великороссіи. Слѣдующій пятилѣтній періодъ ознаменовался лишь незначительнымъ улучшеніемъ, такъ какъ соотвѣтственно цифры возросли до 195.000 и 6.400.000. Въ отношеніи ко всей Имперіи эта статистика, скомбинированная съ данными, собранными современнымъ дипломатомъ, Ваке-

родтомъ, даетъ еще менѣе лестные результаты. Такъ какъ дворянство, чиновничество и духовенсто составляли 3,8%, 1,5% и 2,3% отъ общаго числа жителей въ 15.135.000 человѣкъ, то на податную часть буржуазіи приходится лишь 2,6%. А остальное? Остальное, т. е. около 90%—крестьяне. Этотъ же послѣдній классъ, единственный, дѣйствительно, производительный, какъ разъ и являлся отягощеннымъ новымъ порядкомъ существованія, навязаннымъ странѣ, и оказывался не въ состояніи переносить это бремя. Уже въ 1724 году по части подушной подати былъ недоборъ милліона рублей, т. е. 25%. Административная система, введенная Петромъ I, сама по себѣ должна была сдѣлать болѣе тягостнымъ неравномѣрное бремя, тяготѣвшее надъ этими единственными плательщиками. Въ основѣ этой системы лежали два начала, различныя по происхожденію и достоинству: коллегіальное устройство и призывъ къ содѣйствію мѣстныхъ силъ, явившіеся первое изъ-за границы, второй—результатомъ народныхъ традицій. Первое оказалось на практикѣ безусловно негоднымъ, и, упразднивъ его, наслѣдники великаго человѣка лишь повиновались инстинкту самосохраненія; что касается втораго, то онъ могъ и долженъ былъ дать прекрасные результаты въ будущемъ, но, въ отсутствіе Петра, примѣненіе его, которое пытались дѣлать, представлялось преждевременнымъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, реформа безъ реформатора походила на машину, которую лишили бы двигателя.

При своей геніальности, Петръ обладалъ вѣрою, двигающею горы. Чудеса подобнаго рода никогда не бываютъ продолжительны.

У его преемниковъ было довольно правильное сознаніе положенія, наслѣдованнаго ими; принимались мѣры для выясненія внутренняго положенія Россіи, указывались различные недостатки, но, конечно, найти средства для улучшенія было трудно, а искать ихъ не было времени: придворныя интриги, борьба партій поглощали умы. «Боролись за или противъ Меншикова, а въ промежуткѣ, для того, чтобы выйти изъ затрудненій, не придумали ничего другаго, какъ мало похвальный возвратъ къ практикѣ XVII вѣка, когда воеводы являлись въ своихъ провинціяхъ одновременно и администраторами, и судьями, и сборщиками податей. Такъ какъ положеніе не улучшалось, доходы продолжали падать, то покорились необходимости сократить расходы. Не только отказались отъ мысли закончить зданіе по вѣроятному плану геніальнаго архитектора, представлявшаго его себѣ въ мечтахъ, столь величественнымъ, но склонились къ тому, чтобы пожертвовать нѣкоторыми частями, уже возведенными, или для сооруженія которыхъ все было подготовлено. Даже въ области народнаго просвѣщенія, этого краеугольнаго камня цивилизаторскаго зданія, было предрѣшено соблюденіе самой строгой экономіи, и въ октябрѣ 1726 года появился указъ,

предписывавшій сліяніе свѣтскихъ школъ съ духовными семинаріями. Такимъ образомъ, однимъ почеркомъ пера уничтожалось одно изъ существеннѣйшихъ твореній реформы.

«Остался нетронутымъ одинъ лишь фасадъ съ его декоративнымъ видомъ, построенный Петромъ Великимъ нѣсколько на подобіе миража. Въ этомъ отношеніи Екатерина I даже какъ бы оправдывала горделивыя слова, которыми возвѣстила свое царствованіе, сказавъ, что съ Божьей помощью она надѣется окончить все, начатое ея супругомъ. Она покончила съ вопросомъ объ учрежденіи Академіи наукъ, что великимъ человѣкомъ было оставлено въ видѣ проекта, и въ странѣ, въ которой девять десятыхъ обитателей не умѣло читать, озаботилась снаряженіемъ ученой экспедиціи Беринга, предрѣшенной въ предшествовавшее царствованіе. Берингъ былъ датчанинъ, какъ Блюментростъ, президентъ Академіи—нѣмецъ, и извлекая славу изъ ихъ работъ и ихъ подвиговъ, Россія отвлекала тѣ средства, которыхъ не хватало для болѣе неотложныхъ потребностей. Но, повидимому, эксцентричность во всевозможныхъ проявленіяхъ и въ различныхъ направленіяхъ входитъ въ составъ законовъ, управляющихъ развитіемъ этой страны».

Однако, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ Россія оказывалась способной поддерживать внѣ своихъ предѣловъ политическое наслѣдіе Петра во всей его неприкосновенности. «Товарищи героя по оружію,—пишетъ Валишевскій,—Долгорукій, Матюшкинъ, Левашевъ, отстояли его завоеванія въ Персіи. Голицынъ оберегалъ новыя границы Имперіи со стороны Украйны, Менгденъ—со стороны Австріи, Бухгольцъ со стороны Сибири. Алексѣй Головкинъ въ Берлинѣ, его братъ Иванъ въ Гаагѣ, Куракинъ въ Парижѣ, Ланчинскій въ Вѣнѣ, Головинъ въ Стокгольмѣ, Неплюевъ и Румянцовъ въ Константинополѣ сохранили за только-что народившейся дипломатіей весь престижъ, который она могла пріобрѣсти. Даже въ Китаѣ графъ Савва Владиславовичъ-Рагузинскій успѣшно воздѣйствовалъ на мандариновъ, благодаря іезуитамъ, къ содѣйствію которыхъ онъ не поколебался прибѣгнуть съ той широтою воззрѣній, примѣръ которой подалъ Петръ. Съ другой стороны, съумѣвъ принять на жалованье Россіи несчастнаго царя Грузіи Вахтанга, эта дипломатія обнаружила широту и разнообразіе средствъ, которыми она располагала для разрѣшенія великой восточной задачи. А между тѣмъ и ей Петръ завѣщалъ положеніе, полное трудностей и опасностей».

Интересенъ, основанный на подлинныхъ документахъ, проектъ брака цесаревны Елисаветы Петровны съ королемъ французскимъ Людовикомъ XV.

Озабочиваясь улучшеніемъ взаимныхъ отношеній Россіи и Англіи, оставшихся послѣ смерти Петра Великаго крайне натянутыми (ди-

пломатическія сношенія были прерваны), французскій посланникъ Кампредонъ сталъ работать надъ заключеніемъ франко-русскаго союза, который повлекъ бы за собою и примиреніе Россіи съ Англіей, но это было зданіемъ, сооружавшимся на иллюзіи, такъ какъ Екатерина положила въ основу этого дѣла бракъ Людовика XV съ Елисаветой. Подлинное дѣло объ этихъ переговорахъ, подававшихъ поводъ къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что вопросъ этотъ даже не подвергался въ Версали серьезному обсужденію. 11-го апрѣля 1725 года, давая аудіенцію Кампредону и говоря ему по-шведски, чтобы не быть понятой окружающими, Екатерина объявила французскому посланнику, что «французскіе дружба и союзъ предпочтительнѣе для нея, чѣмъ дружба и союзъ съ прочими державами континента». Такъ какъ императрица отказалась войти тотчасъ же въ болѣе подробныя объясненія, то къ Кампредону отправился Меншиковъ и открыто возбудилъ вопросъ о бракѣ, проявляя большую податливость къ тому, что Елисавета приняла бы католичество. Посланникъ могъ лишь высказать, что онъ крайне польщенъ предложеніемъ, и просилъ отсрочки, чтобы сообщить объ этомъ предложеніи въ Версаль и получить соотвѣтствующія инструкціи. Но прежде чѣмъ его курьеръ вернулся обратно, въ Петербургѣ стали говорить о бракѣ Людовика XV съ англійской принцессой. Это вызвало великое смятеніе, проявившееся готовностью пойти на худшее. На этотъ разъ посредникомъ Екатерины послужилъ герцогъ Гольштинскій, и Кампредонъ былъ увѣдомленъ, что она удовольствовалась бы герцогомъ Орлеанскимъ. Былъ отправленъ новый курьеръ. Отвѣтъ, привезенный имъ изъ Версаля, былъ такого свойства, что долженъ былъ положить конецъ всякимъ надеждамъ. Въ немъ выраженіе безконечной признательности соединялось съ самымъ категорическимъ отказомъ, едва скрашеннымъ нѣсколькими вѣжливыми фразами: опасались «неудобствъ, которыя, быть можетъ, возникли бы для царицы отъ того, что она вынудила бы цесаревну свою дочь на глазахъ всего народа перемѣнить религію».

Проектъ союза оказался похороненнымъ въ тотъ же день, когда въ Петербургѣ узнали смыслъ, если не содержаніе, этой депеши. Уже 8-го ноября 1725 года, посланнику было предписано бросить это дѣло, но такъ какъ онъ все упорствовалъ на своемъ, то въ декабрѣ ему дали знать, что ему рѣшительно нечего дѣлать при дворѣ Екатерины. Русскіе дипломаты старались лишь замаскировать свою неудачу и переговоры, уже завязанные съ Вѣнскимъ дворомъ. Кампредону они не были извѣстны. Ягужинскій открыто говорилъ о нихъ, обѣщая «заставить вскорѣ трепетать англичанъ и ихъ друзей».

Въ январѣ 1726 года, французскій посланникъ сообщилъ своему двору тревожную новость: императрица и Совѣтъ рѣшили напасть на

Данію, какъ только разойдется ледъ. Тогда въ Версали ни минуты не колебались, какъ отнестись къ этой угрозѣ. Тотчасъ же Кампредону, было предписано отвѣтить на нее «самыми сильными представленіями» съ предвареніемъ, что король не можетъ не принять участія во враждебныхъ дѣйствіяхъ, вызванныхъ подобнымъ шагомъ. Кампредонъ просилъ аудіенціи у императрицы, но не могъ добиться ея и, по своему представленію, получилъ приказаніе выѣхать, не откланявшись государынѣ».

III.

Петръ Великій ввелъ Россію въ круговоротъ сложныхъ политическихъ интересовъ Европы. Задача, ложившаяся на наслѣдниковъ великаго человѣка, была трудная, а между тѣмъ непосредственные преемники Петра не обладали всѣми необходимыми для этого данными. Не было у нихъ также ни его развязности, ни его смѣлости, ни его счастья. «Тѣмъ не менѣе,—пишетъ Валишевскій,—не смотря на недочеты съ ихъ стороны, Россія—нельзя отрицать этого—выходила побѣдительницей изъ своего положенія, благодаря сцѣпленію благопріятныхъ условій. Это обстоятельство являлось слѣдствіемъ воздѣйствія крайне естественныхъ причинъ: главнымъ образомъ, непреложной мощи національнаго инстинкта и безудержнаго проявленія силъ, скопившихся въ громадной Имперіи. Вслѣдствіе этого жизненные вопросы, входившіе въ составъ наслѣдства великаго человѣка, оказывались разрѣшенными если не самымъ выгоднымъ образомъ для замѣшанныхъ въ нихъ интересовъ, то, по крайней мѣрѣ, безъ непоправимаго ущерба для нихъ.

Останавливаясь на этомъ фактѣ, являются вопросы: какимъ образомъ это могло произойти? Вмѣшательство какихъ потаенныхъ силъ восполнило собою столь явный недостатокъ средствъ и способностей?

«Я,—пишетъ Валишевскій,—не съумѣю лучше отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ войдя въ нѣкоторыя подробности о курляндскомъ дѣлѣ, которое Лефортъ зло назвалъ «бабьей войною», и которое можно считать большимъ дѣломъ царствованія, мало способнаго предпринять что-либо болѣе важное. Пружины, двигавшія внѣшней политикой Екатерины I, обнаруживаются въ немъ со всею ясностью.

«Въ 1698 году умеръ герцогъ Курляндскій, Фридрихъ-Казиміръ, оставившій послѣ себя вдову и шестилѣтняго сына, Фридриха-Вильгельма, опекуномъ котораго состоялъ его дядя, Фердинандъ. Въ 1709 году, при содѣйствіи Петра Великаго, Фридрихъ-Вильгельмъ вступилъ въ управленіе герцогствомъ, но въ слѣдующемъ году умеръ, вскорѣ послѣ

женитьбы на племянницѣ Петра, Аннѣ Іоанновнѣ. Наслѣдство досталось Фердинанду; но старый, отдавшійся набожности и состоявшій въ безпрестанныхъ распряхъ съ курляндскими чинами или съ Польшей, герцогъ жилъ въ Данцигѣ, предоставивъ митавскій дворецъ Аннѣ, а управленіе—тому, кто хотѣлъ или умѣлъ захватить его. Такъ управленіе съ ожесточеніемъ оспаривали польскій король, Рѣчь Посполитая, курляндскій сеймъ и Россія. Послѣдняя пользовалась наибольшимъ вліяніемъ, благодаря Бестужеву, назначенному Петромъ Великимъ гофмаршаломъ Анны Іоанновны. Бестужевъ былъ въ милости у Анны (пока его не смѣнилъ Биронъ) и помогалъ ей, какъ могъ, управлять курляндцами. Что же касается поляковъ, постоянно готовыхъ выпускать добычу въ погонѣ за тѣнью, то они въ особенности учитывали будущее, мечтая о Курляндіи, предлогомъ къ чему могла бы послужить смерть Фердинанда.

«Подобное рѣшеніе не удовлетворило бы ни Россію, ни Пруссію, ни даже короля польскаго, смутно мечтавшаго о герцогствѣ для одного изъ своихъ сыновей. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для этого представлялось вторичное замужество Анны Іоанновны, и такъ какъ она ничего не имѣла противъ этого, то послѣдовательно было выдвинуто нѣсколько различныхъ кандидатовъ. Въ декабрѣ 1717 года Петръ подписалъ даже конвенцію съ Саксонскимъ дворомъ, обезпечивавшую руку герцогини и не принадлежавшее ей наслѣдство за герцогомъ Адольфомъ, Саксенъ-Вейссенфельскимъ. Такъ какъ этотъ проектъ не удался, то въ 1722 году Берлинъ предложилъ принца Карла Прусскаго. Затѣмъ пришла очередь принца Карла-Александра Виртембергскаго, который два года передъ этимъ уже пытался расположить въ свою пользу русскаго посланника въ Вѣнѣ, предложивъ ему дорогой перстень. Этимъ посланникомъ былъ никто иной, какъ Ягужинскій, и претендентъ не могъ выбрать болѣе дурнаго посредника. Постоянно соперничая съ Меншиковымъ и тѣснимый имъ, этотъ авантюристъ, находясь подъ хмѣлькомъ, охотно распространялся на тему, что Россія надоѣла ему: онъ мечталъ обосноваться въ Польшѣ и подготовлялъ себѣ друзей въ Варшавѣ и Дрезденѣ. Онъ сохранилъ перстень и бросилъ дѣло».

Другими кандидатами были принцъ Гессенъ-Гомбургскій и принцъ Ангальтъ-Цербскій, Іоганнъ-Фридрихъ. Что касается кандидатуры Морица Саксонскаго, то мысль объ этомъ зародилась, вѣроятно, въ плодовитомъ умѣ саксонскаго агента въ Петербургѣ, Лефорта. «Незаконный сынъ Августа II и красавицы Авроры Кенигсмаркъ (Морицъ) достигъ къ тому времени двадцати девятилѣтняго возраста и пріобрѣлъ репутацію самаго блестящаго и самаго развратнаго изъ офицеровъ. Ведя въ Парижѣ распутную жизнь, будучи отчаяннымъ игрокомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, нашелъ возможность получить полкъ, и,

по тому, какъ онъ командовалъ имъ, въ немъ уже проглядывалъ будущій полководецъ».

Въ сентябрѣ 1725 года Анна Іоанновна находилась въ Петербургѣ, и одна изъ ея подругъ, по наущенію Лефорта, заговорила съ ней о красавцѣ, любовныя похожденія котораго наполняли хронику Парижа и Варшавы. Анна Іоанновна заинтересовалась имъ. Морицъ, увѣдомленный объ этомъ, съ своей стороны, ни минуты не колебался и, вырвавшись изъ объятій Адріенны Лекуврёръ, поспѣшилъ въ Польшу. Онъ уже былъ женатъ однажды, по денежнымъ соображеніямъ, на Викторіи фонъ-Лебенъ, и, послѣ громкаго развода, запутавшись въ долгахъ по уши, мечталъ о другой приданницѣ.

Въ Варшавѣ онъ встрѣтилъ депутацію отъ курляндскаго дворянства, которая, повидимому, уже получила соотвѣтствующія указанія отъ вдовствующей герцогини и немедленно предложила ему корону. Но въ Петербургѣ Лефортъ внезапно перемѣнилъ политику. Какъ разъ въ это время среди приближенныхъ Екатерины были заняты мыслью пріискать мужа для Елисаветы Петровны, и Лефортъ направилъ свои усилія въ эту сторону. Онъ поспѣшилъ послать Морицу портретъ Елисаветы Петровны, присовокупивъ въ видѣ приманки слѣдующія строки: «прекрасно сложена и прекраснаго средняго роста, круглое, очень изящное лицо, цвѣтъ лица прекрасенъ и чудная грудь». Затѣмъ онъ сообщалъ о готовности, съ которою будетъ встрѣчено предложеніе Морица.

Будучи поставленъ между двумя рѣшеніями, одинаково заманчивыми, юный герой очутился сначала въ затруднительномъ положеніи, не зная, на комъ остановить свой выборъ. Въ концѣ концовъ онъ счелъ болѣе вѣрнымъ сначала обосноваться въ Митавѣ при содѣйствіи Анны Іоанновны, а затѣмъ уже сообразить дальнѣйшее. Взглядъ стратега указалъ ему также, что въ данную минуту база предстоящихъ дѣйствій находится скорѣе въ Варшавѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, и начало кампаніи какъ-бы оправдало его предположенія.

Въ апрѣлѣ 1726 года совѣтъ саксонскихъ министровъ постановилъ, что слѣдуетъ устроить избраніе Морица помощникомъ престарѣлаго герцога Курляндскаго. Король пошелъ дальше и разрѣшилъ декретомъ созывъ курляндскаго сейма, который долженъ былъ произвести это избраніе. Что касается согласія Россіи, то Морицъ, основываясь на данныхъ Лефорта, не сомнѣвался, что получитъ его, отправившись въ Петербургъ, подъ тѣмъ предлогомъ, найти который бралась его мать, хлопотавшая о нѣкоторыхъ земляхъ въ Эстляндіи.

Сначала, повидимому, все пошло какъ по маслу; одинъ изъ курляндскихъ депутатовъ, состоявшій въ то же время коммиссаромъ въ польской арміи въ Литвѣ и, по приказанію гетмана, разъѣзжавшій между Варшавой и Митавой, далъ самыя благопріятныя свѣдѣнія о

настроеніи своихъ соотечественниковъ. Самъ литовскій гетманъ Потѣй, управляемый своей женою, выказалъ готовность оказать полную поддержку этой кандидатурѣ. «Онъ впутался въ это дѣло, какъ Адамъ въ грѣхахъ»—говорилъ о немъ Флеммингъ. Жена короннаго маршала Бѣлинскаго, побочная сестра Морица, тоже проявила большое рвеніе и одолжила графу свою посуду. Вообще, недостатка въ деньгахъ у этого баловня счастья не было. Правда, г-жа Кенигсмаркъ тщетно просила короля польскаго выкупить три большія жемчужины, вѣсившія до двухсотъ гранъ и цѣнившіяся въ двѣнадцать тысячъ экю, изъ которыхъ семь тысячъ она еще оставалась должною ювелиру. У нея не было ничего другаго, что̀ бы она могла предложить сыну! Августъ, который разъ уже платилъ за нихъ, обѣщалъ, однако не сдержалъ слова. Но Андріенна Лекувреръ продала часть своихъ драгоцѣнностей и прислала сорокъ тысячъ ливровъ. Г-жа Потѣй почерпнула изъ шкатулки своего мужа, и Морицъ оказался снаряженнымъ приличнымъ образомъ.

Онъ уже готовился отправиться, какъ вдругъ его отецъ поддался угрызеніямъ совѣсти и опасеніямъ, которыя настроеніе умовъ въ Варшавѣ болѣе чѣмъ оправдывало. Такъ какъ въ дѣло были замѣшаны дамы, Бѣлинская и Потѣй, то предпріятіе не замедлило быть разглашеннымъ. Это вызвало громадное волненіе и всеобщій крикъ негодованія. Говорили, что, не довольствуясь тѣмъ, что онъ ввелъ своихъ незаконныхъ дочерей въ самыя знатныя семьи, Августъ хочетъ еще надѣлить своихъ побочныхъ сыновей кусками, вырванными изъ національнаго достоянія. Стали кричать о воровствѣ. Коронный канцлеръ Шембекъ, отказавшійся приложить свою печать къ декрету о созывѣ сейма, заговорилъ суровымъ образомъ; саксонскіе министры единодушно совѣтовали королю бросить задуманный планъ, и 21-го мая 1726 года, въ день, назначенный для отъѣзда Морица, къ нему явился графъ Мантейфель, изъ сбивчивыхъ словъ котораго вытекало, что король желаетъ, чтобы его сынъ остался въ Варшавѣ.

Снаряженный въ путь, графъ ожидалъ только рекомендательнаго письма къ русской императрицѣ, которое ему обѣщалъ его отецъ.

— Это приказъ?—спросилъ онъ.

— Повидимому, да.

— Я не хочу ослушаться короля, но если я не отправлюсь, все потеряно.

Мантейфель понялъ, что молодой человѣкъ рѣшилъ ослушаться полученнаго приказанія, и поспѣшилъ предупредить объ этомъ короля, который, находясь уже въ постели, не могъ принять его. «Русскіе историки,—замѣчаетъ Валишевскій,—склонны думать, что въ этотъ день Августъ сознательно ускорилъ время своего отправленія ко сну, и, быть можетъ, они правы. Морицъ дѣйствительно отправился ночью, предва-

рительно простившись съ нѣкоторыми дамами, которыхъ онъ увѣрялъ, что «очень прытокъ былъ бы тотъ, который нагналъ бы его». Потѣй далъ ему конвой изъ литовскихъ драгунъ».

Какъ разъ въ это время Кампредонъ покидалъ Россію и, проѣзжая черезъ Митаву, узналъ о пріѣздѣ графа. Ему передавали, что «онъ остановился въ домѣ барона Бера, сосѣднемъ съ домомъ, въ которомъ герцогиня Курляндская проводила лѣто; что онъ уже два раза былъ у нея съ визитомъ, и что его женитьба, какъ равно и избраніе, представляются несомнѣнными».

Дѣйствительно, Морицъ не терялъ времени. Отказавшись на время отъ мысли о Петербургѣ, онъ рѣшилъ быстро покончить съ дѣломъ въ Курляндіи. На деньги Андріенны Лекувреръ и г-жи Потѣй онъ набралъ милицію; его воинственныя замашки вызвали восторгъ въ дворянствѣ, а развязныя манеры и великолѣпная наружность плѣнили вдовствующую герцогиню. Къ концу іюня онъ уже былъ избранъ преемникомъ герцога Курляндскаго.

Морицъ воображалъ, что въ Петербургѣ, какъ равно и въ Варшавѣ, примирятся съ совершившимся фактомъ. Однако подъ давленіемъ шляхты, Августъ, котораго его сынъ называлъ непочтительно «королемъ на бумагѣ», былъ вынужденъ послать вслѣдъ за Морицемъ новый декретъ о воспрещеніи созыва сейма. Курляндцы, которые, по утвержденію Морица «столь же горячи, какъ французы», какъ будто намѣревались бросить королевскаго посла въ рѣку, но ихъ усердіе ограничилось однѣми демонстраціями. Въ Петербургѣ дѣла приняли еще худшій оборотъ. Анна Іоанновна поспѣшила написать Меншикову и Остерману относительно разрѣшенія ей выйти замужъ за графа. Въ тѣсномъ дамскомъ кругу, который Лефортъ съумѣлъ привлечь на сторону своего ставленника, это вызвало взрывъ радости. «Наши друзья и, въ особенности, женщины,—писалъ саксонскій агентъ,— не спятъ отъ этого... Если онъ (Морицъ) не явится скоро, то я опасаюсь, какъ бы онѣ не отправились къ нему на встрѣчу».

Однако еще 16-го мая 1726 года Верховный Совѣтъ высказался за другое рѣшеніе, остановивъ выборъ на епископѣ Любекскомъ, Карлѣ-Августѣ Гольштинскомъ, двоюродномъ братѣ мужа Анны Петровны, и вслѣдствіе этого Бестужевъ получилъ предписаніе заранѣе протестовать противъ избранія Морица. Правда, Меншиковъ былъ враждебенъ подобному рѣшенію, но побужденія, руководившія имъ, не имѣли ничего общаго съ интересами графа Саксонскаго. Меншиковъ мечталъ въ это время устроить себѣ какое-нибудь положеніе для будущаго и тайкомъ, при содѣйствіи генерала Ронна, курляндца, находившагося на службѣ Россіи, работалъ въ томъ направленіи, чтобы создать себѣ въ герцогствѣ партію. Его планы, которымъ онъ съумѣлъ снискать одобреніе

Екатерины, обнаружились внезапно въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда въ одинъ прекрасный день Екатерина появилась въ совѣтѣ и объявила, что она измѣнила свое намѣреніе и хочетъ предложить курляндскимъ избирателямъ выбрать самого Меншикова, получившаго приказаніе отправиться въ Митаву вмѣстѣ съ Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ, дипломатомъ Петровской школы, опытнымъ въ исполненіи трудныхъ порученій. Если-бы курляндцы не захотѣли его, то предполагалось предоставить имъ выборъ между Любекскимъ епископомъ и однимъ изъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, находившимся на службѣ Россіи.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Насѣкомыя въ Петропавловской крѣпости.

1.

Отношеніе товарища начальника Главнаго штаба графа Чернышева къ коменданту С.-Петербургской крѣпости, генералъ-адъютанту Сукину.

29-го января 1828 г. № 55.

Дошло до свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ казематахъ С.-Петербургской крѣпости находится множество мокрицъ, таракановъ, прусаковъ и прочихъ насѣкомыхъ, которыя, кромѣ того, что внушаютъ отвращеніе, могутъ вредить и здоровью содержащихся въ оныхъ.

Сообщая о семъ вашему высокопревосходительству, покорнѣйше прошу приказать принять возможныя мѣры къ очищенію казематовъ отъ сихъ животныхъ.

Поводомъ къ этому отношенію послужило нижеслѣдующее письмо одного изъ поляковъ, заключенныхъ въ крѣпости по дѣлу декабристовъ:

«Мокрицы имѣютъ нынѣ у меня большія преимущества; оныхъ здѣсь есть множество, почти каждая величиною въ палецъ, черныя и мохнатыя. Всякій черный таракавъ напоминаетъ мнѣ ночлегъ вашъ, любезнѣйшая тетушка, на кораблѣ.—Однихъ только прусаковъ я истребляю, потому что они ночью лѣзутъ въ больные мои глаза, которые теперь стали не много лучше.—Я полагаю, что сіе происходитъ отъ мороза, который вытягиваетъ находящуюся сырость въ стѣнахъ и сводахъ моего жилища, которое отъ того дѣлается суше; но все глаза мои еще очень слабы и красны, какъ у кролика. Теперь настаетъ время самое критическое, ибо я полагаю, что скоро участь наша будетъ рѣшена; еще нѣсколько времени, можетъ быть, надежда, столь часто обманчивая и столь часто насъ оживляющая, снова на всегда будетъ потеряна и оную замѣнитъ прискорбіе. Для себя я ничего хорошаго

*

не предвѣщаю, потому что я совершенно спокоенъ, а сколько я могъ замѣтить, то сіе есть самымъ дурнымъ преднаменованіемъ, хотя, впрочемъ, и силъ у меня недостаетъ для перенесенія несчастія. Бѣдная мать моя должна быть очень больна, что не выходитъ изъ комнаты, при томъ появился у нея и кашель послѣ лихорадки, и рука ея дрожитъ, когда она пишетъ, все сіе безпокоитъ меня. Да укрѣпитъ насъ Богъ для перенесенія бѣдствій нашихъ съ равнодушіемъ. Я думаю, что день вашего Ангела будетъ для васъ горестнымъ воспоминаніемъ, но, любезнѣйшая тетушка, о прошедшемъ нечего и думать, ибо оно болѣе не возвратится; еслибы сіе даже и было возможнымъ, то все-таки предбудущее время должно насъ болѣе занимать. Еслибы отъ рожденія до самой смерти человѣкъ занимался одною только будущностію, то жизнь его была бы предохранена отъ многихъ опасностей, коимъ подвержена наша судьба; впрочемъ, остается еще намъ надежда на милость Божію.

Напослѣдокъ желаю я вамъ успѣха во всѣхъ вашихъ дѣлахъ, но я думаю, что во всѣхъ случаяхъ благоразуміе наше весьма мало значитъ, и полагаю, что все будетъ къ лучшему, коль скоро мы употребляемъ возможное, чтобъ худаго не дѣлать; впрочемъ, надобно болѣе полагаться на Провидѣніе, которое ставитъ наравнѣ атомъ со вселенною. Простите, любезнѣйшая тетушка».

2.

Отношеніе генералъ-адъютанта Сукина—графу Чернышеву.

1-го февраля 1828 г. № 54.

На отношеніе вашего сіятельства ко мнѣ, отъ 29-го минувшаго января № 55, о принятіи возможныхъ мѣръ къ очищенію казематовъ отъ находящихся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ множества мокрицъ, тараканов, прусаковъ и прочихъ насѣкомыхъ, которыя кромѣ того, что внушаютъ отвращеніе, могутъ вредить и здоровью содержащихся въ тѣхъ казематахъ, по полученіи нынѣ донесенія отъ плацъ-маіора здѣшней крѣпости полковника Щербинскаго, на предписаніе мое объ ономъ, имѣю честь отвѣтствовать, что не только въ нѣкоторыхъ, но вообще во всѣхъ казематахъ, гдѣ арестанты содержатся, вышеозначенныхъ насѣкомыхъ не видно, а появляются оныя только въ общей арестантской кухнѣ, но и тѣ по возможности истребляются посредствомъ сметанія, что подтвердилось и личнымъ донесеніемъ мнѣ прикомандированнаго къ Санктпетербургской крѣпости штабъ-лѣкаря коллежскаго

совѣтника Элькана, посѣщающаго нерѣдко арестантовъ, требующихъ врачебной помощи. А сверхъ сего, когда и мнѣ случалось быть въ арестантскихъ казематахъ, я никогда не видалъ въ оныхъ помянутыхъ насѣкомыхъ, а слышалъ, что въ лѣтнее время появляются иногда въ нѣкоторыхъ арестантскихъ казематахъ мокрицы, или такъ называемыя стоножки, но рѣдко и не въ большомъ количествѣ; тараканы же и прусаки, какъ донесъ мнѣ плацъ-маіоръ Щербинскій, находятся въ казематахъ, занимаемыхъ квартированіемъ нижнихъ чиновъ, большею частію у женатыхъ и даже у офицеровъ, живущихъ съ семействами, по причинѣ сырости и чрезмѣрной теплоты, происходящей отъ варенія пищи и печенія хлѣбовъ. Совершенно же истребить ихъ въ сихъ послѣднихъ казематахъ весьма затруднительно, но по возможности живущими оные также истребляются.

Оставленіе въ 1812 году Москвы преосвященнымъ Августиномъ.

Письмо гр. Ростопчина—преосвященному Августину.

1-го сентября 1812 г.

Нечаянное рѣшеніе князя Кутузова оставить Москву злодѣю должно рѣшить и ваше преосвященство отправиться немедля.—Но именемъ государя сообщаю вамъ, чтобы вы Владимірскую, Иверскую и Смоленскую Богоматерей взяли съ собою.—Народъ ночью сего не примѣтитъ, а предлогъ, что имъ хочетъ молиться войско.—Путь вашъ на Владиміръ.

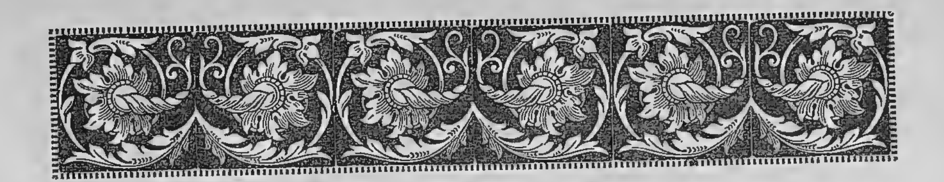
Къ біографіи генералъ-адъютанта графа Остермана-Толстого.

Рескриптъ императора Александра генералу-отъ-инфантеріи барону фонъ-деръ-Остенъ-Сакену 1-му.

29-го апрѣля 1815 г. Вѣна.

Генералъ-адъютантъ графъ Остерманъ-Толстой, пожертвовавшій уже рукою на полѣ брани, въ знаменитомъ Кульмскомъ сраженіи, желаетъ паки, въ настоящую кампанію, быть на службѣ и предпочтительно при войскахъ вамъ ввѣренныхъ. Удовлетворяя столь подражанія достойному усердію сего отличнаго генерала, я отправляю его къ вамъ, дабы вы употребляли его вездѣ, гдѣ съ честію и пользою достоинства сего генерала могутъ новыя услуги отечеству оказать.

Изъ записокъ стараго офицера [1]).

(К. Мартенса).

II [1]).

Москва передъ вступленіемъ французовъ.– Отступленіе нашей арміи и переходъ ея на старую Калужскую дорогу.—Генералъ Винценгероде.—Взятіе его въ плѣнъ.—Переходъ нашей арміи за границу.—Императоръ Александръ въ монастырѣ Гриссау.—Неудачная попытка автора купить имѣніе въ Россіи.—Генералъ-губернаторъ кн. Хованскій.—Голодъ въ Могилевской губерніи въ 1820 году.—Злоупотребленія дворянства.—Слѣдствіе.—Свиданіе автора съ императоромъ Александромъ.—Результаты слѣдствія.—Отъѣздъ автора въ Германію.—Великій князь Константинъ Павловичъ.

При приближеніи французской арміи къ Москвѣ, аристократія покинула столицу. Ея дворцы опустѣли, и въ Москвѣ остались только высшія чиновныя лица, генералъ-губернаторъ графъ Ростопчинъ, гражданскій губернаторъ, у котораго мы остановились, и нѣсколько другихъ властей.

Въ домѣ гражданскаго губернатора съ утра до ночи толпились власти; у него бывалъ также графъ Ростопчинъ. Генералы высчитывали наши силы и силы французовъ; извѣстіе о предстоящемъ сраженіи при Бородинѣ побудило меня покинуть городъ и возвратиться съ своему полку.

Генералъ Дороховъ былъ устраненъ вслѣдствіе столкновеній, которыя онъ имѣлъ съ Платовымъ. Нашъ командиръ, графъ д'Олоннъ, оставилъ полкъ, боясь, какъ эмигрантъ, попасть въ руки французовъ, и полкъ принялъ маіоръ Розенбаумъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1902 г.

Между тѣмъ армія, пройдя Москву, расположилась на высотахъ, окружающихъ городъ, и была подкрѣплена войсками, стянутыми поспѣшно съ разныхъ мѣстъ, и милиціею, которая была весьма плохо обучена и еще того хуже вооружена. Это была толпа ни чего незнающихъ мужиковъ. Кутузовъ понималъ, что въ сраженіи эта милиція будетъ не пригодна къ дѣлу, и потому употреблялъ ее только для прикрытія транспортовъ и охраны плѣнныхъ.

Я получилъ приказаніе состоять при генералъ-лейтенантѣ Панчулидзевѣ.

Армія перешла на старую Калужскую дорогу и послѣ сраженія при Бородино была въ разстроенномъ состояніи. Дивизіи и полки перемѣшались; большія дороги были переполнены отсталыми, телѣгами и повозками. Въ ночь съ 2-го (14-го) на 3-е (15-е) число мы увидѣли, что Москва горитъ. Я просилъ генерала уволить меня въ отпускъ и отправился въ главную квартиру, гдѣ находился фельдмаршалъ кн. Кутузовъ и генералы Беннигсенъ и Барклай-де-Толли. Я встрѣтилъ тамъ случайно ротмистра Нарышкина и ротмистра гвардіи князя Сергѣя Волконскаго, того самаго, который былъ замѣшанъ впослѣдствіи въ дѣлѣ 14-го декабря 1825 г. и сосланъ въ Сибирь.

Князь Волконскій былъ начальникомъ штаба корпуса генералъ-лейтенанта Винценгероде, который, получивъ приказаніе прикрывать дорогу отъ Москвы въ Тверь, перешелъ на нее съ нѣсколькими казачьими полками и съ нашимъ гусарскимъ полкомъ. Главная квартира генерала находилась между Москвою и Клиномъ. Князь Волконскій предложилъ мнѣ сопровождать его туда и остаться въ свитѣ генерала; такъ какъ я былъ очень утомленъ, а намъ приходилось по пути въ Клинъ сдѣлать огромный крюкъ по большой дорогѣ, которая вела во Владиміръ и Ярославль, то я не поѣхалъ съ княземъ, а послѣдовалъ за нимъ на слѣдующій день.

Я добрался благополучно до Клина и явился генералу Винценгероде. Повсюду бродили мародеры и непріятельскіе фуражиры, коихъ мы взяли множество въ плѣнъ. Я подвергся при этомъ большой опасности. Одинъ крестьянинъ сообщилъ мнѣ, что человѣкъ двадцать французовъ грабили сосѣднее село. Я поскакалъ туда съ гусарами. Изъ одного дома выскочило трое французовъ, которые прицѣлились въ меня на разстояніи десяти шаговъ, но всѣ три ружья дали осѣчку, и французы были изрублены.

Крестьяне привели меня къ очень глубокому колодцу и показали, что онъ былъ наполненъ трупами убитыхъ французовъ, которыхъ они туда бросали. Ежедневно приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, приводившихъ мало-мальски сострадательнаго человѣка въ ужасъ.

Между тѣмъ прошелъ слухъ, что Наполеонъ оставилъ Москву, чтобы

стать во главѣ арміи, но что онъ очень упалъ духомъ, что здоровье его сильно пострадало и что вслѣдствіе наступившихъ холодовъ онъ почти не въ состояніи былъ ѣздить верхомъ и работать такъ дѣятельно, какъ прежде.

Въ тотъ же день одинъ казачій офицеръ привезъ мнѣ приказаніе генерала Винценгероде передать командованіе отрядомъ этому офицеру, а самому поспѣшить въ его главную квартиру. Генералъ принялъ меня безъ свидѣтелей. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ и долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, попыхивая изъ своей трубки и не говоря ни слова.

— Мы должны идти въ Москву,—сказалъ онъ наконецъ.—Наполеонъ оставилъ ее. Тамъ находится еще Мортье съ 1.800 чел. Иловайскій донесъ мнѣ, что онъ занялъ Тверскую заставу со своими казаками. Слѣдуйте за мною, мои дрожки запряжены.

Въ ту минуту, какъ мы садились въ дрожки, подошелъ ротмистръ Нарышкинъ и сталъ умолять генерала взять его съ собою вмѣсто меня; генералъ согласился, и Нарышкинъ поѣхалъ съ нимъ.

Когда они подъѣхали къ Тверской заставѣ, то вмѣсто казаковъ генерала Иловайскаго увидѣли французовъ. Они махали платками, дѣлая видъ, что пріѣхали парламентерами; но, не смотря на это, были взяты въ плѣнъ.

Вскорѣ послѣ этого мы получили извѣстіе, что Москва окончательно очищена отъ непріятеля, а 10-го (22-го) октября мы вступили туда вмѣстѣ съ первыми передовыми отрядами русскихъ войскъ. Городъ былъ почти совершенно пустъ. На улицахъ можно было встрѣтить только нѣмцевъ, французовъ, актеровъ, ремесленниковъ и нѣсколько сотъ человѣкъ простонародья. Всѣ деревянные дома и лачуги, находившіеся между большими каменными палатами, сдѣлались жертвою пламени; но многіе каменные дома уцѣлѣли со всею обстановкой. Генералъ Бенкендорфъ и я, исполнявшій при немъ должность адъютанта, заняли домъ кн. Шаховскаго близъ Тверскаго бульвара.

Въ одномъ изъ полуобгорѣвшихъ дворцовъ мы нашли вполнѣ благоустроенную фабрику фальшивыхъ бумагъ, всѣ нужныя для этого машины и инструменты, массу готовыхъ ассигнацій. Онѣ были сдѣланы такъ искусно, что почти не было возможности отличить ихъ отъ настоящихъ.

Получивъ извѣстіе о взятіи въ плѣнъ генерала Винценгероде, князь Кутузовъ приказалъ генералу графу Сенъ-Пріесту принять начальство надъ нашимъ корпусомъ, а императоръ Александръ, получивъ о томъ донесеніе, со своей стороны прислалъ къ намъ съ тою же цѣлью ген.-ад. Кутузова, двоюроднаго брата главнокомандующаго. Оба генерала прибыли въ Москву одновременно, и между ними возникъ споръ,

который по именному приказанію государя былъ рѣшенъ въ пользу Кутузова. Императоръ желалъ, чтобы этимъ корпусомъ командовалъ человѣкъ, коему онъ далъ словесно приказанія относительно сношеній съ Тверью, такъ какъ съ этой стороны онъ видимо не былъ еще покоенъ.

Какъ только въ Петербургъ дошли извѣстія о неудачѣ, постигшей французскую армію и о ея несчастномъ отступленіи, къ намъ тотчасъ полетѣло несмѣтное число камеръ-юнкеровъ, адъютантовъ и другихъ баловней судьбы, желавшихъ пожать плоды похода, поступивъ въ армію маіорами и полковниками. Ихъ назначали командующими казачьими отрядами; они брали въ плѣнъ замерзшихъ французовъ и получали за это награды, забирали застрявшія въ снѣгу орудія и получали за то орденъ св. Георгія.

— Мы покажемъ французамъ, что такое русскіе,—говорили они при каждомъ удобномъ случаѣ, потряхивая эполетами и крестами, полученными за совершенные ими подвиги.

Намъ было приказано оставить Москву и идти къ Вильнѣ. Я не получилъ никакого опредѣленнаго назначенія и слонялся безъ всякаго дѣла въ свитѣ генерала Кутузова, ѣлъ, пилъ и спалъ. Непріятеля нигдѣ не было видно. На занесенныхъ снѣгомъ поляхъ и дорогахъ среди сгорѣвшихъ хижинъ валялись трупы французовъ, погибшихъ отъ холода и голода.

Отморозивъ себѣ ногу, я попросилъ уволить меня въ отпускъ и поѣхалъ для возстановленія своихъ силъ въ Витебскъ, гдѣ узналъ, что генералъ Винценгероде и ротмистръ Нарышкинъ были освобождены.

Въ скоромъ времени Нарышкинъ, ѣздившій въ Петербургъ и произведенный между тѣмъ въ полковники, долженъ былъ отправиться въ Вильно, въ главную квартиру императора Александра.

Послѣ сраженія при Бауценѣ наши войска вступили въ Силезію. Было заключено перемиріе, и начались мирные переговоры въ Прагѣ. Демаркаціонная линія, раздѣлявшая обѣ арміи, тянулась отъ границы Богеміи до Гамбурга. На этой линіи лежалъ монастырь Гриссау (гдѣ я бывалъ неоднократно въ то время, когда жилъ въ Германіи).

Мое здоровье немного поправилось, и я совершилъ маленькую поѣздку въ Гриссау, чтобы посѣтить моихъ старыхъ друзей, монаховъ.

Мое появленіе видимо встревожило обитателей монастыря. Настоятель не вышелъ ко мнѣ; монахи куда-то попрятались. Только одинъ изъ нихъ, съ которымъ я былъ нѣкогда въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, остался со мною, и мы задушевно бесѣдовали, расхаживая по монастырскому двору. Вдругъ у входной двери зазвонили въ колоколъ, двери отворились, и во дворъ монастыря въѣхала коляска, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей, и остановилась у главныхъ дверей монастырскаго зданія. Въ этой коляскѣ сидѣли два

русскихъ офицера въ простыхъ сюртукахъ и фуражкахъ; ихъ сопровождало два денщика. Они выпрыгнули изъ экипажа и поднялись по лѣстницѣ въ большое зало, окна котораго выходили на монастырскій дворъ. Я тотчасъ узналъ въ одномъ изъ офицеровъ императора Александра, а въ другомъ—генералъ-адъютанта князя Волконскаго. Монахъ провелъ меня въ корридоръ, откуда можно было видѣть происходившее въ залѣ. Императора никто не встрѣтилъ, ни игуменъ, ни монахи. Александръ потиралъ нетерпѣливо руки, въ волненіи расхаживалъ взадъ и впередъ по залу и подходилъ ежеминутно къ окну.

Наконецъ, у воротъ снова раздался звонокъ, и во дворъ въѣхала вторая коляска, въ которой сидѣли двѣ дамы. Императоръ протянулъ руки къ окну и привѣтствовалъ ихъ. Дамы поднялись въ залъ; императоръ сердечно обнялъ ихъ. Я узналъ великую княгину Анну Θеодоровну, разведенную супругу великаго князя Константина Павловича, и герцогиню де-Саганъ, дочь вдовствующей герцогини курляндской. Они стали оживленно бесѣдовать, и великая княгиня Анна много плакала во время разговора.

Герцогиня де-Саганъ, бывшая въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ Меттернихомъ, говорила съ императоромъ весьма серьезно. Князь Волконскій вышелъ во дворъ и приказалъ слугамъ вынуть изъ коляски императора нѣсколько маленькихъ, очень тяжелыхъ ящичковъ, которые были положены въ экипажъ герцогини де-Саганъ. Когда это было окончено, высокіе посѣтители обнялись; императоръ поѣхалъ въ Рейхсбахъ, а герцогиня де-Саганъ въ Прагу. Три дня спустя послѣ ея пріѣзда въ этотъ городъ конгрессъ былъ распущенъ, и Австрія объявила себя противъ Франціи.

Недовольный своей службою въ Россіи, Мартенсъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ ему не удалось однако устроиться, какъ онъ того желалъ, и онъ снова возвратился послѣ четырехлѣтняго отсутствія въ Петербургъ. Но и тутъ ему нелегко было пристроиться.

«Я скоро убѣдился въ томъ, что мнѣ въ Петербургѣ нечего было ожидать,—читаемъ въ его воспоминаніяхъ. Изъ прежнихъ друзей одни перемерли, другіе разъѣхались; тѣ же, которыхъ я еще встрѣтилъ въ столицѣ, «плыли по теченію», и отъ нихъ мнѣ нечего было ожидать. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ попытать счастья и, написавъ прошеніе на имя императора о принятіи меня снова на службу, отправился съ нимъ въ Царское Село и передалъ его князю Волконскому, но онъ возвратилъ мнѣ прошеніе, сказавъ, что не можетъ подать его государю, такъ какъ о вторичномъ принятіи меня на службу не можетъ быть и рѣчи.

Успѣвъ собрать кое-какія крохи изъ моего состоянія, я рѣшилъ

начать съ этимъ маленькимъ капиталомъ какое-нибудь дѣло. Чрезъ одного пріятеля я познакомился случайно съ г-жею Синявиной, рожденной княжной Мещерской, которая владѣла въ Устюжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, прекраснымъ имѣніемъ съ 354 душъ крестьянъ и желала его продать. Она сообщила мнѣ свое намѣреніе и просила найти ей покупателя. Цѣна, назначенная ею за имѣніе, была такъ незначительна, что я вскорѣ убѣдился, что эта покупка была очень выгодная и что имѣніе можно было перепродать въ три-дорога. Къ тому же изъ этого имѣнія какъ разъ пріѣхали въ Петербургъ трое крестьянъ, съ которыми помѣщица уполномочила меня переговорить обо всемъ. Когда они услыхали, что г-жа Синявина хочетъ продать ихъ, то сознались мнѣ откровенно, что они очень боятся попасть въ руки ея наслѣдниковъ, весьма суровымъ и безчеловѣчнымъ. Побывавъ у меня нѣсколько разъ, они сдѣлались еще довѣрчивѣе и умоляли меня купить ихъ и отпустить на волю, предлагая мнѣ по 1.000 р. за душу мужскаго пола.

Я рѣшилъ пріобрѣсти имѣніе, заключилъ договоръ съ помѣщицей, далъ ей задатокъ и условился уплатить ей деньги по прошествіи трехъ мѣсяцевъ. Поѣхавъ въ Москву для устройства денежныхъ дѣлъ, я осмотрѣлъ по пути имѣніе и убѣдился въ томъ, что я сдѣлалъ очень выгодное пріобрѣтеніе, какъ вдругъ всѣ мои планы неожиданно рушились.

Однажды утромъ ко мнѣ явился московскій оберъ-полиціймейстеръ, полковникъ Равинскій, въ сопровожденіи своего помощника и двухъ казаковъ и передалъ мнѣ полученное изъ Петербурга московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Голицынымъ приказаніе потребовать у меня договоръ, заключенный съ г-жею Синявиной, а въ случаѣ отказа съ моей стороны, немедленно арестовать меня и силою взять у меня заключенный договоръ.

Я передалъ договоръ Равинскому, но попросилъ дать мнѣ въ полученіи его росписку, за подписью его и его помощника.

Въ тотъ же день я сообщилъ о случившемся директору канцеляріи генералъ-губернатора, статскому совѣтнику Шафонскому; онъ сказалъ мнѣ, что слухъ о томъ, будто я хочу отпустить крестьянъ на волю, проникъ въ имѣніе г-жи Синявиной; что объ этомъ узнали ея наслѣдники, донесли о томъ въ Петербургъ и выставили въ своемъ донесеніи на видъ, что освобожденіе этихъ крестьянъ будетъ сигналомъ къ возстанію крѣпостныхъ во всемъ уѣздѣ; поэтому правительство потребовало, чтобы г-жа Синявина нарушила заключенный со мною договоръ.

Въ 1823 и 1824 г.г. я совершилъ нѣсколько поѣздокъ во внутреннія губерніи Россіи и прожилъ нѣкоторое время въ губерніяхъ Могилевской и Витебской. Я гостилъ въ имѣніи одного моего пріятеля близъ Могилева, когда получилось извѣстіе о назначеніи генералъ-лейтенанта князя Хованскаго генералъ-губернаторомъ четырехъ губерній: Моги-

левской, Витебской, Смоленской и Калужской. Вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ него письменное приглашеніе пріѣхать къ нему въ Витебскъ, который онъ избралъ мѣстомъ своего жительства. Я знавалъ князя лѣтъ 20 тому назадъ въ Ригѣ, Дерптѣ и Москвѣ и считалъ его всегда человѣкомъ справедливымъ и просвѣщеннымъ; поэтому его приглашеніе было мнѣ весьма пріятно.

Князь принялъ меня дружески и послѣ обѣда сообщилъ, что государь повелѣлъ ему какъ можно поспѣшнѣе представить докладъ о состояніи двухъ Бѣлорусскихъ губерній, Могилевской и Витебской, но что онъ вовсе не знакомъ съ этой мѣстностью и поэтому проситъ меня написать это донесеніе. Для меня это не составило никакого труда, такъ какъ я имѣлъ обыкновеніе, пріѣзжая въ какую-либо мѣстность, тотчасъ заняться изученіемъ ея въ торговомъ, сельско-хозяйственномъ, промышленномъ и политическомъ отношеніяхъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней я представилъ князю обстоятельное донесеніе. Онъ былъ весьма доволенъ и, облекши его въ подобающую форму, послалъ въ Петербургъ. Въ то же время онъ назначилъ меня состоять при немъ чиновникомъ особыхъ порученій.

Слухъ о моемъ назначеніи вскорѣ сдѣлался извѣстенъ въ губерніи, и нѣсколько дней спустя ко мнѣ явился изъ Могилева одинъ помѣщикъ по имени Мерзіевскій (Mierzievski), съ которымъ я ранѣе былъ знакомъ, и разсказалъ мнѣ о крупномъ злоупотребленіи, учиненнымъ Могилевскимъ губернскимъ правленіемъ съ вѣдома губернатора.

Такъ какъ эта исторія составляетъ любопытную иллюстрацію къ исторіи судебнаго дѣла въ Россіи, то я нахожу нужнымъ изложить ее подробно.

Въ 1820 г. въ Могилевской губерніи былъ большой неурожай, вызвавшій нѣсколько лѣтъ спустя страшный голодъ. Населеніе этой губерніи состоитъ изъ землевладѣльцевъ-дворянъ съ ихъ крѣпостными крестьянами и изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ или шляхтичей, которые представляютъ собою не что иное, какъ свободныхъ крестьянъ. Крѣпостные, шляхтичи и евреи, жившіе въ этой губерніи, буквально умирали тысячами отъ голода. По большимъ дорогамъ бродили мужчины, женщины и дѣти, отыскивая пропитаніе; дороги были усѣяны трупами. Императоръ Александръ, проѣзжая на югъ, былъ свидѣтелемъ этого душу раздирающаго зрѣлища. Глубоко потрясенный, онъ приказалъ представить ему обстоятельное донесеніе о причинахъ голода. Въ донесеніяхъ губернатора и предводителя дворянства говорилось, что причиною голода былъ неурожай, повторявшійся нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, и отсутствіе денегъ на закупку зерна для посѣвовъ. Получивъ это донесеніе, императоръ пожаловалъ нѣсколько милліоновъ рублей и приказалъ распредѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Деньги должны были раздаваться населенію во всѣхъ уѣздахъ губерніи.

2) Въ каждомъ уѣздѣ повелѣно было учредить коммиссію изъ помѣщиковъ, предводителя дворянства, уѣзднаго полиціймейстера, исправника и прочихъ властей подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства.

3) Эта коммиссія должна была какъ можно скорѣе закупить зерно, устроить склады и роздать нуждающимся хлѣбъ и сѣмена и

4) Все это должно было выдаваться натурою, а отнюдь не деньгами.

Зная, какія могли при этомъ возникнуть злоупотребленія, императоръ поставилъ это послѣднее непремѣннымъ условіемъ.

Но какъ только деньги были получены, уѣздные предводители дворянства съ губернскимъ предводителемъ во главѣ предложили губернатору, за извѣстное ими назначенное вознагражденіе, передать деньги прямо въ руки предводителей, на что тотъ и согласился.

Получивъ эти деньги, предводители роздали ихъ помѣщикамъ-дворянамъ. Шляхтичи и крѣпостные ничего не получили. Зерна закуплено не было, склады не были учреждены; голодъ продолжался; болѣе 80-ти тысячъ людей ушли въ сосѣднія губерніи, гдѣ они частью погибли, частью нашли пріютъ у сострадательныхъ помѣщиковъ и крестьянъ. Все это сообщилъ мнѣ Мерзіевскій. Не смотря на поздній часъ, я отправился къ князю Хованскому и передалъ ему слышанное. Хованскій тотчасъ послалъ за Мерзіевскимъ, долго говорилъ съ нимъ и поручилъ мнѣ изложить письменно мнѣніе, какимъ образомъ можно было раскрыть это дѣло. Я предложилъ Мерзіевскому остановиться у меня и приказалъ строго слѣдить за нимъ. Было рѣшено, что онъ поѣдетъ къ двумъ предводителямъ, коихъ онъ считалъ самымъ глупыми, и убѣдитъ ихъ открыть всю правду. Онъ сказалъ предводителямъ, что правительству все извѣстно, что виновнымъ угрожаетъ кнутъ и Сибирь и что единственное средство спасенія,—это подать письменное заявленіе, въ которомъ они разскажутъ всю правду, и напишутъ, что мучимые угрызеніями совѣсти они рѣшили во всемъ сознаться, и просятъ императора помиловать ихъ.

Предводители, перепуганные, тотчасъ написали показаніе и пріѣхали съ Мерзіевскимъ ко мнѣ въ Витебскъ; это было ночью. Не ожидая разсвѣта, я приказалъ тотчасъ разбудить князя и представилъ ему обоихъ предводителей и подписанное ими показаніе. Между тѣмъ князь имѣлъ неосторожность пригласить къ себѣ оршинскаго предводителя и допросить его. Этотъ хитрый, гордый и энергичный человѣкъ отпирался во всемъ и потребовалъ, чтобы было произведено слѣдствіе и чтобы лживый доносчикъ былъ строго наказанъ. Я настоялъ на томъ, чтобы предводитель былъ немедленно арестованъ, но онъ уже успѣлъ уѣхать

въ Могилевъ и поднялъ тамъ тревогу. Въ эту грязную исторію оказались замѣшанными губернаторъ, все губернское правленіе и всѣ дворяне съ ихъ предводителями. Дѣло осложнялось тѣмъ, что губернаторъ, точно также какъ губернскій предводитель дворянства, были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ фельдмаршаломъ графомъ Сакеномъ, командовавшимъ первой арміей, главная квартира коего находилась въ Могилевѣ; фельдмаршалъ и князь Хованскій были между собою на ножахъ, а губернскій предводитель дворянства былъ женатъ на русской, родственники которой занимали видное мѣсто при дворѣ и пользовались благоволеніемъ государя. Въ Петербургъ тотчасъ поскакали курьеры и эстафеты.

Дворянство Витебской губерніи, имѣвшее родственныя связи съ дворянствомъ Могилевской губерніи, взволновалось. Большія суммы денегъ были собраны и посланы въ Петербургъ, чтобы предотвратить грозу. Князь Хованскій стоялъ одиноко, не имѣлъ въ провинціи никакихъ связей и могъ положиться единственно на своего друга генерала Дибича, по ходатайству котораго онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ.

Получивъ открытое предписаніе ко всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ, я поѣхалъ немедленно въ сопровожденіи двухъ жандармовъ въ имѣніе губернскаго предводителя, отстоявшее отъ Могилева въ 42 верстахъ. Проѣзжая чрезъ этотъ городъ, я попросилъ послать вслѣдъ за мною какъ можно скорѣе еще шесть жандармовъ. Пріѣхавъ къ предводителю, я потребовалъ, чтобы онъ разослалъ немедленно ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ эстафеты и пригласилъ бы ихъ явиться къ нему. Когда онъ отвѣчалъ на это съ гордой улыбкой отказомъ, то я показалъ ему данное мнѣ предписаніе и сказалъ, что я тотчасъ арестую его и пошлю подъ конвоемъ жандармовъ въ Витебскъ. Онъ притихъ и разослалъ эстафеты. Предводители съѣхались. Мнѣ пришлось не мало повозиться съ ними. Всѣ они клялись въ томъ, что доносъ не что иное, какъ самая постыдная ложь, и когда я потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ изложилъ письменно, гдѣ именно устроены склады и гдѣ закуплено зерно, то они отказались дать эти показанія подъ предлогомъ, что это оскорбленіе ихъ дворянскаго званія. Мнѣ ничего не оставалось, какъ приказать жандармамъ запречь ихъ сани и объявить предводителямъ, что они должны будутъ ѣхать вмѣстѣ со мною въ Витебскъ. Это подѣйствовало, и они написали требуемыя мною показанія, въ которыхъ не было впрочемъ ни слова правды.

Я возвратился въ Витебскъ черезъ двое сутокъ, но уже не засталъ князя. Тотчасъ послѣ моего отъѣзда онъ получилъ предписаніе немедленно явиться въ Петербургъ и приказалъ мнѣ послать ему туда донесеніе. Такъ какъ я слышалъ въ Могилевѣ отъ одного изъ моихъ пріяте-

лей, что фельдмаршалъ графъ Сакенъ, играя въ вистъ съ губернаторомъ, сказалъ, смѣясь: «Мы отдѣлаемся отъ этого жида (князя Хованскаго)», то, предвидя, что князю угрожала опасность, я рѣшилъ тотчасъ самъ отправиться въ Петербургъ. Съ трудомъ удалось мнѣ получить отъ витебскаго губернатора курьерскую подорожную, безъ которой я не могъ бы получать лошадей безъ задержанія; пришлось даже пустить въ дѣло угрозы; я взялъ съ собою Мерзіевскаго. Пріѣхавъ въ столицу, я узналъ, что императоръ чрезвычайно озлобленъ и приказалъ князю произвести строжайшее слѣдствіе.

Съ этой цѣлью была назначена подъ предсѣдательствомъ смоленскаго губернскаго предводителя дворянства коммиссія, въ составъ которой вошли смоленскій губернскій прокуроръ, Мерзіевскій и я.

Когда всѣ необходимыя формальности были выполнены и день моего отъѣзда назначенъ, я обѣдалъ на прощаньи у князя вмѣстѣ съ генераломъ Сабиромъ и однимъ лицомъ, назвать котораго я не имѣю права. Генералъ былъ закадычнымъ другомъ князя. Онъ служилъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія и, пользуясь особымъ покровительствомъ великой княгини Екатерины Павловны, супругъ которой, герцогъ Ольденбургскій, былъ прежде главноуправляющимъ этого вѣдомства, онъ сдѣлалъ быструю и блестящую карьеру. За столомъ подробно обсуждали возложенное на меня порученіе, и князь и его два друга настоятельно совѣтовали мнѣ дѣйствовать какъ можно энергичнѣе и клялись всѣми святыми, что они окажутъ мнѣ всевозможное содѣйствіе. Я былъ настолько добродушенъ и довѣрчивъ, что повѣрилъ имъ. Послѣ обѣда князь поѣхалъ къ генералу Дибичу, чтобы еще разъ переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Едва успѣлъ онъ уѣхать, какъ появился адъютантъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича и предложилъ мнѣ немедленно отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ графу. Я колебался, не зная, что дѣлать. Однако я рѣшился послѣдовать за адъютантомъ, написавъ предварительно князю нѣсколько словъ. Генералъ Милорадовичъ сказалъ мнѣ, что я долженъ отправиться вмѣстѣ съ его адъютантомъ въ Зимній дворецъ, гдѣ я получу дальнѣйшія приказанія. Мы немедленно отправились туда, и адъютантъ провелъ меня въ зало, смежное съ внутренними покоями императора, гдѣ онъ представилъ меня человѣку, одѣтому въ статское платье и не имѣвшему никакихъ знаковъ отличія. Когда офицеръ удалился, то этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ: «вы увидите сейчасъ императора».

Вслѣдъ за тѣмъ онъ открылъ боковую дверь и предложилъ мнѣ войти въ сосѣднюю комнату. Посреди этой комнаты стоялъ государь въ простомъ сюртукѣ.

— Подойдите ближе,—сказалъ онъ.

Я замѣтилъ, что его лицо выражало величайшее неудовольствіе и

заботу; помолчавъ съ минуту и пристально смотря на меня, императоръ сказалъ:

— Вы взяли на себя трудное дѣло и большую отвѣтственность. Я надѣюсь, что вы человѣкъ честный, неподкупный. Хованскій также вполнѣ полагается на васъ. Это грязная исторія, дѣйствуйте энергично. Я васъ не забуду. Это дѣло мнѣ близко къ сердцу; моимъ довѣріемъ позорно злоупотребили. Поѣзжайте съ Богомъ.

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, что я могу идти. Я удалился, сдѣлавъ безмолвный поклонъ. Когда я уже открылъ двери, то государь крикнулъ мнѣ вслѣдъ:

— Никакихъ полумѣръ,—слышите,—никакихъ полумѣръ. И никому не говорите, что вы получили приказаніе отъ меня лично. Понимаете?

Приказаніе было вполнѣ опредѣленное. Поэтому, когда князь спросилъ меня, что хотѣлъ отъ меня генералъ Милорадовичъ, то я сказалъ, что онъ хотѣлъ узнать, что за человѣкъ сопровождалъ меня. Этому можно было повѣрить, такъ какъ наканунѣ по порученію генералъ-губернатора дѣйствительно пріѣзжалъ чиновникъ узнать, кто такой Мерзіевскій и есть ли у него паспортъ.

Я уѣхалъ въ тотъ же вечеръ. Прежде всего я отправился въ Смоленскъ, чтобы сообщить полученное мною приказаніе предводителю и прокурору, и предложилъ имъ, не теряя ни минуты, прибыть въ Оршу, чтобы открыть дѣйствія коммиссіи и начать слѣдствіе. Замѣшанныя въ дѣлѣ лица весьма естественно ожидали съ нетерпѣніемъ, въ какомъ уѣздѣ будетъ начато слѣдствіе, такъ какъ отъ этого зависѣлъ весь ходъ дѣла. Я избралъ Оршу, такъ какъ тамошній предводитель былъ человѣкъ самый ненадежный. Чтобы застигнуть его врасплохъ, я препроводилъ губернатору Веселовскому предписаніе князя и просилъ его немедленно созвать всѣхъ помѣщиковъ Могилевскаго уѣзда и имѣть наготовѣ всѣ бумаги, которыя могли быть истребованы коммиссіей. Поэтому всѣ думали, что коммиссія начнетъ свои дѣйствія въ Могилевѣ. Фельдмаршалъ Сакенъ и вся главная квартира стали дѣйствовать, не теряя времени. Наскоро были сооружены склады, шляхтичамъ было роздано зерно и деньги, и отъ нихъ получены квитанціи, помѣченныя заднимъ числомъ. Приготовившись такимъ образомъ встрѣтить меня, они торжествовали.

Но мы появились какъ Deus ex machina въ Оршѣ. Мѣстные помѣщики и шляхтичи, числомъ всего 350 чел., получили приглашеніе явиться въ коммиссію. Когда дворянамъ было объявлено, что они будутъ приведены къ присягѣ, то одинъ отставной маіоръ подалъ мнѣ заявленіе, подписанное всѣми присутствующими дворянами, которые протестовали противъ назначенія коммиссіи и отказывались дать какія-либо показанія. Положеніе было критическое. Подумавъ съ минуту,

я принялъ поданную мнѣ бумагу и сказалъ, что записка будетъ немедленно послана съ курьеромъ въ Петербургъ князю Хованскому. Но при этомъ я замѣтилъ, что по существующимъ законамъ всякій протестъ или отказъ подчиниться высочайшему повелѣнію, подписанный болѣе нежели однимъ лицомъ, считается дѣйствіемъ противузаконнымъ и заговоромъ и что имъ придется нести всю отвѣтственность за этотъ необдуманный шагъ. Помѣщики встрепенулись и попросили позволенія посовѣтоваться въ сосѣдней комнатѣ. Послѣ короткаго совѣщанія они просили меня возвратить имъ записку, такъ какъ рѣшили написать протестъ каждый отдѣльно. Въ этомъ, само собою разумѣется, имъ было отказано. Тогда они спросили меня, возвращу ли я имъ записку, если они согласятся присягнуть.

— Сначала присягните, а потомъ получите бумагу,—отвѣчалъ я.

Они рѣшились присягнуть. Каждому изъ нихъ были даны чернила, перо и листъ бумаги, на которомъ были написаны вопросные пункты, на кои каждый изъ нихъ долженъ былъ отвѣтить. При этомъ имъ было строго запрещено сговариваться между собою; каждый долженъ былъ отвѣтить на предложенные вопросы по своему собственному разумѣнію. Пока они писали отвѣты, были допрошены полиціймейстеръ, уѣздные начальники и многіе горожане. Изъ крайне противорѣчивыхъ отвѣтовъ дворянъ и не менѣе противорѣчивыхъ показаній служащихъ вытекало ясно, что дѣло было нечисто. Оставалось допросить шляхтичей. Были приглашены православный и католическій священники, и принесена присяга. Всѣ показали единогласно, что складовъ нигдѣ не было устроено, и что во всемъ уѣздѣ никто не получилъ ни хлѣба, ни сѣмянъ.

Мы работали день и ночь; предварительное слѣдствіе было окончено въ теченіе восьми дней; протоколъ и донесеніе были немедленно посланы въ Петербургъ. Точно также было произведено слѣдствіе въ прочихъ уѣздахъ; результатъ былъ одинъ и тотъ же. Послѣднимъ былъ Могилевскій уѣздъ; не смотря на всѣ принятыя мѣры, истину не удалось скрыть и тамъ, ибо когда шляхтичи узнали, что коммиссія назначена по высочайшему повелѣнію, то показали правду.

По окончаніи слѣдствія губернаторъ Веселовскій былъ вызванъ въ Петербургъ, а я возвратился въ Витебскъ, куда уже прибылъ тѣмъ временемъ князь Хованскій. Можно себѣ представить мое изумленіе, когда князь принялъ меня очень холодно и не предложилъ мнѣ даже сѣсть.

— Вы оказали мнѣ дѣйствительно большую услугу, — сказалъ онъ, выслушавъ меня,—но кто втянулъ меня въ эту проклятую исторію? Это дѣло вашихъ рукъ, поэтому вы и должны были распутать его. На васъ со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы. Вы дѣйствовали слишкомъ строго,

слишкомъ жестоко. Вы должны были пощадить людей. При томъ, вы забыли главное, «съ волками жить, по-волчьи выть». Ступайте я позову васъ.

Этотъ пріемъ возмутилъ меня; я видѣлъ, что моя пѣсня спѣта. Я не могъ возлагать надежды и на императора, такъ какъ я понималъ, что у меня не было къ нему доступа.

Со времени моего назначенія чиновникомъ особыхъ порученій — я не получалъ отъ князя Хованскаго ни копѣйки и расходовалъ свои собственныя деньги. Затруднительное денежное положеніе, въ которомъ я очутился вслѣдствіе этого, вынудило меня подавить гордость и написать князю письмо, прося его уплатить слѣдуемое мнѣ жалованіе и возмѣстить всѣ произведенные расходы. Онъ прислалъ мнѣ съ адъютантомъ 200 руб. ассигнаціями и велѣлъ передать мнѣ, что ему будетъ пріятно, если я подамъ въ отставку, что̀ я и сдѣлалъ немедленно.

Слѣдственное дѣло, произведенное мною, такъ и осталось нерѣшеннымъ въ архивѣ сената: императоръ не упоминалъ о немъ, князь Хованскій получилъ въ награду за произведенное слѣдствіе два прекрасныхъ помѣстья въ окрестностяхъ Вильны, примирился съ дворянствомъ, а его адъютантъ, изъ бывшихъ жандармовъ, получилъ въ награду два чина, орденъ и 20 тысячъ рублей. Что заработалъ при этомъ князь, мнѣ неизвѣстно, но всѣ знали, что его крайне разстроенныя денежныя дѣла съ тѣхъ поръ не только поправились, но сдѣлались блестящи. Предсѣдатель коммиссіи, смоленскій предводитель Аничковъ, человѣкъ весьма богатый, проигравшій князю не мало денегъ въ вистъ, получилъ орденъ; остальные два члена коммиссіи ничего не получили: прокуроръ не получилъ даже того, что имъ было истрачено, и очутился бы въ самомъ бѣдственномъ положеніи, если бы богатый Аничковъ не возвратилъ ему денегъ изъ своего собственнаго кармана.

Въ началѣ 1825 года одинъ изъ моихъ друзей увѣдомилъ меня письменно о томъ, что состоялось повелѣніе учредить въ Вильнѣ школу высшихъ военныхъ наукъ, а пока пригласить въ университетъ профессора военныхъ наукъ. Пріятель совѣтовалъ мнѣ поспѣшить въ Вильно и хлопотать объ этомъ мѣстѣ. Я тотчасъ отправился и былъ временно опредѣленъ на это мѣсто съ приказаніемъ немедленно начать чтеніе лекцій; мнѣ было обѣщано, что вскорѣ будетъ написанъ докладъ о моемъ зачисленіи на это мѣсто.

Мнѣ велѣно было представить программу моихъ лекцій для просмотра одному находившемуся въ Вильно русскому генералу, что̀ я и исполнилъ.

Въ тотъ день, когда должно было начаться чтеніе лекцій, генералъ возвратилъ мнѣ мою программу, сказавъ:

— Все это глупости, вы говорите объ искусствѣ и искусствѣ, о наукѣ

*

и наукѣ. Если вы хотите просвѣтить молодыхъ поляковъ, вы должны говорить о русскихъ штыкахъ. Все остальное глупости.

Я былъ такъ возмущенъ, что сказалъ собравшимся только короткую рѣчь, сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о военномъ искусствѣ и прекратилъ лекцію къ великому неудовольствію генерала. На послѣдующихъ моихъ лекціяхъ появлялся каждый разъ полицейскій чиновникъ. Въ университетской библіотекѣ не оказалось сочиненій по военнымъ наукамъ. Мнѣ пришлось выписать ихъ изъ Кёнигсберга, и я составилъ небольшую, но очень полную библіотеку военныхъ наукъ и хотя бы я не сдѣлалъ ничего болѣе для Виленскаго университета, за мною все же остается заслуга, что я положилъ основаніе этой библіотекѣ, составленной изъ лучшихъ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненій. Для удовлетворенія самой настоятельной необходимости я составилъ наскоро маленькую справочную книгу военныхъ наукъ для руководства моихъ слушателей и напечаталъ ее у Завадскаго. Но Боже мой, что я долженъ былъ почувствовать, когда ректоръ Пеликанъ, просмотрѣвъ ее, воскликнулъ:

— Вы хотите дѣлать здѣсь нововведенія? У насъ есть старые профессора, которые не написали еще ни одной книги, а вы хотите съ этого начать? Да въ умѣ ли вы?

На подобныя глупости нечего было отвѣчать.

О моемъ окончательномъ назначеніи все еще не было рѣчи, меня все водили за носъ. Между тѣмъ, непріятности, которыя я имѣлъ по поводу моихъ лекцій, дошли до того, что я былъ вынужденъ прекратить ихъ и подать въ отставку. Я не могъ долѣе быть свидѣтелемъ и невольнымъ участникомъ тѣхъ безобразій, какія творились въ университетѣ и въ учебномъ округѣ. Юноши, мальчики, даже дѣти, какъ напр. въ школѣ въ Кейданахъ, сажались подъ арестъ и жестоко наказывались подъ предлогомъ, будто они участвовали въ политическихъ проискахъ. Тюрьмы были переполнены, въ нихъ не хватало мѣста, и несчастныхъ молодыхъ людей заточали въ монастыри; но довольно объ этомъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ я имѣлъ случай видѣть въ Ригѣ герцога Александра Виртенбергскаго, брата императрицы Маріи Θеодоровны, и часто бывалъ у него. Онъ стоялъ въ то время въ Ригѣ со своимъ полкомъ и такъ какъ онъ обыкновенно нуждался въ деньгахъ, то мой отецъ имѣлъ случай оказывать ему маленькія услуги. Впослѣдствіи я видѣлъ его въ Петербургѣ и въ арміи, и онъ относился ко мнѣ всегда доброжелательно. Я послалъ герцогу мою справочную книгу военныхъ наукъ и попросилъ его принять меня на службу въ вѣдомство путей сообщенія, коего онъ былъ главноуправляющимъ, а самъ уѣхалъ между тѣмъ въ Слонимъ и ожидалъ тамъ отвѣта. Отвѣтъ получился благопріятный,

но мнѣ было поставлено условіемъ, чтобы я выдержалъ экзаменъ, который долженъ былъ быть только пустой формальностью.

Семейныя обстоятельства мои настоятельно требовали, чтобы я уѣхалъ въ Германію, но мнѣ было отказано въ заграничномъ паспортѣ.

Я хотѣлъ тайно переѣхать черезъ границу, но убѣдился вскорѣ, что это было неисполнимо и сопряжено съ большой опасностью. Когда я пріѣхалъ въ предмѣстье Варшавы, въ Прагу, меня тотчасъ встрѣтили два жандарма, отвезли въ гостиницу близъ Пражскаго моста, и мнѣ было приказано немедленно явиться къ коменданту генералу Левицкому. Генералъ приказалъ мнѣ на слѣдующій день быть въ 5 часовъ утра въ Бельведерѣ, у великаго князя. Въ назначенный часъ я былъ въ пріемной, гдѣ никого еще не было. Въ 6 часовъ появился генералъ Левицкій. Къ 7 часамъ слишкомъ двадцать офицеровъ собралось въ томъ залѣ, въ которомъ великій князь принималъ рапорты. Они стояли полукругомъ; адъютантъ поставилъ меня среди нихъ. Вскорѣ появился другой адъютантъ, который указалъ мнѣ мѣсто у боковой двери. Она отворилась, и передо мною появился великій князь. Онъ постоялъ съ минуту и пристально смотрѣлъ на меня. Я смотрѣлъ на него такъ же пристально. Затѣмъ онъ обратился къ стоявшему возлѣ меня офицеру, взялъ у него рапортъ и обошелъ весь кругъ. Потомъ подошелъ снова ко мнѣ.

— Вы голландецъ?—спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше императорское высочество!—отвѣчалъ я, хотя я не могъ понять этого вопроса, такъ какъ великій князь меня зналъ и зналъ прекрасно, что я лифляндецъ.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Варшаву?

— Просить ваше императорское высочество милостиво дать мнѣ паспортъ.

— Вы хотите ѣхать въ ваше отечество, въ Голландію?

— Да! ваше императорское высочество, если вы разрѣшите мнѣ это.

— Явитесь къ генералу Курутѣ.

Это былъ начальникъ его штаба и довѣренное лицо великаго князя.

Всѣ удалились, а я отправился во флигель, гдѣ засталъ генерала Куруту. Увидавъ меня, онъ сказалъ полковнику барону Засу, курляндцу, который отлично зналъ меня: «Попалась птичка!»

Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ и приказалъ являться каждый день въ Бельведеръ въ 5 часовъ утра, такъ какъ великій князь желалъ видѣть меня ежедневно. Я являлся во дворецъ аккуратно каждое утро, великій князь каждый разъ останавливался передо мною и пристально смотрѣлъ на меня, не говоря ни слова. Это продолжалось съ апрѣля мѣсяца все лѣто 1827 года, безъ перерыва.

Находясь въ тревожной неизвѣстности, я тщетно обращался къ генералу Курутѣ. Онъ не принималъ меня. Наконецъ, я встрѣтилъ его

однажды на лѣстницѣ зданія штаба и убѣдительно просилъ его сказать, что отъ меня хотятъ. Онъ посмотрѣлъ на меня, схватилъ меня за руки и сказалъ мягко:

— Вы человѣкъ благоразумный!—Скажите мнѣ, могу ли я сдѣлать васъ китайскимъ императоромъ? Точно также я не могу сказать вамъ, что съ вами будетъ. Обратитесь къ дежурному генералу, быть можетъ, онъ что-либо объяснитъ вамъ.

Я отправился къ дежурному генералу, который принялъ меня грубо.

— Что вы хотите отъ меня? — сказалъ онъ.—Вы съ ума сошли. Какое мнѣ до васъ дѣло? Убирайтесь вонъ, иначе я прикажу васъ арестовать.

Вернувшись домой, я нашелъ у себя записку, съ приглашеніемъ явиться немедленно къ адъютанту великаго князя. Я поспѣшилъ къ нему. Адъютантъ предложилъ мнѣ позавтракать съ нимъ и сказалъ, что великій князь приказалъ выдать мнѣ 200 рублей сер., препроводить мои бумаги къ виленскому генералъ-губернатору для выдачи мнѣ паспорта для возвращенія на родину въ Голландію; что этотъ паспортъ въ скоромъ времени будетъ полученъ, полиціи приказано уже визировать его, что мнѣ нѣтъ болѣе надобности являться по утру въ Бельведеръ; и великій князь приказалъ пожелать мнѣ счастливаго пути.

Дѣйствительно, я получилъ вскорѣ паспортъ и, поспѣшивъ добраться до границы, оставилъ Россію навсегда.

Графъ Джонъ Бёкингхэмширъ

при дворѣ Екатерины II.

(1762—1765 г.г.) [1]).

I.

Союза съ Россіей Англія желала, какъ извѣстно, потому, что разсчитывала найти въ ней противовѣсъ преобладающему вліянію своей соперницы на политическомъ и торговомъ поприщѣ, Франціи. Правительство Георга II находило, что интересы Россіи рѣшительно во всемъ противны интересамъ Франціи, которая, помимо своего вліянія въ южной Европѣ, а также въ Швеціи, поддерживала и старалась усилить противъ русскихъ и австрійцевъ Турцію и Польшу. Дѣятельное стремленіе Велико-

---

[1]) Въ 1793 году въ Англіи въ Норфокскомъ графствѣ, умеръ Джонъ Гобартъ, второй графъ Бёкингхэмширскій, бывшій британскимъ чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургѣ въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II. Часть оставшихся послѣ него бумагъ была напечатана въ 1900 г. и составила первый томъ книги, озаглавленной: „Депеши и переписка Джона, второго графа Бёкингхэмширскаго, посла при дворѣ императрицы Екатерины II, въ 1762—1765 г.г.“ (The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II. of Russia 1762–1765.). Въ этотъ томъ вошли документы, относящіеся ко времени съ сентября 1762 по конецъ февраля 1763 г., т. е. къ тому любопытному году, когда императрица Екатерина II, едва вступивъ на престолъ, дѣлала первые самостоятельные шаги въ политикѣ, постепенно ознакомляя окружающихъ съ особенностями своей выходящей изъ ряда личности. Судя по замѣткамъ, разбросаннымъ въ бумагахъ графа Джона, онъ обладалъ довольно тонкою наблюдательностью; поэтому въ нихъ, особенно же въ письмахъ его къ теткѣ, лэди Сёфокъ (Suffolk), и въ замѣткахъ, дѣланныхъ имъ лично для себя, на память, встрѣчаются небезъинтересныя данныя какъ о самой Екатеринѣ II, такъ и о лицахъ, ее окружавшихъ.

британіи къ союзу съ Россіей начало особенно замѣтно проявляться съ 1739 г., тотчасъ послѣ того, какъ при петербургскомъ дворѣ былъ аккредитованъ Франціею де-ла-Шетарди. Съ этимъ назначеніемъ возобновлялись дипломатическія сношенія между французскимъ и русскимъ дворами, которыя были совершенно прерваны съ 1726 г., т. е. со времени заключенія союза Россіи съ Австріей. Такъ какъ въ эту пору впервые понято было Европою, какое важное значеніе имѣетъ Россія для уравновѣшенія силъ на континентѣ, то европейскія державы стали наперерывъ домогаться сближенія съ нею, вслѣдствіе чего при петербургскомъ дворѣ естественно возникло состязаніе между дипломатическими представителями различныхъ державъ. Поэтому понятно, что въ назначеніи маркиза де-ла-Шетарди англійскій кабинетъ усмотрѣлъ опасность французской интриги въ самомъ Петербургѣ.

Франція же дѣйствительно стремилась достигнуть въ Петербургѣ вліянія путемъ поддержки переворота, послѣдствіемъ котораго было вступленіе на русскій престолъ императрицы Елизаветы. Способствуя этому перевороту, французская дипломатія, какъ извѣстно, разсчитывала на то, что съ паденіемъ нѣмецкой династіи падетъ и вліяніе Австріи при петербургскомъ дворѣ. И вотъ съ этихъ поръ лондонскій дворъ установилъ постоянныя дипломатическія сношенія съ Россіею чрезъ своихъ пословъ, которымъ поручалъ добиваться соглашенія съ петербургскимъ кабинетомъ.

Этимъ былъ положенъ конецъ отчужденію, существовавшему между Англіей и Россіей со временъ распри Петра Великаго съ королемъ Георгомъ I. Къ 1739 году въ Лондонѣ было признано, что безопасность Англіи зависитъ отъ уравновѣшенія силъ, чему противодѣйствуютъ честолюбіе и интриги Франціи, и что Великобританія ни отъ кого не можетъ ожидать такой пользы, какъ отъ Россіи. Руководствоваться этимъ соображеніемъ предписано было Финчу, назначенному, въ 1740 году, британскимъ чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургъ, чтобы онъ постарался убѣдить петербургскій кабинетъ въ опасности какъ для него, такъ и для Англіи, французскихъ интригъ въ Даніи и Швеціи, съ цѣлью соединить ихъ противъ Россіи. Ради противодѣйствія этимъ интригамъ, послу было предписано предложить заключеніе оборонительнаго англо-русскаго союза. Но союза съ Россіей домогался также и прусскій король Фридрихъ, къ досадѣ англійскаго короля, который въ огромныхъ вооруженныхъ силахъ своего племянника видѣлъ постоянную угрозу для Ганновера. Въ разгаръ борьбы между иностранными дипломатами въ Петербургѣ былъ канцлеромъ Бестужевъ, занявшій этотъ постъ въ 1744 г.; съ нимъ-то и приходилось имѣть дѣло соперничествовавшимъ между собою представителямъ Франціи, Австріи, Англіи и Пруссіи.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности дипломатической борьбы,

происходившей до Екатерины II при петербургскомъ дворѣ между представителями державъ, которыя искали сближенія съ Россіей. Достаточно напомнить, что вплоть до восшествія на престолъ этой императрицы, борьба эта велась сторонами съ перемѣннымъ успѣхомъ и въ кратковременное правленіе Петра III склонилась въ пользу Пруссіи. Что касается Екатерины, то она, еще въ бытность великою княгиней, горячо стояла за союзъ съ Англіей и очень дружелюбно относилась къ тогдашнему англійскому послу, сэру Чарльзу Гэнбёри Уильямзу [1]). Быть можетъ, причиною этого дружелюбія было отчасти то, что Уильямзъ привезъ съ собою изъ Варшавы красавца Станислава Понятовскаго, произведшаго, какъ извѣстно, сильное впечатлѣніе на будущую императрицу. Оба прибывшіе, при участіи канцлера Бестужева, незадолго передъ тѣмъ получившаго отъ англійскаго короля денежное пособіе, не замедлили пріобрѣсти большое вліяніе на «малый дворъ», или, вѣрнѣе, на великую княгиню Екатерину, такъ какъ супругъ ея уже и тогда былъ завзятымъ сторонникомъ Пруссіи. Оказавъ содѣйствіе заключенію англо-русскаго договора 1755 года, Екатерина, какъ видно изъ бумагъ графа Бёкингхэмшира, написала Уильямзу (по-французски): «Съ истиннымъ удовольствіемъ поздравляю васъ съ заключеніемъ вашего договора, котораго я всегда горячо желала, находя его полезнымъ и нужнымъ для моего второго отечества, за которое, какъ вы знаете, я съ радостью пролила бы мою кровь. Когда-нибудь (хотя я молю Провидѣніе отдалить это на долгіе годы) я самымъ дѣйствительнымъ образомъ продлю дѣйствіе этого договора и разсчитываю доказать этимъ въ надлежащую пору его британскому величеству мою заботливость о взаимныхъ интересахъ обѣихъ коронъ и признательность за неоднократныя проявленія дружбы, которыми его величеству угодно было почтить меня». Впослѣдствіи, въ 1757 г., когда Уильямзъ навсегда покидалъ Петербургъ, потерпѣвъ въ концѣ концовъ неудачу, она снова писала ему, увѣряя, что сдѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы вернуть Россію къ тѣсному союзу съ Англіей.

За годъ передъ тѣмъ, т. е. въ 1756 г., какъ оказывается изъ переписки Уильямза, великая княгиня выражала чрезъ него желаніе занять

[1]) Этотъ Уильямзъ, свѣтскій повѣса, но очень ловкій человѣкъ, состоялъ въ 1745 г. при саксонскомъ дворѣ и находился въ Варшавѣ съ саксонскимъ курфюрстомъ, причемъ сблизился съ партіей Чарторыйскаго и Понятовскаго. Это явилось сильною помѣхой для французской партіи, которая интриговала въ то время въ пользу признанія принца Конти преемникомъ польскаго престола. Изъ Варшавы Гэнбёри Уильямза перевели въ Петербургъ, гдѣ онъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, въ полтора мѣсяца добился заключенія англо-русскаго договора 1755 г., который, впрочемъ, въ виду сдѣланныхъ въ немъ оговорокъ, не удовлетворилъ Англію.

денегъ, «съ тѣмъ, чтобы употребить ихъ въ пользу Англіи». При этомъ она говорила англійскому послу, что видитъ опасность французскихъ интригъ въ родѣ такихъ, помощью которыхъ де-ла-Шетарди уже способствовалъ однажды дворцовому перевороту; и что она всѣми силами будетъ убѣждать великаго князя, чтобы онъ противился допущенію вновь въ Петербургъ представителя Франціи (которая съ 1748 по 1756 г.) не имѣла дипломатическихъ сношеній съ Россіею. Она прибавляла, что могла бы сдѣлать и гораздо больше, еслибы у нея были деньги, безъ которыхъ въ Россіи ничего не достигнешь. Англійское правительство, конечно, не замедлило воспользоваться этимъ случаемъ для поддержанія добраго расположенія будущей императрицы: въ августѣ не только прислано было великой княгинѣ 10.000 ф. ст., но и Бестужеву, котораго Англіи нужно было удержать на своей сторонѣ, назначена пенсія.

Прусскій король, съ своей стороны, тоже старался снискать расположеніе «малаго двора» и, притомъ, преимущественно чрезъ посредство того же Уильямза. Готовность послѣдняго способствовать домогательствамъ Фридриха Великаго объясняется полученными имъ изъ Лондона инструкціями. Дѣло въ томъ, что, посылая Уильямза въ Петербургъ для заключенія союза съ Россіей, британское правительство задумало заключить одновременно союзъ и съ прусскимъ королемъ, противъ котораго какъ императрица Елизавета, такъ и ея канцлеръ, Бестужевъ, были настроены крайне враждебно. И вотъ, едва послѣдовала ратификація англо-русскаго договора 1755 года, какъ Уильямзу было сообщено изъ Лондона о предполагающемся договорѣ съ Пруссіей, съ предписаніемъ выпутаться какъ-нибудь изъ затруднительнаго положенія, созданнаго такимъ совпаденіемъ. Ему поручалось указать петербургскому двору на то, что Пруссія безъ Франціи никогда не можетъ быть опасною для Россіи и, что, слѣдовательно, Англія, въ сущности, не отступила отъ своей давней системы, такъ какъ цѣлью ея союза съ Россіей служитъ ихъ совокупное противодѣйствіе Франціи. Въ лицѣ Фридриха, отъ Франціи отдаленъ - де могущественный союзникъ, а это должно-де быть выгодно для Россіи и для союзной ей Австріи.

Такимъ же содѣйствіемъ пользовался Фридрихъ потомъ и со стороны преемника Уильямза, сэра Роберта Кійса (Keith), который, притомъ, и лично проникнутъ былъ глубокимъ уваженіемъ къ прусскому королю. Кійсъ состоялъ ранѣе британскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, но былъ въ 1758 г. переведенъ въ Петербургъ, гдѣ и оставался до прибытія графа Бёкингхэмшира въ сентябрѣ 1762 г. Согласно даннымъ ему изъ Лондона инструкціямъ, Кійсъ открыто предстательствовалъ при петербургскомъ дворѣ за Фридриха II и состоялъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ нимъ чрезъ британскаго представителя въ Берлинѣ, Митчеля.

Такимъ образомъ, противники Англіи имѣли основаніе опасаться англо-прусской партіи, домогаться разъединенія которой было, слѣдовательно, въ интересахъ партіи франко-австрійской. Представителемъ Франціи въ Петербургѣ былъ въ 1757 г. Л'Опиталь. Питая увѣренность, что императрица Елизавета устранитъ великаго князя отъ престолонаслѣдія, дипломатъ этотъ не старался сблизиться съ «малымъ дворомъ» и вскорѣ рѣшительно вооружилъ противъ себя великую княгиню Екатерину, сдѣлавъ попытку удалить изъ Петербурга Понятовскаго. Этотъ вліятельнѣйшій изъ приближенныхъ къ великой княгинѣ людей состоялъ въ началѣ при англійскомъ посольствѣ, въ качествѣ друга и секретаря Уильямза, но въ 1757 г. польскій король, курфюрстъ саксонскій Августъ III, назначилъ его своимъ полномочнымъ министромъ при петербургскомъ дворѣ. Когда, по настоянію французскаго короля Людовика XV, польскій король рѣшилъ отозвать Понятовскаго, Екатерина, негодуя на Л'Опиталя за эту мѣру, стала добиваться ея отмѣны и, чрезъ канцлера Бестужева, достигла того, что Станиславъ Понятовскій былъ оставленъ въ Петербургѣ, хотя уже и въ другомъ качествѣ, и пробылъ здѣсь до 1758 г., когда раздоръ между Елизаветой и великою княгиней повлекъ за собою высылку всѣхъ преданныхъ последней людей.

Помимо этого эпизода, Екатерина возмущалась французскими интригами также и потому, что онѣ подкапывались подъ Бестужева, паденіе котораго разстроило бы и ея планы. Бестужева же Франція ненавидѣла за англо-русскіе союзы 1742 и 1755 г.г., а также за униженіе, испытанное ея посломъ де-ла-Шетарди. Видя въ Бестужевѣ руководителя той оппозиціи, которую «малый дворъ» оказывалъ французскому вліянію, Л'Опиталь всѣми силами старался погубить его, въ чемъ ему содѣйствовалъ и австрійскій посолъ Эстергази, чернившій Бестужева передъ Елизаветой. Соединеннымъ усиліямъ ихъ удалось навлечь на него подозрѣніе въ соучастіи въ замыслѣ относительно возведенія на престолъ Екатерины, послѣ чего Бестужевъ попалъ подъ судъ и, послѣ слѣдствія, тянувшагося почти цѣлый годъ, былъ сосланъ въ 1759 г. Паденіе его было торжествомъ французской партіи. Но, въ виду постоянно ухудшавшагося состоянія здоровья императрицы Елизаветы, французское правительство увидѣло наконецъ необходимость попытаться снискать расположеніе великой княгини и въ 1760 г. прислало въ Петербургъ, въ помощь Л'Опиталю, молодого и изящнаго драгунскаго полковника, барона Бретейля, которымъ, въ случаѣ надобности, предполагалось замѣнить Л'Опиталя. Въ Парижѣ, повидимому, полагали, что Бретейлю, благодаря его наружности, удастся занять при великой княгинѣ такое же вліятельное положеніе, какое выпало ранѣе на долю Понятовскаго. Ожиданія эти, однако, не оправдались.

Присылка Бретёйля въ Петербургъ совпала по времени съ той порой, когда Францiя начинала уже чувствовать утомленiе отъ Семилѣтней войны. Тогдашнiй французскiй первый министръ, герцогъ Шуазёль, склонялся къ мысли, что было бы хорошо, еслибы удалось побудить Россiю, чтобы она взяла на себя посредничество между Австрiею и Пруссiею, въ видахъ заключенiя между ними мира; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ тою же цѣлью начаты были переговоры между Францiей и Англiей. Это собственно и было цѣлью новой французской политики, стремившейся въ послѣднiе годы царствованiя Елизаветы сблизиться съ «малымъ дворомъ». Бретёйлю приходилось исправить промахъ, сдѣланный въ этомъ отношенiи Л'Опиталемъ.

Задача эта была чрезвычайно трудна, такъ какъ Бретёйль являлся представителемъ не только завѣдомой политики своего правительства, но и той, которая крылась въ тайной перепискѣ, въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ веденной Людовикомъ XV, безъ вѣдома его министровъ, съ императрицею Елизаветой. Такую секретную дипломатiю французскiй король велъ съ нѣсколькими европейскими дворами чрезъ особыхъ агентовъ, по виду занимавшихъ подчиненное положенiе при аккредитованныхъ послахъ, но всегда бывшихъ въ состоянiи противодѣйствовать переговорамъ послѣднихъ, соотвѣтственно личныхъ замысламъ короля. Главною цѣлью этихъ замысловъ было сохраненiе Польши, въ которомъ Людовикъ XV былъ заинтересованъ и по личнымъ, и по политическимъ причинамъ. На этотъ счетъ, такъ же, какъ и въ различныхъ другихъ отношенiяхъ, оффицiальныя инструкцiи Бретёйля находились въ противорѣчiи съ предписанiями, полученными имъ отъ короля секретно, и примирить тѣ и другiя было невозможно. Такъ, напр., чтобы прiобрѣсть расположенiе великой княгини, Бретёйлю велѣно было дать ей понять, что французскiй король готовъ употребить впослѣдствiи свое влiянiе на польскаго короля, чтобы достигнуть возвращенiя Понятовскаго въ Петербургъ, что было страстнымъ желанiемъ Екатерины; секретными же инструкцiями ему предписывалось всѣми силами препятствовать возвращенiю этого посланника, противодѣйствовавшаго своимъ влiянiемъ французскимъ интересамъ въ Польшѣ. Кромѣ того, задача Бретёйля затруднялась еще и тѣмъ дурнымъ впечатлѣнiемъ, которое не могла не произвести въ Россiи традицiонная политика Францiи по отношенiю къ Швецiи, Турцiи и Польшѣ. А между тѣмъ, данныя французскому посланцу инструкцiи прямо показываютъ, что въ послѣднiе годы царствованiя императрицы Елизаветы Францiя сильно побаивалась возрастающаго влiянiя Россiи и была очень заинтересована въ установленiи добрыхъ отношенiй съ нею въ тѣхъ видахъ, чтобы держать ее, по возможности, подальше отъ европейскихъ дѣлъ.

II.

Таково было положеніе Франціи по отношенію къ Россіи, когда, на рубежѣ 1761—1762 г., императрица Елизавета скончалась, и на престолъ вступилъ Петръ III. Всѣмъ было извѣстно, что новый императоръ противникъ союза съ Франціей и вообще всего французскаго, а къ прусскому королю питаетъ дружбу. Послѣднее и не замедлило выразиться заключеніемъ мира съ Пруссіею уже весною 1762 г., а черезъ мѣсяцъ послѣдовало и заключеніе съ нею тѣснаго союза. Что касается Англіи, положеніе ея относительно Россіи, передъ которой она до нѣкоторой степени скомпрометтировала себя ранѣе союзомъ съ Фридрихомъ въ 1756 г., могло оказаться шаткимъ. Настроеніе Екатерины относительно Англіи видимо не измѣнилось: какъ, будучи великою княгиней, она не скупилась на всякія обѣщанія передъ Уильямзомъ, такъ и ставъ императрицей, она осыпала знаками вниманія новаго англійскаго посла, графа Бѣкингхэмшира. Однако отъ заключенія съ Англіею союза, которому прежде такъ сочувствовала, она стала теперь сторониться, тогда какъ главною цѣлью миссіи Бѣкингхэмшира было именно возобновленіе истекшаго союза, а нѣсколько позднѣе также и противодѣйствіе вліянію Фридриха Великаго, который, по окончаніи Семилѣтней войны, снова проявилъ крайнюю враждебность относительно Англіи. Бѣкингхэмшира предполагалось аккредитовать собственно при дворѣ Петра III, но пока онъ готовился къ отъѣзду и находился въ дорогѣ, императора не стало, и на престолъ вступила Екатерина II.

Извѣстіе о переворотѣ сообщено было посломъ Кійсомъ въ Лондонъ за нѣсколько дней до отъѣзда оттуда графа Бѣкингхэмшира. Кійсъ подробно описывалъ въ своей депешѣ обстоятельства, при которыхъ послѣдовала кончина Петра III; такимъ образомъ, графъ Бѣкингхэмширъ былъ еще до выѣзда въ Петербургъ болѣе или менѣе освѣдомленъ о случившемся. Въ бумагахъ его найдена обстоятельная записка о положеніи дѣлъ въ Россіи въ 1762 г., очевидно составленная для него лицомъ, обладавшимъ болѣе полными свѣдѣніями, чѣмъ какими онъ самъ могъ располагать въ первые дни по прибытіи въ Петербургъ. Европа полна была всякихъ слуховъ о переворотѣ, и графу Бѣкингхэмширу, когда онъ, на пути къ своему посту, прибылъ въ Копенгагенъ, совѣтовали лучше переждать тамъ, пока въ Россіи все придетъ въ порядокъ; но онъ рѣшилъ продолжать путь и въ срединѣ сентября прибылъ въ Петербургъ. Характерна слѣдующая подробность, показывающая, какою нелестною репутаціей пользовались тогда за границею русскіе государственные люди: британскому послу дано было 50.000 фунт. ст., съ порученіемъ употребить ихъ согласно послѣдующимъ пред-

писаніямъ, а въ случаѣ особой надобности распорядиться ими по собственному усмотрѣнію, дѣйствуя однако съ осторожностью и безъ особенной щедрости (Предмѣстнику его, Кійсу, дано было для той же цѣли 100.000 ф. ст.).

Императрица уже заявила въ Лондонѣ, чрезъ посла графа Семена Романовича Воронцова, о своихъ вполнѣ дружественныхъ чувствахъ къ Англіи, и потому британское правительство, посылая графа Бёкингхэмшира въ Петербургъ, было увѣрено, что ему удастся достигнуть заключенія договоровъ о союзѣ и о торговлѣ, особенно въ виду недостаточной пока прочности положенія новой государыни.

III.

Графъ Бёкингхэмширъ попалъ въ Петербургъ въ такое время, когда столица была пуста, за отъѣздомъ двора въ Москву.

«Я прибылъ сюда—писалъ онъ лорду Гренвилю отъ 24-го сентября (нов. ст.) 1762 г.—вчера вечеромъ, очень утомленный послѣднею частью моей поѣздки [1]. Дворъ и все, что къ нему принадлежитъ, перебрались въ Москву, гдѣ въ слѣдующее воскресенье назначена коронація. Мнѣ невозможно будетъ поспѣть туда на эту церемонію, такъ какъ еще не прибыли моремъ мои экипажи, вещи и слуги, да и въ Москвѣ еще не приготовлено для меня дома. Говорятъ также, что и дороги въ очень дурномъ состояніи, а лошади до того замучены проѣздомъ массы народа по этому пути, что ѣхать теперь невозможно. Надѣюсь, однако, быть въ Москвѣ спустя два-три дня послѣ коронаціи. Императрица повелѣла оказать послу его величества, при прибытіи въ Кронштадтъ, всевозможные знаки вниманія. Депеши ваши я передалъ г. Кійсу».

Въ дальнѣйшихъ депешахъ, писанныхъ графомъ Бёкингхэмширомъ въ первые дни его пребыванія въ Петербургѣ, онъ знакомитъ британскаго министра иностранныхъ дѣлъ Гренвиля съ нѣсколько затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ онъ очутился вслѣдствіе отсутствія императорскаго двора. По совѣту Кійса, онъ сообщилъ о своемъ пріѣздѣ одному изъ оставшихся въ Петербургѣ сенаторовъ, Неплюеву. Тотъ немедленно прислалъ ему вѣжливѣйшее поздравленіе, извиняясь, однако, въ томъ, что, по случаю нездоровья, не можетъ быть у него лично. По этому поводу британскій посолъ сдѣлалъ въ своей записной книжкѣ

---

[1]) Дальніе переѣзды совершались тогда крайне медленно. Такъ, напр., одинъ изъ посланныхъ изъ Лондона курьеровъ провелъ въ дорогѣ 35 дней. Отъ Берлина до Петербурга онъ ѣхалъ 21 день.

слѣдующую, не лишенную мѣткости отмѣтку: «Когда русскій видитъ себя въ сколько-нибудь непріятномъ или затруднительномъ положеніи, онъ тотчасъ же прикидывается больнымъ и не выходитъ изъ дома». Предполагая, что такъ же поступилъ въ данномъ случаѣ и Неплюевъ, онъ отклонилъ полученное отъ него вскорѣ послѣ этого приглашеніе на обѣдъ по случаю дня рожденія великаго князя, тѣмъ болѣе, что по своей инструкціи посолъ долженъ былъ сдѣлать первый визитъ не кому иному, какъ канцлеру и вице-канцлеру. Фельдмаршалъ Минихъ, въ январѣ 1762 г. возвращенный Петромъ III изъ ссылки и находившійся теперь въ Петербургѣ, далъ знать Кийсу, что если ему будетъ сообщено о пріѣздѣ графа Бёкингхэмшира, то онъ тотчасъ же сдѣлаетъ ему визитъ, что и исполнилъ. «Минихъ,—писалъ Бёкингхэмширъ по поводу этого посѣщенія,—изящнѣйшій старикъ, какого мнѣ только случалось видѣть. Онъ разсказалъ мнѣ, что имѣлъ нѣкогда честь служить Великобританіи и навсегда сохранитъ сердечнѣйшую привязанность къ этой странѣ». Кийсъ, съ своей стороны, упоминая о возвращеніи Миниха изъ ссылки, говоритъ, что онъ вернулся вполнѣ здоровымъ и въ полномъ обладаніи своими умственными способностями, проникнутый глубокою признательностью къ помиловавшему его императору. Въ бумагахъ графа Бёкингхэмшира сохранилось нѣсколько писемъ Миниха къ нему, которыя свидѣтельствуютъ, что между обоими этими лицами установились очень хорошія отношенія.

Недѣли двѣ британскому послу пришлось просидѣть въ Петербургѣ среди различныхъ хлопотъ и ожиданій: то таможенные чиновники затягивали досмотръ его прибывшихъ вещей, то не было надежды достать лошадей на московской дорогѣ, и потому приходилось со дня на день откладывать поѣздку въ Москву, куда графъ Бёкингхэмширъ такъ и не попалъ на коронацію. Онъ тяготился своею дипломатическою бездѣятельностью, просилъ Гренвиля объяснить королю, что замедленіе происходитъ не по его винѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, собиралъ подъ рукою и кое-какія свѣдѣнія, которыя можно было добыть тогда въ опустѣвшемъ Петербургѣ.

«Въ теченіе нѣсколькихъ дней моего пребыванія здѣсь—писалъ онъ Гренвилю отъ 6-го октября (нов. ст.)—я не имѣлъ возможности, за отсутствіемъ двора, собрать какія-либо важныя свѣдѣнія. Могу, однако, сообщить вамъ, и притомъ, на основаніи достовѣрнаго источника, на который, мнѣ кажется, можно вполнѣ положиться, слѣдующій фактъ. Тотчасъ послѣ происшедшаго здѣсь недавно переворота, императрица отправила нарочнаго къ Понятовскому съ воспрещеніемъ ему пріѣзжать въ Россію, причемъ она, однако, увѣряла его въ своемъ неизмѣнномъ вниманіи и дружественномъ расположеніи и сообщала, что даже въ томъ случаѣ, еслибы польскій престолъ оказался вакантнымъ, она употре-

бить всѣ силы, чтобы доставить его Понятовскому, а въ случаѣ невозможности этого,—одному изъ членовъ семьи Чарторыйскихъ. Подробности на этотъ счетъ будутъ переданы вамъ г. Кійсомъ, по его возвращеніи въ Англію. Впослѣдствіи я слышалъ, что польскій король (курфюрстъ саксонскій Августъ III) сильно занемогъ, что, говорятъ, и послужило причиною даннаго русской арміи приказанія оставаться въ Польшѣ». Что касается тогдашняго настроенія русскаго общества, то въ той же депешѣ графъ Бёкингхэмширъ передавалъ, что сколько онъ можетъ судить на основаніи дошедшихъ до него пока свѣдѣній, въ народѣ замѣтны неувѣренность и колебаніе, чѣмъ дворъ встревоженъ.

Едва къ 20-му октября удалось, наконецъ, англійскому послу добраться до Москвы, и на слѣдующій же день онъ спѣшитъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ теткой, графиней Сёфокъ. «Послѣ девяти дней и столькихъ же ночей ѣзды по отвратительнѣйшимъ въ мірѣ дорогамъ, покрытымъ едва на столько примерзшимъ снѣгомъ, чтобы можно было проѣхать,—пишетъ онъ,—мы [1]) прибыли вчера въ Москву, гдѣ очутились въ жалкомъ, развалившемся домѣ, лишенномъ всякихъ удобствъ, а изъ движимости снабженномъ только крысами и клопами. Какъ ни отвратительны, сами по себѣ, эти твари, мнѣ жаль даже ихъ, когда подумаю, какія страданія выносятъ онѣ ежечасно отъ суровой погоды. Это въ высшей степени заманчивое зданіе нанято было для меня моимъ пріятелемъ-соотечественникомъ, который, для большей вѣрности, уплатилъ впередъ половину наемной платы. Если удастся найти какой-нибудь другой домъ, я не останусь здѣсь. Я пріѣхалъ въ эту страну не ради удовольствій и собственныхъ прихотей и не затруднился бы жить въ грязной, холодной комнатѣ, когда состою на службѣ у моего государя; но мнѣ немного досадно, что послѣ всѣхъ приготовленій, я не могу имѣть обстановки, подобающей англійскому послу и, тратя все получаемое отъ короля содержаніе да и значительную часть собственнаго моего дохода, не буду имѣть соотвѣтствующей такимъ расходамъ представительности. У австрійскаго посла и у французскаго посланника здѣсь очень хорошіе дома; другіе посланники размѣстились не многимъ лучше моего, но такъ какъ они представители лишь второклассные, то отъ нихъ никто и не ожидаетъ, чтобы они жили на широкую ногу и имѣли много прислуги. Попробую, однако, относиться съ усмѣшкой къ тому, чего не могу исправить, и постараюсь, по крайней мѣрѣ, какъ слѣдуетъ выполнить возложенное на меня порученіе. Мой братъ порядкомъ-таки пріунылъ: онъ привыкъ жить веселѣе; но я думаю, что, обжившись и пораздумавъ, онъ будетъ менѣе тяготиться своимъ положеніемъ».

---

[1]) Онъ поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Кійсомъ и своимъ братомъ Джорджемъ Гобартомъ, впослѣдствіи третьимъ графомъ Бёкингхэмширскимъ.

Въ тотъ же день отправлена была графомъ Бёкингхэмширомъ депеша и къ Гренвилю, съ сообщеніемъ о первыхъ шагахъ его въ Москвѣ. Такъ какъ оказалось, что канцлеръ Воронцовъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ деревню, то британскій посолъ послалъ своего секретаря къ вице-канцлеру, князю Голицыну, и къ церемоніймейстеру. Отъ Голицына явился къ графу Бёкингхэмширу секретарь, передавшій ему поздравленіе съ прибытіемъ, а затѣмъ состоялось и личное свиданіе британскаго посла съ вице-канцлеромъ, которому онъ и вручилъ копіи своихъ вѣрительныхъ граматъ и привѣтственной рѣчи, предназначенной для произнесенія при представленіи посла императрицѣ. Голицынъ выразилъ желаніе, чтобы рѣчь эта была составлена на французскомъ языкѣ, такъ какъ тогда и императрица могла бы отвѣтить на нее по-французски; но Бёкингхэмширъ заявилъ, что ему предписано произнести рѣчь по-англійски. Разставаясь съ нимъ, князь Голицынъ высказалъ британскому дипломату удовольствіе по поводу того, что онъ прибылъ въ такое время, когда петербургскій дворъ питаетъ столь хорошія чувства къ англійскому.

Пріемъ со стороны вице-канцлера былъ несомнѣнно благопріятенъ для англійскаго посла, но аудіенціи у императрицы графъ Бёкингхэмширъ удостоился не ранѣе, какъ черезъ три дня, такъ какъ Екатерина II отбыла временно изъ Москвы для посѣщенія нѣкоторыхъ монастырей.

«Дворъ, — писалъ въ эти дни Бёкингхэмширъ Гренвилю,—несомнѣнно находится въ большомъ смущеніи. Недавно арестовано нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ гвардіи полковникъ Измайловъ, и въ войскахъ господствуютъ волненіе и склонность къ бунту; но такъ какъ руководителя у нихъ нѣтъ, то естественно предположить, что безпорядокъ скоро прекратится. Если настроеніе здѣшняго правительства таково, какъ мнѣ передаютъ, то всякому англичанину слѣдуетъ желать, чтобы никакихъ перемѣнъ въ нынѣшнемъ положеніи не послѣдовало. Здоровье великаго князя очень дурно, а императрица, говорятъ, сильно измѣнилась подъ вліяніемъ заботъ и постоянной тревоги, въ которой она въ послѣднее время находилась. Всѣ письма здѣсь вскрываются».

Въ той же депешѣ англійскій посолъ сообщалъ, что представитель Франціи, Бретёйль, еще не ѣздитъ ко двору; «причины этого,—прибавлялъ графъ Бекингхэмширъ,—уже объяснены были вамъ въ письмѣ г. Кійса». Что именно писалъ Кійсъ, этого изъ бумагъ Бёкингхэмшира не видно, но извѣстно, что причиною нѣкоторой отчужденности Бретёйля отъ императрицы въ это время было нѣсколько неловкое положеніе его передъ послѣднею. Дѣло въ томъ, что, слѣдуя секретнымъ инструкціямъ, полученнымъ отъ Людовика XV, помимо министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Шуазёля, Бретёйль вошелъ съ императрицею Елизаветой въ переписку, которая едва ли понравилась бы Екатеринѣ, еслибы попала

къ ней въ руки. Поэтому онъ, послѣ кончины Елизаветы, испросилъ себѣ отпускъ, быть можетъ съ цѣлью выждать въ сторонѣ, какой оборотъ приметъ дѣло, а можетъ быть и съ намѣреніемъ помѣстить свои бумаги въ безопасное мѣсто. Наканунѣ отъѣзда, до него дошли кое-какіе слухи о замышлявшемся уже въ Петербургѣ переворотѣ, причемъ къ нему поступило даже заявленіе о желаніи Екатерины получить отъ Франціи ссуду, которая могла бы способствовать осуществленію ея плановъ. Но Бретёйль поступилъ въ этомъ случаѣ весьма неумѣло: онъ колебался, уклонялся отъ исполненія означенной просьбы и, наконецъ, обѣщалъ доставить деньги только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Екатерина прислала ему письменное доказательство того, что просьба дѣйствительно исходитъ отъ нея. Съ этимъ онъ и уѣхалъ въ іюнѣ изъ Петербурга, почти передъ самымъ переворотомъ, оставивъ вмѣсто себя въ посольствѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. На его запоздалое предложеніе денегъ, да еще на такомъ странномъ условіи, Екатерина отвѣтила слѣдующею, не лишенною ѣдкости иносказательною запиской на французскомъ языкѣ:

«Покупка, которую намъ надо было сдѣлать, навѣрное будетъ вскорѣ сдѣлана, но гораздо дешевле, а потому въ другихъ суммахъ надобности нѣтъ». И съ той же минуты она прекратила всякія сношенія съ французскимъ посольствомъ.

Бретёйль, хотя и узналъ о происшедшей въ Ропшѣ катастрофѣ, находясь въ Варшавѣ, однако, съѣздилъ оттуда еще въ Вѣну и явился въ Петербургъ только въ началѣ сентября, чтобы присутствовать при коронованіи Екатерины II. Явился онъ съ повинною: ему приказано было увѣдомить императрицу, что французское правительство сильно осуждаетъ его образъ дѣйствій, и выразить отъ лица французскаго короля сожалѣніе о томъ, что его представитель такъ явно не съумѣлъ выразить истинныя чувства его величества. Людовикъ XV, дѣйствительно, очень дорожилъ установленіемъ наилучшихъ отношеній къ Россіи, опасаясь, чтобы съ воцареніемъ новой императрицы не возобновилась тѣсная связь между петербугскимъ и вѣнскимъ дворами [1]; онъ еще разъ написалъ Бретёйлю, что «единственною цѣлью его политики относительно Россіи служитъ стремленіе возможно болѣе отдалить ее отъ европейскихъ дѣлъ». Въ этихъ видахъ, Бретёйлю предписывалось способствовать образованію въ Петербургѣ партій, а если будетъ возможно, то войти даже въ сношенія и съ Іоанномъ Антоновичемъ, изыскать надлежащій способъ дѣйствій при новомъ царствованіи и тщательно слѣдить за развитіемъ республиканскихъ стремленій, будто-бы, проявив-

---

[1]) Австро-русскій договоръ былъ въ 1746 г. продленъ на двадцатипятилѣтній срокъ, такъ что съ воцаренія Екатерины II онъ могъ оставаться въ силѣ еще девять лѣтъ.

шихся—какъ тогда ходили слухи—въ средѣ русскаго дворянства. «Для моихъ интересовъ,—прибавлялъ Людовикъ XV въ своей секретной инструкціи Бретёйлю,—выгодно вообще все, что можетъ повергнуть Россію въ хаосъ и принудить ее къ бездѣйствію».

Естественно, что трудность замаскированія такой програмы увѣреніями въ дружественныхъ чувствахъ французскаго двора по отношенію къ Россіи могла бы смутить и не такого дипломата, какъ Бретёйль. Отсюда и неувѣренность его первыхъ шаговъ при дворѣ Екатерины II.

Что касается графа Бёкингхэмшира, то 25-го октября (нов. ст.) 1762 г., онъ удостоился, наконецъ, первой частной аудіенціи у императрицы, причемъ, согласно ранѣе выраженному намѣренію, произнесъ свою привѣтственную рѣчь по-англійски. Императрица отвѣтила ему по-русски. «Я просилъ перевода,—пишетъ Бёкингхэмширъ Гренвилю,—и мнѣ сказали, что доставятъ его мнѣ».

Въ тотъ же день у императрицы былъ вечерній пріемъ, сопровождавшійся концертомъ. Британскій посолъ игралъ съ императрицею въ пикетъ, она много разспрашивала его про Англію и вообще обошлась съ нимъ чрезвычайно милостиво.

Изъ секретной депеши графа Бёкингхэмшира къ Гренвилю отъ того же числа оказывается, что первая попытка его затронуть вопросъ объ англо-русскомъ союзѣ не имѣла успѣха. Бесѣдуя съ вице-канцлеромъ княземъ Голицынымъ, онъ упомянулъ о томъ, что ему предписано королемъ ознакомиться съ намѣреніями петербургскаго двора на счетъ возобновленія союзнаго договора 1742 года, со включеніемъ въ него тѣхъ измѣненій, какія могутъ оказаться нужными въ виду измѣнившагося положенія дѣлъ. «Князь,—пишетъ британскій посолъ,—отвѣчалъ мнѣ: «Да, срокъ этого договора, кажется, истекъ». На это я сказалъ, что если петербургскому двору желательно, то я готовъ войти въ обсужденіе проекта новаго торговаго договора, на что онъ немедленно возразилъ: «Да вѣдь, кажется, г. Кийсу данъ проектъ?» Я замѣтилъ, что, сколько я слышалъ, проектъ этотъ настолько противенъ англійскимъ законамъ и интересамъ «Русской Компаніи», что примѣнить его невозможно. На этомъ нашъ разговоръ былъ прерванъ».

Графъ Бёкингхэмширъ нашелъ, что князь Голицынъ отнесся къ вопросу о договорѣ съ большою холодностью, и потому рѣшилъ не настаивать на возобновленіи стараго торговаго трактата, а предложить новый, если не удастся измѣнить старый къ возможной выгодѣ «Русской Компаніи». Компанія же эта (англійская) жаловалась на то, что иностранцамъ воспрещено въ Россіи торговать между собою и дозволяется вести торговлю только съ русскими, тогда какъ русскимъ предоставлена въ Англіи свобода торговать съ любой націей. Находя это крайне стѣснительнымъ, компанія домогалась, чтобы теперь—если ужь

нельзя дать англійскимъ купцамъ права свободно торговать повсемѣстно въ Россіи—имъ, по крайней мѣрѣ, предоставлено было во всѣхъ русскихъ ввозныхъ портахъ и въ мѣстахъ жительства британскихъ торговцевъ право продавать товары кому хотятъ, а если и этого нельзя, то хоть англійскимъ же купцамъ. Кромѣ того, компанія просила допустить транзитную англійскую торговлю съ Персіей, которая была допущена по договору 1734 г., но потомъ воспрещена [1]). Третье ходатайство компаніи касалось отмѣны воспрещенія англійскимъ торговцамъ въ Петербургѣ строить лихтеры; компанія ссылалась при этомъ на то, что русскія суда «строятся дурно и недостаточны числомъ». Наконецъ, четвертое ходатайство относилось до нѣкоторыхъ таможенныхъ льготъ.

Графу Бёкингхэмширу предстояло употребить стараніе къ тому, чтобы добиться, въ предѣлахъ возможнаго, удовлетворенія этихъ нуждъ британской торговли. Въ задачу настоящаго очерка не входитъ, однако, изложеніе переговоровъ, которые онъ велъ по этому поводу; мы остановимся преимущественно на тѣхъ характеристикахъ русскихъ государственныхъ людей того времени, которыя разсѣяны въ различныхъ депешахъ, письмахъ и запискахъ англійскаго посла.

Императрицею Екатериной онъ былъ, на первыхъ порахъ, прямо очарованъ. Такъ, въ ноябрѣ, описывая въ письмѣ къ лэди Сёфокъ одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ имъ во дворцѣ, онъ говоритъ: «Наружность императрицы сильно расположила бы васъ въ ея пользу, но еще болѣе понравилось бы вамъ ея обращеніе. Ея манера отличается мягкостью и

---

[1]) Воспрещеніе это было послѣдствіемъ недовольства русскаго правительства поступками англійскаго капитана Эльтона, бывшаго иниціаторомъ персидской транзитной торговли чрезъ Россію. По словамъ Тука (Tooke, „Russian Empire"), Джонъ Эльтонъ задумалъ доставлять персидскіе товары англичанамъ, чрезъ Петербургъ, изъ первыхъ рукъ и, слѣдовательно, по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ обходились эти товары при покупкѣ ихъ отъ армянъ, чрезъ Смирну. Заручившись покровительствомъ Надиръ-шаха и получивъ, въ 1742 г., разрѣшеніе отъ русскаго правительства, онъ построилъ въ Казани судно, нагрузилъ его товарами отъ англійской факторіи въ Петербургѣ и отправился съ ними въ Астрахань. Прибыль, полученная имъ отъ распродажи первой партіи товаровъ, подала ему надежду на обогащеніе. Новая торговля пустила корни, но Эльтонъ самъ испортилъ все дѣло своею несообразительностью. Надиръ-шахъ задумалъ осуществить чрезъ Эльтона свои любимые планы. Онъ произвелъ его въ адмиралы, далъ ему вооруженное двадцатью пушками судно подъ персидскимъ флагомъ и приказалъ Эльтону требовать отъ русскихъ судовъ на Каспійскомъ морѣ знаковъ почтенія къ шахскому флагу, какъ первенствующему въ тѣхъ водахъ. Англійская факторія тщетно убѣждала изъ Петербурга Эльтона отказаться отъ службы шаху, обѣщая ему всякія блага отъ британскаго двора; онъ предпочелъ остаться въ Персіи и дѣятельною поддержкою ея замысла господствовать на Каспійскомъ морѣ раздражилъ русскій дворъ, который и воспретилъ англичанамъ вести торговыя сношенія съ Персіей чрезъ Россію.

достоинствомъ, что̀ внушаетъ ея собесѣднику чувство непринужденности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уваженіе. Когда пройдетъ сумятица, являющаяся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ переворота, императрица съумѣетъ сдѣлать эту страну великою и могущественною—она обладаетъ всѣми нужными для этого дарованіями».

А въ своихъ частныхъ отмѣткахъ графъ Бёкингхэмширъ записалъ свое впечатлѣніе такъ: «Ея императорское величество ни мала, ни высока ростомъ; видъ у нея величественный, и въ ней чувствуется смѣшеніе достоинства и непринужденности, съ перваго же раза вызывающее въ людяхъ уваженіе къ ней и дающее имъ чувствовать себя съ нею свободно. Отъ природы способная ко всякому умственному и физическому совершенству, она, вслѣдствіе вынужденно замкнутой ранѣе жизни, имѣла досугъ развить свои дарованія въ бо̀льшей степени, чѣмъ обыкновенно выпадаетъ на долю государямъ, и пріобрѣла умѣнье не только плѣнять людей въ веселомъ обществѣ, но и находить удовольствіе въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ. Періодъ стѣсненій, длившійся для нея нѣсколько лѣтъ, и душевное волненіе, съ постояннымъ напряженіемъ, которымъ она подвергалась со времени своего вступленія на престолъ, лишили свѣжести ея очаровательную внѣшность. Впрочемъ, она никогда не была красавицей. Черты лица ея далеко не такъ тонки и правильны, чтобы могли составить то, что̀ считается истинною красотой; но прекрасный цвѣтъ лица, живые и умные глаза, пріятно очерченный ротъ и роскошные, блестящіе каштановые волоса создаютъ, въ общемъ, такую наружность, къ которой очень немного лѣтъ тому назадъ мужчина не могъ бы отнестись равнодушно, если только онъ не былъ бы человѣкомъ предубѣжденнымъ или безчувственнымъ. Она была, да и теперь остается, тѣмъ, что̀ часто нравится и привязываетъ къ себѣ болѣе, чѣмъ красота. Сложена она чрезвычайно хорошо; шея и руки ея замѣчательно красивы, и всѣ члены сформованы такъ изящно, что къ ней одинаково подходитъ какъ женскій, такъ и мужской костюмъ. Глаза у нея голубые и живость ихъ смягчена томностью взора, въ которомъ много чувствительности, но нѣтъ вялости. Кажется, будто она не обращаетъ на свой костюмъ никакого вниманія, однако, она всегда бываетъ одѣта слишкомъ хорошо для женщины, равнодушной къ своей внѣшности. Всего лучше идетъ ей мужской костюмъ; она надѣваетъ его всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда ѣздитъ на конѣ. Трудно повѣрить, какъ искусно ѣздитъ она верхомъ, правя лошадьми—и даже горячими лошадьми—съ ловкостью и смѣлостью грума. Она превосходно танцуетъ, изящно исполняя серьезные и легкіе танцы. По-французски она выражается съ изяществомъ, и меня увѣряютъ, что и по-русски она говоритъ такъ же правильно, какъ и на родномъ ей нѣмецкомъ языкѣ, причемъ обладаетъ и критическимъ знаніемъ обоихъ языковъ. Говоритъ она свободно и

разсуждаетъ точно; нѣкоторыя письма, ею самою сочиненныя, вызывали большія похвалы со стороны ученыхъ тѣхъ національностей, на языкѣ которыхъ они были написаны.

«Въ уединеніи, въ которомъ она жила при покойной императрицѣ, она много и охотно читала. Исторія и интересы европейскихъ державъ близко знакомы ей. Когда она бесѣдовала со мною объ исторіи Англіи, я замѣтилъ, что особенно поражаетъ ее царствованіе Елизаветы. Время покажетъ, куда приведетъ ее желаніе подражать этой королевѣ. Чувствуя себя по части знаній выше большинства окружающихъ ее людей, она очитаетъ себя выше всѣхъ вообще и, ясно понимая то, чему научилась, думаетъ, будто владѣетъ и тѣмъ, чего не знаетъ. Находясь на адмиральскомъ суднѣ въ Кронштадтѣ, подъ развѣвавшимся императорскимъ флагомъ, и польщенная неиспытаннымъ величіемъ командованія надъ болѣе чѣмъ двадцатью крупными судами, она заспорила со мною о томъ, какимъ концомъ впередъ ходитъ военное судно; конечно, она не была обязана знать это, но въ данномъ случаѣ сомнѣніе ея оказывалось смѣшнымъ».

«Много значенія—говоритъ далѣе графъ Бёкингхэмширъ—придаютъ ея рѣшимости въ низложеніи ея супруга. Она была вынуждена либо устранить его, либо подчиниться заточенію, которое, какъ она знала, давно уже задумывалось для нея. Люди, хорошо знающіе ее, говорятъ, что она, скорѣе, предпріимчива, чѣмъ храбра, и что ея кажущаяся храбрость вытекаетъ иногда изъ убѣжденія въ малодушіи ея враговъ, а иногда изъ того, что она не видитъ своей опасности. Несомнѣнно, что она смѣлѣе, чѣмъ вообще бываютъ женщины, но мнѣ два раза случилось видѣть ее сильно испуганною безъ причины, именно, однажды, когда она пересаживалась изъ лодки на корабль, а въ другой разъ—когда ей послышался легкій шумъ въ передней при дворѣ. Но когда нужно, она дерзаетъ на все, и присутствіе духа никогда не покидало ее во многихъ критическихъ и опасныхъ положеніяхъ. При всемъ томъ, она обладаетъ всею, свойственною ея полу, нѣжностью. Взглянешь на нее и сразу видишь, что она могла бы любить и что любовь ея составила бы счастье достойнаго ея поклонника».

Далѣе онъ отмѣчаетъ: «Люди, наиболѣе часто бывающіе въ ея обществѣ, увѣряютъ, что ея вниманіе къ дѣламъ невѣроятно велико. Она постоянно думаетъ о благополучіи и процвѣтаніи своихъ подданныхъ и о славѣ своего царствованія; по всѣмъ вѣроятіямъ, ея заботою репутація и могущество Россіи будутъ поставлены на такую ступень, какой никогда еще не достигали, если только она не будетъ слишкомъ увлекаться взятыми издалека и непрактичными теоріями, которыя черезчуръ охотно могутъ внушать ей заинтересованные или невѣжественные люди. Ея слабость—быть слишкомъ систематичною, и это можетъ оказаться уте-

сомъ, о который она, можетъ быть, разобьется. Она охватываетъ слишкомъ много предметовъ сразу и любитъ начинать, направлять и исправлять проекты въ одно и то же время. Проявляя сама неутомимость во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, она заставляетъ и своихъ министровъ работать безъ перерыва. Они обсуждаютъ, составляютъ планы, набрасываютъ тысячи проектовъ и ничего не рѣшаютъ. Въ числѣ лицъ, пользующихся ея особеннымъ довѣріемъ, есть люди опытные, но мало или вовсе нѣтъ такихъ, которые обладали бы высшими дарованіями.

«Впрочемъ, одинъ изъ секретарей ея величества [1]) имѣетъ и знанія, и острый умъ, и даже прилежаніе, когда у него оказывается свободное для дѣлъ время послѣ женщинъ и гастрономическихъ утѣхъ, всегда составляющихъ его главную заботу».

Не желая затрогивать столь щекотливаго предмета, графъ Бёкингхэмширъ, въ бесѣдахъ съ Екатериной, не касался переворота и заключившей его катастрофы. Но императрица нерѣдко сама заговаривала съ нимъ о своемъ покойномъ супругѣ, причемъ указывала на тѣ изъ его недостатковъ, которые были причиною его гибели. Что именно говорила ему на этотъ счетъ императрица, того изъ записокъ британскаго

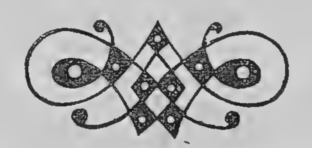

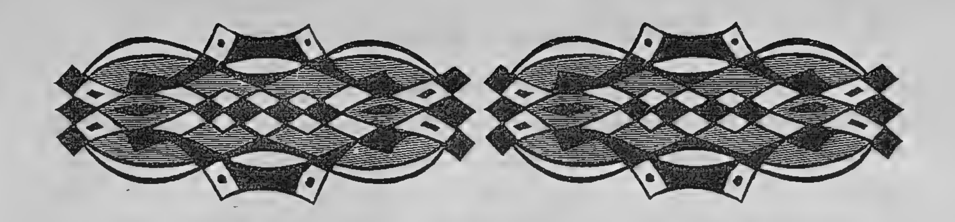
[1]) Тутъ рѣчь идетъ, вѣроятно, о конференцъ-секретарѣ при императрицѣ Елизаветѣ, а потомъ частномъ секретарѣ Петра III, Дм. Вас. Волковѣ. Объ этомъ человѣкѣ, преданномъ интересамъ Австріи, но считавшемся способнымъ продаться кому угодно, графъ Бёкингхэмширъ записалъ въ другомъ мѣстѣ слѣдующее: „Волковъ, имѣющій большія способности отъ рожденія и съ юности пріучившійся къ дѣловымъ занятіямъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ освѣдомленъ относительно внутренняго положенія Имперіи. Но замѣчательная распущенность его характера, вѣроятно, всегда будетъ препятствовать ему въ достиженіи того высокаго положенія, на которое онъ вполнѣ могъ бы разсчитывать въ другихъ отношеніяхъ. Едва-ли кто-нибудь сомнѣвается въ томъ, что онъ предалъ покойнаго императора, которому былъ очень многимъ обязанъ. Ни онъ, ни Вильгановъ, не были чужды перевороту за три дня до его совершенія. Они препятствовали принятію всякихъ благоразумныхъ рѣшеній въ Петергофѣ и были вознаграждены за это“. Въ другомъ мѣстѣ своихъ замѣтокъ графъ Бёкингхэмширъ, сообщая о тревогѣ, охватившей Петра III въ Ораніенбаумѣ при полученіи вѣсти объ угрожающей ему опасности и о томъ, какъ онъ старался найти убѣжище въ Кронштадтѣ, говоритъ: „Въ это время Вильгановъ и Волковъ, вмѣсто того, чтобы дать императору единственный спасительный совѣтъ—удалиться въ Нарву—смущали его и тянули время, составляя и исправляя воззваніе, которое они предполагали отправить въ Петербургъ. Еслибы онъ уѣхалъ въ Нарву, къ чему имѣлъ полную возможность въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двѣнадцати часовъ, то онъ оставался бы тамъ въ безопасности до тѣхъ поръ, пока на помощь ему не пришла бы армія изъ Ливоніи. Прусскій король успѣлъ бы спасти союзника, который являлся, въ нѣкоторомъ родѣ, мученикомъ за свое восторженное преклоненіе передъ королемъ“.

посла не видно; но несомнѣнно, что онъ, при преклоненіи передъ личными качествами Екатерины II, находилъ въ условіяхъ ея положенія объясненіе перевороту.

«Навлеку ли я на себя подозрѣніе въ пристрастіи—писалъ онъ,—если скажу, что безумство и неосторожность злосчастнаго императора, его несомнѣнное намѣреніе заточить Екатерину, его дальнѣйшій планъ относительно устраненія великаго князя, его неумѣстный походъ противъ Даніи, его низкое заискиваніе передъ прусскимъ королемъ, которое, въ концѣ концовъ, должно было бы оказаться гибельнымъ для Имперіи, и наконецъ оскорбленія, которымъ онъ ежечасно подвергался со стороны оставленной имъ любовницы—что все это въ сильной степени говоритъ въ защиту поведенія Екатерины, по скольку оно касается сверженія его съ престола?»

(Продолженіе слѣдуетъ).

Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

(По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ).

I.

Фотій, архимандритъ Юрьева монастыря, познакомился съ графиней А. А. Орловой-Чесменской въ 1820 году. Это видно изъ письма, въ которомъ Фотій шлетъ графинѣ поздравленіе со днемъ ея рожденія и припоминаетъ годовщину встрѣчи: «Господь съ тобою, чадо дѣвица, радуйся. Со днемъ твоего рожденія тебя поздравляю. Вотъ уже 13 лѣтъ совершилось, какъ Господь сподобилъ меня видѣть лицомъ къ лицу въ первый разъ тебя» (30-го апрѣля 1833 г.). Въ другомъ письмѣ говорится о болѣе точномъ времени встрѣчи, указывается и мѣсто ея. «Уже 14-е лѣто наступаетъ, какъ я тебя узрѣлъ лицемъ къ лицу и Господь рукою моею недостойною благословилъ тебя. 1833 года апрѣля 27-го дня ровно 13 лѣтъ, какъ въ Казанскомъ соборѣ ты узрѣла меня и *я отъ тебя милость пріялъ*» (27-го апрѣля 1833 г. Курсивъ Фотія).

Сначала Фотій преподавалъ Законъ Божій въ духовномъ училищѣ и во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ его назначили игуменомъ въ Деревяницкій монастырь, близъ Новгорода, нынѣ преобразованный въ женскую обитель съ епархіальнымъ училищемъ. Здѣсь онъ получилъ санъ архимандрита и былъ переведенъ въ Сковородскій монастырь. Знакомство его съ графиней произошло до настоятельства. Графиня начала свои пожертвованія съ Деревяницкаго монастыря, потомъ перенесла ихъ, по мѣсту новаго служенія Фотія, на Сковородскій. Однако въ письмахъ Фотій объ этихъ монастыряхъ нигдѣ не обмолвился ни однимъ словомъ, только объ учительствѣ вспоминаетъ вскользь, когда

пишетъ относительно своихъ лѣтъ и трудовъ. «Вотъ уже завтра и день рожденія моего и мнѣ свершится 37 лѣтъ отъ рожденія, и повѣрь мнѣ, что не видалъ почти, мало чувствовалъ, какъ жизни моей 37 лѣтъ прошло.

«Все житіе мое сперва мнѣ по младенчеству не было понятно и чувствительно, потомъ въ ученіи было отъ заботъ не совсѣмъ примѣтно, потомъ въ бытность учительства хлопотливо и весьма заботливо. Въ монашествѣ было уединенно, а въ должности настоятельства весьма было заботливо, хлопотливо, многотрудно и тако 37 лѣтъ житія протекло непримѣтно. Вотъ уже два года сіе не празднуемъ мы» (6-го іюня 1829 г.).

Настоятелемъ Юрьева монастыря Фотій сдѣлался спустя слишкомъ два года послѣ встрѣчи съ графиней. Это отмѣчено имъ въ письмѣ. «Нынѣ у насъ въ обители праздникъ—воспоминаніе моего введенія въ монастырь настоятелемъ въ 1822 г., 4-го сентября» (4-го сентября 1829 г.).

II.

Переписка Фотія съ графиней начинается съ того года, въ который онъ съ ней познакомился. Онъ писалъ ей ежедневно, за исключеніемъ маленькихъ періодовъ, когда она пріѣзжала на два-три дня въ монастырь. Ежедневныя посланія продолжались вплоть до 1829 г. Въ этотъ годъ графиня пріобрѣла рядомъ съ Юрьевымъ мызу и стала ѣздить въ день своего ангела, на монастырскіе праздники и даже проживала всѣ посты. Поэтому Фотію волей-неволей пришлось сократить число писемъ, но тѣмъ не менѣе, во время пребыванія Орловой на мызѣ, онъ велъ переговоры изъ своей кельи съ графиней на запискахъ.

Съ пріобрѣтеніемъ мызы, какъ-бы заканчивается первая часть писемъ. Фотій беретъ ихъ обратно, выбираетъ нѣкоторыя и составляетъ изъ нихъ повѣствованія поучительнаго, назидательнаго и душеспасительнаго характера. «Теперь я тебѣ дамъ отчетъ въ моихъ занятіяхъ. Въ прошедшіе дни за 1826 г. письма мои собственноручно мною писанныя къ тебѣ всѣ пересмотрѣлъ и 1827 г. также пересмотрѣлъ и означилъ, сколько писемъ дѣльныхъ, къ перепискѣ годныхъ, о духовныхъ матеріяхъ. Изъ числа писемъ 1827 г., я 25 № только означилъ для переписки, а изъ 1828 г.—35 № писемъ, а въ 1826 г., если Господь поможетъ, то означу нынѣ, и мнѣ кажется, въ одну книгу можно всѣ помѣстить изъ 3 годовъ или порознь, какъ тебѣ угодно. Но переписать я сперва прикажу въ монастырѣ и переписанное пересмотрю исправно и тебѣ представлю для совершенной переписки. Прошу письма

1829 и 1830 гг. привезти, а я всѣ тебѣ въ книгахъ у меня находящіяся вручу. Я помню, что 1820, 21, 22, 23, 24, 25 и 1826 гг. были переписаны и у меня; были книги, кои я исправлялъ, но теперь не знаю. А мнѣ избранныя письма весьма желательно имѣть выписанныя изъ всѣхъ годовъ, какъ напр. 1820, 1821, 1822 гг., письма въ общую книгу, одни отборныя переписавъ, а 1823, 1824 и 1825 гг., въ особую, и 1826, 1827 и 1828, въ особую. А ежели однихъ отборныхъ книга велика будетъ изъ трехъ годовъ, то по два года книга быть можетъ. И, вмѣсто трехъ, четыре книги, быть могутъ составлены и вмѣсто письма надпись можно сдѣлать на каждой книгѣ: Посланіе архимандрита Фотія, духовнаго отца къ духовной дщери Г. А. А. О. Ч. 1820, 1821 и проч. А ежели хощешь, то иначе. Я взялъ двухъ писцовъ переписывать отборныя письма 1827 и 1828 г. Очень ты меня утѣшишь много, ежели отборныя письма прикажешь особенно переписать начисто и мнѣ одинъ экземпляръ дать въ переплетѣ. Но сперва привези и я назначу, какія выписывать письма и какія оставить» (1-го ноября 1830 г.).

Въ другомъ письмѣ Фотій говоритъ о тѣхъ же «отборныхъ» письмахъ и выдѣляетъ 1823 г., какъ полный скорбными особенностями въ его жизни. «Перечитывая письма всѣхъ годовъ, нахожу, что въ 1823 г., въ годъ моихъ скорбей, всѣ отборныя посланія лучше всѣхъ, а посему я уже исправляю оныя со всею тщательностью, т. е. почти снова иныя въ иномъ слогѣ и духѣ надписываю и всѣхъ посланій въ семъ году, по статьямъ, въ кои по нѣскольку сложено и совокуплено, 6 числомъ. 1-я статья о дѣвствѣ и чистотѣ, 2-я о дѣвствѣ и чистотѣ, 3-я о соблюденіи обѣтовъ въ соблюденіи дѣвства и чистоты дѣвствуемымъ, 4-я о необходимости терпѣнія скорби всякому и особенно дѣвствующимъ, 5-я о царствіи небесномъ, о чемъ я теперь исправляю со всею тщательностью и 6-я объ ангельскомъ во плоти жительствѣ—о преподобномъ иночествѣ. Сей годъ мнѣ самому лучше всѣхъ годовъ нравится. Вотъ чѣмъ я занятъ и занимаюсь съ радостью» (25-го ноября 1830 г.).

Но гдѣ въ настоящее время подлинники отборныхъ писемъ и неотборныхъ? По крайней мѣрѣ о книгахъ извѣстно, что онѣ были написаны въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и ими, при характеристикѣ Фотія и Орловой, въ свое время пользовались: Карновичъ, Миропольскій, Семевскій и др. Можетъ быть, теперешній владѣлецъ не желаетъ предать гласности подлинники, или, вѣрнѣе, они уничтожены самимъ Фотіемъ. Фотій, конечно, продолжалъ писать графинѣ и писалъ, хотя рѣже, до послѣднихъ дней своей жизни, съ 1829 по 1838 годъ. «Пишу на колѣняхъ. Прости, что тако я дошелъ до крайняго истощанія. Божія воля и я, какъ малое больное дитя безъ помощи чужія быть не могу. Я такъ боленъ, какъ никогда не былъ» (Изъ послѣдняго письма 29-го января 1838 года).

Письма, такъ сказать, второй части Фотій не успѣлъ подвергнуть такой же обработкѣ, какъ письма первой части, и они цѣликомъ поступили въ наслѣдство Орловой, которая, придавая имъ большую цѣну и особенное значеніе, разобрала по годамъ и заключила ихъ отдѣльно въ кожанные переплеты съ серебряными застежками. Эти десять томовъ были у меня на рукахъ и оставили въ моей библіотекѣ слѣдъ, въ видѣ точныхъ копій.

Насколько занимательны были письма первой части—я не знаю, но когда графиня стала ѣздить чаще на мызу и проживать въ монастырѣ подолгу, когда Фотій болѣе сблизился съ нею, тогдашнее общество крайне интересовалось отношеніями этихъ личностей, поэтому въ этой части письма навѣрно больше представляютъ интереса.

Графиня тоже отвѣчала письмами и довольно часто, такъ что болѣе продолжительные интервалы времени вызывали у Фотія безпокойство.

«Какъ отъ 26-го апрѣля получилъ письмо, то доселѣ еще не получалъ ни одного твоего письма» (3-го мая 1829 года). «Еще отъ 29-го апрѣля, какъ получилъ письмо, послѣ онаго не получалъ другаго» (9-го мая 1829 года). Ея письма, должно быть, отличались нѣкоторыми тайнами, потому что Фотій писалъ ей: «Еще скажу тебѣ и то, что всѣ твои письма я отселѣ не истребляю, а собираю и буду собирать во едино и хранить, а посему лишнихъ словъ не пиши мірскихъ. Довольно мнѣ, если ты напишешь — отче мой, возлюбленный, или—наставниче, или—пастыре, или—отче святый. Изъ почтенія ко мнѣ, яко истому тебѣ по Бозѣ отцу и подобныя слова по правилу святыхъ, лучше пиши и все тако продолжай, ибо я собирать отселѣ долженъ всѣ твои письма. А что ежели думаешь лишнее и особенное написать, то на особомъ листкѣ особенно можешь прилагать, а не мѣшать все воедино. Вѣдай, что твои письма будутъ зерцало твоей души и нашей общей любви о Господѣ, и нашего житія и нашихъ дѣяній. Ты разумѣешь, что я тебѣ пишу. Хотя пространны, хотя кратки письма, но пиши уже теперь объ особахъ имена, а не знаки, кто чего достоинъ, тотъ то и получитъ. Ты писать умѣешь добре и свято. Пиши отъ души и отъ всей твоей о Господѣ любви» (26-го апрѣля 1832 г.).

Интересъ писемъ графини былъ столь великъ, что находились любопытные, которые вскрывали письма, читали и снова запечатывали. «Скажу нужное: нѣсколько пакетъ разодранъ былъ отъ 16-го числа. Это былъ знакъ, что читано, похищено. Дивился, какъ было можно вынуть и опять вложить письмо пустое. Итакъ прошу обладки класть и крѣпче припечатывать письмо; а я у себя на почтѣ внушу осторожность и узнаемъ, кто, гдѣ, что промышляетъ. А ты между тѣмъ свою мѣру осторожности возьми» (18-го ноября 1835 г.).

Однако Орлова писала такія письма, которыя Фотій сейчасъ же уничтожалъ: «Письмо твое отъ 22-го октября получилъ и лишь прочелъ, предалъ огню, ибо ненужное, нѣтъ нужды держать» (24-го октября 1829 года.

III.

Когда графиня задумывала ѣхать въ монастырь, то спрашивала большею частью у Фотія совѣта и даже разрѣшенія, на что онъ никогда не противился; выражалъ радость и удовольствіе, указывалъ удобства и точные сроки пріѣзда. «Ты вопрошаешь меня, будетъ ли мое благословеніе тебѣ на пріѣздъ къ 1-й недѣли св. Великаго поста. Я весьма одобряю твое намѣреніе. Да и нужно первую недѣлю в. поста тебѣ провести въ святой обители. Но жаль, ежели ты еще не успѣла въ своемъ дѣлѣ. Постарайся рѣшеніе имѣть и тѣмъ тебѣ пріятнѣе уже дни В. поста 1-й недѣли вести, чѣмъ у тебя будетъ меньше заботъ, а почему я на волю твою все тебѣ отдаю. Ежели въ дѣлѣ успѣха нѣтъ, а ежели есть, то есть надѣлала уже, то для чего же и медлить. Гдѣ же и лучше дни постные не можно провести, какъ въ не святой обители, хотя слово вѣрно получить въ намѣреніе благое. Смотря по обстоятельствамъ, ты все дѣлай (11-го февраля 1829 г.). Уже не много времени до св. и в. поста, и чаю вскорѣ видѣть тебя тогда, старицу преподобную». Но къ первой недѣлѣ св. Великаго поста, графиня почему-то не пріѣхала, и Фотій начинаетъ безпокоиться, хотя не теряетъ надежды вообще на пріѣздъ ея въ этомъ посту. «Пишу тебѣ мало нынѣ, ибо чаю, что сіе письмо мое едва-ли застанетъ тебя въ С.-П.-Б. Конечно, ты уже поспѣшишь прилетѣть ко св. и в. посту въ свое гнѣздо» (19-го февраля 1829 года).

Однако постъ проходилъ, а графиня медлила пріѣздомъ. Все-таки Фотій надѣялся на конецъ поста и писалъ ей съ легкой укоризной:

«Я думаю, что ты пріѣдешь на богомоленіе къ Вербному воскресенью, т. е. на Вербной, къ Лазареву воскресенію. Такъ ли? Или я ошибся? Увѣдомь меня о твоемъ намѣреніи. Напиши мнѣ, каково твое здравіе, мирна ли ты и спокойна ли ты; что твое дѣло? поранѣе къ празднику можешь пріѣхать и поговѣть и помолиться» (18-го марта 1829 года).

Въ другой пріѣздъ Фотій зазываетъ Орлову, прельщая ее интереснымъ сравненіемъ. «Мало пишу нынѣ тебѣ, ибо я чаю, что вскорѣ ты и сама, голубица моя, чадо мое, прилетишь въ ковчегъ твоего старца Ноя. Конечно онъ и нѣсть праведенъ, яко же Ной, но для тебя ковчегъ его обительный есть яко ковчегъ Ноя для голубицы былъ. Та Ною

нѣкогда излетѣвшая изъ ковчега, вѣтвь радости принесла. Чаю, что и ты мнѣ всегда вѣтвь радованія по силѣ въ устахъ твоихъ чистыхъ принесешь. Не яко вранъ, излетѣвъ хищная птица и не помня благодѣтельности Ноя отца, паки не возвратися. Ты же яко голубица любишь ковчегъ твой и въ немъ твое мѣсто покоя пріятнѣе всего. Живи яко голубица въ чистотѣ и радуй отца твоего недостойнаго Ноя (3-го февраля 1833 г.).

Тотъ пріѣздъ, который становился несомнѣннымъ и былъ точно отмѣченъ извѣстнымъ днемъ, Фотій ознаменовывалъ обыкновенно встрѣчей внѣ стѣнъ монастыря. «Перевозъ для тебя хорошій пріуготовленъ, но я запретилъ тебя въ случаѣ пріѣзда перевозить, а дать мнѣ знать, и я пріѣду на дрожкахъ парныхъ къ мѣсту перевоза и сяду самъ въ судно и пріѣду къ тебѣ и возьму тебя и перевезу и на дрожкахъ пріѣдемъ въ монастырь. И такъ я буду ожидать тебя весь день въ понедѣльникъ 29-го и 30-го апрѣля, и будутъ и перевозчики и всѣ настражѣ и въ готовности тебя срѣтить на каждый часъ. Въ случаѣ, если ты раньше не напишешь, которой день выѣдешь, то можетъ быть я и не усмотрю, а судно большое будетъ съ перевозчиками у Благовѣщенія тебя дожидать, а я токмо успѣю пріѣхать на дрожкахъ къ тебѣ по шоссе, къ среднему мосту, который еще не потонулъ, а до него все потонуло на версту». (26-го апрѣля 1835 г.).

Насколько радостно встрѣчалъ онъ графиню, настолько сокрушенно провожалъ ее. «Вчера какъ ты отправилась, то я пошелъ на колокольню смотрѣть, гдѣ и какъ путь совершаешь. Но уже нельзя было видѣть коней и экипажа, а лишь я увидѣлъ, что близъ къ Расщепу огонь въ фонаряхъ былъ, то, боясь простуды, ушелъ съ колокольни и послѣ смотрѣлъ сквозь стекла лишь мызы и, какъ ты къ церкви Благовѣщенской стала подъѣзжать, оба фонаря мнѣ въ глаза, и проводивъ глазами уже къ городу, успокоился о твоемъ проѣздѣ и благодарилъ Бога» (20-го сентября 1829 г.).

Въ году 1829 не было еще проложено отъ монастыря къ церкви Благовѣщенія прямой дороги чрезъ болото, затопляемое весною высокою водою. Попадать въ Юрьевъ надо было кругомъ, деревнями. Если Фотій видѣлъ фонари кареты у Расщепа съ колокольни, а потомъ видѣлъ ихъ съ мызы у Благовѣщенія, то на мызу надо было спѣшить, такъ какъ разстояніе между указанной деревней и церковью небольшое, а отъ монастыря до мызы путь порядочный. Такимъ образомъ, Фотій не могъ поспѣть на мызу пѣшкомъ, а его ожидала лошадь. Въ другомъ письмѣ, говоря о суевѣріи, Фотій упоминаетъ и о томъ, насколько онъ не можетъ успокоиться по отсутствіи графини, онъ стоитъ и провожаетъ ее глазами до тѣхъ поръ, пока она не въѣдетъ въ городъ. «Вчера, я 18-го августа, какъ возвращался съ намѣстникомъ въ келью, то вотъ какой

вояжъ намъ былъ: огонь въ фонаряхъ кареты твоей былъ виденъ намъ и казалось, мы уѣхали очень далеко, а ты осталась позади очень, напротиву насъ. Какъ вдругъ очутилось, что ты уже у Благовѣщенія, а мы еще далече были отъ мызы, но успѣли и мы поравняться, понудивъ коней. Пріѣхавъ на Пантелеймоновку [1]), и у дома стояли и смотрѣли, какъ по полю и дорогѣ катилась карета. Мы подъѣхали къ Юрьеву и слѣдили, какъ ты въ Ямщики [2]) въѣхала и, какъ въѣхавъ въ городъ, скрылся огонь, и мы въѣхали во дворъ, гдѣ насъ экономъ ожидаетъ и сказываетъ, что, стоя у вратъ къ пруду, слышалъ свистъ въ рощѣ по аллеѣ и кто-то въ ладоши бьетъ. Намѣстникъ испугался и бѣжать отъ страха, а было уже очень темно. Я сказалъ имъ: вотъ пойду искать то, что чудится, и пошелъ; шелъ же со мною экономъ, а намѣстникъ, устыдившись, пошелъ позади меня. Я пришелъ въ густую аллею, свистнулъ и крикнулъ. Маленькіе псы залаяли, и бѣжитъ человѣкъ ко мнѣ. Это былъ пчельный стражъ. Я спросилъ его: ты свисталъ и въ ладоши щелкалъ теперь за полчаса назадъ тому? Онъ сказалъ: я. Да къ тому же и прибавилъ: и галки крыльями часто хлопали. Вотъ и всѣ суевѣрныя причуды. Я сіе потому ту же минуту вывелъ наружу, что солдатъ караульный—Бабонинъ, утверждалъ эконому сперва, что и часто чудится и такъ дѣлается въ рощѣ по густой аллеѣ, отчего страхъ и робость нашли и на эконома. Вотъ и конецъ суевѣрію» (19-го августа 1829 г.).

IV.

Въ свою очередь и Фотій ѣздилъ къ графинѣ въ Петербургъ, но гораздо рѣже, чѣмъ она въ монастырь. «Теперь тебѣ скажу по секрету, что ежели ты еще пробудешь слаба, то не удивися, ежели я на нѣсколько часовъ явлюся къ тебѣ въ нощи тебя посѣтить. Ты тако прими, дабы никто не узналъ, что я пріѣду и буду у тебя. Ты будто о. Арсенія примешь, и ежели быть, то отъ 8 ч. до 4 ч. въ нощи, и пробывъ день, паки могу уѣхать. Жалѣю о томъ, что заранѣе тебѣ о семъ не сказалъ, ибо я бъ уже исполнилъ и ежелибъ тебя нечаянно не удивилъ и не испугалъ, то бы на 12 число могъ быть у тебя и ежели быть, то съ 15 на 16 въ нощи могу. Знай сіе, что впредь когда ты будешь немощна когда-либо, то я такъ и буду дѣлать. Знай про себя едина» (11-го сентября 1833 г.).

Дѣйствительно, Фотій пробылъ у графини въ Петербургѣ сутки 17-го сентября и 22-го былъ уже снова въ Юрьевѣ. Кромѣ болѣзни графини, иногда толкалъ его на поѣздку какой-нибудь сонъ. «Мнѣ что-то сей нощи

---

[1]) Церковь рядомъ съ мызой.

[2]) Пригородная ямская слобода.

бредилось много: тебя видѣлъ много, митрополита, былъ какъ будто въ Спб. и спѣшилъ пріѣхать во свѣтъ» (18-го марта 1829 г.). Онъ даже давалъ графинѣ совѣты, какимъ образомъ его слѣдуетъ укрывать, когда онъ пріѣдетъ въ столицу. «Вотъ тебѣ тайно объявляю: знай и держи на сердцѣ твоемъ, ежели Богъ дастъ, живъ и здравъ буду, то я до 6-го самъ къ тебѣ прилечу, а можетъ быть около 1-го, день и часъ дня и нощи тебѣ назначу и велю тебѣ выѣхать за заставу, будто прогуляться ты захотѣла, и скажу, гдѣ меня срѣтить. Я сяду къ тебѣ и проѣду и пріѣду къ тебѣ и побывъ нѣсколько часовъ, съ тобою же выѣду, пріобщивъ тебя, и опять въ свое гнѣздо» (19-го сентября 1833 г.).

Очевидно Фотій избѣгалъ оффиціальныхъ отпусковъ, такъ какъ они порождали среди мѣстнаго духовнаго начальства не мало толковъ по поводу отношеній его съ графиней. Онъ предпочиталъ тайныя поѣздки, охотнѣе подвергалъ себя риску, лишь бы только никто не зналъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Это одно, но больше то, что въ царствованіе Александра Павловича Фотій имѣлъ свободный доступъ въ столицу, безъ всякаго разрѣшенія со стороны духовной власти. При Николаѣ Павловичѣ свобода отпала, но Фотій все-таки не хотѣлъ подчиняться ни общимъ правиламъ объ отпускахъ, ни начальству, а продолжалъ разрѣшать самъ себѣ, хотя тайныя, но свободныя отлучки. Тѣмъ не менѣе своевольныя отлучки безпокоили Фотія. Онъ во что бы ни стало старался возстановить права, данныя ему на въѣздъ въ Петербургъ покойнымъ Александромъ I. Хлопоты были большія и неоднократныя и, конечно, чрезъ графиню. «Чадо, ты знаешь, что 1824 г. 1-го августа мнѣ дано отъ императора Александра I на бумагѣ, чрезъ графа Аракчеева, повелѣніе единожды навсегда пріѣзжать въ Спб., когда мнѣ нужно.

«Императоръ сряду меня звалъ лично къ себѣ изъ Новгорода и объявилъ мнѣ то же въ бытность мою у него въ кабинетѣ. Послѣ же смерти его, царя, мнѣ были препятствія всякія, особенно во время безпокойствъ въ концѣ 1825 и 1826 гг. И духовное начальство, не благоволивъ ко мнѣ въ то время, не было довольно таковымъ царскимъ благоволеніемъ. Ты же знала и знаешь, что нужда у меня можетъ быть едина важная, когда я что узнаю важное касательно государства и церкви. Я просилъ подтвержденія у Николая Павловича, позволитъ ли онъ мнѣ пользоваться тѣмъ правомъ не въ примѣръ другимъ, т. е. пріѣзжать въ Спб., когда мнѣ нужно будетъ. Графъ Орловъ Алексѣй Ѳедоровичъ докладывалъ ему и дважды мнѣ объявилъ царскую волю, что я могу пользоваться тѣмъ же правомъ.

«Годъ отъ году на всѣхъ выходятъ разные указы и предписанія и могутъ случиться разныя препоны со стороны духовныхъ, особенно въ важныхъ случаяхъ, то я снова желаю знать, царь Николай Павло-

вичъ дозволитъ ли мнѣ пріѣзжать въ Спб. или въ столицу, т. е. гдѣ онъ пребываетъ, въ случаѣ нужды не моей, а общей, или когда я найду за нужное побывать. Я прошу подтвержденія прежняго позволенія, ибо нужно мнѣ пользоваться симъ правомъ. Ежели я не могу пріѣхать самъ по слабости когда въ столицу или выѣхать куда, то послать вѣрнаго моего. Таковое право данное я содержалъ секретно у себя и содержу и не боявшись всегда пріѣзжалъ будто по монастырскимъ надобностямъ въ столицу или присылать; а не подъ другимъ видомъ.

«Еще остается времени около трехъ лѣтъ, а можетъ быть и болѣ весьма бдѣть и назирать самымъ тонкимъ образомъ и Богу молиться. Я молюся непрестанно и что мнѣ нужно, назираю крѣпко и къ Богу взираю. И такъ я бъ желалъ, чтобъ А. Ѳ. Орловъ доложилъ царю о семъ, могу ли я пользоваться симъ правомъ впредь. Я же напрасно не пріѣду, напрасно царя не буду ничѣмъ затруднять. Ежели пріѣду или пришлю и узнаю, что нѣтъ надобности особой, то сряду и уѣду тихо, мирно и тайно. Я бъ весьма желалъ, чтобъ графъ меня хотя записочкою малою о семъ увѣдомилъ. Не будетъ ли противно царю, когда я буду пріѣзжать или присылать кого-либо отъ себя въ Спб. по случившейся нуждѣ. Кажется, я ничего пустаго и глупаго не сдѣлалъ, и пріѣздъ мой можетъ быть къ графинѣ, дочери Аннѣ, а докладъ быть не можетъ въ случаѣ нужды, чрезъ графа Орлова царю. Можетъ быть и не случится нужды, но надобно имѣть руки развязаны на всякъ случай пріѣхать или прислать. Дай Богъ, чтобъ не было нужды мнѣ особой пріѣхать, но надобно не зѣвать, время лукавое и люди лукавые. Я же царю вѣренъ и не измѣню. Прочти графу сіе. Я остануся цѣлъ и умру съ Богомъ, но долженъ и царю служить, ибо что я могу сдѣлать и узнать единъ изъ духовныхъ, никто не можетъ знать. Но я же и весьма скроменъ. Пріѣхавши, никуда не ѣзжу, какъ живу у митрополита въ его кельяхъ и у дочери, а свиданіе мое съ графомъ Орловымъ и только» (25-го іюля 1834 г.).

Послѣ этого письма Фотій въ третій разъ настоялъ, чтобы Николаю Павловичу доложили объ его желаніи подтвердить волю Александра I бумагой. Однако отвѣта онъ долго не получалъ. Отвѣтъ ему прислала графиня. Онъ былъ въ томъ духѣ, что если еще повторится подобное ходатайство, то Фотія вышлютъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. Надо было видѣть, въ какой степени тогда обозлился Фотій. Тѣмъ не менѣе свое ходатайство онъ не признавалъ причиною гнѣва государя, онъ считалъ себя неповиннымъ, а сваливалъ на стороннихъ людей, что будто бы случилось все это по ихъ проискамъ и ковнямъ. Фотій отписался, какъ невинная овца. «Скажу тебѣ, что со смерти Александра I, 1826, 1827, 28, 29 и пр. годы много скорби и притѣсненій я потерпѣлъ» (1-го августа 1834 г.).

V.

Для болѣе тѣснаго сближенія Фотій придумалъ, какъ мы уже говорили, купить неподалеку отъ Юрьева имѣніе, куда графиня могла бы пріѣзжать свободно и жить тамъ внѣ всякихъ пересудовъ, совсѣмъ не такъ, какъ въ монастырѣ. Самымъ подходящимъ и способнымъ для этой цѣли было помѣстье Семевскаго, съ землею и барскимъ домомъ, находящееся въ полуверстѣ отъ монастыря, чрезъ небольшое болото. Вотъ Фотій и посовѣтовалъ графинѣ купить усадьбу Семевскаго. Завязалась процедура пріобрѣтенія. Семевскій хорошо зналъ, насколько важна для графини и Фотія его усадьба, поэтому предъявлялъ самыя тяжелыя условія. «Вижу, что еще дѣло твое впередъ не шагнуло: терпи, Господь устроитъ все во благо вскорѣ» (6-го февраля 1829 г.).

Семевскій поднималъ однако же цѣну на имѣніе и на людей, о чемъ Фотій былъ увѣдомленъ. «За такое вѣроломство я совѣтовалъ бы купчую помедлить совершать, т. е. до лѣта, когда столбы поставятъ отъ Семевскаго. Вотъ какъ низокъ г-нъ Сем...; онъ не забылъ, а все помнитъ, но удивленъ сребролюбіемъ. Не нужно повара, что дѣлать—усердіе было. Но оставимъ все. Конюха очень желалось, но что дѣлать, когда не даетъ, когда жаль сребролюбцу старику, то не покупай ни того, ни другаго, что бы могъ продать» (26-го января 1829 г.).

Семевскій предлагалъ окончить купчую сдѣлку зимою, дабы, подъ благовиднымъ предлогомъ, отказаться отъ постановки знаковъ обмежеванія, Фотій видѣлъ въ этомъ уловку и опасался за то, что послѣ покупки знаки могутъ быть поставлены въ ущербъ покупщика.

Графиня безпокоилась о томъ, что не поставлены межевые знаки, и писала о своемъ безпокойствѣ Фотію. «Ты пишешь, что начинаешь скучать, что ни слова о дѣлѣ твоемъ нѣтъ. Сохрани тебя Боже отъ скуки. Стоитъ ли сіе дѣло скуки. Для чего себя безпокоить и печалить. Все терпи Бога ради и буди въ мирѣ и радости о дѣлѣ святѣ» (14-го февраля 1829 г.).

Наконецъ, покупка совершилась. Семевскій продалъ имѣніе не только съ усадебной землей, но и съ другими земельными угодьями — иначе продать онъ не соглашался. Графинѣ, конечно, нуженъ былъ домъ и домовое хозяйство, въ землѣ же она не имѣла никакой нужды. Поэтому, сообщая о купчей сдѣлкѣ, землю она предлагала принести въ даръ монастырю.

«Поздравляю отъ всего сердца и отъ всея души тебя съ покупкой дома и прочаго и что совершено уже дѣло. Ежели къ тебѣ расположены

и такъ къ тебѣ милы, то вѣрно землю рѣшилъ А. П. [1]) дать монастырю. А посему я уже буду спокоенъ совершенно и насчетъ пчельника и коровника, ибо въ виду семъ, постараюсь на мызѣ сдѣлать пчельникъ, а коровникъ помѣстить во дворѣ. Я весьма буду радъ, когда и прачки и коровницы, т. е. женскій полъ весь перейдетъ на горку, т. е. на мызу, въ тѣ мѣста, гдѣ будетъ подальше отъ монастыря. Весьма будетъ мнѣ праздникъ великій, ежели около Св. Пасхи выйдетъ указъ о дозволеніи принять твой даръ обители. Послѣ сего, ежели ты дозволишь и рапортовать мнѣ обо всемъ, то я буду принимать г. Семевскаго. Ни кій врагъ не можетъ мнѣ рещи въ укоръ, что я въ мірскія вещи и дѣла впутываюсь» (1-го апрѣля 1829 г.).

Отдѣлку и переустройство мызы Фотій взялъ на себя и постарался водворить такой порядокъ, чтобы графиня нашла мызу мирной и уютной. «На мызѣ я уже поправки въ жильяхъ для скотницы, прачекъ и скотинъ приказалъ дѣлать и, бывъ, все самъ осматривалъ» (27-го апрѣля 1829 г.).

Фотій былъ въ восторгѣ, когда получилъ бумагу о прикрѣпленіи земли къ монастырю. «Вчера преосвященный викарій прислалъ указъ Св. Синода о томъ, что земля, дарованная тобою Юрьеву, утверждена за нимъ, а домъ со дворомъ и садомъ послѣ, въ свое время. Указъ я прочелъ и весьма оному обрадовался. Теперь я хозяйничаю во дворѣ, жилье для скотницъ, прачекъ и скотинъ исправляю. Еще изъ Москвы садовники не пріѣхали и не привезли деревъ» (29-го апрѣля 1829 г.).

Затѣмъ Фотій сообщаетъ, что деревья получены и въ тотъ же день посажены. Слѣдовательно, при мызѣ имъ былъ разбитъ и садъ. Вскорѣ послѣ указа Фотій получилъ условія покупки и опечалился. «Скажу тебѣ теперь о землѣ подаренной. Въ условіи вашемъ прежнемъ съ Семевскимъ вовсе не сказано ни слова о землѣ, а токмо сказано, дабы чрезъ два года выселить крестьянъ. Я запрещалъ, сказывая, что по приказанію графини не велѣно давать земли. Но Комовскій [2]) мнѣ 7-го мая письмо прислалъ, что хотя и не сказано въ условіи о землѣ и засѣвѣ на два года, но должно имъ засѣять, т. е. Комовскій ему, Семевскому дaритъ еще, а посему я и на полѣ садить не смѣю, да вѣрно уже и сѣна косить не можно и покосы имѣть на сіе 1829 лѣто. А въ домѣ твоемъ уже дѣлаются печи» (8-го мая 1829 г.).

Оказалось, что фактическое владѣніе землей останавливалось изъ-за дарственной записи. «Хотя въ монастырѣ я и получилъ указъ изъ духовной консисторіи о владѣніи земли, но гражданская палата еще

---

[1]) Эти буквы обозначаютъ слова: Ангелъ Правды. Такъ Фотій именовалъ государя Николая Павловича.

[2]) Правитель крестьянскихъ дѣлъ.

*

не дала акта, ибо дѣло остановилось за тѣмъ, что нужно дать тебѣ дарственную запись, такъ называемую или дать вѣрящее письмо на имя чье-либо о совершеніи дарственной записи, въ коей имѣніе съ предположеніемъ пользованія можешь оцѣнить даря, что оное не 25 тысячъ руб. стоющее, ты даришь, дабы пошлины менѣе сошло за дарственную запись. Я теперь не посылаю сего, но всѣ формы вручу лучше по пріѣздѣ восвояси. А безъ дарственной записи не можно сдѣлать акта» (31-го мая 1829 г.).

Въ это время графиня путешествовала съ государыней за границей. Фотій боялся, что продолжительность путешествія можетъ вредно отразиться на совершеніи дарственной, и поэтому проявлялъ не малое безпокойство. «Я съ нетерпѣніемъ ожидаю тебя для полученія дарственной записи на землю, тобою пожертвованную. Отъ 4-го іюня я тебѣ не писалъ, пишу же и не знаю, получишь ли ты письма мои въ свое время, ибо уже аще Господь благословитъ и благоволитъ, то должно вамъ къ іюлю, т. е. въ концѣ іюня, восвояси имѣть возвратъ» (5-го іюня 1829 г.). Объ устройствѣ того дома, въ которомъ должна была остановиться графиня, Фотій чрезвычайно заботился и періодически сообщалъ ей о ходѣ работъ. «Въ домѣ твоемъ все отдѣлывается и уже къ 7-му іюня все будетъ готово, исправно и хорошо» (28-го мая 1829 г.). «Домъ твой почти совсѣмъ отдѣланъ, расписанъ и полы выкрашены и нужное исправлено, весь какъ новый» (19-го іюня 1829 г.). «Сегодня я Василія Власова отпущаю въ домъ съ людьми и далъ ему 2.433 р., а еще токмо 5.000 р. останется додать въ Москвѣ» (8-го октября 1829 г.). «Домъ твой совсѣмъ отдѣланъ и весьма хорошо. Аще живы и здравы будемъ, чаю вскорѣ видѣться и бесѣдовать» (26-го іюня 1829 г.). «Домъ весь снаружи и внутри исправленъ очень хорошо, такъ что ты не узнаешь, такъ измѣнился. Дай, Господи, тебѣ въ путь возвращенія восвояси и намъ тебя видѣть въ утѣшеніе» (9-го іюля 1829 г.). На мызѣ домъ былъ прекрасно отстроенъ, только Фотій соболѣзновалъ, что графинѣ будутъ надоѣдать мухи. «Сдѣлай милость не забудь пологъ для себя и для твоей кровати привезти, дабы мухи не кусали, ибо кутеля не было, а мухи такъ стали кусать, что худой свой я вычистилъ и повѣсилъ. А посему хоть какой-нибудь пологъ худенькій и для меня привези. А для тебя необходимо нужно оный имѣть въ домѣ и повѣсить» (15-го іюля 1829 г.).

Въ маѣ прибыла еще партія деревьевъ изъ Петербурга, и пріѣхали садовники изъ Москвы. Фотій радовался, восторгался и весь день проводилъ на садовомъ участкѣ. Конечно, на открытомъ мѣстѣ, гдѣ не было еще никакой тѣни, сильно палило солнцемъ и, чтобы хотя нѣсколько защититься отъ жары, Фотій придумалъ огражденіе. «Ежели можно,

пришли мнѣ шляпу зеленую и картузъ для лѣта и ходьбы по саду» (20-го мая 1829 г.).

VI.

Сухопутная дорога изъ Новгорода въ Юрьевъ тянется среди полей по западной сторонѣ. У церкви Благовѣщенія, стоящей противъ самаго монастыря, дорога идетъ полукружьемъ, какъ сказано выше, чрезъ деревни, и подходитъ къ Юрьеву съ южной стороны. Конечно, попадать отъ Благовѣщенія въ монастырь по прямой линіи гораздо ближе, но здѣсь лежитъ болотистая низина, наполняемая весеннею водою. Между мызой и монастыремъ лежитъ такая же низина, хотя меньшихъ размѣровъ. Сначала Фотій попросилъ графиню для болѣе удобнаго сообщенія провести дорогу къ мызѣ, затѣмъ сейчасъ же находилъ недурнымъ проложить дорогу; такъ, между прочимъ, за однимъ дѣломъ и къ Благовѣщенію, не смотря на то, что первая оказалась по стоимости въ 6 тысячъ, а пристегнутая до 30 тысячъ. Обѣ дороги строились одновременно и при томъ на экономическихъ основаніяхъ. Работали военные поселяне, подъ присмотромъ бригаднаго генерала Эйлера. Разумѣется, Фотій не менѣе генерала слѣдилъ за ходомъ работъ. «Вчера я былъ на дорогѣ, и уже солдаты сего 21-го августа самую большую насыпь кончаютъ и переходятъ уже на ближайшій проливъ къ дому твоему и обѣщаются къ половинѣ сентября довершить дорогу. Прекраснѣйшая дорога будетъ и весьма широкая» (21-го августа 1829 г.). «Вчера былъ Эйлеръ генералъ, и мы съ нимъ ходили на дорогу. Чудная дорога. Спасибо ему, очень старается» (24-го августа 1829 г.). Но это обѣщаніе не сбылось, и устройствомъ дорога затянулась гораздо дольше. «Дорога чрезъ большой проливъ сдѣлана, конченъ и мостъ, и 16 ч. я проѣзжалъ на парѣ, а къ самой мызѣ едва-ли будетъ сдѣлана, ежели погода хороша не будетъ. На будущее лѣто, дастъ Богъ, рано кончимъ дорогу и будетъ лучше» (17-го октября 1829 г.).

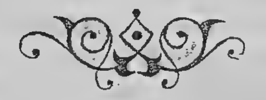
На самомъ дѣлѣ Фотій больше заботился о дорогѣ, ведущей къ Благовѣщенію. Понятно, та дорога была важнѣе, какъ сокращающая сообщеніе съ городомъ. «Дорога наша дѣлается и на большомъ проливѣ совершена. Думаю, что скоро можно будетъ проѣхать, ибо мосты всѣ готовы. Очень желательно мнѣ довершить все хотя до мызы начисто. Тогда и ѣздить будетъ возможно хорошо» (11-го октября 1829 г.). Благовѣщенская дорога съ дорогою къ мызѣ идетъ почти параллельно и затѣмъ послѣднюю оставляетъ позади. Спустя немного Фотій писалъ уже объ окончаніи большой дороги. «Работа кончилась на дорогѣ, и я вчер первый разъ проѣхалъ по новой дорогѣ въ городъ, ибо важенъ и нуженъ

токмо главный ручей, который никогда не высыхаетъ, а первый мало значитъ» (Изъ письма 19-го октября 1829 г.).

Судя по короткимъ отрывкамъ изъ дальнѣйшихъ писемъ въ 1829 г., дорога къ Благовѣщенію не была окончена въ совершенномъ видѣ, а если Фотій проѣзжалъ по ней, то благодаря осени, когда ручьи пересыхаютъ. Обѣ дороги были окончательно готовы въ слѣдующемъ году. Съ того времени только по нимъ можно было ѣздить во всякое время.

А. Слезскинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Французы въ Польшѣ въ 1806—1808 г.г.

(Изъ воспоминаній генерала Іосифа Шимановскаго)[1].

Когда Наполеонъ, разбивъ прусскую армію подъ Іеной и занявъ Берлинъ, двинулся къ Варшавѣ, я жилъ съ матерью въ моемъ родовомъ имѣніи Grądy, въ четырехъ миляхъ отъ Варшавы. Узнавъ, что французы уже заняли Познань, я сталъ поспѣшно собираться въ путь. Не могу при этомъ не упомянуть объ одной подробности, которая сама по себѣ весьма незначительна, но характеризуетъ патріотизмъ нашего народа и его преданность своимъ помѣщикамъ. Когда я сказалъ старому слугѣ моего покойнаго отца, Казиміру Крупинскому, и деревенскому старостѣ Бальцеру, какъ поступить въ томъ случаѣ, если бы въ наше имѣніе придетъ иноземное войско, то оба они, отойдя со мною въ сторонку, сказали:

— Мы догадываемся, куда ѣдетъ вельможный панъ.

— Куда же?—спросилъ я.

— Къ Напарту (Бонапарту),—отвѣчали они въ одинъ голосъ. Да поможетъ вамъ Господь. Дай Богъ, чтобы французы скорѣе пришли къ намъ и прогнали отъ насъ нѣмцевъ! Поѣзжайте спокойно, мы будемъ заботиться о вашемъ имуществѣ, какъ о своемъ собственномъ.

Взявъ въ Сохачевѣ почтовыхъ лошадей, я отправился въ Познань. Поздно вечеромъ я добрался до Швардцензы (Swarzędź), гдѣ впервые услышалъ окликъ: que vive! (кто идетъ)? Что я почувствовалъ при этомъ, какъ затрепетало мое сердце, трудно описать. Меня привели къ полковнику конныхъ стрѣлковъ, Эксельмансу, который, задавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, касавшихся прусскаго гарнизона, стоявшаго въ Вар-

[1]) Pamiętniki jenerala Iósefa Szymanowskiego; wydal Stanislaw Schnur-Peplowski. We Lwowie.

шавѣ и ея окрестностяхъ, дозволилъ мнѣ ѣхать въ Познань. Прибывъ туда, я тотчасъ явился генералу Домбровскому и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ Выбицкому, который весьма обрадовался тому, что онъ могъ послать въ Варшаву съ надежнымъ человѣкомъ напечатанныя въ Познани прокламаціи, призывавшія народъ къ возстанію.

Онъ далъ мнѣ, хорошо не помню, сколько именно экземпляровъ прокламацій, назвавъ поименно тѣхъ лицъ, коимъ я непремѣнно долженъ былъ роздать ихъ. Въ числѣ ихъ были, насколько я помню, Поцѣй, Кохановскій и Шанявскій-Выбицкій и генералъ Домбровскій предупреждали меня, чтобы я не давалъ прокламацій князю Іосифу Понятовскому, которому они не довѣряли, хотя я питалъ къ нему полнѣйшее довѣріе. Взявъ прокламаціи отъ Выбицкаго, я поспѣшилъ съ ними въ Варшаву, гдѣ, исполнивъ данное мнѣ порученіе, я все-таки далъ одинъ экземпляръ и князю Іосифу, въ присутствіи Станислава Потоцкаго, котораго я засталъ въ его кабинетѣ. Исполнивъ это, я тотчасъ уѣхалъ обратно въ Познань. Меня отвели къ полковнику Эксельмансу, командовавшему арьергардомъ третьяго корпуса великой арміи, который находился подъ начальствомъ маршала Даву. Маршалъ былъ красивъ собою, имѣлъ быстрый, проницательный взглядъ; въ немъ было что-то внушительное даже въ тѣ минуты, когда онъ старался кому-нибудь понравиться. Его преданность Наполеону была безгранична, точно такъ же, какъ и его безкорыстіе, коимъ онъ отличался отъ всѣхъ маршаловъ великой арміи. Онъ строго наказывалъ виновныхъ въ мародерствѣ, но за то со своей стороны очень заботился о томъ, чтобы солдаты получали все необходимое, въ особенности съѣстные припасы даже въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ такое время, когда доставка провіанта была сопряжена съ величайшей трудностью.

Таковъ былъ генералъ, подъ начальствомъ котораго я началъ свою службу.

Въ штабѣ маршала находилось до двадцати адъютантовъ. Всѣ они оказались прекрасными товарищами, людьми воспитанными и уживчивыми. Хотя штабы маршаловъ, командовавшихъ отдѣльными отрядами, были весьма многочисленны, но по вступленіи въ Польшу ихъ пришлось пополнить офицерами мѣстнаго происхожденія, владѣвшими французскимъ языкомъ. Такъ вскорѣ послѣ меня къ штабу Даву были причислены Кобылянскій, Розтворовскій, Францискъ Потоцкій, Мѣрославскій и два двоюродныхъ брата моихъ Александръ и Игнатій Шимановскіе. Личная канцелярія маршала состояла изъ пяти или шести секретарей. Директоромъ канцеляріи былъ Ленуаръ, человѣкъ дѣльный и способный, но говорившій только на французскомъ языкѣ.

Французы были болѣе или менѣе довольны вступленіемъ въ Польшу; они относились доброжелательно къ полякамъ, но посмѣивались надъ

нашими несбыточными ожиданіями и надеждами. Слова «kleba, niema, woda, zara-zara» (хлѣбъ, нѣтъ, вода, сейчасъ) были на устахъ у всѣхъ французовъ, даже у самого императора, но когда мы шли осенью въ окрестностяхъ Пултуска, утопая по колѣна въ грязи, то французы говорили:

— Что за проклятое болото, а поляки называютъ это отечествомъ!

Маршалъ Даву не только интересовался польскими дѣлами, но, быть можетъ, льстилъ себя надеждою, что онъ будетъ королемъ польскимъ подобно тому, какъ Мюратъ былъ королемъ въ Неаполѣ, а Бернадоттъ въ Швеціи. Эта тайная мысль была, вѣроятно, причиною того, что маршалъ долго относился недоброжелательно къ князю Іосифу Понятовскому, который считался единственнымъ претендентомъ на польскую корону, не хотѣлъ сближаться съ нимъ и охотно слушалъ сплетни, которыя распускали о князѣ нѣкоторые генералы, относившіеся къ нему недоброжелательно. Въ подобныхъ случаяхъ только полковникъ Ромеръ (адъютантъ Даву) и я рѣшались сказать слово въ защиту князя Іосифа.

Однажды пользуясь тѣмъ, что маршалъ снисходительно выслушивалъ меня, я сказалъ ему:

— Вы вѣрите всѣмъ сплетнямъ, которыя вамъ разсказываютъ о князѣ Понятовскомъ. Васъ возстановляютъ противъ него, но настанетъ время, когда, узнавъ заслуги князя, вы этого устыдитесь, такъ какъ это настоящій польскій Баярдъ, рыцарь безъ страха и упрека.

— Это вамъ кажется,—отвѣчалъ Даву—такъ какъ вы расположены къ князю. Что касается меня, то я не вѣрю этому; впрочемъ, увидимъ, быть можетъ, вы и сами измѣните впослѣдствіи свое мнѣніе.

— Увидимъ,—сказалъ я,—но я этого не допускаю.

При всей твердости своего характера маршалъ былъ чувствителенъ къ тѣмъ непріятностямъ и обидамъ, которыя ему наносили.

Такъ напр. третій корпусъ, отличившійся подъ Ауерштадтомъ, въ награду за это первый торжественно вступилъ въ Берлинъ и съ тѣхъ поръ шелъ во главѣ арміи. Поэтому Даву полагалъ, что онъ вступитъ также первымъ въ Варшаву, какъ вдругъ въ окрестностяхъ Блони ему заступилъ неожиданно дорогу Іоахимъ Мюратъ, уполномоченный Наполеономъ быть его намѣстникомъ (lieutenant de l'empereur) въ Варшавѣ. Это еще болѣе усилило нерасположеніе маршала къ Мюрату, котораго онъ давно не терпѣлъ.

Мюратъ занялъ королевскій зàмокъ и расположился въ царскихъ апартаментахъ, а намъ пришлось занять Брюлевскій дворецъ.

На первый пріемъ въ зàмкѣ, на который собрались не только представители знатнѣйшихъ польскихъ фамилій, но и всѣхъ остальныхъ классовъ общества, а въ особенности много военныхъ, Мюратъ явился въ испанскомъ придворномъ костюмѣ и произвелъ на всѣхъ сильное

впечатлѣніе своей театральной манерой держать себя. Дамамъ нашимъ онъ чрезвычайно понравился, такъ какъ былъ любезенъ, уменъ и имѣлъ изящныя манеры, коихъ не доставало моему маршалу. Въ штабѣ Мюрата былъ цвѣтъ французской молодежи, которая была украшеніемъ первыхъ салоновъ Парижа. Все это были дѣйствительно весьма пріятные и любезные молодые люди, въ особенности Флаго (Flahaut), красавецъ собою, пѣвецъ и композиторъ разныхъ французскихъ романсовъ. Такъ какъ пѣвцы были въ то время въ большой модѣ, то въ тѣхъ домахъ, гдѣ адъютанты Мюрата и въ особенности Флаго обѣщали провести вечеръ, можно было всегда встрѣтить большое общество дамъ. Флаго, какъ и прочіе адъютанты Мюрата, былъ поклонникъ любительскихъ спектаклей.

Вскорѣ послѣ того какъ Мюратъ расположился въ Варшавѣ, маршалъ Даву съ большею частью своего корпуса перешелъ Вислу и устроилъ свою главную квартиру въ Яблонномъ, куда я былъ назначенъ комендантомъ съ приказаніемъ разбирать жалобы, то и дѣло возникавшія со стороны крестьянъ противъ солдатъ, вслѣдствіе того что они не понимали другъ друга. Мнѣ часто приходилось выслушивать эти жалобы и разбирать возникавшія недоразумѣнія; я не могу сказать, чтобы солдаты совершали какія-либо злоупотребленія; но все же я поблагодарилъ Бога, когда, простоявъ недолго въ Яблонномъ, мы двинулись къ Пултуску по тому памятному для меня болоту, о которомъ долгое время вспоминали французскіе солдаты. Подъ Пултускомъ мы имѣли довольно жаркое дѣло съ русскими.

Послѣ сраженія подъ Прейсишъ-Эйлау мы остались на мѣстѣ боя и стояли въ снѣгу, не имѣя соломы для подстилки и провіанта. Главная квартира Наполеона находилась въ самомъ Эйлау, не смотря на то, что городъ этотъ былъ на половину сожженъ и разоренъ. Отъ голода и холода армія стала роптать. Громкія проклятія солдатъ производили на меня, не привыкшаго ни къ чему подобному, такое впечатлѣніе, что у меня волосы становились дыбомъ. Крайне встревоженный, я высказалъ свои опасенія по этому поводу адъютанту Ромеру, который отвѣчалъ мнѣ:

— Вы ничего не понимаете. Вы не знаете характера французскихъ солдатъ; вы увидите, какъ при звукѣ трубъ они сразу умолкнутъ и спокойно станутъ подъ ружье.

Когда на третій день старая гвардія, бывшая душою войска, ставъ подъ ружье, закричала: «хлѣба или мы пойдемъ впередъ», то объ этомъ донесли Наполеону, сказавъ, что всѣ убѣжденія офицеровъ не привели ни къ чему.

— Вѣдь вы не младенцы,—сказалъ императоръ,—а не умѣете взяться за дѣло. Подать мнѣ лошадь!

Подъѣхавъ къ своей гвардіи, построенной въ колонны, онъ обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами.

— Что все это значитъ? Почему вы стали подъ ружье безъ моего приказанія?

— Папа, хлѣба!—въ одинъ голосъ закричали гвардейцы.

Императоръ, понимая значеніе этихъ словъ, отвѣтилъ такъ, чтобы всѣ могли слышать его.

— Eh bien. Nie ma! (И такъ. Нѣтъ).

— Vive l'empereur!—откликнулась гвардія съ такимъ восторгомъ, какъ будто ее уже накормили досыта.

Положеніе французовъ было тяжелое настолько, что когда Даву поручилъ мнѣ достать ему лошадей для кареты и проводника, то я былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе.

Мнѣ трудно было исполнить порученіе маршала въ опустошенной мѣстности, жители которой разбѣжались или попрятались. Пруссаки относились къ французамъ настолько недоброжелательно, что ни въ чемъ не хотѣли помочь имъ. Случалось, что крестьяне, захвативъ мародеровъ или небольшой отрядъ войска, убивали всѣхъ солдатъ и кидали трупы со всей одеждой и оружіемъ въ прорубь.

Между тѣмъ воюющія державы начали переговоры, закончившіеся тильзитскимъ миромъ, который ознаменовался для Польши созданіемъ Варшавскаго герцогства, въ которомъ повелѣно было находиться третьему корпусу французской арміи, подъ командою Даву. Его главная квартира находилась въ Варшавѣ.

— Довольны ли въ Варшавѣ тѣмъ, что сдѣлано для поляковъ?—спросилъ меня однажды маршалъ Даву.

— Нѣтъ, г. маршалъ—отвѣчалъ я, какъ всегда, откровенно.

— Повѣрьте мнѣ,—замѣтилъ Даву,—что императоръ очень хотѣлъ и даже пытался сдѣлать для васъ больше, но это ему не удалось.

— Хотя бы самой малой части страны дали названіе королевства польскаго, то всѣ были бы довольны,—сказалъ я,—но если вы не будете называть насъ поляками и не признаете нашей народности, то мы никогда не будемъ довольны.

— Это только начало,—замѣтилъ на это Даву. Потерпите, быть можетъ, впослѣдствіи что-либо удастся сдѣлать больше,

Когда мы пріѣхали съ нимъ въ Варшаву (16-го августа 1807 г.) и онъ узналъ, что корпусъ Нея, проходя по предмѣстьямъ столицы, грабилъ жителей, то Даву былъ страшно возмущенъ этимъ. Комендантомъ Варшавы былъ въ то время генералъ Гувіонъ. Онъ ожидалъ маршала въ Теперовскомъ дворцѣ на Медовой улицѣ, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ, служащими и знатнѣйшими жителями города. Какъ только

мы вошли въ зало, первымъ словомъ маршала былъ страшный выговоръ, данный губернатору.

— Вы,— сказалъ онъ,—ни о чемъ не заботитесь. Вы ничего не дѣлаете. Какъ? городъ грабятъ, а я не слыхалъ ни о судѣ, ни о наказаніи виновныхъ. Это позоръ не только для васъ, но и для всей французской арміи, вы всему виною!

Желая, чтобы маршалъ Даву по своему положенію въ Варшавѣ былъ его достойнымъ представителемъ, Наполеонъ вызвалъ изъ Парижа его супругу и просилъ ее какъ можно скорѣе прибыть въ Польшу. Надобно сказать, что вмѣстѣ съ княземъ Понятовскимъ жила его сестра, пани Тышкевичъ со своей пріятельницей г-жею де-Вобанъ. Обѣ онѣ были прекрасно воспитаны и умѣли соединить старо-польское гостепріимство съ чисто парижской любезностью. Въ этомъ отношеніи польская столица могла съ честью занять мѣсто среди первыхъ столицъ Европы.

По пріѣздѣ супруги маршала Даву г-жа Тышкевичъ очень сошлась съ нею, и благодаря этимъ двумъ дамамъ отношенія между маршаломъ и кн. Понятовскимъ со временемъ уладились. На князя много сплетничали и наговаривали. Такъ напр. однажды кто-то сказалъ маршалу, что князь въ насмѣшку французамъ приказалъ лакею, стоящему у него на запяткахъ, носить на ливреѣ густыя эполеты. Такъ какъ двери изъ залы маршала въ его кабинетъ были открыты, то я отлично слышалъ эту злостную сплетню; вдругъ маршалъ вышелъ весь красный и приказалъ мнѣ тотчасъ поѣхать за княземъ Іосифомъ. Я засталъ его неодѣтымъ; онъ сидѣлъ передъ зеркаломъ и фабрилъ себѣ усы, а возлѣ него стоялъ начальникъ его штаба, генералъ Фишеръ, съ бумагами. Увидавъ меня, князь спросилъ, что мнѣ надо? Я отвѣчалъ, что маршалъ проситъ его къ себѣ; когда же Фишеръ удалился, то я разсказалъ ему все подробно и умолялъ его вооружиться терпѣніемъ, на что онъ сказалъ:

— Вашъ маршалъ такъ надоѣлъ мнѣ, онъ предъявляетъ такія требованія, что я когда-нибудь серьезно повздорю съ нимъ; терпѣніе мое уже истощается.

Я умолялъ его успокоиться и поспѣшить къ маршалу.

Когда я возвратился къ Даву, онъ былъ взбѣшенъ, что Понятовскій долго къ нему не ѣхалъ.

— Чѣмъ занятъ князь?—спросилъ онъ.

— Онъ занимался своимъ туалетомъ и въ то же время слушалъ докладъ своего начальника штаба.

— Когда увидите, что онъ ѣдетъ, предупредите меня,—сказалъ Даву.

Такъ какъ Понятовскій все еще не ѣхалъ, то нетерпѣливый маршалъ выходилъ неоднократно въ залъ,спрашивая, не пріѣхалъ ли князь

и сѣтовалъ на его медленность. Наконецъ я увидѣлъ въѣжавшую во дворъ карету и доложилъ маршалу, который выбѣжалъ съ лорнеткой въ рукахъ и сталъ разсматривать экипажъ князя, ливрею его ординарца и остался ждать его въ пріемной.

Князь вошелъ въ уланскомъ мундирѣ, который онъ обыкновенно носилъ, въ шапкѣ, которая очень шла къ его красивому лицу. Маршалъ началъ дѣлать ему выговоръ за какія-то незначительныя упущенія, допущенныя имъ при сформированіи легіоновъ, на что князь отвѣчалъ съ большимъ достоинствомъ; потомъ дошла очередь до генеральскихъ эполетъ, которыя ординарецъ князя носилъ на ливреѣ.

— Вы думаете князь, я не знаю,—сказалъ Даву,—что вы въ насмѣшку надъ французской арміей велите лакею, стоящему у васъ на запяткахъ, носить эполеты, какія носятъ наши генералы.

— Я еще не видалъ, какія эполеты носятъ во французской арміи, когда мои лакеи уже носили тѣ эполеты, какія вы на нихъ видите,—спокойно отвѣчалъ князь,

— Знайте же, ваше сіятельство,—сказалъ Даву,—что я былъ до сихъ поръ снисходителенъ, но что этого болѣе не будетъ!

Услыхавъ эту угрозу, князь отвѣчалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ:

— Меня весьма мало интересуетъ ваша снисходительность, г. маршалъ, такъ какъ она не есть доказательство того уваженія, съ какимъ вы обязаны относиться ко мнѣ. Имѣете ли вы что-либо еще приказать?—спросилъ онъ холодно и поклонившись вышелъ.

Хотя я былъ обязанъ проводить князя на лѣстницу, но, видя, что дѣло зашло слишкомъ далеко, я рѣшилъ остаться въ пріемной. Маршалъ долго стоялъ, опустивъ глаза въ землю, затѣмъ сталъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ и наконецъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ вы сами были свидѣтелемъ его дерзости.

Когда маршалъ, пробывъ нѣкоторое время въ Скерневицахъ, возвратился въ Варшаву, то пани Тышкевичъ, сестра кн. Понятовскаго, постаралась сойтись съ супругою маршала и такъ съумѣла понравиться ей, что когда она пригласила ее на обѣдъ и на балъ въ Лазенки, то г-жа Даву дала ей слово пріѣхать съ мужемъ.

Послѣ роскошнаго обѣда танцовали до упаду, не смотря на то, что былъ Успенскій постъ. Когда въ залѣ сдѣлалось душно, то общество отправилось въ садъ, который былъ роскошно иллюминованъ и гдѣ были раскинуты буфеты съ прохладительными напитками. Въ одномъ изъ нихъ сидѣла красивая дама въ турецкомъ костюмѣ и угощала мороженымъ. Надъ буфетомъ красовалась надпись: «Des Sorbèts à l'Aboukir»; когда супруга указала маршалу на эту надпись, то было замѣтно, что это вниманіе ему пріятно. Надъ другимъ буфетомъ вид-

нѣлась надпись: «Des Gateaux à l'Auerstadt», далѣе надъ третьимъ буфетомъ стояла надпись: «Des bonbons à l'Eléonce et à Josephine» [1]). Изъ него вышли красиво одѣтыя дѣти, которыя предложили маршалу и его супругѣ конфектъ, чѣмъ они были растроганы до слезъ.

Нѣсколько часовъ спустя, когда балъ былъ въ полномъ разгарѣ, я увидѣлъ вошедшаго въ залъ французскаго курьера, который прибылъ къ маршалу изъ Парижа съ важными депешами. Я провелъ его въ особую комнату, гдѣ Даву говорилъ съ нимъ съ полчаса.

Затѣмъ онъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Отыщите мнѣ поскорѣе князя, а когда я былъ уже у дверей, то онъ прибавилъ: Изъ Варшавы выступятъ только одни французскія войска, поляки останутся тутъ; императоръ предоставляетъ мнѣ ввѣрить начальство надъ польскимъ войскомъ, кому я захочу: Домбровскому, Заіончеку, либо князю Іосифу Понятовскому.

Помолчавъ, маршалъ спросилъ:

— Какъ вы думаете, кому изъ нихъ я поручу командованіе?

— Вѣроятно князю Іосифу, — отвѣчалъ я.

— На этотъ разъ вы угадали,—прервалъ меня Даву. Императоръ, предоставляющій мнѣ свободу выбора, кажется, также того желаетъ, а онъ знаетъ людей лучше меня. Позовите ко мнѣ князя, но не предупреждайте его ни о чемъ.

Я поспѣшилъ въ танцовальный залъ и, указывая князю ту комнату, гдѣ его ожидалъ Даву, я успѣлъ намекнуть ему, что ему будетъ поручено командованіе войскомъ.

— Богъ видитъ,—сказалъ онъ,—что меня радуетъ то, что вы говорите, не потому, чтобы меня прельщала власть, ибо я понимаю, какую это налагаетъ на меня вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственность. Но я увѣренъ, что если бы начальство было поручено Заіончеку или Домбровскому, то они такъ придирались бы ко мнѣ, такъ надоѣдали бы мнѣ, что совсѣмъ бы извели меня, а я не сдѣлаю ни одному изъ нихъ ни малѣйшей непріятности.

Проговоривъ съ маршаломъ съ полчаса, князь возвратился въ зало, гдѣ шли оживленные танцы. На другой день, когда разнесся слухъ, что французское войско выступаетъ въ Германію—какъ полагали, чтобы воевать съ австрійцами, нѣсколько молодыхъ польскихъ офицеровъ выразили желаніе быть причисленными къ штабу маршала Даву.

Не знаю, какъ было въ другихъ штабахъ французскихъ войскъ, но могу сказать, что въ штабѣ нашего третьяго корпуса французы и поляки (а насъ было слишкомъ 20 человѣкъ) жили въ мирѣ и согла-

---

[1]) Двѣ первыя надписи напоминали о сраженіяхъ, въ которыхъ отличился Даву, третья надпись означала имена двухъ дочерей маршала.

сіи; я не припомню, чтобы между нами произошла какая-либо непріятность, какое-либо недоразумѣніе. Ко мнѣ маршалъ такъ привыкъ, что мы ѣхали съ нимъ изъ Варшавы, почти всю дорогу въ одномъ экипажѣ; я былъ ему полезенъ своимъ знаніемъ языковъ: польскаго, французскаго и нѣмецкаго.

Въ Бреславлѣ для маршала было приготовлено помѣщеніе въ зданіи присутственныхъ мѣстъ; тутъ его ожидала почетная стража, а на лѣстницѣ стояли инвалиды и жены или вдовы прусскихъ штабъ-офицеровъ, которые подали ему прошенія о выдачѣ имъ жалованья и пенсій, невыплаченныхъ имъ прусскимъ правительствомъ. Маршалъ остановился на лѣстницѣ и при моей помощи сталъ разспрашивать ихъ и то тому, то другому велѣлъ дать по нѣсколько луидоровъ, такъ что деньги, бывшія при мнѣ, вскорѣ истощились. Какъ только мы вошли въ домъ, мѣстныя власти привѣтствовали маршала и между прочимъ спросили его, сколько денегъ ему нужно для себя.

— Какъ для меня?—воскликнулъ Даву, который для себя никогда ничего не бралъ.

— Для содержанія вашего дома, г. маршалъ,—отвѣчали онѣ.

— Я имѣю дворецкаго, который обязанъ заботиться объ этомъ, это вовсе васъ не касается,—сказалъ маршалъ,—у васъ вѣрно много денегъ, если вы предлагаете ихъ мнѣ, когда я васъ не прошу объ этомъ.

— Скажите пожалуйста,—спросилъ онъ удивленныхъ его отвѣтомъ чиновниковъ, сколько вы платили Мортье, когда онъ у васъ стоялъ?

— Двѣсти талеровъ въ день,—отвѣчали они.

— А генералу Вандому?

— Триста талеровъ въ день.

— Что же вы давали королю Іерониму?

— Онъ требовалъ каждый день четыреста талеровъ.

— Что касается меня, то я не возьму ни денегъ, ни припасовъ, но вижу, что, не смотря на частый проходъ войска, у васъ еще имѣются деньги, если вы предлагаете мнѣ выдавать на содержаніе, а между тѣмъ ваши отставные офицеры и ихъ вдовы не получаютъ жалованья, и вынуждены просить вспомоществованія.

Подозвавъ меня, маршалъ спросилъ, сколько денегъ я роздалъ просителямъ, и когда я отвѣчалъ: 60 талеровъ, то онъ обратился къ властямъ и сказалъ:

— Такъ какъ, судя по вашимъ словамъ, я имѣю право на такіе же поборы, какъ мои предшественники, но я вашихъ денегъ и видѣть не хочу, то дайте 6 тысячъ талеровъ единовременно, я прибавлю къ нимъ еще 6 тысячъ изъ полковыхъ суммъ и назначу особую коммиссію изъ военныхъ и гражданскихъ лицъ для раздачи этихъ денегъ прус-

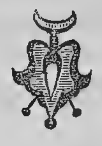
скимъ офицерамъ и ихъ вдовамъ, не получающимъ пенсій. Что касается моего стола, то прошу васъ объ этомъ не безпокоиться.

Этотъ благородный поступокъ произвелъ на жителей Бреславля сильное впечатлѣніе и когда мы выступили нѣсколько недѣль спустя въ Эрфуртъ, то мѣстныя власти, явясь къ маршалу для прощанья, выразили ему по этому поводу свою благодарность.

Пробывъ короткое время въ Эрфуртѣ, Даву перенесъ свою главную квартиру въ Бамбергъ, гдѣ мы простояли также нѣсколько недѣль.

По пути въ Бамбергъ, намъ пришлось проѣхать чрезъ владѣнія многихъ нѣмецкихъ князей, которые приглашали маршала къ себѣ въ гости. Даву на всѣ приглашенія отвѣчалъ отказомъ; но когда мы прибыли въ Кобургъ, то застали на почтовой станціи самого владѣтельнаго князя, который, не позволивъ намъ выйти изъ экипажа, приказалъ вести насъ къ себѣ во дворецъ. Запыленные, грязные мы отправились прямо въ княжескіе апартаменты, гдѣ гвардія въ полной парадной формѣ отдала маршалу воинскія почести. Княгиня приняла насъ окруженная принцессами, среди которыхъ находилась разведенная супруга в. кн. Константина Павловича—сестра владѣтельнаго герцога Кобургскаго. Дамы были разодѣты и украшены бриллiантами съ головы до ногъ, а мы были грязны, не одѣты, и я къ ужасу своему замѣтилъ, что маршалъ даже позабылъ въ экипажѣ свои эполеты. Я подумалъ, что было бы недурно намъ привести себя къ обѣду въ порядокъ. Намъ отвели для этого особыя комнаты. Освѣжившись и пріодѣвшись, мы вернулись въ пріемные покои, гдѣ былъ поданъ изысканный обѣдъ; съ нами вмѣстѣ сѣла за столъ вся княжеская семья. За обѣдомъ подъ звуки оркестра пили за здоровье Наполеона, маршала Даву, герцога Кобургскаго и всей его родни.

Вскорѣ послѣ обѣда мы поѣхали далѣе. . .

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

19 (31), вторникъ. Поутру у Витгенштейна и Полозова. Поѣздка въ Шпортенбургъ [1]): развалины, освѣщеніе, башня, главный корпусъ. Взъѣздъ по узкой дорогѣ; переѣздъ черезъ лѣсъ до Schöne Aussicht. Неудача. Возвращеніе черезъ Forsthaus по новой шоссе и старой дорогѣ кобленцской. Вечеръ въ концертѣ: тирольцы.

20 (1 августа), середа. Передъ обѣдомъ у Витгенштейна и Бредерло [2]). Брошюра Шатобріана [3]). Послѣ обѣда письмо для Витгенштейна. Прогулка пѣшкомъ по Marienweg и на ослахъ по Henriettenweg съ Реннекамфомъ. У графини Потоцкой. Ея невѣстка. Новая бѣда съ гр(афомъ) Витгенштейномъ.

21 (2), четвергъ. Отъѣздъ графа Витгенштейна. Обѣдъ въ Russische(r) Hof съ семействомъ La Bourdonnaye, съ M-e Chauvelin, двумя Потоцкими, Голицынымъ, Гольпертомъ и Дёрнбергомъ. Послѣ обѣда на лодкѣ до Nievern и оттуда на ослахъ. Паденіе M-e Dörnberg. Въѣздъ фрунтомъ. Чтеніе Mémoires Лудвига XVIII [4]).

22 (3), пятница. Рожденіе прусскаго короля. Обѣдъ въ Russische(r) Hof. Пѣніе и пушки. Прогулка уединенная на ослѣ по Marienweg. Русскіе Weihdorf и Габбе [5]). Вечеръ у Лабурдоннѐ. Прекрасная лунная ночь.

23 (4), суббота. Обѣдъ въ Curhaus. Прогулка длинная на ослахъ съ Реннекамфомъ и Бахомъ въ Kemmenau: видъ. Оттуда въ Arstbach, фабрика кувшиновъ. 3 кувш(ина) въ 4 минуты. Печь. Прелестный видъ между двухъ лѣсистыхъ холмовъ на Sporkenburg. Возвращеніе. Дождь, потомъ луна. Вечеръ довольно скучный у La Bourdonnaie (Потоцкія (Нина), Голицынъ съ гл(упою) женою, Гольпертъ и я).

24 (5), воскресенье. Габбе. Письмо къ Бехтѣеву. Чтеніе Записокъ Лудвига XVIII. Какое бѣдствіе для государя и государства дворъ: но французскій дворъ былъ неизбѣжная бѣда, произведеніе вѣковъ. Нужна была бѣдств(енная) революція, чтобы уничтожить это бѣдствіе. Обѣдъ у Потоцкой. Поѣздка въ Даузенау. Вечеръ у Дельфины Потоцкой. Пріѣздъ кня(зя) Волхонскаго.

25 (6), понедѣльникъ. Поутру у меня Габбе, Вейдорфъ и Волхон-

---

[1]) Ниже, подъ 23 іюля: Sporkenburg.

[2]) См. выше, стр. 223.

[3]) Около этого времени была напечатана слѣдующая брошюра Шатобріана: „Courtes explications sur les 12.000 fr. offerts par M-e la duchesse de Berri aux indigens attaqués de la contagion“.

[4]) Рѣчь идетъ объ апокрифическихъ „Mémoires de Louis XVIII“, изданныхъ въ Парижѣ въ 1832 году.

[5]) Генералъ-маіоръ Габбе, знавшій С. И. Тургенева и бывшій съ нимъ въ Мобёжѣ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 263).

скій. Реннекамфъ. Первый обѣдъ дома. Поѣздка по Henriettenweg. Фейерверкъ. Вечеръ у Потоцкой.

26 (7), вторникъ. Писалъ къ в(еликому) к(нязю) [1]) и получилъ отъ него письмо. О Запискахъ Лудвига XVIII. Послѣ обѣда прелестная прогулка въ Нассау съ Реннекамфомъ: стѣна, покрытая лѣсомъ. Нассау и замки. Долина Ланы съ безпрестанными поворотами. Арнштейнъ и Обернгофъ. Хребетъ между двумя долинами. Замокъ и полуострова. Игра.

27 (8), середа. Чтеніе Mémoires Louis XVIII. Подъ липами съ Реннекамфомъ. Прогулка на ослахъ. Письмо отъ Тургенева и Рейтерна.

28 (9), четвергъ. Провелъ утро дома. Читалъ Mémoires Лудвига XVIII. Послѣ обѣда подъ липами, по обыкновенію съ актерами. Прогулка при лунѣ, очень короткая отъ усталости. Вечеръ дома.

29 (10), пятница. Письмо отъ Рейтерна. Счастливый Вержюръ отъ того, что есть, отъ чего плакать. Обѣдъ у гр(афа) Подоскаго. Разговоръ съ его гувернанткой. Подъ липами. Въ Даузенау. Вечеръ у Потоцкой: пѣніе.

30 (11), суббота. Конецъ ваннамъ. Писалъ къ Тургеневу [2]). Отъѣздъ. La Bourdonnaye. Подъ липами. Шнейдеръ. Въ Даузенау.

31 (12), воскресенье. Поутру у графини Дельфины Потоцкой: пѣніе. Прогулка по Henrietten- и Marienweg. Вечеръ дома.

1 (13) августа, понедѣльникъ. Обѣдалъ у Потоцкихъ. Послѣ обѣда съ Шнейдеромъ до Даузенау.

2 (14), вторникъ. Обѣдалъ съ Дилемъ [3]). Лампи [4]). Визиты. Гроза. Лафоновъ концертъ [5]).

3 (15), середа. Выѣздъ изъ Эмса. Переѣздъ отъ Эмса до Бингена. Виды береговъ Рейна въ сравненіи съ берегами Ланы. Рейнштейнъ [6]). 14 зикзаковъ. Дворъ. Сѣни, старинныя скамьи, латы. Одежда слугъ. Жилище бургфохта. Rittersaal. Большое писанное окно. Каминъ. Стулья. Панели. Платформа. Съ нея въ башню съ балкономъ. Средній этажъ, горницы принцессы: старинная кровать. Картины. Въ риттерзалѣ латы. Третій этажъ жилище дѣтей и принца. Башня и флагъ. Пушки. Взрывъ.

---

[1]) Напечатано, съ датою: 25 іюля (6 августа), въ „Русскомъ Архивѣ" 1883 года, книга первая, стр. VI—VII.

[2]) Напеч. въ „Письмахъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 262—264.

[3]) См. выше, стр. 187, прим. 2-е.

[4]) См. выше. стр. 197, прим. 2-е.

[5]) Шарль-Филиппъ Лафонъ (Lafont, р. 1781 † 1839), извѣстный скрипачъ.

[6]) Замокъ, принадлежавшій принцу прусскому Фридриху. Подробнѣе о посѣщеніи Рейнштейна Жуковскимъ см. въ письмѣ его къ наслѣднику Александру Николаевичу отъ 26 августа (7 сентября) 1832 г. („Русскій Архивъ" 1883 г., книга первая, стр. IX—X).

Bingerloch. Видъ на Рейнъ. B(a)r(o)n Zwierlein [1]) съ женою и дочерью. Bingen: das Weiss(e) Ross.

4 (16), четвергъ. Ночевалъ въ Бингенѣ. Переѣздъ черезъ Рейнъ. Въ Гейссенгеймѣ у барона Zwierlein; его жена и любезная дочь, невѣста и живописица. Ея прекрасные ландшафты масляными красками съ натуры. Собраніе старинныхъ писанныхъ стеколъ. Три цѣлыхъ окна, купленныя на аукціонѣ въ Кельнѣ. Три старинныхъ окна, вѣроятно, Албрехта Дюрера изъ исторіи св. Бернарда. Христосъ, несущій крестъ, Вероника, Симонъ, римскіе воины, прекрасная композиція. Библіотека старинныхъ книгъ. Сынъ Zwierlein'а. Его двоюродная сестра, теперь въ Карлсбадѣ, Fräulein Stolterfott [2]), сочинительница Зораиды и Альфреда (еще въ манускриптѣ). Ателье M-e Zwierlein. Переѣздъ въ Висбаденъ черезъ R(h)eingau. Домъ въ Эрбахѣ. Биберихъ [3]). Ввечеру въ Висбаденѣ. Въ театрѣ Jessonda Шпорова [4]), плохое пѣніе. Nadori Diez als Gast, актеръ баденскаго театра. Весьма порядочный театръ: ротонда, балконы первыхъ ложъ. На авансценѣ по двѣ только ложи, Sper(r)sitze [5]), партеръ. Весьма порядочныя декораціи.—Толстой.

5 (17), пятница. Пилъ воду и гулялъ. Прекрасное гульбище. Огромный Cursaal съ двадцатью четырьмя мраморными колоннами въ два свѣта. По бокамъ лавки. Съ лѣвой стороны колоннада въ 54 колонны и множество лавокъ. Особенно замѣчателенъ хрусталь богемской фабрики. Садъ, тѣнистыя аллеи, прудъ, окруженный разнообразными деревьями, saules pleureurs, лебеди. Передъ гульбищемъ огромное зданіе съ ваннами; прекрасная мостовая, тротуары, красноватый камень. Условился съ Blissenbach въ Вейльбахѣ. Обѣдъ за столомъ въ Die Rose: M-e Dörnberg, ея отецъ, Pfeffel [6]), и мачиха; посланникъ датскій [7]) Juel. По-

---

[1]) Баронъ Гансъ-Карлъ Цвирлейнъ (р. 1768 † 1850), имѣвшій въ своемъ замкѣ въ Гейссенгеймѣ богатое собраніе предметовъ искусства, человѣкъ весьма образованный, знакомый съ многими учеными и писателями. О немъ упоминаетъ Жуковскій и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ наслѣднику Александру Николаевичу (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга первая, стр. X; надо замѣтить, что здѣсь фамилія его напечатана ошибочно: Цвирманъ).

[2]) Адельгейда фонъ Стольтерфотъ (Stolterfoth) (см. о ней выше, стр. 187, прим. 3-е). Ея романтическо-эпическая поэма „Зораида“ была напечатана въ 1825 г., а поэма „Альфредъ“ была издана въ 1834 году. Въ 1844 г. Адельгейда Стольтерфотъ вышла замужъ за вышепомянутаго барона Ганса-Карла Цвирлейна.

[3]) Т. е. Bibrich.

[4]) Опера Лудвига Шпора (Spohr, р. 1784†1859) Jessonda была написана въ 1823 году.

[5]) Т. е. складныя мѣста.

[6]) Баварскій посланникъ въ Парижѣ, баронъ Христіанъ-Губернъ фонъ Пфеффель (р. 1765 † 1834).

[7]) Въ Парижѣ.

слѣ обѣда осматривалъ залы. У Бистрома [1]). Его адъютантъ Корутовъ. Симборскій. Гулялъ по лавкамъ, покупки у Югеля. Въ саду. Концертъ тирольцевъ. Игра и плутовская сцена.

6 (18), суббота. Пилъ воду и гулялъ у источника. Чувство благодарности къ природѣ и ея Творцу [2]). Посланіе отъ Рейтерна. Послѣ обѣда Рейтернъ [3]), его жена, дочь и сестра.

7 (19), воскресенье. Поутру семейство Рейтерна у меня. Отъѣздъ Мины. Обѣдъ въ Розѣ. Въ театрѣ Weisse Dame [4]).

8 (20), понедѣльникъ. Выѣздъ изъ Висбадена въ 5 часовъ утра. Въ Вейльбахѣ домъ Blissenbach: осы, вонь отъ кухни и прочее. Обѣдъ на воздухѣ. Die schöne Doctorin [5]). Das frohe Mütterchen. Разговоръ послѣ обѣда съ М-е de Reutern. Прогулка на ослѣ. Кладбище. Видъ: съ одной стороны Feldberg и Таунусъ; съ другой стороны Мелибокусъ и Bergstrasse. Прелестная равнина. Между ими видны: Майнъ, Гаттерсгеймъ, Флерсгеймъ, множество деревень и башни Франкфурта. Разговоръ въ вечеру съ Рейтерномъ объ Италіи. Плохая ночь.

9 (21), вторникъ. Вейльбахъ. Обѣдъ въ саду. Ввечеру чтеніе писемъ Гумбольта и Шиллера [6]). Отвлеченность сужденій. Шиллеръ идеалъ поэта. Прогулка по большой дорогѣ.

10 (22), середа. Вейльбахъ. Гроза. Ввечеру чтеніе Гёте: гротъ св. Розаліи близъ Палермо [7]). О архитектурѣ, о матеріалахъ искусства.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Карлъ Ивановичъ Бистромъ (†1838) въ это время былъ командующимъ всею пѣхотою гвардейскаго корпуса.

[2]) „Я рѣшился закопаться въ скучной деревушкѣ Вейльбахѣ, чтобы пить здоровье изъ груди самой природы—писалъ Жуковскій наслѣднику Александру Николаевичу 26 августа (7 сентября) 1832 г.—Признаюсь, на всѣ эти источники я смотрѣлъ съ особеннымъ чувствомъ благодарности къ ихъ Создателю. Передъ глазами у меня изъ глубины земли, изъ какого-то невѣдомаго нѣдра ея, льется ручей; одинъ дымится, другой просто вытекаетъ чистымъ ключемъ, и тысячи приходятъ къ этимъ ключамъ съ надеждою на спасеніе, и надежда ихъ не обманываетъ. На землѣ много бѣдъ, но противъ этихъ бѣдъ вездѣ указаны средства хранящимъ Провидѣніемъ. Оно говоритъ человѣку: въ Моей природѣ найдешь лекарство отъ страданій тѣлесныхъ; во Мнѣ найдешь лекарство отъ страданій душевныхъ; пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся" („Русскій Архивъ" 1883 года, книга первая, стр. X).

[3]) Рейтернъ съ семьею поселился въ Вейльбахѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ на все время пребыванія его въ этомъ мѣстечкѣ (тамъ же, стр. XI).

[4]) Опера Боельдье.

[5]) Въ одной изъ тетрадей, хранящейся въ бумагахъ Жуковскаго (№ 37), имѣется перечень „Знакомства и встрѣчи" Жуковскаго въ 1832 году. Тамъ про это лицо сказано слѣдующее: „М-е S(ch)midt, изъ Майнца, прекрасная докторша".

[6]) Переписка между Шиллеромъ и Вильгельмомъ фонъ Гумбольдтомъ была издана въ Штутгартѣ въ 1830 году.

[7]) Главы изъ помѣщенной въ 38-мъ томѣ Сочиненій Гёте (Stuttgart und

О исчисленіи времени въ Италіи. О роляхъ женщинъ въ италіанскихъ драмат(ическихъ) піесахъ. Ясность и живость. Нѣтъ ничего лишняго. Обо всемъ собственная мысль. Eigenthümlichkeit, Fasslichkeit und Bild [1]) характеръ Гётева слога. Краткость и легкій порядокъ въ изложеніи; скрытая, но ощутительная мысль.

11 (23), четвергъ. Чтеніе ввечеру Гёте: Ueber Nacha(h)mung der Natur, Manier und Styl [2]). Прогулка на ослѣ, потомъ вмѣстѣ съ Рейтерномъ по деревнѣ.

12 (24), пятница. Послѣ обѣда разговоръ съ Рейтерномъ о Tagebuch и женщинахъ. Прогулка и видъ прекрасный на окрестность. Старинный замокъ Weilbach. Чтеніе Rumohrs Italienische Forschungen [3]). Непонятная метафизика искусства. Неживописный слогъ въ разсужденіяхъ о живописи.

13 (25), суббота. Разговоръ съ Шмитомъ о политикѣ, съ докторомъ о безпокойствахъ въ Висбаденѣ. Погонщикъ осла политикъ. Чтеніе Штольберга [4]). Чтеніе Румора.

14 (26), воскресенье. Kirmesse [5]). Начатъ Рейтерномъ мой портретъ. Ввечеру чтеніе Гёте о Леонардо да Винчи [6]).

15 (27), понедѣльникъ. Чтеніе поутру Hermann und Dorothea, ввечеру Lenardo.

16 (28), вторникъ. Разговоръ съ Гердеромъ [7]): Domainengüter и Abgaben. Streit seit 1818 [8]). Назначеніе 5 членовъ въ верхнюю камеру. Большинство голосовъ со стороны герцога. Оппозиція отказалась подавать голоса, пока сіе число членовъ будетъ сохранено. Распущеніе камеры. Волненіе въ Висбаденѣ по случаю платежа и по случаю взятія подъ стражу мятежниковъ.

17 (29), середа. Чтеніе Hermann und Dorothea во время рисованія. Ueber die Mahlerei Дидрота и Гёте [9]) въ вечеру.

Tübingen. 1830) статьи: „Ueber Italien. Fragmente eines Reisejournals“: Rosaliens Heiligthum; Zur Theorie der bildenden Künste: Baukunst; Material der bildenden Kunst; Stundenmass der Italiäner; Frauenrollen auf dem Römischen Theater durch Männer gespielt.

[1]) Т. е. своеобразіе, ясность и образность.

[2]) Точное заглавіе: „Einfache Nachahmung der Natur, Manier, Styl“.

[3]) Главный трудъ историка искусствъ Карла-Дитриха-Лудвига Румора (Rumohr, р. 1785†1843), изданный, въ 3 томахъ, въ 1826—1831 гг.

[4]) О Штольбергѣ см. выше, стр. 182, прим. 5-е.

[5]) Т. е. храмовой праздникъ.

[6]) Вѣроятно статья Гёте: „Joseph Bossi über Leonard da Vinci Abendmahl zu Mailand“.

[7]) Быть можетъ, съ Сигизмундомъ-Августомъ-Вольфгангомъ фонъ Гердеромъ (р. 1776†1838), сыномъ знаменитаго Гердера, занимавшимъ должность оберъ-бергауптмана въ Саксоніи.

[8]) Т. е. государственныя имущества и подати. Споръ съ 1818 года.

[9]) Трактатъ Дидро въ переводѣ и съ объясненіями Гёте.

18 (30), четвергъ. Чтеніе Ueber die Mahlerei. Ввечеру чтеніе Ueber die Mahlerei. Что такое натура для художника живописца. Наружное отдѣльно. Неизмѣнное: форма, цвѣтъ; измѣняющееся: освѣщеніе, движеніе механическое, движеніе нравствен(ное). Наружн(ое) въ связи. Внутреннее для наружнаго: изученіе моделей, антиковъ, анатоміи. Все это во власти художника. Независящее отъ него то, что измѣняется. Въ первомъ случаѣ строгая покорность натурѣ. Замѣчаніе минутнаго: память, воображеніе, геній, выборъ. Въ первомъ случаѣ просто послѣдованіе природѣ, въ послѣднемъ твореніе. Слогъ. Цѣль всякаго искусства: твореніе. Красота=истина. Мы не можемъ творить, какъ природа; но можемъ къ созданію приблизить, сходно употребляя иной матеріалъ. Чѣмъ отдаленнѣе матеріалъ отъ природнаго, тѣмъ болѣе творенія, тѣмъ усладительнѣе источникъ въ искусствѣ. Свѣтъ (транспараны), воскъ (тѣло).

19 (31), пятница. Третій день осенней погоды. Свистъ вѣтра. Питье въ саду. Чтеніе Гёте и Дидрота Ueber die Mahlerei.

20 (1 сентября), суббота. Утро ясная погода. Пилъ у источника. Рисованье. Чтеніе отрывковъ Гёте изъ Записокъ [1]): vornehmer Styl. Ввечеру чтеніе Гёте и Дидрота.

21 (2), воскресенье. Выѣздъ изъ Вейльбаха въ половинѣ втораго; во Франкфуртѣ въ половинѣ четвертаго: башня у въѣзда; смѣшной приставъ; гульбище, оживленное народомъ. Трактиры полны постояльцевъ; коляски. Чистота прекрасной мостовой и ужасная вонь. Römischer Kaiser-Hôtel. Бехтѣевъ съ женою. Графиня Потоцкая.

22 (3). Поутру былъ у Югеля [2]). Разговоръ о Гёте. Князь Кантакузинъ. Визиты къ Бехтѣеву, къ Анштету [3]), къ Штруве [4]), къ Маркелову [5]). Засталъ дома только послѣдняго и его жену. Обѣдъ съ Рейтерномъ. Прощанье съ Потоцкими. Въ лавки. Ввечеру въ ванну съ морскою солью. Разсматривалъ книги, полученныя отъ Югеля. Лауницъ [6]).

23 (4), вторникъ. Въ Ганау. Прекрасный видъ Майна. Rumpelhof. Замокъ на берегу Майна, принадлежащій брату курфюрста Гессенъ-Кассельскаго. Wilhelmsbad. Готическая башня новаго покроя. Cursaal и летучая мышь. Прекрасный лугъ. Обѣдъ въ Ганау и трубка. Наполе-

---

[1]) Т. е. „Aus meinem Leben.—Wahrheit und Dichtung".

[2]) Книгопродавецъ (см. выше, стр. 202, прим. 7-е).

[3]) Нашему посланнику во Франкфуртѣ (см. выше, стр. 165, прим. 2 е).

[4]) Антону Струве, второму секретарю посольства во Франкфуртѣ.

[5]) Иванъ Ивановичъ Маркеловъ былъ первымъ секретаремъ посольства во Франкфуртѣ.

[6]) Скульпторъ Николай-Карлъ-Эдуардъ фонъ деръ Лауницъ (р. 1797 въ Курляндіи †1869 во Франкфуртѣ), ученикъ знаменитаго Торвальдсена.

онъ въ Ганау. Послѣ обѣда у Коппа [1]): маленькій, косой человѣчекъ съ живымъ умомъ. Его мнѣніе: вся болѣзнь отъ стоянія крови въ животѣ. Главная необходимость: режимъ. Ѣсть не до сыта, одно легкое, не болѣе трехъ блюдъ. Не спать послѣ обѣда. Движеніе, верховая ѣзда. Передъ завтракомъ пить воду. Вино: медокъ. Возвращеніе и шалости дорогой. Прекрасный, холодноватый вечеръ. Письмо отъ M-e Wildermeth. Приглащеніе Анштета. Ввечеру чтеніе Раумера о Польшѣ [2]). Ohne Gehorsam keine Freiheit, ohne Freiheit kein Gehorsam [3]).

24 (5), середа. Поутру. У меня Бехтѣевъ и Маркеловъ. Заказалъ платье. Къ Югелю. Къ Лауницу: модели гробницъ. Три ангела воскресенья. Психея на гробѣ. Модель для памятника Кутузову: исторія Лауница—Александръ и Коподистрія; Николай и к(нязь) Гагаринъ. Съ Бехтѣевымъ къ г-жѣ Родшильдъ. Картины: Римлянка съ спящимъ сыномъ; Видъ Неаполя; Сцена разбойниковъ. NB. Съ глупцами въ обществѣ самъ глупѣешь. Пальба глупыхъ комплиментовъ. Данекерова Аріадна и гип(с)ы. Сцена въ коляскѣ съ женою Бехтѣева. Обѣдъ у Анштета. Саксенъ-веймарскій посланникъ (marquis Custine) [4]). Ввечеру въ театрѣ. Вампиръ [5]), шумная опера.

25 (6), четвергъ. Поутру у меня Бехтѣевъ и потомъ Нординъ [6]); съ Рейтерномъ и Лауницемъ въ картинную галлерею. Половина древнихъ. Ландшафтъ Поля Поттера. Внутренность антверпенской церкви. Лунная ночь Ванъ деръ Неера. Теньеревы картежники. Двѣ старушки за работою. Рюиздалевъ водопадъ. Портретъ будто Рафаелевъ, сильно ремонтированный. Мадонна Мантеньи. Христосъ на крестѣ, створчатая картина Шореля. Святые отцы. Распятіе византійской школы. Рубенсовъ ребенокъ. Ванейковъ ландшафтъ. Муриловы мальчишки (въ Минхенѣ). Наверху: прекрасный ландшафтъ Лазинскаго [7]): Захожденіе

---

[1]) Іоганнъ-Генрихъ Коппъ (р. 1777†1858), докторъ и авторъ нѣсколькихъ трудовъ по медицинѣ. Онъ пользовался большою извѣстностью у русскихъ, ѣздившихъ за границу.

[2]) Сочиненіе историка Фридриха фонъ Раумера (р. 1781†1873) „Polens Untergang", напечатанное въ Лейпцигѣ въ 1832 году.

[3]) Т. е. безъ покорности нѣтъ свободы, безъ свободы нѣтъ покорности.

[4]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о маркизѣ Астольфѣ Кюстинѣ (Custine, р. 1793†1857), много путешествовавшемъ по Европѣ и въ 1839 посѣтившемъ и Россію. Результатомъ послѣдняго путешествія явилось его извѣстное сочиненіе „La Russie en 1839".

[5]) Опера Генриха Маршнера (Marschner, р. 1796†1861), шедшая въ первый разъ въ Лейпцигѣ въ 1828 году.

[6]) Съ нимъ Жуковскій отправилъ свое письмо къ наслѣднику Александру Николаевичу отъ 26 августа (7 сентября) 1832 г. (см. „Русскій Архивъ" 1883 года, книга первая, стр. IX).

[7]) Пейзажиста Іоганна-Адольфа Лазинскаго (р. 1809†1871).

солнца. Рисунокъ Марія дѣва и Елизавета. Ангелъ, Богоматерь и младенецъ Спаситель, Любовь, три гипсовыхъ слѣпка Геншеля[1]). Обѣдалъ съ Рейтерномъ. Послѣ обѣда попытка къ Ротшильду и Эрману. Ввечеру встрѣча съ Бекомъ[2]). У меня Бистромъ и Лауницъ. Лауницевы рисунки.

26 (7), пятница. Къ Нордину. Не засталъ. Къ Бетману. Къ Анштету: о Александрѣ. Ce n'est qu'avec du miel qu'on attrape les abeilles[3]). О взятіи Варшавы. О Каподистріа. Le serment sur la Pologne[4]). Чарторыжскій. О Паскевичѣ и Виттѣ. Конституція Польши. 300 мѣшковъ и надпись для дальнѣйшаго изслѣдованія. Письма къ Лагарпу, проектъ абдикаціи, свободы и удаленія въ Америку. Расположеніе поляковъ относительно турецкой войны. Фаберъ[5]). Обѣдъ съ Рейтерномъ. Бехтѣевъ. У меня Бекъ: аристократія. Анекдотъ Екатерины объ отъѣздѣ Павла въ сентябрѣ. Афоризмы.

27 (8), суббота. Поутру укладывался. Разговоръ съ Бехтѣевымъ. Съ Лауницемъ къ N. N. Овербековъ Іосифъ, Коховъ видъ Мейрингена, Корнеліусовъ Іосифъ, прощающій братьевъ, Фейтовы 7 тучныхъ лѣтъ, Овербековы 7 голодныхъ лѣтъ. Эскизъ Гейдельберга. Кладбище: учрежденіе для оживленія мнимоумершихъ, въ серединѣ комната для сторожа, окна съ номерами, надъ каждымъ будильникъ; ложа для ме(р)твыхъ, желѣзная кровать для родинъ, стокъ, отверстія для холоднаго, для теплаго воздуха, лампада, паперти, часы для замѣчанія. Кладбище. Бетмановъ монументъ Торвальдсена. Геній, умершій, его братъ, мать, двѣ сестры, Арно, Левъ Флорентійскій, Исторія. Römer, палата избранія, палата пиршествъ; ниши для портретовъ, всѣ наполненныя; рога быка въ старинной церкви, построенной Рудольфомъ Гапсбургскимъ, точно амбаръ. Обѣдалъ съ Рейтерномъ. Разсматривали Фауста Гётева и Корнеліусова[6]). Планъ вояжа съ Лауницемъ.

28 (9). Выѣздъ изъ Франкфурта. Поутру укладывался. Обѣдъ съ Рейтерномъ. Послѣ обѣда у Бехтѣевыхъ. Бека не видалъ. Голицынъ. Отъѣздъ въ четыре часа. Было темно, когда пріѣхали въ Дармштатъ. Прекрасный чистый трактиръ на почтѣ.

29 (10), понедѣльникъ. Мелибокусъ надъ горами. Башни какъ привидѣнія. Облака, пожираемыя горами. Зандъ. Забавная исторія мангеймскаго актера. Картина плодородія по дорогѣ; до осьмнадцати родовъ овощей и до осьми фруктовыхъ деревьевъ; букъ, орѣховыя де-

---

[1]) См. выше, стр. 118, прим. 8-е.

[2]) См. выше, стр. 196, прим. 4-е.

[3]) Т. е. въ переносномъ смыслѣ: люди поддаются только на сладкія рѣчи.

[4]) Т. е. клятва о Польшѣ.

[5]) См. выше, стр. 177, прим. 2-е.

[6]) Рисунки къ Гётеву Фаусту, исполненные извѣстнымъ живописцемъ Петромъ Корнеліусомъ (р. 1787†1867).

ревья. Слѣды Карла Великаго и римлянъ. Въ Гейдельбергѣ трактиръ: Prinz Carl на площади; гордый кельнеръ. Старинный домъ съ лѣстницей винтомъ, описанный въ Götz von Berlichingen. Прогулка на развалины. Рейнъ въ блескѣ; туманъ; свѣчи въ окнахъ; мало по мало изъ темноты выходитъ ландшафтъ, мѣсяцъ за горою. Гёте и разговоръ о назначеніи души. Воспоминаніе о Сергѣѣ Тургеневѣ [1]). Мѣсто императрицы Елисаветы въ Lustgarten. Терасса и аркады.

30 (11), вторникъ. Торгъ на площади. Рисованье. Прекрасная дорога отъ Гейдельберга до Гминда берегомъ Некара. Лауфенъ съ двумя замками. Гейльброннъ. Готическая церковь съ рѣзнымъ алтаремъ: вырѣзанныя изъ дерева Рождество, Воскресенье, Успеніе, Сошествіе Святаго Духа. Нѣсколько картинъ и живописныхъ стеколъ. Der heilige Bronn=крещатикъ. Ратгаузъ съ часами. Трактиръ Die Rose съ веселыми комнатами.

31 (12), середа. Переѣздъ изъ Гейльбронна въ Штутгардъ. Die schöne Aspergerinn. Лудвигсбургъ. Пріѣздъ въ Штутгардъ. Остановились въ König von England. Въ театрѣ: Liebestrank, Oper von Aubert; милая, живая, выразительная музыка. Очень хорошіе актеры; прелестное пѣніе въ сравненіи съ нашими пѣвцами и пѣвицами. Худая ночь.

1 (13), сентября, четвергъ. Пребываніе въ Штутгардѣ. Напрасное путешествіе на Ротенбергъ. Церковь на высотѣ, ротонда, надписи: 1) Seiner vollendeten ewig geliebten Gemahlin C(atharina) P(aulowna) Gr(o)s(s)f(ürstin) v(on) Russl(and) hat diese Ruhestätte erbaut Wilhelm, K(önig) v(on) W(ürtemberg). Im Jahre 1822. 2) Wir haben einen Gott, der hilft, und den Herrn Herrn, der vom Tode rettet. 3) Die Liebe hört nimmer auf. (Четыре вазы изъ желѣза, четыре колонны іонич(еская), 12 ступенекъ). 4) Seelig sind die Todten, die in dem Herrn sterben, sie ruhen von ihrer Arbeit, denn ihre Werke folgen ihnen nach [2]). Священникъ Пѣвницкій. Все прохлаждается—слово поаломщика. (О часосовомъ. Дома. Посѣщеніе короля). Обѣдали у себя; послѣ обѣда, отдохнувъ, у Данекера. Непонятный языкъ [3]). Группа Ніобе. Амуръ съ опущенною стрѣлою. Психея въ первую минуту любви. Памятникъ Бенкен-

---

[1]) Сергѣѣ Ивановичѣ Тургеневѣ († 1827).

[2]) Т. е. 1) Своей почившей, вѣчно любимой супругѣ Екатеринѣ Павловнѣ, великой княгинѣ россійской, воздвигъ эту усыпальницу Карлъ, король Виртембергскій. Въ 1822 году. 2) У насъ есть Богъ, который помогаетъ, и Господь, который спасаетъ отъ смерти. 3) Любовь никогда не проходитъ. 4) Блаженны умирающіе о Господѣ, они почіютъ отъ трудовъ своихъ, ибо дѣла ихъ вслѣдъ имъ идутъ.

[3]) Даннекеръ (о которомъ см. выше, стр. 161, прим. 13-е) начиналъ въ это время страдать ослабленіемъ умственныхъ способностей.

дорфу [1]) и его женѣ. Фавнъ съ мѣхомъ. Аріадна. Іоаннъ евангелистъ. Дѣвочка съ птичкою. Статуя Спасителя.—Бистромъ.

2 (14), пятница. Два дня нездоровъ. Выѣздъ изъ Штутгарда. Дождь и слякоть. Удивительный видъ на Штутгардъ. Весьма гористая дорога до Вальденбуха и Тюбингена. Замокъ Тюбингена. Форма горъ, составленныхъ изъ флецтрапа: палатки, обросшія кустарникомъ. Видъ на Гогенцоллернъ. Эва въ Вальденбухѣ [2]). Ночевали въ Гехингенѣ, куда пріѣхали съ дождемъ и холодомъ. Жаркой споръ съ Рейтерномъ. Въ Гехингенѣ трактиръ на почтѣ; довольно плохія комнаты и услужливый хозяинъ.

3 (15), суббота. Дождливая холодная погода. Разговоръ о зимѣ. Завтракали въ Балингенѣ. Горная дорога до Альдингена, гдѣ обѣдали. Сильный дождь отъ Альдингена до Тютлингена [3]). Время прояснилось въ переѣздѣ отъ Тютлингена до Энге [4]). Прекрасная дорога. Отъ города точно съ высокой горы. На вершинѣ видъ на Констанцское озеро, Hohenöwen [5]), Hohentwiel и Hohenstauffen. Облачное великолѣпное вечернее небо. Темная долина, посреди коей вьется дорога: въ темнотѣ блескъ одной дороги и розоваго неба.

4 (16), воскресенье. Переѣздъ изъ Энге до Шафгаузена. День богатый впечатлѣніями. Попеременное явленіе горныхъ развалинъ: Hohenöwen, Mägberg [6]), Hohenstaffeln [7]), Hohenstauffen и Hohentwiel. Время облачное. Борьба облаковъ съ солнцемъ, которое наконецъ побѣждаетъ. Пріѣздъ въ Шафгаузенъ съ ясною погодою. Остановились въ Falke, чистый трактиръ, уютный. Услужливый хозяинъ. Прогулка по городу. Обѣдъ и въ $^1/_2$ 3-го къ Рейнскому водопаду. Великолѣпный видъ на Альпы. Виды паденія отъ павильона, отъ замка и съ нижней галлереи. Замокъ Штауффенъ, цвѣтникъ, башня, церковь, домъ священника. Въ трактирѣ разговоръ съ хозяиномъ о дѣлахъ Швейцаріи: Pressfrechheit [8]). Базельскія происшествія.

5 (17), понедѣльникъ. Переѣздъ изъ Шафгаузена въ Цирихъ. Нанялъ фурмана отъ Шафгаузена до Берна. Въ день 30 франковъ; 4 дня ѣзды, два дня séjour (21 фр.) и три дня retour. Всего на все 252. Отъѣздъ изъ Шафгаузена въ десять часовъ. Къ водопаду. Видъ снизу и изъ

---

[1]) Константину Христофоровичу, бывшему нашему посланнику въ Штутгардѣ (см. выше, стр. 161, прим. 4-е).

[2]) Ср. выше, стр. 157, подъ 2 октября н. ст. 1821 г.

[3]) Т. е. Tuttlingen.

[4]) Т. е. Engen.

[5]) Т. е. Hohenhöven.

[6]) Т. е. Mägdeberg.

[7]) Т. е. Hohenstoffeln.

[8]) Т. е. дерзость печати.

мельницы. Путешествіе довольно трудное берегомъ къ коляскѣ. Отдыхъ подъ деревьями, и прекрасный видъ на водопадъ. Англичанинъ съ Рейхардомъ[1]) въ рукахъ. На переходѣ къ коляскѣ первый видъ Альповъ, которые скоро являются во всемъ величіи и съ удивительною ясностію; мы видимъ ихъ до самаго вечера и въ разныхъ окружностяхъ. Дорога черезъ баденскія владѣнія, Альпы слѣва. Эглисау. Прелестное положеніе, живописные берега Рейна, мостъ въ одну арку; башня за мостомъ, вѣроятно, построенная римлянами. Отъ Эглисау довольно крутой съѣздъ. Альпы между двумя огромными горами; дорога чудесною равниною. Обѣдъ въ Бюлахѣ, гдѣ Альпы прекрасно представляются надъ ближнею равниною и окрестными горами. Рисовали подъ дубами. Разговоръ съ кучеромъ о Kilpgang[2]). Ein Bisschen verächtlich[3]). Вся дорога отъ Бюлаха до Цириха прелестная. Живописныя рощи, равнины плодоносныя, разсѣянные по нимъ деревенскіе домы, прелесть изобилія, соединенная съ прелестію природы. Альпы болѣе и болѣе развиваются. Kloten великолѣпная деревня, замѣчательная опрятность и просторность домовъ. Вѣроятно во времена римлянъ была извѣстна. Чудесный день и чудесный вечеръ. На западѣ на янтарномъ небѣ рѣзная дымка черныхъ деревъ и горъ. Съ востока Альпы, торчащіе тускло въ туманѣ, отъ котораго все небо покрыто темнымъ заревомъ. Удивительная тишина и таинственность. Огни въ равнинѣ. Коровы въ тѣни. Пѣсни швейцарскія. Чувство великаго и прекраснаго отъ того такъ мучительно, что желалъ бы съ нимъ слиться: жажда при видѣ Рейна, стремленіе при видѣ бѣлыхъ Альповъ—музыка, поэзія. Въѣздъ въ Цирихъ уже въ темнотѣ. Прекрасныя предмѣстія. Тѣсныя улицы города. Остановился въ Schwert.

6 (18), вторникъ. Пребываніе въ Цирихѣ. Поутру бродилъ по городу съ Рейтерномъ. Въ лавкахъ Гагебуха[4]) и Келлера. Обѣдъ за общимъ столомъ. Лудвигъ-Наполеонъ Бонапарте[5]) съ товарищами (красная шапка и курьозно бритая борода). Живописецъ Мейеръ[6]) (Messieurs Meyer et Zollinger à Scafati près de Naples). Его прекрасные эскизы. Прогулка на Вейдъ: прекрасный домъ бывшаго хлѣбника, теперь помѣщика; на высотѣ видъ на Альпы, слѣва высочайшій пунктъ

---

[1]) Генрихъ-Августъ-Оттокаръ Рейхардъ (р. 1751 † 1828) издалъ много путеводителей для путешественниковъ.

[2]) Kilpgang—обычай (въ нѣкоторой части сѣверной Швейцаріи, преимущественно въ кантонахъ Бернскомъ и Ааргаускомъ) молодыхъ людей посѣщать дѣвушекъ черезъ окно.

[3]) Т. е. нѣсколько презираемъ.

[4]) См. выше, стр. 124, прим. 4-е, и стр. 155—156.

[5]) Будущій французскій императоръ Наполеонъ III; въ то время онъ проживалъ въ Швейцаріи и былъ гражданиномъ кантона Тургау.

[6]) См. выше, стр. 125, прим. 1-е.

Глернишъ; въ срединѣ Клариды и Дӧди[1]), послѣднiй Титлисъ и близъ него Риги; по сю сторону горъ озеро и городъ, видъ Альбиса и Утли, внизу Сильвальдъ, по берегамъ безчисленное множество домовъ и деревень. Тысячи освѣщенныхъ пунктовъ, Лимматъ, Силь, дороги, дымъ, тихо вьющiйся, виноградники. Видъ въ черное стекло. Возвращенiе въ темнотѣ. Мѣна.

7 (19), середа. Переѣздъ изъ Цириха въ Артъ. Воллисгофенъ. Церковь на горѣ. Видъ на озеро; полосы зеленыя съ фiолетовыми. Весь берегъ одна деревня. Прелестные крестьянскiе домы, бѣлые и въ два этажа; но не швейцарская архитектура. До Горгена виноградниками. Отъ Горгена вкруть налѣво. Корова помощница и ея проводникъ съ геркулесовыми руками. Лагнiя и ребятишки. Природа мало по малу перемѣняетъ физiономiю. Виды на Альбисъ, на Ау, на Цирихское озеро. На высотѣ видъ на Цугскую гору и на прелестную долину. Обѣдъ въ Сильбрюкѣ. Англичанинъ. Цугъ. Нечистота улицъ. Церковь съ тончайшимъ шпилемъ. Выѣзжаютъ на берега озера. Прелестная Цугская гора, покрытая разнообразными деревьями, елями, дубами, орѣхами и фруктовыми деревьями. Несравненный видъ на озеро. Его зеленый цвѣтъ; зелень Цугской горы; темноголубой цвѣтъ трехъ горъ (Kiemen), входящихъ полуостровомъ въ озеро (Швицу—земля, Цугу—дрова, Люцерну—охота), фiолетово-голубой, темный врем(енами) Риги, сзади Пилатъ, какъ будто сквозь флеръ. Лодки. Минутный шумъ озера, и снова тишина. Темнота, когда прiѣхали въ Артъ. Разсказы проводника Эйхгорна о Гольдау (одиннадцать путешественниковъ; четверо спаслись съ проводникомъ).

8 (20), четвергъ. Переѣздъ изъ Арта въ Люцернъ. Поутру въ половинѣ осьмаго путешествiе на развалины Гольдау. Прекрасная дорога между плодоносными деревьями по Швицкой долинѣ; съ одной стороны Росбергъ, съ другой Риги. впереди Швицъ и Миты. Разсказы проводника о разрушенiи Гольдау. Старая и новая дорога. Орѣховое дерево съ крестомъ и надписью, подъ нимъ камень.

Hier ist verschieden der ehrsame Jüngling
Franz Lienart Burgi.
Er starb den 21 Brachmon(at) 1808
im 42 Jahre seines Alters.
Wer hier steht und meiner gedenkt,
Auch mier dann ein Vaterunser schenkt[2]).

---

[1]) Т. е. Tödi.

[2]) Т. е. Здѣсь скончался скромный юноша Францъ Линартъ Бурги. Онъ умеръ 21 iюня 1808, на 42 году отъ роду. Кто здѣсь будетъ и вспомнитъ обо мнѣ, пусть также прочтетъ за меня „Отче нашъ“.

Видъ на всѣ развалины съ насыпи, завалившей Гольдау (слой конгломерата на слоѣ глины). Старинный обвалъ въ этомъ же мѣстѣ. Новая церковь на мѣстѣ разрушенной. Дернъ и даже деревья на обвалѣ, чего не было за десять лѣтъ передъ симъ. Рисованье съ насыпи и изъ оконъ хижины. Капеллянъ живописецъ, архитекторъ и учитель: подвижная азбука. Возвращеніе въ Артъ, стрѣльба изъ арбалеты. Переѣздъ изъ Арта въ Люцернъ по прекрасной дорогѣ по берегу Цугскаго озера, мимо Hohle Gasse и Кюснахта. Величественный видъ озера Четырехъ кантоновъ. Пилатъ сперва въ половину закрыты(й), потомъ только вершина. Прекрасный видъ Люцерна. У воротъ остановились и осмотрѣли кладбище (черные кресты и мраморныя доски подъ кровлею хода). Эпитафія прусск(аго) офицера, погибшаго на Риги. Левъ Торвальдсеновъ [1]). Мерзкій трактиръ Adler. Къ Сѣверину [2]). Прекрасный домъ на высотѣ. Разговоръ о положеніи Швейцаріи и особенно Берна. Возвращеніе въ темнотѣ по крутой дорогѣ.

9 (21), пятница. Пребываніе въ Люцернѣ. Поутру у меня Сѣверинъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ арсеналъ. Живописныя окна кантоновъ. Мечъ и топоръ Цвингли. Портретъ и кольчуга эрцгерцога Леопольда [3]). Семпахскія копья [4]). Миланскіе щиты. Пѣшкомъ на дачу Сѣверина. Видъ на горы. Послѣ обѣда Pombal съ женою, братомъ, племянникомъ и учителемъ. Прекрасное пѣніе и кривлянье. Пробыли до девяти часовъ вечера.

10 (22), суббота. Выѣздъ изъ Люцерна — въ половинѣ десятаго часа. Перемѣна плана. Дорога черезъ Энтлибухъ [5]) и Emmenthal. Сперва берегомъ Рейссы, веселыя окрестности; гора Bramegg, съ высоты ея спускъ въ Энтлибухскую долину. Прелестныя зрѣлища, мелкая Эмме и Энтле, исчезающія посреди нанесенныхъ ихъ потокомъ камней, извиваются посреди горъ, мало поросшихъ лѣсомъ, но покрытыхъ прекрасными пажитями. Ни утесовъ, ни самыхъ горъ не видно; довольно холодно. Направленіе долины отъ с.-в. къ ю.-з. Мы не видали славныхъ красивыхъ энтлибухскихъ геркулесовъ; за то видѣли хорошенькихъ, свѣжихъ, толстощекихъ дѣвушекъ. Плохой обѣдъ въ Шюпфенъ (большая деревня, полуистребленная пожаромъ и вновь весьма хорошо выстроенная. Церковь); суетливый хозяинъ и злая хозяйка. Рейтернъ въ лихорадкѣ отъ желанія и невозможности рисовать. Переѣздъ изъ Энтли-

---

[1]) См. выше, стр. 151, прим. 3-е.

[2]) Д. П. Сѣверину, который былъ въ то время нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи.

[3]) См. выше, стр. 151, прим. 6-е.

[4]) См. выше, стр. 150, прим. 12-е.

[5]) Т. е. Entlebuch.

буха въ Emmenthal. Прекрасная долина. Большое разнообразіе формъ утесовъ. Чистота бернскихъ хижинъ. Ночью въ Лангнау.

11 (23), воскресенье. Изъ Лангнау въ Интерлакенъ. Перемѣна плана. Изъ Лангнау черезъ Дисбахъ въ Тунъ. Проѣхали Эмменталь. Прекрасные виды; пажити, но болѣе разнообразія въ формахъ. Наконецъ сады. Замокъ Зигнау весьма живописный на высокомъ утесѣ. Прелестныя бернскія хижины. Видъ на Тунъ, и печальная мысль при взглядѣ на замокъ. Живописное мѣстечко Шада [1]) и Scherlingen. Въ трактирѣ оставили коляски подъ покровительствомъ нашего кучера. Великолѣпный трактирщикъ. За столомъ милая англичанка, похожая на дочь Крейтона [2]). Плаваніе черезъ озеро (retour по 10 бацовъ [3]) съ персоны). Зелень воды прекраснаго озера. Горы Штокгорнъ, Низенъ, Abendberg и Gross. Rügen справа и Beatenberg слѣва; въ глубинѣ Gross-Rügen,—водопадъ изъ-подъ пещеры Беатуса. Пріѣздъ въ Нейгаусъ, множество колясокъ у трактира, проводниковъ, проводникъ Wolf. Проворный переѣздъ изъ Нейгауза въ Унтерзеенъ; въ той же комнатѣ, гдѣ я останавливался за 10 лѣтъ. Прогулка по Унтерзеену и по аллеямъ до Интерлакена: чудесный вечеръ. Юнгфрау въ чистотѣ; деревья; звонъ коровъ; форма деревьевъ и ихъ огромность; освѣщеніе горъ и неба; видъ отъ стороны Тунск(аго) озера, гдѣ солнце сѣло, и отъ стороны Бріенц(скаго) озера, гдѣ все покрыто паромъ; встрѣчи; отчаянное лазанье Рейтерна на деревья. Трактиры и пенсіоны. Встрѣча на мосту съ красавицею и въ темнотѣ съ тѣнями прелестныхъ костюмъ. Маріанна Миллеръ и ея живость.

12 (24), понедѣльникъ. Поѣздка въ Лаутербруннонъ. Въ половинѣ десятаго отправились въ путь. Прекрасная погода. Переѣздъ черезъ долину мимо Интерлакена. Блескъ Юнгфрау. Унштуннонъ. Камень братоубійцы. Рейтернъ за картину, я впередъ пѣшкомъ. Прелестный блескъ Лучины и ея раззоренія. Мостъ посреди ея, двѣ жерди на камень. Жаръ по пріѣздѣ въ Лаутербрунненъ. Видъ на освѣщенный Штаубахъ; путешествіе до Тримельбаха. Цвѣтники и огороды на камняхъ. Триммельбахъ, холодъ, шумъ, развалина. Хижина и ея внутренность. Катрина. Возвращеніе въ трактиръ. Тотъ же, только съ надстройкою. Худой обѣдъ. Встрѣча съ княземъ Голицынымъ. Полуосвѣщенная долина. Прогулка по аллеѣ Интерлакена и прелестный вечеръ. Видъ съ моста, тихій Ааръ, разстилающіяся облака, горы въ пару, розовый блескъ воды, птица въ пустынѣ неба, звѣзды, розовая Юнгфрау, ти-

---

[1]) Т. е. Schadau.

[2]) Лейбъ-медика В. П. Крейтона (см. выше, стр. 85, прим. 1-е).

[3]) Batzen — швейцарская монета, содержащая въ себѣ десять Rappen (=сантимовъ).

шина окрестности, порханье летучей мыши, теплый воздухъ, скрипъ колесъ. Возвращеніе. Планъ остаться два дня въ Интерлакенѣ и его перемѣна отъ болѣзни Рейтерна.

13 (25), вторникъ. Переѣздъ изъ Унтерзеена въ Бернъ. Поутру рисовалъ. Завтракъ и хлопоты полиціи. Англичане, ожидающіе на берегу лодки. Плаваніе изъ Унтерзеена въ Тунъ. $1^1/_2$ часа, проведенные въ Тунѣ въ ожиданіи кучера. Поѣздка въ Бернъ. Паденіе лошади. Поздное прибытіе въ Бернъ. Огромныя комнаты въ Faucon. Вечеръ у кн(язя) С. М. Голицына [1]).

14 (26), середа. Преб(ываніе) въ Бернѣ. Поутру въ 11 часовъ къ M-elle Wildermeth [2]). Дача въ Бомонъ у самыхъ воротъ Берна. Миленькой домикъ. Кабинетъ, выкрашенный бѣлою краскою, съ портретами: государь, государыня, принцесса Радзивиллъ, Вильдерметъ, кронпринцъ; спальня черезъ коридоръ, гостиная и столовая. На верху нѣсколько комнатъ (двѣ, приготовленныя для меня). Людскія горницы и кухня съ одной стороны, съ другой конюшня, сарай и все, что принадлежитъ до хозяйства. Передъ домомъ маленькая группа деревъ съ небольшимъ прудомъ; сквозь деревья видъ на горы, Бернъ и на его окрестности; съ другой стороны поле, ограниченное лѣсомъ, и подлѣ двѣ хижины, принадлежащія къ помѣстью, отъ коихъ обширный видъ на горы. Отъ M-elle Wildermeth къ Віолье [3]), на терассу и въ мюнстеръ: великолѣпная готическая церковь. Рѣзьба надъ дверьми. Страшной судъ. Внутри старыя и новыя живописныя стекла. Prie-dieu Карла Смѣлаго, надгробный памятникъ графа Церингскаго, основателя Берна [4]). Бернъ высѣченный изъ одного камня городъ; три длинныя улицы; всѣ дома на одинъ образецъ, аркады для пѣшеходовъ: отъ нихъ сырость стѣнъ, холодъ среднихъ этажей и сквозной вѣтеръ. Удобство и неудобство для путешественниковъ пѣшихъ. Плоскость строеній. Медвѣди изъ гранита. Обѣдъ съ княземъ Голицынымъ.

15 (27), четвергъ. Пребываніе въ Бернѣ. Поутру неудачная поѣздка къ M-elle Olfers [5]). Въ 12 часовъ съ Рейтерномъ къ M-elle Wildermeth. Сынъ Шиферли [6]) и приглашеніе къ великой княгинѣ [7]). Фишеръ, коего

---

[1]) Князя Сергѣя Михайловича (р. 1774 † 1859) извѣстнаго богача попечителя Московскаго учебнаго округа.

[2]) M-elle Вильдерметъ, воспитательница императрицы Александры Θеодоровны, была родомъ изъ Швейцаріи (см. выше, стр. 64, прим. 4-е).

[3]) Къ секретарю нашей миссіи въ Швейцаріи Леонтію Гавриловичу Віолье.

[4]) Бернъ основанъ въ 1191 г. герцогомъ Церингскимъ Бертольдомъ V.

[5]) Ср. выше, стр. 212, прим. 8-е.

[6]) Сынъ доктора Рудольфа-Авраама Шиферли (Schiferli, р. 1774 † 1837), состоявшаго при великой княгинѣ Аннѣ Θеодоровнѣ, первой супругѣ цесаревича Константина Павловича, съ которою онъ развелся.

[7]) Къ великой княгинѣ Аннѣ Θеодоровнѣ (см. предыдущее примѣчаніе).

сынъ въ Петербургѣ, Вильдерметъ; M-e Olfers, Віолье. Разсматриванье рисунковъ Рейтерна. Въ девятомъ часу возвращеніе домой.

16 (28), пятница. Пребываніе въ Бернѣ. Поутру осматривали выставку. Все ниже посредственнаго. Замѣчательны: картина, изображающая погибшихъ въ снѣгахъ С.-Бернарда, Внутренность швейцарской хижины, освѣщенная солнцемъ комната и группа крестьянокъ Тепфера[1]); впрочемъ, и это все посредственно. Осматривалъ домъ Сѣверина и коляску. Въ два часа въ Эльфенау. В(еликая) к(нягиня)[2]) напоминаетъ нашу незабвенную Елизавету[3]); но у нея болѣе живости въ движеніяхъ, хотя не столько величественнаго. Домъ небольшой; но мѣсто прелестное. Имя Эльфенау дано братомъ великой княгини[4]). Видъ на Ааръ, и за Ааромъ горы; другой видъ на обширную долину, за которою также подымаются горы. За столомъ разговоръ о Елизаветѣ. Образъ жизни ея долженъ быть печаленъ и однообразенъ. Шиферли грубой швейцаръ, жена его уродъ, дочь почти уродъ; только жена сына его похожа на что-то пріятное. Общество наше составляли M-elle Wildermeth, M-e Olfers, Віолье и молодой Вильдерметъ, двоюр(одный) братъ M-elle Wild(ermeth). Пробыли до захожденія солнца. Вечеръ дома. У насъ былъ Лори[5]), пріятный, простодушный артистъ.

17 (29), суббота. Пребываніе въ Бернѣ. Въ 11-ть часовъ къ M-elle Wildermeth. Рисованье. Лютерно. Штейгеръ и его жена. Фишеръ. Вмѣстѣ съ M-elle W(ildermeth) къ M-e Olfers. Прекрасный сельскій видъ. Три прелестныя дочери и сама хозяйка, любезное созданье. У нея M-e Blummer и M-elle Nostiz изъ Саксоніи. Первая толстая и, кажется, сентиментальная. Послѣ обѣда у Лори. Прекрасное мѣстоположеніе его дома. Портфели, полные рисунковъ съ натуры, между коими эскизы лучше отдѣланныхъ. Возвращеніе къ M-e Olfers, гдѣ пили чай.

18 (30), воскресенье. Пребываніе въ Бернѣ. Рисованье и дорогая плата за модель. Марія Бланшъ. У обѣдни. Интересный священникъ[6]), страдающій болѣзнію постоянною. Умное, значущее, меланхолическое лицо; прекрасная служба. Къ M-elle Wildermeth. Рисованье портрета. M-elle Бонстеттенъ; значущее лицо и замѣчательный разговоръ. M-e Olfers[7]). За обѣдомъ визитъ графини Талеранъ. Послѣ чаю смотрѣли

---

[1]) Живописца Рудольфа Тёпфера (р. 1799 † 1846), бывшаго профессоромъ академіи художествъ въ Женевѣ.

[2]) Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

[3]) Императрицу Елизавету Алексѣевну.

[4]) Леопольдомъ, королемъ Бельгійскимъ.

[5]) Художникъ Gabriel Lory-сынъ, вернувшійся изъ Италіи, съ которымъ Рейтернъ познакомился еще въ 1824 году (см. „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild“, стр. 45 и 85).

[6]) Для фамиліи священника оставленъ пробѣлъ.

[7]) Въ подлинникѣ описка: Olferis.

транспараны Кенига [1]): все довольно посредственно; лучшій видъ Бріенцскаго и Тунскаго озера при лунѣ въ освѣщенную внутри хижину; внутренность швейцарской хижины, освѣщенная солнцемъ; Интерлакенъ и дорога между поселянскими домами; Люцернская дѣвушка, смотрящая въ окно. Захожденіе солнца и восхожденіе луны весьма посредственно.

19 (1 октября), понедѣльникъ. Пребываніе въ Бернѣ. У насъ Лори. Консультація: 1. Ѣхать въ Италію. Первое время въ Миланѣ, потомъ во Флоренціи. Зима въ Неаполѣ. Къ Пасхѣ въ Римъ. 2. Спокойствіе; діета. 3. Виноградъ въ Вевѐ. На тощакъ сколько можно. Черезъ часъ завтракъ. Часа черезъ три послѣ завтрака снова виноградъ. Черезъ часъ обѣдать. Не ѣсть ничего farineux (картофель, бобы, горохъ и пр.). Хорошее мясо, бульонъ, шпинатъ, choux fleurs, коренья. Прогулка. Послѣ обѣда не ѣсть. У банкира Церледера. Разговоръ о бернской революціи: честное правительство; но неуступчивость. Ватвиль [2]). Слабость не вò-время. Журналъ и насмѣшки. Заговоръ молодыхъ. Оружіе на случай защиты, а не для нападенія. Къ Морьеру [3]). Братъ его [4]). Къ M-elle Wildermeth. M-elle Fischer. Обѣдали: M-e Olfers, Віолье, Шиферли. Прекрасная прогулка по окрестнымъ дорогамъ.

20 (2), вторникъ. Выѣздъ изъ Берна. Переѣздъ изъ Берна въ Пайернъ. Поутру у Лори, потомъ у Віолье. Выѣхали въ часъ. Дорога довольно пріятная; но уже не высокія швейцарскія горы. Остановились въ Муртенѣ для кормки лошадей. Прекрасный видъ съ терассы муртенскаго замка на озеро. Съ правой стороны дороги обелискъ величественной формы въ память пораженія Карла [5]); съ лѣвой стороны холмъ, на коемъ былъ его лагерь. Въ сараѣ спрятаны нѣкоторыя оружія, пушки, огромныя ружья и мраморная доска съ Галлеровою [6]) надписью, бывшею на прежней часовнѣ муртенской. Жаль, что ее не утвердили на обелискѣ. Въ Пайернъ пріѣхали ночью. Трактиръ Медвѣдь.

21 (3), середа. Пріѣздъ въ Вевѐ. До Мудона хорошая погода. Широкая долина. Замокъ Люссанъ [7]). Мудонъ нечистый городъ. Отъ Мудона до Вевѐ дождь, который пересталъ при въѣздѣ въ городъ. Туманный видъ на Женевское озеро. Остановились въ трактирѣ des Trois Cou-

---

[1]) Живописца Густава Кёнига (р. 1809†1869).

[2]) Рѣчь въ разговорѣ шла объ извѣстномъ бернскомъ политическомъ дѣятелѣ Николаѣ-Рудольфѣ де Ватвилѣ (de Watteville, р. 1760 † 1832).

[3]) Къ Ричарду Моріеру, англійскому посланнику въ Швейцаріи.

[4]) Джэмсъ Моріеръ (р. 1780 † 1849), авторъ многихъ романовъ, долгое время жившій на Востокѣ.

[5]) Карла Смѣлаго, герцога Бургундскаго, 22-го іюня 1476 года.

[6]) Знаменитаго поэта Альбрехта Галлера (р. 1708†1777).

[7]) Т. е. Lucens.

ronnes, близъ той горницы, въ которой я жилъ за 10 лѣтъ передъ тѣмъ. Тотъ же видъ изъ оконъ. Усталость.

22 (4), четвергъ. 1 день въ Вевѐ. Поутру поѣздка къ Боку [1]). Дорога между виноградниками. Прекрасное положеніе Бокова маленькаго замка, состоящаго изъ одной круглой башни. Его жена полька, умная и желающая казаться умною. Ощутительная холодность. Разговоръ о Ансильонѣ [2]), о его печали по женѣ, о его кокетствѣ и пр. Возвращеніе. За обѣдомъ полякъ. Послѣ обѣда у насъ Бокъ. Разговоръ о Польшѣ и Бокова утопія отдѣленія Польши отъ Россіи. Мысль о воспитаніи политическомъ: гомеопатическое средство исцѣленія политическаго. Прогулка на терассу С.-Мартеньскую. Въ cercle. Вечеромъ писалъ письма: унылость Рейтерна. Усталость.

23 (5), пятница. 2 день въ Вевѐ. Первый день винограда. Прогулка на терассу С.-Мартеня. Встрѣча съ Меллинымъ. Органъ въ церкви С.-Мартеня. Прогулка по городу. Куперъ [3]). У насъ Бредерло [4]) и Меллинъ. Послѣ обѣда Бокъ. Осмотръ дома. Blanchenay и его семейство; комплименты Рейтерну: on aime chez nous les braves [5]). Старинный замокъ Tour du Peil [6]). Къ Бредерло. Бредерло у насъ.

24 (6), суббота. Прогулка по берегу вевейскому и по терассѣ. Рисованье. Обѣдъ у Бока. Дождь и слякоть. Разговоръ о Оттонѣ Левенштернѣ; о реформатствѣ и лютеранствѣ и о соединеніи вѣръ. Возвращеніе въ пять часовъ домой. Чтеніе.

25 (7), воскресенье. Рисованье. Прогулка по терассѣ. Обѣдъ дома. Послѣ обѣда переѣздъ. Нѣжная Марія (Je vous aime. 6 Octobre). Пенсіонъ у Бланшенѐ, квартиры у Ормонъ и 6 луидоровъ. 4 луидора. Чистый домъ близъ Tour du Peil. Прелестная лунная ночь. Прогулка по берегу озера. Сперва на пристань: плескъ волны, масляныя волны озера; блескъ луны и берега; искры, зажигающія озеро, и блестя(щее) и наконецъ тусклое сіяніе. Горы въ туманѣ, безъ формъ; однѣ наружныя формы. Луна и звѣзды надъ ними. Уединеніе берега. Освѣщенное окно и разговоръ. Въ замокъ. Освѣщенный ровъ и въ немъ разныя

---

[1]) Къ старому пріятелю Жуковскаго Т. Е. Боку (о немъ см. выше, стр. 86, прим. 8-е).

[2]) См. выше, стр. 87, прим. 6-е.

[3]) Извѣстный американскій романистъ Джэмсъ-Фениморъ Куперъ (Coper, р. 1789 † 1861), путешествовавшій съ 1826 года по Европѣ, посѣтившій и Швейцарію и вернувшійся въ Америку въ 1833 году. Въ 1836 г. онъ напечаталъ свои „Sketches of Switzerland“.

[4]) См. выше, стр. 223, подъ 11 іюля.

[5]) Т. е. у насъ любятъ храбрецовъ.—Извѣстно, что у Рейтерна не было правой руки, которую оторвало у него ядромъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

[6]) Т. е. Tour de Peilz.

овощи, надъ нимъ развалины. Сумракъ, въ которомъ стѣны; черныя башни между блѣдно-свѣтлыми тополями. Яркая темнота нѣкоторыхъ деревьевъ и прозрачность другихъ. Звѣзды между листьями, и озеро, и горы, и небо. Дворъ уединенный, дорожки, стѣна, устланная дикимъ виноградомъ. Красный цвѣтъ листьевъ. Верхняя терасса: удивительная тишина и неподвижность листьевъ; деревья съ мерцающими вершинами; бѣлизна стѣны; яркій блескъ шпицевъ. Нижняя терасса: фонарь и проходъ. Пристань, лодки съ голыми мачтами и пустыя. Видъ на Вильневъ и блестящее озеро. Съ другой стороны свѣтлая терасса, тѣни тополей, темная стѣна, изъ-за нея тополи; озеро темное, полоса тумана, огонекъ на савойской сторонѣ.

26 (8), понедѣльникъ. Поутру рисованье. Прогулка по берегу озера. Чудесное освѣщеніе при облачномъ небѣ. Синева горъ. Волшебный міръ въ Валлиской долинѣ. Полосы на озерѣ, синемъ при облачномъ небѣ. Первый обѣдъ у Бланшнѣ. Довольно пріятная дочь. Послѣ обѣда при бурномъ озерѣ прогулка по терассѣ замка. Вечеръ дома.

27 (9), вторникъ. Послѣ обѣда поѣздка въ Монтрё и въ Шильонъ. Бейронова надпись. Двѣ тюрьмы. Въ средней перекладина, служившая для висѣлицы. Возвращеніе въ сумерки. Чудесное освѣщеніе озера и облачное небо.

28 (10), середа. Поѣздка въ Монтрё поутру въ 9 часовъ. Рисовали въ Вернѐ. Обѣдали въ Монтрё. Живописный водопадъ. Рисовали изъ оконъ трактира. Переходъ къ Шильону и потомъ пѣшкомъ до Вернѐ. Прелестный, ясный день. Усталость.

29 (11), четвергъ. Все утро дома отдыхалъ. Прожектъ остаться въ Вевѐ. Послѣ обѣда ѣздили въ Монтрё осматривать домы. Домъ въ Вернѐ на берегу озера (40 луидоровъ). Замокъ Ла-Туръ du Пель, 90 луид(оровъ). Ѣздили потомъ до Шильона. Прелестный вечеръ: янтарное западное небо. Яркая звѣзда, какъ глазъ, наполненный слезою. Нерѣшимость: оставаться, или нѣтъ. Оставаться согласнѣе съ цѣлью, полное спокойствіе, приготовленіе къ возвращенію, краткость возвратнаго пути, но въ то же время раскаяніе о потерѣ Италіи. Ѣхать: усталость отъ дороги, удаленіе, безпокойство на мѣстѣ пребыванія отъ желанія видѣть; но вмѣстѣ съ тѣмъ прелесть Италіи, наслажденіе тѣмъ, чего не возвратишь никогда, утративъ теперь. Какъ рѣшиться? Посмотримъ, что скажетъ здоровье. Еще недѣля на размышленіе; если припадки продолжатся, то оставаться и на покоѣ думать объ одномъ здоровьѣ. Это моя цѣль. Это же будетъ полезнѣе и для возвращенія, и для самаго моего дѣла.

30 (12), пятница. Поутру въ Hauteville. Высокое положеніе. Обшир-

*

ный видъ на озеро изъ храма. Пріятный садъ, ручей съ каскадами. Встрѣча съ графинею Потоцкою [1]). Вечеръ у нея, потомъ дома.

1 (13) октября, суббота. Рѣшился или на зиму въ Минхенъ или въ Италію. Поѣзда въ Aigle. Скучный обѣдъ. Рисованье въ трактирѣ. Послѣ обѣда возвращеніе съ дождемъ въ открытомъ кабріолетѣ.

2 (14), воскресенье. Прогулка. Встрѣча съ Уваровою. На терассѣ замка. Письмо къ Рейтерну отъ жены: холера въ Касселѣ [2]). Нерѣшимость [3]).

3 (15). Новый планъ остаться. Поѣздка въ Лозанну. Возвращеніе ночью.

4 (16), вторникъ. Отправленіе письма въ Франкфуртъ. Остановка. Встрѣча съ Уваровою. Обѣдъ у Бланшне́ съ профессоромъ Пердоннѐ [4]). Неудачное путешествіе къ Боку. Явленіе Киля [5]).

5 (17), середа. Прогулка. Отправленіе письма. Поѣздка въ Шателаръ съ Килемъ. Вечеръ у Burnat, синдика городскаго.

6 (18), четвергъ. Рейтернъ съ Килемъ въ Шильонъ. Я дома. Прогулка съ Бла(н)шене, встрѣча съ Габбе [6]).

7 (19), пятница. Продолженіе болѣзни. Совѣтъ съ докторомъ. Обѣдъ у Уваровой. Возвращеніе съ Габбе. Пріѣздъ Лори.

8 (20), суббота. Лори, Киль и Рейтернъ въ Монтрё. Я дома. Обѣдъ опоздалый у Бланшнѐ. Прогулка послѣ обѣда. Письмо къ Сѣверину. Поѣздка въ Вернѐ.

9 (21), воскресенье. Лори, Киль и Рейтернъ опять въ Монтрё. Я дома. Послѣ обѣда у Бланшнѐ къ Бюрна̀. Осмотръ погребовъ. Чтеніе Новой Элоизы [7]). Письмо къ М-е Reutern.

---

[1]) См. выше, стр. 224, прим. 1-е и прим. 4-е.

[2]) Около Касселя находится замокъ Виллинсгаузенъ, въ которомъ жила семья Рейтерна.

[3]) Т. е. оставаться ли Рейтерну съ Жуковскимъ, или ѣхать къ семьѣ.

[4]) Вѣроятно, съ строителемъ желѣзныхъ дорогъ во Франціи Jean-Albert-Vincent-Auguste Perdonnet (р. 1801†1867), бывшимъ съ 1831 г. профессоромъ въ École centrale des arts et manufactures, гдѣ онъ читалъ курсъ желѣзныхъ дорогъ.

[5]) Льва Ивановича Киля (о которомъ см. выше, стр. 207, прим. 3-е). Съ Килемъ Жуковскій думалъ ѣхать въ Италію (См. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 265).

[6]) См. выше, стр. 225, прим. 5-е.

[7]) Романа Жанъ-Жака Руссо. „Не во гнѣвъ тебѣ будетъ сказано,—писалъ Жуковскій И. И. Козлову 27 января (8 февраля) 1833 г., изъ Вернѐ — нѣтъ ничего скучнѣе Новой Элоизы, я не могъ дочитать ее и въ молодости, когда воображенію нужны болѣе мечты, нежели истина. Попытался прочитать ее здѣсь и еще болѣе увѣрился, что не ошибся въ своемъ отвращеніи. Для великой здѣшней природы и для страстей человѣческихъ Руссо не имѣлъ ничего, кромѣ блестящей декламаціи: онъ былъ въ свое время лучезарный ме-

10 (22), понедѣльникъ. Продолженіе болѣзни. Прогулка. Портретъ Лори. Рейтернъ, Лори и Киль въ Блонѐ. Я у Бланшнѐ. Послѣ обѣда въ cercle. Вечеръ дома.

11 (23), вторникъ. Рисованье портрета Лори. Письмо M-e Bock. Послѣ обѣда прогулка на С.-Мартень. Ввечеру рисованье.

12 (24), середа. Отъѣздъ Киля. Вечеръ у Бока.

13 (25), четвергъ. Рисованье портрета Лори. Обѣдъ у Бока.

14 (26), пятница. Отъѣздъ Лори.

15 (27), суббота. Поѣздка въ Шильонъ и къ Пиливе. Обѣдъ дома. У насъ Бокъ и Габбе. Отъѣздъ Бредерло.

16 (28), воскресенье. Опять дома. Прогулка по терассѣ. Письмо къ M-elle Calame [1]) и Wildermeth.

19 (31), середа. Письмо изъ Виллин(с)гаузена [2]). И отвѣтъ.

20 (1 ноября), четвергъ. Письмо къ Minchen.

21 (2), пятница. Второе письмо изъ Виллин(с)гаузена. И отвѣтъ.

22 (3), суббота. Вечеръ у Бока: Фитингофъ и Бергъ.

23 (4), воскресенье. Обѣд(алъ) у Уваровой.

24 (5), понедѣльникъ. Видъ на озеро съ терассы. Снѣгъ на горахъ. Вечеръ у Габбе.

27 (8), четвергъ. Поутру у насъ Бланшнѐ. Прогулка въ Corsier. Визитъ Пердоннѐ [3]). Разговоръ о политикѣ: умныя практическія мысли. Napoléon et les Bourbons sont tombés par la force d'inertie. Cette force est invincible. La France n'a rien fait contre Napoléon, mais elle n'a rien fait pour, et il a péri. La même chose dans les 3 jours de Juillet. Cette force même tient bon contre la minorité révolutionnaire et c'est sur elle que s'appuie le ministère. Si les autres gouvernements cultivent bien leur intérêt, ils approuveront ce ministère, qui suit les principes de Périer [4]) qui étaient celles de la plus stricte loyauté. La chose la plus nécessaire serait de régler le plutôt possible les affaires de la Belgique: c'est là la pomme de discorde; une fois finies, la paix est pour longtemps sure. La guerre devient de plus en plus impossible. Le grand ennemi des Bourbons était leur faiblesse [5]).

теоръ, но этотъ метеоръ лопнулъ и исчезъ" (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 472).

[1]) Быть можетъ, къ M-elle Marie-Anne Calame, основательницѣ убѣжища для сиротъ въ г. Локлѣ (въ Невшательскомъ кантонѣ).

[2]) Отъ жены Рейтерна.

[3]) См. выше, стр. 244, прим. 4-е.

[4]) Извѣстнаго французскаго политическаго дѣятеля Казиміра Перье (р. 1777†1832).

[5]) Т. е.: Наполеонъ и Бурбоны пали въ силу инерціи. Сила эта непреодолима. Франція ничего не сдѣлала противъ Наполеона, но и ничего для него,

28 (9), пятница. Вступленіе въ пенсіонъ Du Molin [1]). Визитъ утренній. Прогулка по терассѣ: привидѣніе. Обѣдъ у Дюмоленя съ двумя Ранцау и еще рижскимъ уроженцемъ. Вечеръ дома. Чтеніе Revue Française.

31 (12), понедѣльникъ. Письмо изъ Виллин(с)гаузена. Извѣстіе о родинахъ императрицы [2]). Обѣдъ съ Сѣверинымъ въ Trois Couronnes.

1 (13) ноября, вторникъ. Сѣверинъ у меня. Поѣздка въ Вернѐ. Обѣдъ въ 3 Couronnes съ Лагарпомъ [3]). Письмо отъ Радовица [4]).

2 (14), середа. Письмо отъ Тургенева и Прива. Отвѣтъ. Поѣздка въ Лозанну. Солн(ечн)ый день. По пріѣздѣ къ Лагарпу: его кабинетъ. Александръ. Бюстъ, съ одной стороны выписка изъ польской конституціи, съ другой изъ письма [5]); между бюстами Марка Аврелія и Перикла; но подлѣ Перикла Эпикуръ. Маленькой мраморный бюстъ на пьедесталѣ, подаренный княгинею Волхонскою, съ надписью: «A Paris il a oublié l'incendie de Moscou. L'ingrate Pologne lui devra sa régénération» [6]). Портретъ Александра во весь ростъ въ фуражкѣ. Портретъ

и онъ погибъ. То же было и во время трехъ іюльскихъ дней. Сила эта сопротивляется даже революціонному меньшинству, и на нее опирается министерство. Если другія правительства соблюдаютъ свою пользу, они одобрятъ это министерство, которое слѣдуетъ правиламъ Перье, правиламъ самой строгой законности. Самое необходимое было бы какъ можно скорѣе покончить съ дѣлами Бельгіи: это и есть яблоко раздора. Когда съ ними будетъ покончено, миръ обезпеченъ надолго. Война становится все менѣе возможною. Великій врагъ Бурбоновъ была ихъ слабость.

[1]) Ниже, въ своемъ дневникѣ, Жуковскій пишетъ иногда его фамилію Демолень.

[2]) О рожденіи великаго князя Михаила Николаевича (р. 13 октября 1832). Это извѣстіе Жуковскій получилъ въ письмѣ А. А. Бехтѣева изъ Франкфурта (см. „Русскій Архивъ“ 1883 года, книга первая, стр. XIII).

[3]) Съ знаменитымъ воспитателемъ императора Александра I, генераломъ Фридрихомъ-Цезаремъ Лагарпомъ.

[4]) См. выше, стр. 211, прим. 6-е.

[5]) Вотъ какъ описанъ А. И. Тургеневымъ въ письмѣ къ брату Николаю Ивановичу отъ 2—6 октября 1827 г. этотъ кабинетъ Лагарпа: „Въ кабинетѣ его стоитъ бюстъ Александра; на пьедесталѣ написано рукою Лагарпа: Alexandre I, empereur-citoyen, protecteur bienveillant — 1812 — 1814 — du peuple Suisse. По сторонамъ бюста на стѣнѣ повѣшены картоны: на одномъ означены эпохи освобожденія отъ рабства въ Курляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи и слова, государемъ какимъ-то депутатамъ сказанныя; на другомъ—выписка изъ рѣчи его въ Польшѣ (1817 г.) о конституціи и о томъ, что готовитъ то же и Россіи; и еще какое-то примѣчательное слово государя въ отмѣнно либеральномъ смыслѣ о такъ называемыхъ либеральныхъ идеяхъ“ (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 178—179).

[6]) Т. е. Въ Парижѣ онъ забылъ пожаръ Москвы. Неблагодарная Польша будетъ ему обязана своимъ возрожденіемъ.

Николая съ надписью: указъ о составленіи tiers état въ Россіи. Портретъ Екатерины, данный ею. Разговоръ о дѣлахъ польскихъ; совѣтъ Лагарпа; гарантіи; Костюшко; отказъ Костюшки возвратиться въ Польшу; анекдотъ о польскомъ феодализмѣ; Константиновъ экземпляръ конституціи польской; его изъявленіе, что не можетъ принудить знать исполнять постановленія. Анекдоты о Павлѣ; его прощанье съ Лагарпомъ; отнятіе пенсіона. Анекдотъ о дубѣ петергофскомъ, Екатериною обведенномъ наканунѣ восшествія на престолъ. Жена Лагарпа. Шаваннь [1]). Его племянница, родившаяся въ Испаніи. За столомъ пили за здоровье императора. Пріѣздъ Радовица. Разговоръ о гомеопатіи: три принципія. 1) Симптомы болѣзни не болѣзнь, а признаки борьбы жизненнаго начала съ болѣзнію; 2) minimum лѣчить; 3) Діета. Тѣло въ состояніи внимательнаго слушателя. Разговоръ о предметѣ искусства; разговоръ о главныхъ основахъ общества: 1) человѣкъ до паденія, frei und unfrei. 2) Паденіе, Freiheit, знаніе добра и зла. Правоснованія общества. Развитіе права. Римская имперія. Человѣкъ не человѣкъ, а гражданинъ; самопожертвованіе безъ любви. Recht=Staat. 3) Человѣкъ послѣ искупленія; Церковь институція любви. Право: каждому принадлежащее. Любовь: пожертвованіе своего каждому. Законъ: выраженное право. Шаткость закона. Эпохи исторіи: 1) Право. 2) Перевѣсъ церкви. 3) Перевѣсъ государства. Абзолютизмъ—пожертвованіе права произвольное общему благу. Султанизмъ, якобинизмъ, конституціонизмъ — три вида абзолютизма.

3 (15), четвергъ. Возвращеніе изъ Лозанны. Встрѣча съ принцемъ Августомъ [2]). Отъѣздъ Радовица. Обѣдъ у Demolin. Ложное извѣстіе.

4 (16), пятница. Поутру у насъ Blanchenay и Бокъ. Потомъ графъ Ранцау. Обѣдъ у Бланшнѐ съ Бюрнà, Пердоннѐ и Гизаномъ [3]). Разговоръ о Казимирѣ Перье [4]), Б(енжаменѣ) Констанѣ [5]) и Шатобріанѣ [6]). Его интриги въ 1824. Слово на счетъ его: Il fait bien les livres et l'amour couci-couci [7]). Разговоръ о момміерахъ [8]), или методистахъ въ Швейцаріи. Отъ Бланшнѐ зашелъ къ Гизану.

5 (17), суббота. Поутру у насъ Гизанъ и Бланшнѐ. Прогулка.

---

[1]) Управлявшій мѣстными тюрьмами и больницами.

[2]) Принцемъ Прусскимъ.

[3]) Гизанъ (Guisan) былъ докторъ; см. упомянутый выше перечень „Знакомства и встрѣчи“ въ 1832 и 1833 гг.

[4]) См. выше, стр. 245, прим. 4-е.

[5]) Benjamin Constant (р. 1767, въ Лозаннѣ † 1830), извѣстный политическій дѣятель Франціи.

[6]) См. выше, стр. 98, прим. 6-е.

[7]) Т. е. онъ хорошо пишетъ книги, а любовь выходитъ у него посредственною.

[8]) Les momiers.

6 (18), воскресенье. Поѣздка въ Вернѐ. (Полученъ отвѣтъ изъ Вилинсгаузена). Оттуда возвращенье пѣшкомъ.

7 (19), понедѣльникъ. У насъ Пиливе. Устроеніе.

8 (20), вторникъ. Счеты.

10 (22), четвергъ. Бланшнѐ. Въ cercle.

11 (23), пятница. Письма къ в(еликому) к(нязю) [1]) и къ императрицѣ [2]). Письмо изъ Франкфурта отъ г-жи Рейтернъ. Обѣдъ у Бока. Блонѐ съ женою и сестрою.

12 (24), суббота. Въ Вернѐ. У Дюмоленя. Письмо изъ Базеля.

13 (25), воскресенье. Отъѣздъ Габбе. Письмо къ Прива [3]). Приглашеніе къ 29 или 30.

14 (26), понедѣльникъ. Пріѣздъ семейства Виллинсгаузенскаго [4]). Рейтернъ на встрѣчу. Куклы. Обѣдъ у De Molin.

15 (27), вторникъ. Переѣздъ въ Вернѐ. Поутру у Бока и Бланшнѐ. Ярмарка. Вечеръ въ Вернѐ. Разсматриванье Рейтерновыхъ рисунковъ.

16 (28), середа. Суматошный день. Пароксизмъ. Веселый вечеръ. Разговоръ о политикѣ. Luternau у меня.

17 (29), четвергъ. Уборка и учрежденіе порядка. Прогулка по террассѣ съ М-е Reutern. Рейтернъ съ дѣтьми въ Монтрё. Письмо отъ Privat. У насъ Бокъ. Ясный день. Къ вечеру буря.

18 (30), пятница. Посѣщеніе Андрюши съ Приватомъ. Первая минута. Сходство [5]): въ чертахъ; въ manière d'être; походка; руки, усмѣшка. Послѣобѣденный экзаменъ. Приватъ. Незлопамятность; робость; невеликодушіе. Упрямство. Сонъ ума и чувства. Развитіе тѣлесное. Сѣрый день.

19 (1 декабря), суббота. Андрюша и Прива у насъ. Портретъ. Сидѣніе во время портрета. Отвѣты на мои вопросы. Живость съ дѣтьми Рейтерна. Отъѣздъ ихъ въ 3 часа.

20 (2), воскресенье. Прогулка въ Монтрё. У Лютерно. Встрѣча съ

---

[1]) Въ числѣ изданныхъ писемъ къ наслѣднику Александру Николаевичу имѣется одно отъ 5 (17) ноября 1832 года (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга первая, стр. XIII—XV).

[2]) Письмо къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ помѣчено 10 (22) ноября 1832 г. (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 305—307).

[3]) Содержатель пансіона въ Женевѣ, въ которомъ воспитывался малолѣтній сынъ А. А. Воейковой, Андрюша Воейковъ. Жуковскій приглашалъ Прива съ Андрюшею Воейковымъ пріѣхать къ нему въ Вернѐ 29 или 30 ноября н. ст.

[4]) Т. е. семейства Рейтерна (см. выше, стр. 244, прим. 2-е).

[5]) Андрюши Воейкова съ его покойною матерью, Александрою Андреевною Воейковою.

Пиливе. Пѣсни=горные крики. Чтеніе Наль и Дамаянти[1]). Началъ стихи[2]).

21 (3), понедѣльникъ. Прогулка по терассѣ. Nal und Damaianti[3]) Der Wanderer[4]). Ввечеру чтеніе.

22 (4), вторникъ. Кончилъ Wanderer. Первый снѣгъ, который въ тотъ же день сошелъ.

23 (5), середа. Письмо великаго князя[5]). Минуты, въ которыя какою-то магическою силою пробуждаются воспоминанія и всѣ знакомыя лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что чувствовалъ, воздухъ, сторона, домъ, чувство прошедшей жизни. Конецъ Наля и Дамаянти[6]). Рейтернова болѣзнь. Rehberger[7]).

24 (6), четвергъ. Первое посѣщеніе Гизана. Кончилъ Rehberger. Началъ чтеніе Менцеля[8]). Конецъ Рейтерн(овой) болѣзни.

25 (7), пятница. У насъ Бланшнѐ съ семействомъ и Мильнъ. Ясный день и сѣверный вѣтеръ довольно сильный, но въ Вернѐ не чувствителенъ. 2 градуса холода въ Вевѐ; въ Вернѐ ни одного. Чтеніе Менцеля. Началъ Der König und die Schäferin[9]).

26 (8), суббота. У насъ Лютерно. Первая прогулка въ Шильонъ. Перевелъ Стараго рыцаря[10]). Чтеніе Менцеля.

---

[1]) Извѣстная поэма Рюккерта.

[2]) Изъ сохранившейся въ бумагахъ Жуковскаго тетради (№ 37) съ его стихотвореніями 1832—1833 гг. видно, что 2 декабря н. ст. имъ написано начало баллады „Братоубійца" (переводъ баллады Уланда „Der Waller") (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго", Спб. 1884 г., стр. 104).

[3]) 3 декабря н. ст. Жуковскимъ былъ написанъ переводъ семнадцати первыхъ строкъ „Наля и Дамаянти" (см. тамъ же).

[4]) Т. е. Der Waller (баллада Уланда). Въ переводѣ Жуковскаго эта баллада носитъ названіе „Братоубійца".

[5]) Наслѣдника Александра Николаевича.

[6]) Т. е. Жуковскій пересталъ переводить „Наля и Дамаянти"; онъ возвратился къ этому произведенію нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1837 году).

[7]) Т. е. Junker Rechberger (баллада Уланда). Въ переводѣ Жуковскаго она носитъ названіе „Рыцарь Роллонъ".

[8]) Сочиненіе Карла-Адольфа Менцеля (Menzel, р. 1784†1855) „Geschichte unserer Zeit" (изданное въ Берлинѣ въ 1827 году), какъ это видно изъ письма Жуковскаго къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, отъ 4 января ст. стиля 1833 г. (см. Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. К. Гротомъ, т. III, Спб. 1895, стр. 100; Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 473).

[9]) Баллада Уланда „Der junge König und die Schäferin". Въ бумагахъ Жуковскаго имѣется переводъ начала (первыя 8 строфъ) этой баллады, озаглавленной Жуковскимъ „Царскій сынъ и поселянка" (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго", стр. 104). По этому автографу она въ первый разъ напечатана въ „Сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ" В. А. Жуковскаго, изданіе десятое, Спб. 1901, стр. 322.

[10]) Тоже баллада Уланда, носящая въ подлинникѣ названіе Graf Eberhards Weissdorn.

27 (9), воскресенье. Судъ Соломоновъ. Прогулка въ Шильонъ. Началъ Ундину [1]). Визитъ доктора и Мильна. Чтеніе Менцеля.

28 (10), понедѣльникъ. Посл(аніе) къ в(еликому) к(нязю). Древній міръ. Новый міръ. Россія. Главная мысль. Озеро и горы. Ихъ символъ [2]). Рейтернъ въ городѣ. Прогулка къ Шильону. Латрины. Мрачное чувство.

29 (11), вторникъ. Прогулка къ Шильону. Поѣздка Бойнебурга [3]) въ Веве. У насъ ввечеру Бокъ. Паденіе печи [4]).

30 (12), середа. Переписывалъ стихи. День ясный удивительно. Письмо отъ Муравьева [5]). Два искушенія: Рейтернъ на горахъ и Италія.

1 (13) декабря, четвергъ. Переписывалъ стихи. Рисовалъ для Minchen. Письмо отъ M-elle Wildermeth. Прогулка къ Bury. Чтеніе Менцеля. День ясный. Биза [6]) по ту сторону Кларена; у насъ тепло.

2 (14), пятница. Писалъ письма: къ Югелю, Бехтѣеву, Перовскому, Муравьеву, Тургеневу [7]). Прогулка къ Шильону. (Твердость и дѣйствіе въ попадъ, во-время, согласно съ обстоятельствами, есть тайна правительства. Глетчеры. Плотины).

3 (15), суббота. Писалъ письма: къ Екатер(инѣ) Аѳанас(ьевнѣ) [8]), къ M-elle Wildermeth. Чтеніе Менцеля.

4 (16), воскресенье. Письма къ Сѣверину, къ Рантцау. Отъѣздъ Бойнебурга [9]). Послалъ Віолье [10]) деньги. Письмо къ Шамбо [11]). Первой

---

[1]) 9 декабря н. ст. Жуковскимъ были переведены первые 22 стиха „Ундины“ (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго“, стр. 105).

[2]) См. письмо Жуковскаго къ наслѣднику Александру Николаевичу отъ 1 января 1833 г. (Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 391). Ср. письмо Жуковскаго къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, отъ 4 января ст. ст. 1833 г. (Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 473; Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, т. III, стр. 100).

[3]) Родственникъ Гергардта Рейтерна (по женѣ), Alex von Boyneburgk (см. „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild“, стр. 85).

[4]) Нарочно устроенной въ домѣ, который занимали въ Вернѐ Жуковскій и Рейтерны (см. тамъ же, стр. 85).

[5]) Вѣроятно, отъ Андрея Николаевича Муравьева. Ср. выше, стр. 218 прим. 6-е.

[6]) Сѣверный вѣтеръ.

[7]) Этого письма нѣтъ между изданными въ книгѣ „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“.

[8]) Протасовой.

[9]) См. выше, прим. 3-е.

[10]) См. выше, стр. 239, прим. 3-е.

[11]) Къ секретарю императрицы Александры Ѳеодоровны, Ивану Павловичу Шамбо.

снѣгъ, выпавшій ночью и сошедшій поутру. Прекрасный день. Къ вечеру теплѣе.

5 (17), понедѣльникъ. Rechute. Прелестный день. Солнечный удивительное освѣщеніе и тишина. Озеро какъ масло; голубая тѣнь горъ; полоса солнца; змѣи отъ снѣга; озаренные пункты, края солнечны(е) по берегамъ; ясность фо(р)мъ; освѣщеніе деревень; Монтрё, Шателаръ, Вернѐ, Кларенъ и Шильонъ въ солнцѣ; звонъ часовъ; разные звуки; голоса; дорога. Рейтернъ въ городѣ.

6 (18), вторникъ. Опять здоровъ. Письмо къ Коллинсу [1]). Мой первый портретъ для великаго князя [2]).

7 (19), середа. Портретъ конченъ. Прогулка съ Рейтерномъ за Кларанъ. Домъ Бейроновъ. Сцена съ собакою. Здоровъ.

8 (20), четвергъ. Здоровъ.—Портретъ.

9 (21), пятница. Письмо отъ Демоленя.

10 (22), суббота. День ясный съ облаками. Тепло. Вѣтеръ изъ Валлиса.

11 (23), воскресенье. Окончаніе втораго портрета; начало третьяго. Новая служанка. Ввечеру разговоръ о методистахъ.

12 (24), понедѣльникъ. Поѣздка въ Вевѐ. У Дюмоленя. Къ Жантону [3]) съ Бланшнѐ. Покупки для дѣтей. У Мильна. Шамбрѐ [4]). Обѣдъ у Бока. Англичанка съ двумя дочерьми. De Mellet. Къ Дюмоленю. Weihnachtsbaum [5]).

13 (25), вторникъ. Двѣ прогулки и рисованье портрета. Чтеніе проповѣди Штрауса [6]). Ich durste nach Gott, nach dem lebendigen Gott [7]). Сравненіе естественной и откровенной религіи съ утесомъ безъ дороги и съ дорогою. Письмо отъ Герлаха [8]).

---

[1]) Къ академику Эдуарду Давыдовичу Коллинсу (р. 1791 † 1840), который преподавалъ математику наслѣднику Александру Николаевичу.

[2]) Всѣхъ портретовъ Жуковскаго для наслѣдника Александра Николаевича было нарисовано Рейтерномъ три, которые и были посланы великому князю при письмѣ отъ 1 января 1833 г. (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга первая, стр. XVII).

[3]) Банкиру (какъ это видно изъ написаннаго Жуковскимъ перечня „Знакомства и встрѣчи“ въ 1832 и 1833 гг., находящагося въ тетради № 37 его бумагъ, принадлежащихъ Импер. Публич. Библіотекѣ).

[4]) Быть можетъ, маркизъ Жоржъ de Chambray (р. 1783 † 1848), французскій генералъ и писатель, участвовавшій въ походѣ Наполеона на Россію, взятый въ 1812 г. въ плѣнъ и остававшійся въ Россіи военноплѣннымъ до заключенія мира въ 1814 г.

[5]) Т. е. елка.

[6]) Быть можетъ, Фридриха Штрауса (р. 1786 † 1863), придворнаго проповѣдника въ Берлинѣ.

[7]) Т. е. Я жажду Бога, живаго Бога.

[8]) Вѣроятно, отъ адъютанта Прусскаго принца Вильгельма, Леопольда фонъ Герлаха (Gerlach, р. 1790 † 1861), впослѣдствіи бывшаго генераломъ.

14 (26), середа. Первый снѣгъ, который шелъ весь день, но погода теплая. Маленькая болѣзнь Васи [1]).

15 (27), четвергъ. Второе посѣщеніе Гизана. Письмо отъ M-elle Wildermeth. У меня Lutemann. M-e Bock съ дочерью.

16 (28), пятница. Переписывалъ стихи. День ясный и жаркой. Прелестное освѣщеніе полумѣсяцемъ озера. Звѣзда спутница мѣсяцу. Блескъ у берега. Разговоръ о пессимизмѣ и оптимизмѣ. Нервическая робость.

17 (29), суббота. Нервическая робость Прогулка къ Монтрё по горамъ. Сонъ до обѣда.

18 (30), воскресенье. Кончилъ 3 главу Ундины. Прогулка къ Кларану. Книги изъ Франкфурта. Чтеніе Ламотъ Фукэ.

19 (31), понедѣльникъ. Письма отъ великаго князя и отъ Шамбо. Чтеніе Galgenmännlein [2]). Ввечеру Менцель [3]): ужасы Наполеона.

20 (1 января 1833 г.), вторникъ. Лѣнивый день. Köhlerfamilie. Менцель.

21 (2), середа. Лѣнивый день. Отъѣздъ Рейтерна. Der unbekannte Kranke. Менцель.

22 (3), четвергъ. Посѣщеніе доктора. Рѣшеніе сдѣлать операцію. Странное меланхолическое и пріятное чувство.

23 (4), пятница. Письмо отъ Сѣверина и Киля.

25 (6), воскресенье. У меня Лютерно. День туманный.

28 (9), середа. День туманный и теплый. Всѣ больны.

30 (11), пятница. Конченъ маленькій портретъ. Гизанъ.

31 (12), суббота. Окончаніе вейльбахскаго портрета. Ввечеру гаданіе въ тарелки.

1833.

1 (13) генваря, воскресенье. Началъ писать къ великому князю [4]). У меня Лютерно. Докторъ Дюмони.

2 (14), понедѣльникъ. Писалъ къ в(еликому) князю. У насъ Мильнъ.

---

[1]) Маленькій (р. 5 (17) сентября 1829 г.) сынъ Гергардта Рейтерна, названный Василіемъ въ честь Жуковскаго (см. „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild“, стр. 59).

[2]) Сочинненіе Ламоттъ-Фукэ, равно какъ и упоминаемыя ниже, подъ 20 и 21 декабря.

[3]) См. выше, стр. 249, прим. 8-е.

[4]) Напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 г., книга первая, стр. XVI—XIX.

3 (15), вторникъ. У насъ Лютерно.

5 (17), четвергъ. Писалъ къ Коту [1]). Гизанъ. Начатъ большой портретъ. Писалъ къ великому князю.

6 (18), пятница. Писалъ къ в(еликому) князю. У насъ Лютерно. Болѣзнь его жены. Кончилъ Менцеля.

7 (19), суббота. Писалъ Вьельгорскому [2]), къ М(аріи) Николаевнѣ [3]). Былъ у Лютерно и не засталъ. Прекрасный день и прекрасная прогулка. Началъ Politische(s) Wochenblatt.

8 (20), воскресенье. Слабость. Перевелъ Уллина [4]). День полуясный.

9 (21), понедѣльникъ. Кончилъ Уллина. Началъ Eleusische(s) Fest [5]).

10 (22), вторникъ. Началъ портретъ. Продолжалъ Eleusisches Fest.

11 (23), середа. Кончилъ письма. Отправлена посылка къ великому князю. Возвратилъ посылку. Письма отъ Мердера и Тургенева. У меня Лютерно и Гизанъ. Рисованье портрета. Продолжалъ Eleus(isches) Fest.

12 (24), четвергъ. Писалъ къ Мердеру и къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ [6]). Отправлены письма къ Сѣверину [7]). Портретъ. Продолж(алъ) Eleus(isches) Fest.

13 (25), пятница. Письмо отъ Тургенева и отъ Шамбо. Извѣстіе о смерти Пушкиной [8]) и о болѣзни Мердера. Продолжалъ Eleus(isches) Fest. Италіанецъ съ обезьяною.

14 (26), суббота. Прогулка и Eleus(ischcs) Fest. Убитый деревомъ бѣднякъ и его плачущая жена.

15 (27), воскресенье. Писалъ къ Габбе [9]) и Тургеневу [10]). Мысли о Радовицѣ [11]). Портретъ. Eleus(isches) Fest.

16 (28), понедѣльникъ. Продолж(еніе) портрета и Eleus(isches) Fest. Прелестный, солнечный весенній день; луна и освѣщенное озеро.

---

[1]) Прозвище („Рѣзвый Котъ") Д. П. Сѣверина въ Арзамасскомъ Обществѣ.

[2]) Графу Михаилу Юрьевичу (см. о немъ выше, стр. 206, прим. 3-е).

[3]) Къ великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ (напеч. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 600—602).

[4]) Балладу англійскаго поэта Кэмпеля (Campbell, р. 1767 † 1845) — Lord Ullin's daughter (у Жуковскаго: „Уллинъ и его дочь").

[5]) Баллада Шиллера „Элевзинскій праздникъ".

[6]) Протасовой.

[7]) Письмо къ Д. П. Сѣверину, отъ 11 (23) января 1833 года, напечатано въ „Русской Старинѣ" 1896 года, іюль, стр. 89—90.

[8]) Елены Григорьевны Пушкиной (о ней см. выше, стр. 58, прим. 10-е).

[9]) См. выше, стр. 225, прим. 5-е.

[10]) Это письмо къ А. И. Тургеневу напеч. въ „Письмахъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 269—273.

[11]) Помѣщены въ этомъ письмѣ къ А. И. Тургеневу (см. тамъ же, стр. 271—272).

17 (29), вторникъ. Продолженіе портрета. Прогулка и конецъ Eleus(isches) Fest.

18 (30), середа. Продолженіе портрета. Письмо отъ Жиля [1]) съ печальнымъ извѣстіемъ о Мердерѣ. Письмо отъ Е(катерины) Аѳанасьевны [2]). Болѣзнь Лотты [3]). Гизанъ.

19 (31), четвергъ. Письмо отъ M-elle Wildermeth. Отъ Сѣверина. Послано письмо къ Анштету [4]).

20 (1 февраля), пятница. Рейтернъ въ постелѣ. Писалъ къ Мердеру, в(еликому) князю [5]) и Жиллю. Письма отъ Сѣверина и Югеля [6]).

21 (2), суббота. Письмо къ M-elle Wildermeth. День поутру пасмурный; ввечеру сильный дождь и буря.

22 (3), воскресенье. Письма къ Карамзинымъ и къ Бехтѣеву [7]).

23 (4), понедѣльникъ. Поправлялъ Ундину. Письмо отъ Коппа [8]). Ввечеру чтеніе Тика и споръ о Тикѣ.

24 (5), вторникъ. У насъ Бокъ съ женою и дочерью.

25 (6), середа. У насъ Бланшнè. Писалъ къ Аренту [9]). Рожденіе Радовица. Споръ и ссора съ Рейтерномъ. Прелестный день и еще болѣе прелестная ночь. Сіяніе луны. Тишина горъ и ихъ отраженіе въ озерѣ. Тишина и шумъ ручья. Яркія звѣзды въ голубомъ парѣ. Свѣтлая звѣзда въ озерѣ. Чудесный цвѣтъ западныхъ облаковъ и контрастъ ихъ блеска съ синевою потемнѣвшихъ горъ. Началъ Галлера [10]). Absolutismus.

26 (7), четвергъ. Писалъ къ Вяземскому. У насъ Лютерно.

27 (8), пятница. Писалъ къ Козлову [11]), къ Сѣверину. Читалъ Радовица. Потомъ повѣсть Фалкенбургъ. Письмо отъ Лагарпа и Вьельгорскаго.

---

[1]) См. выше, стр. 206, прим. 2-е.

[2]) Протасовой.

[3]) Младшая дочь Рейтерна, Шарлотта.

[4]) Посланнику во Франкфуртѣ барону И. О. Анштету.

[5]) Напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 года, книга первая, стр. XX—XXI.

[6]) См. выше, стр. 202, прим. 7-е.

[7]) См. выше, стр. 222, прим. 2-е.

[8]) См. выше, стр. 231, прим. 1-е.

[9]) Лейбъ-медику Николаю Ѳедоровичу Арендту († 1859).

[10]) Началъ читать сочиненіе швейцарскаго политическаго дѣятеля и публициста Карла-Лудвига Галлера (р. 1768 † 1854) „Restauration der Staatswissenschaft oder Theorie des natürlich-geselligen Zustands der Chimäre des künstlich-bürgelichen entgegengesetzt“ (вышло въ 6 томахъ, въ 1816—1834 гг.). Жуковскій успѣлъ прочесть только первый томъ этого труда (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 274).

[11]) Это письмо къ И. И. Козлову напеч. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 471—473.

28 (9), суббота. Писалъ къ Килю. Рисовалъ панораму.

29 (10), воскресенье. Писалъ къ Дуняшѣ[1]). Конченъ портретъ (лицо). Гизанъ.

30 (11), понедѣльникъ. Письмо къ Лагарпу и Девело. Письмо къ Аннѣ Петровнѣ[2]). Чтеніе сказки Лудв(ига) XVIII[3]). Тепло. Звѣзды въ небѣ съ облаками, волненіе и шумъ озера.

31 (2), вторникъ. Письмо къ императрицѣ. У меня Лютерно. Усталость въ ногахъ.

1 (13) февраля, середа. Письмо къ Мердеру.

2 (14), четвергъ. Началъ Эллену[4]). День дождливый и ясный. Тепло. Къ ночи сильный вѣтеръ. Перемѣна порядка, обѣдъ въ шесть часовъ.

3 (15), пятница. Таблицы. Le Voleur[5]).

4 (16), суббота. Манети съ эстампами. Усталость отъ смотрѣнія. Лютерно у насъ. Снѣгъ весь день. Письма отъ Мердера, Жилля и Перовскаго.

5 (17), воскресенье. Выборъ рисунковъ. Писалъ къ Жиллю и Перовскому.

7 (19), вторникъ. Прекрасный ясный день. Ночь удивительно звѣздная. Оріонъ.

8 (20), середа. Покупка у Манети.

9 (21), четвергъ. Неудачное рисованье. У насъ Лютерно.

10 (22), пятница. Рисовалъ съ натуры. Началъ чтеніе политическое. Письмо изъ Лифляндіи.

11 (23), суббота. Рисовалъ. День пасмурный, но пріятный.

13 (25), понедѣльникъ. Рисовалъ. День ясный. Небо звѣздное ночью.

14 (26), вторникъ. Рисовалъ. У насъ Лютерно. День полуясный.

15 (27), середа. Рисовалъ. Слабость.

16 (28), четвергъ. Рисовалъ. У насъ Лютерно. День пасмурный.

17 (1 марта), пятница. Рисовалъ. День дождливый.

18 (2), суббота. Рисовалъ.

19 (3), воскресенье. Рисовалъ. У насъ Stenly[6]). Прелестный день, прелестная лунная ночь.

---

[1]) Къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной.

[2]) Къ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ. Это письмо, помѣченное 29 января (10 февраля) 1833 г., напеч. въ Сочиненіяхъ и перепискѣ П. А. Плетнева, т. III, стр. 101—103.

[3]) О нихъ см. выше, стр. 225, прим. 4-е.

[4]) Въ бумагахъ Жуковскаго сохранилось начало (67 стиховъ) этого произведенія (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго", стр. 104—105).

[5]) Газета, издававшаяся въ Парижѣ и которую присылалъ Жуковскому Сѣверинъ (см. „Русскую Старину" 1896 г., іюль, стр. 90).

[6]) Вѣроятно, живописецъ Эдуардъ-Яковъ Steinle (р. 1810†1886).

20 (4), понедѣльникъ. Рисовалъ. Первая прогулка по горамъ. Видъ на кладбище. Видъ сквозь виноградныя стѣны. Видъ на озеро сквозь деревья. Видъ Шателара изъ деревни. Видъ деревни. Видъ Шателара надъ ручьемъ. Два вида у каскада. Видъ зеленой поляны, покрытой цвѣтами подъ сѣнію деревьевъ. Дорожки между виноградниковъ.

21 (5), вторникъ. Гулялъ по горамъ. Въ Шателарѣ. У насъ Лютерно.

22 (6), середа. Рисовалъ. Прогулка къ Шильону.

23 (7), четвергъ. Рисовалъ перомъ. День дождливый.

24 (8), пятница. Письмо отъ Тургенева. Рисовалъ. Письмо отъ императрицы. День дождливый.

25 (9), суббота. Снѣгъ. Рисовалъ. Зубная боль. День холодный.

26 (10), воскресенье. Головная боль. Рисовалъ.

27 (11), понедѣльникъ. Рисовалъ. Посылка отъ Манети. День прекрасный. Находка письма Лютерно. Прогулка по горамъ.

28 (12), вторникъ. Рисовалъ. Рейтернъ въ Вевѐ. Письма отъ Жиля и Шамбо. Извѣстіе о смерти Гнѣдича[1]). Гулялъ по горамъ. У Лютерно.

1 (13) марта, середа. Рисовалъ. Читалъ Галлера[2]).

2 (14), четвергъ. Читалъ Галлера. Писалъ къ Мердеру.

3 (15), пятница. Писалъ къ M-lle Wildermeth. Поѣздка въ Вевѐ. У Жантона, у Бланшнѐ, Мильна и Бока. Возвращеніе пѣшкомъ и чудесный вечеръ. Амфитеатръ горъ. Величественность горъ и ихъ огромность отъ снѣга; формы; віолетовый цвѣтъ. Прелесть вида въ Валлискую долину: Dent du Midi, Pain de Sucre, les dents de Morkle[3]), скала круглая надъ Шильономъ, Dent de Jamant[4]). Тишина и свѣтъ солнца. Стѣны виноградниковъ, покрытыя плющемъ. Захожденіе солнца за Юрою; столбъ на водѣ. Край віолетовый, на немъ паруса. Лодка съ парусомъ, ея слѣдъ и солнце сквозь паруса. На противномъ берегу паръ и сквозь него домы. Обрѣзанныя вернекскія горы, бѣлѣющія отъ неба. Контрастъ живости запада съ таинственною темнотою горъ на востокѣ. Тишина лодокъ. Измѣненіе цвѣта изъ голубаго въ віолетовый. Ярко-голубое небо подъ освѣщенными вершинами. Разные звуки вечерніе: голоса на лодкѣ, шумъ веселъ, пѣнье гребцовъ; чистота и свѣжесть вечерняго воздуха. Пурпуръ въ пространствѣ. Чувство веселія. Ввечеру чтеніе милаго Бредерло[5]).

4 (16), суббота. Читалъ Галлера. У насъ Лагарпъ. Разговоръ о

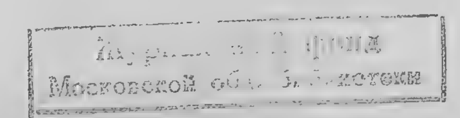
[1]) Н. И. Гнѣдичъ скончался 3 февраля 1833 г.

[2]) См. выше, стр. 254, прим. 10-е.

[3]) Т. е. Les Dents de Morcles.

[4]) Т. е. Dent de Jaman.

[5]) См. выше, стр. 223, подъ 11 іюля.

своихъ друзей. Но главнымъ центромъ его интересовъ стали комедіи «Женитьба» и «Ревизоръ», а также только-что изданные «Арабески» и «Миргородъ»,—это и составляетъ содержаніе писемъ 1835 года.

Переписка Гоголя въ 1836 году распадается на двѣ части: въ первой половинѣ этого года онъ занятъ хлопотами и приготовленіями по постановкѣ на сцену «Ревизора», а потомъ, разочарованный и огорченный ожесточеніемъ публики противъ этой пьесы, рѣшаетъ ѣхать за границу,—«размыкать ту тоску, которую ежедневно наносятъ соотечественники»; онъ ѣдетъ также затѣмъ, чтобы «глубже обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія». Заканчивается первый томъ заграничными письмами 1836—1839 годовъ.

Второй томъ начинается письмами изъ Россіи (1839—1840 гг.); затѣмъ помѣщены письма изъ-за границы 1840—1841 годовъ, со включеніемъ писемъ съ дороги. Въ 1841 году Гоголь усиленно работалъ надъ окончаніемъ 1-го тома «Мертвыхъ душъ» и приготовилъ его къ печати; въ нѣкоторыхъ письмахъ его за этотъ годъ замѣтно проявляется аскетическое настроеніе. Далѣе напечатаны письма изъ Россіи 1841—1842 годовъ. Къ началу осени 1841 г. окончивъ свою работу надъ 1-мъ томомъ «Мертвыхъ душъ», Н. В. для напечатанія его отправляется въ Россію. Цензурныя затрудненія и хлопоты разстроили его окончательно, и онъ снова стремится, по улаженіи ихъ, двинуться въ Римъ, но въ то же время у него созрѣваетъ планъ душевнаго «воспитанія» и путешествія въ Іерусалимъ.

Вслѣдъ за письмами изъ Россіи 1841—1842 гг. помѣщены письма изъ-за границы 1842—48 гг.; изъ нихъ письма до 1844 года напечатаны во 2-мъ томѣ, а письмами 1845 года начинается третій томъ, который и заканчивается письмами первой половины 1847 года.

Продолженіемъ заграничныхъ писемъ 1847 г. начинается четвертый томъ писемъ Гоголя. Далѣе помѣщены письма 1848—1852 гг.

Въ началѣ 1848 г. Гоголь совершаетъ, наконецъ, давно задуманное путешествіе въ Іерусалимъ, но не находитъ въ Святой Землѣ того внутренняго удовлетворенія, котораго онъ жаждалъ. Возвратившись въ Россію, онъ поражаетъ родныхъ и друзей совершившейся въ немъ перемѣной. Въ противоположность оживленной перепискѣ прежнихъ годовъ, теперь сильно бросается въ глаза его апатія. «Ничего не мыслится и не пишется, голова тупа»,—признается онъ Шевыреву. Онъ жалуется на «нашедшее на него оцѣпенѣніе» и на наступившее «сумасшедшее время» [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаются заботы о поправленіи здоровья и возстановленіи творческой силы; надежды снова смѣняются подавленнымъ настроеніемъ духа, и нравственная борьба продолжаетъ подтачивать силы. Незадолго до смерти Н. В. предпринимаетъ второе изданіе своихъ сочиненій, мучится надъ продолженіемъ 2-го тома «Мертвыхъ душъ», по собственному сознанію «вытягивая изъ себя каждое слово клещами», и лишь изрѣдка, не надолго, отдыхаетъ душою въ обществѣ родныхъ, Данилевскаго, Смирновой. Это и составляетъ содержаніе писемъ 1848—1852 годовъ.

Въ качествѣ дополненія, въ концѣ этого тома помѣщены письма Гоголя, полученныя во время печатанія этого изданія; itinerarium Гоголя; приложенія—варіанты и добавленія къ нѣкоторымъ письмамъ и алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ письмахъ. **Н. К-ш-ъ**

[1] Письмо къ Жуковскому отъ 3-го апрѣля 1849 года (стр. 243).

Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. II томъ. Приложенія къ историческому изслѣдованію. II томъ. Кн. I Варшава 1901 г. Кн. I и II Варшава 1901—1902 г. Дм. Цвѣтаева, ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета.

Проф. Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаевъ приступилъ къ выпуску свѣтъ обширнаго и интереснаго труда, который посвященъ царю Василію Шуйскому и въ частности изслѣдованію вопроса о мѣстахъ временнаго погребенія его въ Польшѣ. Пока напечатаны двѣ книги втораго тома, заключающія въ себѣ документы, рисунки и планы, положенные авторомъ въ основу своего изслѣдованія. Проф. Цвѣтаевъ извлекъ эти документы изъ Императорской Публичной библіотеки, главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, изъ многихъ варшавскихъ архивовъ и библіотекъ, изъ библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, музея кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ, библіотеки кн. Барберини въ Римѣ, изъ ватиканскаго архива и архива главнаго управленія доминиканъ въ Римѣ, а также изъ архива нѣмецко-лютеранской общины въ г. Гостыининѣ Варшавской губерніи. Обнародованные проф. Цвѣтаевымъ документы точно опредѣляютъ мѣста временнаго погребенія царя Василія Шуйскаго въ Польшѣ и представляютъ рядъ данныхъ, по которымъ можно судить и заключать о жизни Шуйскихъ въ польскомъ плѣну, разрѣшая, такимъ образомъ, вызывавшій до послѣдняго времени споры вопросъ о мѣстахъ погребенія въ Польшѣ Шуйскаго и внося свѣтъ въ мало изслѣдованный до сихъ поръ вопросъ о жизни Шуйскаго въ польскомъ плѣну. Судя по обнародованнымъ документамъ, появленіе которыхъ въ печати встрѣчено съ интересомъ въ русской и польской исторической литературѣ, изслѣдованіе проф. Цвѣтаева будетъ заключать въ себѣ много новыхъ данныхъ не только о царѣ Василіи Шуйскомъ, но и вообще о русско-польскихъ отношеніяхъ. **А. С.**

